

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 9, №1 2023

Издательство Амурского государственного университета

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

Амурский государственный университет (АмГУ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/24107190_2023_9_1

Выпуск 9, № 1, 2023

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна д-р. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Аврутина Аполлинария Сергеевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Виклова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттјос Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Ли Вэньгэ д-р филол. наук, профессор (КНР, Харбинский политехнический университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Тэн Хай канд. филол. наук, доцент (КНР, Датунский университет)

Цзюй Юньшэн д-р. филол. наук (КНР, Хэйлунцзянский университет, Центр исследования русского языка, культуры и литературы)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АМГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502
email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/24107190_2023_9_1

Volume 9, Issue 1, 2023

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova Doctor of Philology, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Apollinariya S. Avrutina Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Li Wenge Doctor of Philology, professor (Harbin Polytechnical University, Harbin, China)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Teng Hai PhD associated professor (Shanxi Daton University, Datong, China)

Ju Yunsheng Doctor of Philology (Center for the Study of the Russian Language, Culture and Literature, Heilongjiang University, Harbin, China)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation,
Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru, email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Аврutiна Аполлинария Сергеевна✉, Шишкин Валерий Андреевич
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
a.avrutina@spbu.ru

Строевые синтаксические особенности агглютинативных языков (на материале японского и турецкого языков)

Аннотация

Цель данной статьи – провести типологический анализ синтаксической подсистемы двух современных агглютинативных языков – японского и турецкого, – а именно, описать их с точки зрения трёх типов базовых моделей синтаксических структур: 1) копулятивной, 2) предикативной, 3) атрибутивной. Эти типы синтаксических моделей составляют основу синтаксического терминологического аппарата, предложенного В. Г. Гузевым применительно к тюркским языкам. Применительно к японскому языку, подобное описание в рамках терминологии В. Г. Гузева проводится впервые. Анализ специальной литературы показывает, что японский синтаксический терминологический аппарат уже в некоторой степени разработан отечественными исследователями. Сравнительный анализ показал, что в целом синтаксические структуры японского и турецкого языков демонстрируют значительную степень типологического сходства. В них многочисленны элементы, позволяющие выражать обстоятельственные значения. В отличие от турецкого языка, в японском предложении большую роль играет категория топика. Исследование показало, что турецкие изафеты имеют аналоги в японском языке. Продемонстрировано, что предложенная модель синтаксического описания продуктивна для японского языка, что открывает пути для исследования данного языка как агглютинативного.

Ключевые слова: агглютинативный язык, синтаксис, модель синтаксической структуры, турецкий язык, японский язык

© Аврутина А. С., Шишкин В. А. 2023

Для цитирования: Аврутина А. С., Шишкин В. А. Строевые синтаксические особенности агглютинативных языков (на материале японского и турецкого языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 5–20. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_5

Apollinaria S. Avrutina✉, Valerii A. Shishkin
St Petersburg State University
St Petersburg, Russian Federation
a.avrutina@spbu.ru

Structural syntactic patterns of agglutinative languages (Based on Japanese and Turkish)

Abstract

This article aims to carry out a typological analysis of the syntactic subsystem of two modern agglutinative languages – Japanese and Turkish – particularly, to describe them in terms of three types of their basic models of syntactic structures: 1) copulative, 2) predicative, 3) varieties of attributive. These types of syntactic models form the basis of V. G. Guzev's syntactic terminology as applied to Turkic languages. As applied to the Japanese language, such a description within the framework of V. G. Guzev's terminology is performed for the first time. Literature analysis shows that the Japanese syntactic terminological apparatus has already been developed to some extent by Russian researchers. The comparative study indicates that in general the syntactic structures of Japanese and Turkish languages demonstrate typological similarity to some extent. In Japanese and Turkish, the

elements allowing for the expression of adverbial meanings are equally abundant. In contrast to Turkish, the category of topic plays a major role in a Japanese sentence. The study also shows that Turkish *izafets* have analogues in Japanese. The proposed model of syntactic description turned out productive for Japanese opening the way to study this language as an agglutinative one.

Keywords: languages of agglutinative type, syntax, syntactic structural pattern, Turkish language, Japanese language

© Avrutina A. S., Shishkin, V. A. 2023

For citation: Avrutina, A. S., Shishkin, V. A. (2023). Stroevye sintaksicheskie osobennosti agglutinativnykh yazykov (na materiale yaponskogo i turetskogo yazykov) [Structural syntactic patterns of agglutinative languages (Based on Japanese and Turkish)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 5–20. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_5

1. Введение [Introduction]

Понятие «синтаксис» – одно из старейших в языкознании понятий, но, по выражению Н. З. Гаджиевой и Б. А. Серебренникова, «теоретические основы синтаксиса какого-либо языка являются наиболее слабым местом общего языкознания» [Гаджиева, Серебренников, 1986, с. 16]. Синтаксический архетип в качестве типовой модели имеет определённую морфологическую опору, что даёт возможность говорить о том, что материал различных агглютинативных языков, пусть даже весьма удалённых, демонстрирует определённое типологическое сходство [Гузев, Бурькин, 2007].

Тем не менее на сегодняшний день всё ещё сохраняется неунифицированность в определении синтаксиса различными исследователями. Традиционное понимание синтаксиса О. С. Ахмановой включает: 1) раздел языкознания с предложением и словосочетанием как основными единицами речи в качестве предмета; 2) учение о специфике функционирования в речи различных лексико-грамматических классов слов; 3) совокупность типов сочетания слов и моделей построения словосочетаний и предложений [Ахманова, 2004, с. 399]. По словарю Т. В. Жеребило, синтаксис – это часть грамматики, изучающая сочетания слов в предложении [Жеребило, 2010, с. 325]. В современном языкознании термин может трактоваться двояко: 1) как одна из сфер грамматического строя языка, в которой реализуются морфологические категории и словоизменение, существуют собственные единицы, категории и средства; 2) как раздел науки о языке, предметом которого являются собственно синтаксические единицы, отношения и средства [Там же].

В настоящей статье делается предположение, что определение синтаксиса, а также понятийно-терминологический аппарат, введённый в научный оборот исследователем турецкого языка В. Г. Гузевым, возможно применить к материалу японского языка. В данном исследовании будет принято определение, согласно которому синтаксис – это подсистема языка, включающая в себя 1) синтаксический инвентарь, в который входят внутриязыковые соответствия фигурирующих в речи слов и словоформ; 2) правила линейного расположения слов и словоформ в речи; 3) сложившиеся в психике человека абстрактные модели, структуры всевозможных типов высказываний, больших, чем одно слово; 4) образы функций автосемантических слов в качестве компонентов высказываний (лексический субъект – лексический предикат, подлежащее – сказуемое, определение – определяемое, дополнение – дополняемое, обстоятельство – обстоятельственное уточняемое) [Гузев, Аврутina, 2013].

Терминологический аппарат для японского синтаксиса уже в некоторой степени был разработан отечественными исследователями, например, в первой фундаментальной грамматике японского языка, где выделяются следующие основные черты японского синтаксиса [Алпатов и др., 2008 б]:

- 1) японский язык – это язык номинативно-аккузативного строя;
- 2) локус морфологического маркирования синтаксической связи располагается на зависимом слове;
- 3) наблюдается последовательное левое ветвление (во всех типах синтаксических конструкций зависимое слово предшествует вершине);
- 4) топик грамматикализован, и его следует отличать от подлежащего;
- 5) полипредикативные конструкции подразделяются на подчинительные и сочинительные; подчинительные, в свою очередь, делятся на три типа в зависимости от синтаксической функции подчинённой предикации: конструкции с предикатными обстоятельствами, конструкции с предикатными определениями к имени (относительные предложения), а также конструкции с предикатными актантами (дополнения и подлежащие).

Несмотря на всю глубину вышеупомянутого исследования, в специальной литературе по японскому языку в целом наблюдается слабый интерес к синтаксису. Так, Ю. П. Киреев даёт лишь краткую характеристику главных (подлежащее и сказуемое) и второстепенных (дополнение, определение и обстоятельство) членов предложения, отдельно затрагивая приложения и субстантиваторы, придаточные предложения [Киреев, 2014, с. 56–62]. В работе З. Б. Степановой рассматривается японская оноματοпоэтическая лексика с точки зрения её синтаксических функций, классифицированных по частоте употребления в проанализированной литературе. Автор приходит к выводу, что «в качестве основной функции оноματοпоэтических слов выделяется функция обстоятельства, а именно обстоятельство образа действия. Преобладание данной функции показало, что ономаты чаще всего характеризуют сказуемое, выступают в роли наречия» [Степанова, 2018]. Данное заключение вызывает некоторые вопросы, так как о том, что типичные ономаты (идеофоны – в терминологии В. М. Алпатова) относятся к наречиям, уже упоминалось в научной литературе [Алпатов и др., 2008 а, с. 509]. Таким образом, в отечественной специальной литературе относительно понятийно-терминологического аппарата синтаксиса японского языка, в отличие от турецкого, царит некоторый разнобой.

Среди всего массива англоязычной литературы по японскому синтаксису наиболее значимой в рамках нашей темы представляется коллективная монография «Японский синтаксис в сравнительной перспективе», в которой в том числе проводится сравнение японского и турецкого синтаксиса [Saito, 2014]. Также сравниваются японский и корейский языки с китайским и турецким в рамках генеративной теории, и приводятся доказательства того, что эллипсис актантов коррелирует с полным отсутствием согласования.

Не менее интересна монография «Настольная книга по японскому синтаксису», посвящённая исключительно синтаксису японского языка и выделяющаяся своей полнотой и комплексностью подхода к его описанию – синтаксис японского языка описывается с позиций генеративной грамматики, когнитивной и функциональной лингвистики [Shibatani, 2017]. В ней широко освещаются такие вопросы, как типы предложений и их взаимодействие с грамматическими категориями глаголов, переходность, номинализация, грамматикализация, порядок слов, маркирование падежей, эллипсис и др.

В собственно японской лингвистической литературе терминология не унифицирована. Сам термин «синтаксис» имеет три варианта наименования: 統語論 (яп. *то:го-рон*), 統辭論 (яп. *то:дзирон*), 構文論 (яп. *ко:бунрон*). Одни исследователи склоняются к идеям и, соответственно, терминологии традиционного японского языкознания. Так, Такубо Юкинори в своей работе [Такубо, 2008] отмечает, что, несмотря на огромное количество исследований, посвящённых японским указательным местоимениям, большинство из них рассматривают эти местоимения с точки зрения дискурса или прагматики, а трудов, посвящённых синтаксическому или семантическому аспекту, практически нет. В указанной работе автор рассматривает местоимения так называемых а-типа, ко-типа и со-типа (иными словами, предметно-указательные местоимения, раз-

делённые на три типа по степени удалённости от говорящего) с точки зрения различных подходов: семантического, синтаксического и прагматического. Автор своими выводами подчёркивает личностно-ориентированный характер дейктической системы японского языка, иными словами, маркированность удалённости от говорящего.

Не так много внимания уделяется синтаксису и в одном из фундаментальных грамматических справочников по японскому языку, изданных в Японии – Курсе лекций издательства Иванами. Одна глава шестого тома из двенадцати, за авторством Китахара Ясуо, посвящена предложению в японском языке, и синтаксическое описание японского языка находится только в этой главе. Особого внимания удостоились модификаторы как флективных, так и нефлективных частей речи. Также пристальное внимание уделялось роли частиц и подлежащего в предложении [Иванами, 1977].

На примере работы «Синтаксис наречий манеры и результативных предикатов в японском языке» [Хатакэяма и др., 2021] можно увидеть, что в японской лингвистике получили некоторое распространение идеи генеративизма, несмотря на их почти полное отсутствие в вышеупомянутых работах. В упоминаемой работе анализируется появление *anti-c-command* (содержание данного понятия было освещено ранее в [Horvath, 1992]) при одновременном существовании наречия образа действия и результативного предиката в японском предложении.

Недостаточная исследованность японского синтаксиса определяет небольшое число сравнительных исследований синтаксической подсистемы японского языка с другими языками. В противовес этому, в тюркском языкознании терминологический аппарат в области синтаксиса обширен и более унифицирован, несмотря на наличие ряда спорных аспектов (напр., форма на *dik*, придаточные предложения и некоторые др.). В разное время данная проблематика широко разрабатывалась в отечественной тюркологии [Грунина, 1961; Кононов, 1980; Черемисина, 1980; Гаджиева, Серебренников, 1986; Гузев, 2015 и др.] и за рубежом, в частности, в самой Турции (см., напр., [Natipoğlu, 1972; Karahan, 1991; Korkmaz, 1994] и многие другие).

Ц е л ь ю настоящей статьи является попытка приложения тюркского синтаксического терминологического аппарата, предложенного петербургским тюркологом В. Г. Гузевым для современного турецкого языка, к материалу современного японского языка и сравнение синтаксических подсистем обоих языков, что оправдано их типологическим сходством: турецкий язык является агглютинативным [Гузев, 2015, с. 11], а японский – агглютинативный с чертами флективного и изолирующего строя [Алпатов, 2008, с. 61].

М а т е р и а л о м для исследования послужили источники на японском языке: два художественных произведения 2016 и 2021 годов издания, ориентированные на широкого читателя. Кроме того, была использована устная речь двух информантов: 1) носителя стандартного японского языка (женщина, 29 лет, образование высшее; запись сделана 09.11.2022, общая длительность звучания – 60 минут, далее – [Информант, 2022]); 2) носителя стамбульского диалекта турецкого языка (мужчина, 45 лет, образование высшее; запись сделана 05.01.2023, общая длительность звучания – 50 минут, далее – [Информант, 2023]).

2. Копулятивная, предикативная и атрибутивная модели в японском и турецком языках [Copulative, predicative and attributive patterns in Japanese and Turkish]

2.1. Копулятивная модель [Copulative pattern]

Копулятивные структуры представляют собой перечисление синтаксически равноправных единиц. Они могут быть как самостоятельными высказываниями, так и компонентами предикативных и атрибутивных конструкций [Гузев, Аврутина, 2013, с. 27].

В японском языке они могут быть оформлены либо соответствующими частицами, либо могут быть простым перечислением слов.

Перечисление может быть обозначено с помощью именных сочинительных союзов *то* и *я*. Союз *то* употребляется при полном перечислении чего-либо (1), а союз *я*, в свою очередь, употребляется при неполном перечислении (2).

(1) [Накадзава, 2016, с. 14]:

誕生日と元旦くらはい...

Tanjoubi to gantan kurai ha...
 День.рождения *u* Новый.год хоть NOM
 ‘Хоть в день рождения и на Новый год...’

(2) [Накадзава, 2016, с. 16]:

テレビや映画、漫画や小説など、つくりものの世界にひたすら逃避していた。

Terebi ya eiga, manga ya shousetsu nado,
 Телевизор *u* фильмы, манга *u* романы PL
tsukurimono no sekai ni hitasura
 искусственное.изделие GEN мир DAT только
touhi shi-te i-ta
 бегство VRB-CNV AUX-PRG.PST

‘[Я] только убежал в рукотворные миры: в телевизор и фильмы, в мангу и романы...’

В турецком языке для передачи копулятивного значения есть несколько способов: а) союз «и» (*ve*), связывающий синтаксически равноправные члены предложения (3); б) послелог – (*y*) *iE*, использующийся в предложении либо в составе слова как дополнительный аффикс в двух вариантах, либо как послелог между элементами предложения, находящимися в копулятивной связи (4); в) копулятивная связь может передаваться с помощью союзов «hem..., hem» («и..., и...») либо «как..., так и...», см. (7)), или «ne... ne» («ни..., ни...»), см. (8), а также ... «dA... dA...» («и..., и...») либо «ни..., ни...», см. (9)).

Стоит отметить, что в примере (4) показано, что послелог – (*y*) *iE* в турецком языке обладает двумя значениями. Первое – это рассматриваемое в данном разделе статьи копулятивное значение. Второе – данный элемент – (*y*) *iE* в форме аффикса либо послелого может также обладать значением инструментального падежа (5), (6). В связи с этим в специальной литературе встречается мнение, что в турецком языке не пять, а шесть (и даже более!) падежей [Ergin, 1992 p. 23–238].

(3) [Информант, 2023]:

Mağazada peynir ve ekmek aldım.

Mağaza-da peynir ve ekmek al-dım.
 Магазин-LOC сыр *u* хлеб покупать-PST1SG
 ‘Я купил в магазине брынзу и хлеб’

(4) [Информант, 2023]:

Türkiye Rusya ile ortak işbirliğine mutlulukla devam eder.

Türkiye Rusya ile ortak
 Турция Россия с общий
işbirliğ-i-n-e mutluluk-la
 сотрудничество-POSS3SG-CN-DAT радость-с
devam ed-er.
 продолжать-PRS

‘Россия и Турция с радостью продолжают сотрудничество’

(5) [Информант, 2023]:

Anneme mektubumu altın kalemle yazdım.

Anne-m-e mektub-um-u
 Мама-POSS1SG-DAT письмо-POSS1SG-ACC

Altın kalem-le yaz-dım.
 Золото ручка-INS написать-PST1SG
 ‘Я написал своей маме письмо золотой ручкой’

(6) [Информант, 2023]:

Buraya uçakla geldim.
Bura-ya uçak-la gel-dım.
 Здесь-DAT самолет-INS приехать-PST1SG.
 ‘Я сюда прилетел на самолете’

(7) [Информант, 2023]:

Her mağazaya, her okula uğradım.
Her mağaza-ya, her okul-a uğra-dım.
 И магазин-DAT и школа-DAT зайти-PST1SG
 ‘Я зашёл и в магазин, и в школу’

(8) [Информант, 2023]:

Tüm gün ne yedim, ne içtim.
Tüm gün ne ye-dım, ne iç-tım.
 Весь день не есть-PST1SG не спать-PST1SG.
 ‘Я весь день не ел, не спал’

(9) [Информант, 2023]:

Bunu annem de, babam da bilmedi.
Bu-nu anne-m de baba-m da bil-me-di.
 Это-ACC мать-POSS1SG не отец-POSS1SG не знать- PST1SG.

Для сравнения, перечисление в японском языке также может передаваться сопоставительной частицей *mo* (10), «постановка которой после актанта или предиката, обозначенного соответствующим членом предложения, включает его в один ряд с некоторым другим» точно таким же членом предложения, который может быть указан, а может быть и не указан [Алпатов и др., 2008 а, с. 444]. По С. Э. Мартину, нюанс употребления этой частицы заключается в том, что *mo* акцентирует внимание (highlights) на том, к чему присоединяется [Martin, 1991, p. 52].

(10) [Цукино, 2021, с. 21]:

ちょっと待って……あの絵師さんも……この絵師さんも……
Chotto mat-te... Ano eshi san mo... Kono eshi
 Немного ждать-IMP Тот художник сан **u** этот художник
san mo...
 сан **u**
 ‘Подождите-ка... И этот художник, и тот...’

Для перечисления действий в японском языке может использоваться так называемое деепричастие репрезентативности на *-tari* (11). Категория репрезентативности подразумевает под собой, что обозначенное глаголом действие входит в некоторый полностью не перечисленный ряд и упоминается в качестве примера [Алпатов и др., 2008 б, с. 229].

(11) [Цукино, 2021, с. 25]:

それからは、親戚が使っていた部屋にそのまま住まわせてもらっていたり、あるいはご学友の家に入り浸る形で同居をしたり、あらゆる場所を転々としていた。

Sorekara ha, Shinseki ga tsuka-tte
 Затем TOP родственники NOM использовать-CNV
i-ta heya ni sonomama sumaw-ase-te
 AUX-PRG.PST комната DAT как.есть жить-CAUS-CNV
mora-tte i-tari, aruiwa go-gakuyuu
 получить-CNV **AUX-RPR** либо HON-школьные.друзья

<i>no</i>	<i>ie</i>	<i>ni</i>	<i>iribitar-u</i>		<i>katachi</i>	<i>de</i>
GEN	дом	DAT	засиживаться-PRS		форма	INS
<i>doukyo</i>			<i>wo</i>	<i>shi-tari</i>	<i>arayuru</i>	<i>basho</i>
совместная.жизнь		ACC	VRB-RPR	всевозможные		места
<i>wo</i>	<i>tentento</i>		<i>shi-te</i>	<i>i-ta</i>		
ACC	с.места.на.место		VRB-CNV	AUX-PRG.PST		

‘Затем, [я] не задерживалась долго на одном месте, то живя в комнатах, которые занимали родственники, то оставаясь у школьных друзей’

Таким образом, мы можем наблюдать, что копулятивное значение в турецком языке может быть передано с помощью союзов и послелогов, а в японском языке – с помощью союзов, частиц и деепричастий. Вероятно, что полными аналогами из перечисленных единиц можно назвать только турецкий союз «и» (*ve*) и японский союз полного перечисления (*mo*).

2.2. Предикативная модель [Predicative pattern]

Предикативная модель – это языковая единица, дублирующая модель логического суждения, функциональная задача которой состоит в предикации, т. е. внесении в сознание коммуниканта изменения предмета мысли – субъекта. Иными словами, предикация – некий предмет мысли, которому приписывается некий признак [Ахманова, 2004, с. 334].

Стоит отметить, что в турецком языке возможен эллипсис субъекта в контексте реализации закона экономии усилий, впервые сформулированного А. Мартине [Мартине, 1960], тогда субъект выражен личной финитной формой глагола. В японском языке, в котором возможен эллипсис любого члена полного предложения, кроме сказуемого, субъект также может быть опущен, но при этом ни один грамматический показатель в предложении его не заменяет, и смысл в таком случае извлекается из контекста. Так, в почти 75% предложений из корпуса нормативного языка имеется эллипсис подлежащего [Martin, 1991, p. 185]. Примеры предложений с эллипсисом субъекта в японском языке были приведены ранее, см. (2) и (11).

Японский язык – это язык с грамматикализованным топиком (согласно В. М. Алпатову, топик имеет прямое отношение к семантике и актуальному членению предложения, а подлежащее – определяется на структурных основаниях), и, соответственно, в нём важно проводить различие между подлежащим и топиком. Наиболее очевидным грамматическим признаком топика в японском языке является его оформленность частицей *wa* (12). Подлежащее в японском языке, как правило, оформляется частицей *ga* (12). Также «синтаксическое расстояние» между топиком и глаголом больше, чем между подлежащим и глаголом [Алпатов и др., 2008 б, с. 37].

(12) [Накадзава, 2016, с. 11]:

エーっ、佐藤賢治君は山口恵理さんのことが好きなんですかーッ! ?							
<i>E-</i> ,	<i>Satou Kenji</i>		<i>kun</i>	<i>wa</i>	<i>Yamaguchi Eri</i>	<i>san</i>	<i>no</i>
Э	Сато Кэндзи		кун	TOP	Ямагути Эри	сан	GEN
<i>koto</i>	<i>ga</i>	<i>suki</i>	<i>na</i>	<i>n</i>	<i>des-u</i>		<i>ka!?</i>
NML	NOM	любить	COP.ATR	NML	COP.ADR-PRS		Q

‘Что?! Сато Кэндзи-кун, так ты любишь Ямагути Эри-сан?!’

В свою очередь, в турецком языке каждый компонент предикативной конструкции может быть как распространённым, так и не распространённым, но в целом специальных единиц для оформления данной конструкции не имеется. Предикат, особенно глагольная форма, часто (но не всегда) стоит в личной форме, что позволяет наблюдать эллипсис субъекта.

2.3. Атрибутивная модель [Attributive pattern]

Атрибутивная модель – это такая модель, один компонент которой представляет собой уточняемое (определяемое, дополняемое или обстоятельственное уточняемое), а другой – уточняющее (определение, дополнение или обстоятельство) [Гузев, 2015, с. 260]. Атрибутивная модель бывает трёх типов: а) определительная, которая в речи порождает конструкции типа *kırmızı elma* 'красное яблоко'; б) дополнительная, на основе которой в речи формируются конструкции типа *kitab(i) okuyor* 'читает книгу'; в) обстоятельственная, которая может воплотиться, например, в конструкцию *yarın geleceğim* 'приду завтра' [Аврутина, Дармаева, 2022, с. 10].

2.3.1. Определительные синтаксические модели [Attributive syntactic subpatterns]

Определительные синтаксические модели – форма, в которой отражена и обобщена связь предмета или действия с приписываемым ему или констатируемым у него признаком. Формирующаяся в языковой системе путём отвлечения от разнообразных конкретных определительных конструкций в речи типа *kara bulut* 'чёрная туча', *çabuk koşmak* 'быстро бежать', эта форма может быть предварительно представлена в виде единства двух её компонентов – абстрактных образов: определение (признак) + определяемое (обладатель признака) [Гузев, Аврутина, 2013, с. 30].

Как упоминалось ранее, в японском языке любой зависимый компонент предшествует вершине. Для того, чтобы стать определением, слову в японском языке не требуется ничего, кроме смены позиции на предвершинную. Так, определением к существительному может выступать предикативное (13) или полупредикативное прилагательное (14), приименное (15) или глагол (16), а к глаголу – предикативное или полупредикативное прилагательное, а также наречие (см. (2) *hitasura*). Также в современном японском языке существует одна специализированная причастная форма глагола – (*p*)убэки (16), заимствованная из бунго под влиянием английского языка [Miura, 1979, p. 24].

(13) [Цукино, 2021, с. 37]:

Z ちゃんは本当に面白い女の子だった。

Z chan wa hontou ni omoshiro-i

Z тян TOP правда ADV интересный-PRS

onnanoko dat-ta

девушка COP-PST

‘Z-тян была поистине интересной девушкой’

(14) [Цукино, 2021, с. 21]:

わたくしは今まで、決定的な勘違いをしていた……

Watakushi wa ima made, ketteiteki na

Я TOP сейчас до решающий ATR

kanchigai o shi-te i-ta

неправильное.понимание ACC VRB-CNV AUX-PRG.PST

‘До сих пор я серьёзно заблуждалась’

(15) [Информант, 2022]:

このぐらいたったら、疲れるわけではないし。

Kono gurai yat-tara, tsukare-ru wake

Этом как делать-COND уставать-PRS NML

De wa na-i shi

COP TOP AUX.NEG-PRS и

‘Да и не то чтобы [я] устану, если столько сделаю, [так что...].’

(16) [Информант, 2022]:

驚くべき速度で進化を続ける

Odorok-ubeki sokudo de
Ужасать-DEB скорость INS
shinka o tsuzuke-ru

развитие ACC продолжать-PRS

‘Продолжает развиваться с ужасающей скоростью’

(17) [Цукино, 2021, с. 20]:

わたくしが嫉妬してたあの絵師さん……。

Watakushi ga shitto shi-te-ta
 Я NOM зависть VRB-CNV-[AUX]-PRG.PST

ano eshi san

тот художник сан

‘Тот художник, которому я завидовала…’

Для сравнения в турецком языке существует две глагольно-именных формы, которые в рамках петербургской тюркологической школы именуется термином «субстантивно-адъективная форма» (САФ), и, обладая темпоральной семей (настоящего / прошедшего и будущего) времён, они представляют действие как предмет либо как признак, ориентированный на настоящий момент [Гузев, 2015, с. 161].

Приведём пример из современного турецкого языка с использованием САФа – субстантивно-адъективной формы *-dik* с показателем настоящего / прошедшего времени и личным окончанием (18), будущего времени и личным окончанием (19).

(18) [Информант, 2023]:

Kıskandığım ressam.
Kıskan-diğ-im ressam.
 Завидовать-SAF.PST- POSS1SG художник

‘Художник, которому я завидую’.

(19) [Информант, 2023]:

Gideceğimiz tren perona yaklaştı.
Gid-eceğ-imiz tren
 Уехать-SAF.FUT-POSS1SG поезд

peron-a yaklaşt-tı.

перрон-DAT подъехать-PST3SG.

‘Наш поезд (букв. поезд, на котором мы уедем) уже подъехал к перрону’

Более того, в турецком языке существует такая разновидность определительной конструкции, как *изафеты*, т. е. конструкции, в которых в функции и определяемого, и определения выступают существительные – так называемые определительные субстантивные конструкции, которые, в свою очередь, подразделяются на три вида [Гузев, Аврутина, 2013, с. 33].

Изафет I – форма (безаффиксного) *изафета*, представляющая собой сочетание двух неаффирированных существительных, от значения первого из которых (определения) отвлечается относительный признак, например, материал, из которого состоит предмет, называемый вторым существительным (определяемым), его форма, пространственное соположение и прочее. Приблизительным аналогом этого *изафета* в японском языке можно считать то, что О. В. Благовещенская называла словами, образованными основосложением:

(20) [Информант, 2022]:

鳥頭

Tori atama

Курица голова

букв. ‘Куриная голова; забывчивый человек’

Изафет II – форма, являющаяся определительным сочетанием двух существительных с аффиксом принадлежности 3-го лица у определяемого (одноаффиксный изафет), служащая средством выражения широчайшего спектра относительных признаков, отвлекаемых от значения компонента-определения [Гузев, Аврутина, 2013, с. 35].

Изафет III – модели, которые реализуются в речи как конструкции, представляющие собой определительное именное сочетание с существительным или местоимением в функции определения в родительном падеже и с существительным-определяемым, наделенным аффиксом принадлежности одного из трёх лиц (двухаффиксный изафет), служащее средством выражения связи между предметами, которую говорящий считает притяжательной и, следовательно, как можно полагать, имеет грамматическое значение «обладатель + предмет обладания».

При сопоставлении данной формы с материалом японского языка можно наблюдать, что единственным атрибутивным показателем при существительных в японском языке является частица *no*, и её же можно считать средством выражения тех же значений, которые обозначаются изафетами II и III в турецком языке:

(21) [Накадзава, 2016, с. 15]:

高校の同級生

Koukou no doukyuusei

Старшая.школа GEN одноклассники

‘Одноклассники в старшей школе’

(22) [Цукино, 2021, с. 17]:

あなたの絵

Anata no e

Ты GEN картины

‘Твои картины’

Таким образом, следует признать, что категория изафетов относительно коррелирует с японским материалом. Полноценный аналог в японском языке можно наблюдать только для изафета I. Следовательно, использование соответствующей терминологии относительно японского языка может представляться удачным с учётом некоторой корректировки.

2.3.2. Дополнительные синтаксические модели [Objective syntactic subpatterns]

Данные модели представляют собой один из видов атрибутивных синтаксических моделей, состоящих из двух компонентов – дополняемого и дополнения, а также служащих средством выражения связи какого-либо действия, признака или предмета с каким-либо предметом и, предположительно, обладают значением типа «предмет связан с действием, признаком или предметом» [Гузев, Аврутина, 2013, с. 44].

В турецком языке существует несколько способов падежного оформления дополнения [Çağrı, 1996, р. 97], один из которых может заключаться в употреблении формы винительного падежа (23). Также возможно построение дополнительной синтаксической модели без употребления винительного падежа (24).

(23) [Информант, 2023]:

En öndeki çocuk, kapıyı itti.

En ön-de-ki çocuk,

Самый передняя.часть-LOC-AFX мальчик

kapı-yı it-ti.

дверь-ACC толкать-PST1SG.

‘Мальчик, который шёл впереди, толкнул дверь’.

(24) [Информант, 2023]:

Bi akşam kitap okuyacağıım.

Bi akşam kitap oku-yasağ-ım.
Этот вечер книга читать-FUT1SG.

‘Сегодня вечером буду читать книги (займусь чтением книг)’

В японском языке два первичных послелогов, *о* (11) и *ни* (4), служат для обозначения дополнений, прямых и косвенных соответственно. По выражению В. М. Алпатов, послелог *о* используется для указания второго актанта, а *ни* – для указания третьего актанта [Алпатов и др., 2008 а, с. 185].

2.3.3. *Обстоятельственная синтаксическая модель [Adverbial syntactic subpattern]*

Это разновидность атрибутивной формы, которая состоит из обстоятельственно-го уточняемого и обстоятельства. Значение этой формы сигнализирует о том, что какое-либо явление (чаще всего действие) связано с другим сопутствующим ему и тем самым каким-либо образом характеризующим, уточняющим его явлением [Аврутина, Дармаева, 2022, с. 15]. Обстоятельственные модели в японском языке представлены деепричастными формами глаголов и послелогов.

В. М. Алпатов выделяет следующие виды деепричастных форм в японском языке: нейтральная форма на *-тэ*; книжно-нейтральная форма на *-и*; отрицательная форма на *-(а)дзу*; условно-временные формы на *-(р)эба*, *-тара*; уступительная форма на *-таттэ*; форма репрезентативности на *-тари*; формы второстепенного действия на *-(и)нагара*, *-(и)цуцу* [Алпатов и др., 2008 а, с. 113]. Также обстоятельственные отношения могут быть выражены наречиями, существительными, прилагательными и такими вторичными послелогов, как *дэ* (инструментальный или местный падеж), *то* (контрагент), *э* (направление), *кара* (исходная точка), *ёри* (исходная точка и эталон сравнения), *мадэ* (конечная точка), *нитэ* (местный падеж) [Алпатов и др., 2008 а, с. 186].

Особенностью японского языка является чрезвычайно обширная категория послелогов, не ограничивающаяся вышеупомянутыми единицами, а также семь видов деепричастий. Для сравнения в турецком языке, в свою очередь, категория обстоятельственных форм с послелогов и деепричастиями насчитывает более сотни единиц [Гузев, Аврутина, 2013, с. 53–62]. Приведём лишь некоторые из них, в частности, примеры крайне обширной модели со значением времени в японском языке:

(25) [Цукино, 2021, с. 80]:

つい最近、クリスマスに元1期生全員で集まった。

Tsui saikin, kurisumasu ni moto-ikkisei
Совсем **недавно** Рождество DAT бывшее-первое.поколение
zenin de atsuma-tta.

вся.команда INS собираться-PST

‘Совсем недавно всё бывшее первое поколение собралось на Рождество’

(26) [Цукино, 2021, с. 80]:

そして3年の時を経て、わたくしは更にいえるようになったことばがある。

Soshite san-nen no toki wo ta-te
И три-года GEN время ACC **проходить-CNV**
watakushi wa sarani i-e-ru youni
Я TOP ещё сказать-POT-PRS AUX

na-tta koto ga a-ru.
становиться-PST NML NOM быть-PRS

‘И по прошествии трёх лет всё ещё бывало такое, что я могла сказать’

(27) [Накадзава, 2016, с. 89]:

ボクも来年はできる限り盛大にお祝いさせていただきます。

<i>Boku</i>	<i>mo</i>	<i>rainen</i>	<i>wa</i>	<i>deki-ru</i>	<i>kagiri</i>
Я	и	следующий.год	TOP	делать.POT-PRS	насколько
<i>seidai</i>		<i>ni</i>	<i>oiwai</i>	<i>s-ase-te</i>	
великолепный		ADV	празднование	VRB-CAUS-CNV	
<i>itadak-imas-u</i>					
AUX.BEN-ARD-PRS					

‘И я в следующем году отпраздную с таким размахом, с каким смогу’

Более того, С. В. Чиронов отмечает, что в современном японском языке произошла грамматикализация существительного *katami*, и функционал образовавшейся единицы включает в себя маркирование обстоятельства образа действия, включающего как конкретный способ действия, так и его результаты – как целевые, так и непредусмотренные [Чиронов, 2017, с. 97]. Пример такого употребления можно наблюдать в (11).

Приведём несколько примеров турецких конструкций с обстоятельственным значением, вводимым деепричастиями.

Обстоятельство образа действия с деепричастием с показателем – *y(ArAk)*.

(28) [Информант, 2023]:

Güneş gülümseyerek selamladı onları.

<i>Güneş</i>	<i>gülümse-yerek</i>	<i>selamla-di</i>	<i>onlar-ı.</i>
Солнце	улыбаться-CNV	приветствовать-PST3SG	они-ACC

‘Солнце, улыбаясь, приветствовало их’

Модель со значением образа действия (деепричастие *(y)A... (y)A*)

(29) [Информант, 2023]:

Mehmet sevinç içinde atlaya zıplaya koştu.

<i>Mehmet</i>	<i>sevinç</i>	<i>iç-i-n-de</i>	
Мехмед	радость	внутренняя.часть-POSS3SG-CN-LOC	
<i>atla-ya</i>	<i>zıpla-ya</i>	<i>koş-tu.</i>	
прыгать-CNV	подскакивать-CNV	бежать-PST3SG	

‘Радостный Мехмед бежал, подпрыгивая’

Модель с временным обстоятельственным значением с деепричастием с показателем – *(y)IncA*

(30) [Информант, 2023]:

Köpek suya düşmeyince yüzmeyi öğrenmez.

<i>Köpek</i>	<i>su-ya</i>	<i>düş-me-yince</i>	
Собака	вода-DAT	падать-NEG-CNV	
<i>yüz-me-yi</i>		<i>öğren-mez.</i>	
плавать-VN-ACC		учиться-NEG.PRS3SG	

‘Пока собака в воду не упадёт, плавать не научится’

Модель с временным обстоятельственным значением «пока, по мере того, как...», вводимым деепричастием с показателем – *DıkçA*

(31) [Информант, 2023]:

Yaşadıkça çalışmalısın.

<i>Yaşa-dıkça</i>	<i>çalış-malı-sın.</i>
Жить-CNV	работать-IMP2SG

‘Пока ты живёшь, ты должен работать’

3. Заключение [Conclusion]

Исследование показало, что синтаксические структуры японского и турецкого языков демонстрируют значительную степень типологического сходства. Эксперимент по применению терминологического аппарата тюркского синтаксиса, разработанного В. Г. Гузевым

для турецкого языка, к другим агглютинативным языкам можно считать относительно успешным, несмотря на существующие различия в грамматической системе японского и турецкого языков. Так, японскому языку свойственен более обширный эллипсис и грамматизированный топик; к японскому языку слабо применимо понятие «изафет»; японский язык значительно уступает по степени развития категории причастий турецкому языку. Представляется, что данный терминологический аппарат, после некоторого усовершенствования, путём упразднения или дальнейшего развития отдельных элементов терминологического аппарата, свойственных только тюркским языкам, можно использовать для дальнейших исследований синтаксиса японского языка как агглютинативного.

В результате сравнительно-сопоставительного анализа выявлено, что в японском языке копулятивное значение может быть передано с помощью союзов, частиц и деепричастий, а в турецком языке – с помощью союзов и послелогов. Полными аналогами, вероятно, можно считать только турецкий союз «и» (*ve*) и японский союз полного перечисления (*mo*), что, однако не отменяет продуктивности модели описания, представленной в текущем исследовании, для агглютинативных языков.

В японском языке существуют средства для выражения значений турецких изафетов, степень схожести которых, однако, варьирует. Существительные, образованные основосложением, чрезвычайно близки изафету I; значения изафетов II и III могут быть выражены с помощью атрибутивного показателя при существительных *no*.

Аналогами турецких САФ с точки зрения синтаксических функций можно считать японские глаголы в определительной позиции.

Дополнение в турецком языке обозначается либо аффиксами со значением винительного падежа, либо чисто позиционно – путём постановки дополнения перед глаголом; в японском языке, в свою очередь, дополнение маркируется частицами, которые, стоит отметить, также могут быть подвержены эллипсису.

Обстоятельственные модели в японском языке выражены деепричастными формами глаголов и послелогоми, наречиями, существительными и прилагательными, а в турецком языке – деепричастиями. Однако стало очевидным, что и в японском, и в турецком языке категория средств выражения обстоятельственных значений чрезвычайно обширна, и потому их полноценное типологическое сравнение составит перспективу исследования.

Глоссы

1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо; ACC – аккузатив; ADR – адресив; ADV – адвербиальная форма; AFX – форма вторичной репрезентации; ATR – атрибутивная форма; AUX – вспомогательный глагол; BEN – бенефактив; CAUS – каузатив; CN – соединительная согласная *n*; CNV – деепричастие; COND – условная форма; COP – связка; DAT – датив; DEB – дебитив; FUT – будущее категорическое время; GEN – генитив; IMP – императив; INS – инструменталис; LOC – локатив; NEG – отрицание; NML – субстантиватор; NOM – номинатив; POSS – посессивный показатель; POT – потенциалис; PRG – прогрессив; PRS – настоящее-будущее время; PST – прошедшее время, в турецких примерах прошедшее категорическое время; Q – вопросительная частица; RPR – репрезентативность; SAF – субстантивно-адъективная форма; SG – единственное число; TOP – топик; VN – глагольное имя; VRB – вербализатор.

Библиографический список

- Аврутина, Дармаева, 2022 – Аврутина А. С., Дармаева О. Б. Синтаксические модели в агглютинативном языке (на материале корейского и турецкого языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 5–19.
- Алпатов и др., 2008 а – Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Книга 1. М. : Наталис, 2008. 560 с.
- Алпатов и др., 2008 б – Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. - Теоретическая грамматика японского языка. Книга 2. М. : Наталис, 2008. 448 с.

- Ахманова, 2004 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
- Гаджиева, Серебренников, 1986 – Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М. : Наука, 1986. 283 с.
- Грунина, 1961 – Грунина Э. А. Некоторые вопросы синтаксиса в современном узбекском литературном языке. // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. III : Синтаксис. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 135–163.
- Гузев, 2015 – Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб. : Изд-во С. Петерб. ун-та, 2015. 320 с.
- Гузев, Аврутина, 2013 – Гузев В. Г., Аврутина А. С. Функциональный синтаксис современного турецкого языка : учеб. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 71 с.
- Гузев, Бурыкин, 2007 – Гузев В. Г., Бурыкин А. А. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2007. № 1. С. 109–117.
- Жеребило, 2010 – Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп.. Назрань, 2010. 488 с.
- Киреев, 2014 – Киреев Ю. П. Основные грамматические конструкции японского языка. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 80 с.
- Кононов, 1980 – Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1980. 255 с.
- Мартине, 1960 – Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. 261 с.
- Степанова, 2018 – Степанова З. Б. Синтаксические функции ономастопозитивной лексики японского языка (на материале художественных произведений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №1-1 (79). С. 171–173.
- Черемисина, 1982 – Черемисина М. И. Структурно-функциональные типы конструкций с падежными формами зависимых предикатов // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982. С. 3–20.
- Чиронов, 2017 – Чиронов С. В. Японское *katachi*: от маркера обстоятельства и дальше // Язык и культура : сб. материалов XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2017. С. 90–98.
- Натипоğlu, 1972 – Natipoğlu V. Türkçenin Sözdizimi. Ankara, 1972. 208 s.
- Horvath, 1992 – Horvath J. Anti-C-Command and case-compatibility in the licensing of parasitic chains // The Linguistic Review. 1992. Vol. 9 (2). P. 183–218.
- Karahan, 1991 – Karahan L. Türkçede Söz Dizimi. Ankara : Akçağ Yayınları, 1991. 192 s.
- Korkmaz, 1994 – Korkmaz Z. Türkçede Eklerin Kullanılış Şekilleri ve Ek Kalıplaşması Olayları. Üçüncü baskı. Ankara : TDK. 1994. X+92 s.
- Martin, 1991 – Martin S. E. A Reference Grammar of Japanese. Charles E. Tuttle Company. Inc., 1991. 1198 p.
- Miura, 1979 – Miura A. The Influence of English on Japanese Grammar // The Journal of the Association of Teachers of Japanese. 1979. Vol. 14 (1). P. 3–30.
- Saito, 2014 – Saito M. (Ed.). Japanese Syntax in Comparative Perspective. New York : Oxford University Press, 2014. 332 p.
- Shibatani, 2017 – Shibatani M., Miyagawa S., Noda H. (Eds.). Handbooks of Japanese Language and Linguistics. Vol. : Handbook of Japanese Syntax. Walter de Gruyter Inc., 2017. 892 p.
- Ergin, 1992 – Ergin M. Türk Dilbilgisi. İstanbul, 1992. 400 p.
- Çauşeviç, 1996 – Çauşeviç E. Gramatika suvremenoga turskog jezika. Zagreb. Hrvatska Sveučilišna Naklada. 1996. 553 p.
- Иванами, 1977 – 宮地 裕, 北原 保雄, 渡辺 実, 山口 佳紀, 川端 善明, 市川 孝, 尾崎 知光, 古田 東朔, 奥津 敬一郎. 岩波講座日本語 6 文法 I. 岩波書店, 1977. 439 p. [Миядзи Ю., Китахара Я., Ваганабэ М., Ямагути Ё., Кавабата Ё., Итикава Т., Одзаки С., Фурута Т.,

- Окуцу К. Курс лекций издательства Иванами по японскому языку. Т. 6: Грамматика. Ч. 1. Изд-во Иванами сётэн, 1977. 439 с.].
- Накадзава, 2016 – 中沢 健, 初恋芸人. 小学館. 2016. 289 p. [Накадзава Т. Первая любовь актёра. Изд-во Сё:гакукан, 2016. 289 с.].
- Такубо, 2008 – 田窪 行則, 日本語指示詞の意味論と統語論--研究史的概説 // 語学教育フォーラム, 大東文化大学語学教育研究所. 2008. P. 311–337 [Такубо Ю. Семантика и синтаксис японских указательных местоимений – исследовательско-исторический обзор // Форум по языковому образованию. Ин-т языкового образования, Ун-т Дайто Бунка. 2008. С. 311–337].
- Хатакэяма и др., 2021 – 日本語の様態副詞と結果述語の統語論. 言語研究 160 卷. 2021. P. 263–272 [Хатакэяма Ю., Хонда К., Танака К. Синтаксис наречий образа действия и результативных предикатов в японском языке // Лингвистические исследования № 160. 2021. С. 263–272].
- Цукино, 2021 – 月ノ美兎, 月ノさんのノート. KADOKAWA. 2021. 112 p. [Цукино М. Записки Цукино-сан. Изд-во KADOKAWA, 2021. 112 с.].

References

- Avrutina, A. S., Darmaeva, O. B. (2022). Sintaksicheskie modeli v agglyutinativnom yazyke (na materiale koreyskogo i turetskogo yazykov) [Syntactic models in the agglutinative language (Based on Korean and Turkish)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 5–19. (In Russ.).
- Alpatov, V. M., Arkad'ev, P. M., Podlesskaya, V. I. (2008 a). *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the Japanese Language] (Vol. 1). Moscow: Natalis Press. (In Russ.).
- Alpatov, V. M., Arkad'ev, P. M., Podlesskaya, V. I. (2008 b). *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the Japanese Language]. (Vol. 2). Moscow: Natalis Press. (In Russ.).
- Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: URSS: Editorial URSS Press. (In Russ.).
- Gadzhieva, N. Z., Serebrennikov B. A. (1986). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Sintaksis* [Comparative and historical grammar of Turkic languages. Syntax]. Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Grunina, E. A. (1961). Nekotorye voprosy sintaksisa v sovremennom uzbekskom literaturnom yazyke [Some issues of syntax in the modern Uzbek literary language]. *Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. III: Sintaksis* [Studies in Comparative Grammar of Turkic Languages. Part III: Syntax] (pp. 135–163). Moscow: Soviet Union Academy of Sciences Press. (In Russ.).
- Guzev, V. G. (2015). *Teoreticheskaya grammatika turetskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the Turkish Language]. St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Guzev, V. G., Avrutina A. S. (2013). *Funktsional'nyy sintaksis sovremennogo turetskogo yazyka* [Functional syntax of modern Turkish]: A coursebook. St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Guzev, V. G., Burykin, A. A. (2007). Obshchie stroevye osobennosti agglyutinativnykh yazykov [Common structural features of agglutinative languages]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 1, 109–117 (In Russ.).
- Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 5th edn., with corrections and addenda. Nazran. (In Russ.).
- Kireev, Yu. P. (2014). *Osnovnye grammaticheskie konstruktсии yaponskogo yazyka* [Basic grammatical patterns of the Japanese language]. 2nd edn., with corrections and addenda. Moscow. (In Russ.).
- Kononov, A. N. (1980). *Grammatika yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov* [Grammar of the language of the Turkic runic monuments]. Leningrad: Nauka Press (Leningrad Department). (In Russ.).
- Martinet, A. (1960). *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh* [The economy principle in languages]. Moscow: Inostrannaya literatura Press. (In Russ.).

- Stepanova, Z. B. (2018). Sintaksicheskie funktsii onomatopoeicheskoy leksiki yaponskogo yazyka (na materiale khudozhestvennykh proizvedeniy) [Syntactic functions of onomatopoeic vocabulary of the Japanese language (By the material of literary works)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice] 1-1 (79), 171–173. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I. (1982). Strukturno-funktsional'nye tipy konstruksiy s padezhnymi formami zavisimyykh predikatov [Structural-functional types of constructions with case forms of dependent predicates]. *Strukturnye i funktsional'nye tipy slozhnykh predlozheniy* [Structural and functional types of complex sentences] (pp. 3–20). Novosibirsk. (In Russ.).
- Chironov, S. V. (2017). Yaponskoe katachi: ot markera obstoyatel'stva i dal'she [Japanese katachi: From the marker of adverbial and beyond]. In S. S. Chernov (Ed.), *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]: Proc. XXVIII International Scientific-Practical conf. (pp. 90–98). Novosibirsk : TsRNS Press. (In Russ.).
- Hatipoğlu, V. (1972). *Türkçenin Sözdizimi*. Ankara.
- Horvath, J. (1992). Anti-C-Command and case-compatibility in the licensing of parasitic chains. *The Linguistic Review*, 9 (2), 183–218.
- Karahan, L. (1991). *Türkçede Söz Dizimi*. Ankara : Akçağ Yayınları.
- Korkmaz, Z. (1994). *Türkçede Eklerin Kullanılış Şekilleri ve Ek Kalıplaşması Olayları*. Üçüncü baskı. Ankara : TDK.
- Martin, S. E. (1991). *A Reference Grammar of Japanese*. Charles E. Tuttle Company. Inc.
- Miura, A. (1979). The Influence of English on Japanese Grammar. *The Journal of the Association of Teachers of Japanese*, 14 (1), 3–30.
- Saito, M. (Ed.). (2014). *Japanese Syntax in comparative perspective*. New York : Oxford University Press.
- Shibatani, M., Miyagawa, S., Noda, H. (Eds.). (2017). *Handbooks of Japanese language and linguistics. Vol. 4 : Handbook of Japanese syntax*. Walter de Gruyter Inc.
- Ergin, M. (1992). *Türk Dilbilgisi*. İstanbul. (In Turkish).
- Çauşević, E. (1996). *Gramatika suvremenoga turskog jezika*. Zagreb : Hrvatska Sveučilišna Naklada. (In Croatian).
- Miyaji, Y., Kitahara, Y., Watanabe, M., Yamaguchi, Y., Kawabata, Y., Ichikawa, T., Ozaki, S., Furuta, T., Okutsu, K. (1977). *Iwanami Kouza Nihongo 6 Bunpou I* [Iwanami Press lectures on Japanese language. Vol. 6 : Grammar. Part 1]. Iwanami Shouten Press. (In Japanese).
- Nakazawa, T. (2016). *Koibito Geinin* [The actor's first love]. Shougakukan Press. (In Japanese).
- Takubo, Yu. (2008). Nihongo shijishi no imiron to tougoron – Kenkyuushiteki gaisetsu [Semantics and Syntax of Japanese Index Pronouns: A Research-Historical Overview]. *Gogaku Kyouiku Fouramu* [Language Education Forum] (pp. 311–337). Daito Bunka University (Institute of Language Education). (In Japanese).
- Hatakeyama Y., Honda K., Tanaka K. (2021). Nihongo no yōtai fukushi to kekka jutsugo no tōgoron [The syntax of Japanese adverbs of manner and consequential predicates]. *Gengo Kenkyu* [Linguistic studies] (Vol. 160, pp. 263–272). (In Japanese).
- Tsukino M. (2021). *Tsukino-san no nōto* [Tsukino's Notebook]. KADOKAWA Press. (In Japanese).

Статья поступила в редакцию 21.11.2022; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted 21.11.2022; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 28.02.2023.

Арекеева Юлия Евгеньевна
Удмуртский государственный университет
г. Ижевск, Российская Федерация
izh4yu@gmail.com

Бинарная оппозиция «свой – чужой» в китайском художественном дискурсе (на материале чэньюй)

Аннотация

В предлагаемой статье анализируется актуализация оппозиции «свой – чужой» на материале китайских чэньюй в художественном дискурсе, исследуются понятия «дискурс» и «типы дискурса», определяется граница между «своим» и «чужим» во фразеологической семантике. Цель исследования – разработка семантических модулей, актуализирующих оппозицию «свой – чужой» в китайских чэньюй. Материалом послужили 450 чэньюй, природу которых составляет противопоставление «свой – чужой», взятых из текстовых фрагментов произведений китайской художественной литературы Корпуса китайского языка Пекинского Университета и Корпуса современного китайского языка. Методом направленной выборки для анализа было отобрано 1200 контекстов, содержащих указанные чэньюй. В результате было выделено и описано 11 семантических модулей (ГЕНДЕР, МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ, ВОЗРАСТ, ОБРАЗОВАНИЕ, КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА, ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ЧУВСТВА ЧЕЛОВЕКА, РОД ЗАНЯТИЙ, СЕМЕЙНОЕ СОСТОЯНИЕ, СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ, РОДСТВО) и детализирующие их общие признаки. Аксиологическая оценка, присущая описанным модулям, вербализована в большинстве из них через антонимические пары, маркируя «свое» как хорошее, а «чужое» как плохое при условии реализации в чэньюй только одного из членов оппозиции.

Ключевые слова: чэньюй, китайский язык, оппозиция «свой – чужой», дискурс, семантический модуль, антонимические признаки

© Арекеева Ю. Е. 2023

Для цитирования: Арекеева Ю. Т. Бинарная оппозиция «свой – чужой» в китайском художественном дискурсе (на материале чэньюй) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 21–35. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_21

Iuliia E. Arekeeva
Udmurt State University
Izhevsk, Russian Federation
izh4yu@gmail.com

Binary opposition «friend – foe» in Chinese fiction (Based on chengyu)

Abstract

The present article analyzes the actualization of the «friend – foe» opposition expressed in Chinese chengyu found in fiction. In connection with this, the notions of «discourse» and «types of discourse» are explored, and the border between «friend» and «foe» in phraseological semantics is determined. This study aims to identify semantic modules within which the Chinese chengyu actualize the «friend – foe» opposition. Targeted sampling was used to select 450 Chinese chengyu as the material for the study, the criterion for selection was the «friend – foe» opposition inherent in their nature. The total of 1200 tokens containing chengyu were taken from Chinese

fiction represented in the Chinese Language Corpus of Peking University and the Corpus of Modern Chinese Language. As a result, 11 semantic modules were identified and described (GENDER, PLACE OF RESIDENCE, AGE, EDUCATION, PERSONAL QUALITIES, HUMAN BEHAVIOR, HUMAN FEELINGS, OCCUPATION, FAMILY STATUS, SOCIAL STRATIFICATION, RELATIONSHIP), common features specifying each module were demonstrated. The axiological assessment inherent in the described modules is verbalized in most of them through antonymic relations, marking «friend» as good, and «foe» as bad, provided that only one of the members of the opposition is realized in chengyu.

Keywords: chengyu, Chinese language, opposition «friend – foe», discourse, semantic module, antonymic markers

© Arekeeva Iu. E. 2023

For citation: Arekeeva, Iu. E. (2023). Binarnaya oppozitsiya «svoy – chuzhoy» v kitayskom khudozhestvennom diskurse (na materiale chen'yuy) [Binary opposition «friend – foe» in Chinese fiction (Based on chengyu)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 21–35. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_21

1. Введение [Introduction]

В лингвистике XX века понятие «дискурс» стало широко популярным, проблемой дискурса занимались многие учёные [Степанов, 1995 ; Арутюнова, 1999 ; Кубрякова, 1999 ; Карасик, 2002 ; Ворожбитова, 2014 и др.]. На данный момент не существует общепризнанного определения дискурса, охватывающего все случаи его употребления. Дискурс – это комплексный термин, вовлекающий целый ряд гуманитарных наук, таких как лингвистика, семиотика, философия, социология, антропология. Н. Д. Арутюнова рассматривает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)», как «речь, погружённую в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Е. С. Кубрякова понимает дискурс как когнитивный процесс, связанный с речеобразованием, созданием речевого произведения, как форму использования языка в реальном (текущем) времени, которая отражает определённый тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания [Кубрякова, 1995, с. 164]. По мнению В. И. Карасика, дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны [Карасик, 2002, с. 192]. Это текст, погружённый в ситуацию общения, речь, конкретизируемая в разных вариациях человеческого бытия.

Исходя из многозначности определения термина «дискурс», отметим, что типология дискурса представлена также весьма широко. В данном исследовании мы обращаемся к художественному дискурсу, определяемому как «коммуникативно-направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе его восприятия» [Маслова, 2014, с. 13]. Особенности художественного дискурса являются следующие черты: он создаёт особую, виртуальную реальность, предлагает свою версию, модель мира, является динамичным процессом взаимодействия автора и читателя, с одной стороны, и языковыми, социальными и культурными правилами, с другой, а также создаётся социально-индивидуальной действительностью, т. е. через концепты, категории и другие смыслопорождающие процессы речи [Маслова, 2014, с. 11].

Дискурс художественного произведения значительно выделяется на фоне других типов дискурса, поскольку представляет собой особый тип взаимодействия между автором и читателем, наполненный культурными, эстетическими, личностными воззрениями

ми на окружающий мир, и обладает большим жанровым многообразием. Всё это является причиной глубокого научного интереса к исследованию художественного текста как дискурсивной практики.

В статье на фразеологическом материале рассматривается бинарная категория сознания «свой – чужой». Необходимость анализа актуализации оппозиции обусловлена новейшими тенденциями в мировой и национальной политике, изменением вектора отношений с Китаем, расширением экономических, дипломатических, научных контактов с носителями китайского языка. Категоризация действительности является важной составляющей когнитивных процессов. Оппозиция «свой – чужой» представляется как универсальная, фундаментальная семантическая категория, основывающаяся на делении общества на две группы: «свой» и «чужой». Цель предлагаемого исследования состоит в выявлении общих признаков оппозиции «свой – чужой», объективируемых китайскими чэньюй в художественном дискурсе.

2. Актуализация оппозиции «свой – чужой» в китайских чэньюй в художественном дискурсе [Actualization of the «friend – foe» opposition in Chinese chengyu in fiction]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили словари 汉语大辞典 «Большой словарь китайского языка» [БСКЯ], 大БКРС [БКРС] и 成语宝典 «Сокровищница китайских чэньюй» [СЧ]. Объектом исследования стали чэньюй, природу которых составляет противопоставление «свой – чужой», текстовые фрагменты из произведений художественной литературы, содержащие рассматриваемые единицы, на китайском языке, взятые из баз 汉语语料库 Корпус современного китайского языка [ВСС] и 北京大学汉语语料库 Корпус китайского языка Пекинского Университета [ССЛ]. Было проанализировано 450 чэньюй, содержащих признаки оппозиции «свой – чужой», и изучено более 1200 контекстов их употребления. В качестве методов использовались метод направленной выборки, корпусный анализ, контекстуальный анализ, описательный метод.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Опираясь на культурно-когнитивную парадигму лингвистического исследования, мы рассмотрели бинарную оппозицию «свой – чужой» как целостный когнитивный конструкт, имеющий в своей структуре универсальные, наличествующие в любой этнокультуре, и культурно-специфические признаки. Последние являются отражением этнического мировоззрения и менталитета, несут в себе культурно-специфические знания и соотносятся с аксиологической сферой культуры и с эмоциями. Признаки, отражающие специфику культуры того или иного социума, определены нами как культурно-когнитивные признаки. Классификация полученного в результате изучения языковых фактов корпусов материала проводилась по семантическим модулям – в нашей трактовке, совокупности универсальных и культурно-когнитивных признаков бинарной оппозиции «свой – чужой». Семантический модуль определяется как отдельно оформленный элемент структуры микрополя, состоящий из лексических единиц, отражающих компонент значения [Зубарева, Шустова, 2022].

Семантический модуль ГЕНДЕР. Проявление гендерной идентификации находит выражение во фразеологической системе языка через противопоставление *мужчина – женщина*, что аккумулирует представления о комплексном «Я» человека, определяет разницу социокультурных ролей индивидов. Гендер рассматривается как социальный пол, который определяет особенности поведения человека и восприятия этого поведения другими людьми, окружающими его [ТСРЯ].

Среди чэньюй с гендерной семантикой встречаются следующие:

少女嫩妇 shào nǚ nèn fù (букв. 'молодая девушка, нежная жена') употребляется в значении 'молоденькая и хрупкая (нежная) девушка' [БКРС], 'неопытная, мягкая, ласковая девушка'. Данный чэньюй употребляется для описания возрастных особенностей, внешности представительниц женского пола, имеет положительную аксиологическую окраску. По своему происхождению восходит к роману Ланьлинского насмешника (псевдоним писателя эпохи Мин, предположительно – Ван Шичжэня 王世贞) «Цветы сливы в золотой вазе», глава 7:

他身边又无出，少女嫩妇的，你拦着不教他嫁人做什么？ [Zdic]. – 'У неё нет потомства, она *молода и нежна*, а ты мешаешь и не готовишь её к замужеству, для чего ты её держишь?' (Пер. – Ю. А.).

Указание на внешние качества представителя мужского пола содержится в чэньюй 须眉男子 xū méi nán zǐ (букв. 'мужчина с бородой и бровями'). В древности мужчины с густой бородой и бровями считались красивыми, представительными. В современном языке чэньюй описывает видного, солидного мужчину с привлекательной внешностью. Впервые упоминается в романе Чжоу Цзи «Второй сборник озера Сиху», жившего в эпоху поздней династии Мин и ранней династии Цин (год смерти 1654 г.):

丫环之中，尚有全忠全孝顶天立地之人，何况须眉男子。 [БСКЯ]. – 'Среди прислуги ещё есть преданные и почтительные люди, не говоря уже о *красавцах-мужчинах*' (Пер. – Ю. А.).

Актуализация оппозиции «свой – чужой» в чэньюй с гендерной идентификацией происходит в поле маскулинного или фемининного дискурса, в зависимости от пола говорящего. Так, в речи женщины чэньюй, содержащие гендерный компонент «мужчина», актуализируют смысл «чужести», поскольку мужчина является «чужим» для женщины, и наоборот, употребленные в маскулинном дискурсе чэньюй с гендерным компонентом «женщина» содержат в семантической структуре оценку «чужой». Рассмотрим чэньюй, актуализация «чужести» которых происходит в речи мужчины: 妇道人家 fù dào rén jiā (букв. 'жёны, придерживающиеся морального кодекса') имеет значение '(замужние) женщины, бабы', описывает зрелую женщину, в основном употребляется с оттенком пренебрежения. 妇人之见 fù rén zhī jiàn (букв. 'женский взгляд') означает 'женская логика, бабские мнения', т. е. такой способ мышления, где логика уступает место чувствам.

Семантический модуль МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ.

В пространственном плане деление на «своего» и «чужого» связано с дифференцированием семантического модуля МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ на антонимические пары *Родина – чужбина, близость – расстояние*. Во фразеологическом корпусе содержатся единицы, объективирующие различные представления о месте проживания «своих» и «чужих»: то, что физически находилось ближе, считалось «своим», а далёкое и неизвестное – «чужим».

Чэньюй 父母之邦 fù mǔ zhī bāng (букв. 'страна родителей') означает 'родная страна' [БКРС]. Поскольку древнекитайская цивилизация развивалась на самостоятельной этнической основе, почти не соприкасаясь с соседними народами, её цивилизационные компоненты – политико-территориальная замкнутость, закрытость, традиционность – сохраняли свою преемственность [Прудников, 2013, с. 110–111]. Соответственно, многие поколения семей жили на одном месте, зачастую в одном доме, поддерживая внутренние фамильные устои и с неприятием воспринимая заезжих «чужаков».

不但个人不常抛井离乡，而且每个人住的地方常是他的父母之邦。 [ВСС]. – 'Человек редко покидает свои родные места, да и место проживания каждого – *страна его родителей*' (Пер. – Ю. А.).

Источником происхождения чэньюй служит главная книга конфуцианства «Изречения (аналекты) Конфуция», составленная его учениками, в которой идёт речь о том, что если человек ведёт несправедный образ жизни и при этом служит людям, то ему не стоит показываться на родине.

Второй член субопозиции, *чужбина*, объективируется фраземой 举目无亲 jǔ mù wú qīn (букв. 'поднимешь глаза и ни одного близкого человека') [БКРС], используемой в значении 'кругом все чужие, нет близких, жить далеко от дома, и люди и земля незнакомы и чужды'. Впервые встречается в легендарном романе Сюэ Дяо (830–872 гг. н. э.), писателя династии Тан, «Биография У Шуана», повествующем о перипетиях запутанной истории любви Ван Сянькэ и его младшей двоюродной сестры Лю У Шуан:

四海之广，举目无亲戚，未知托身之所。 [БСКЯ]. – Страна четырёх морей широка, *поднимешь глаза – а родных нет*, и где найти пристанище, неведомо (Пер. – Ю. А.).

Параметризация «своего» и «чужого» в художественном дискурсе проявляется в выражении преимущественно отрицательной оценки «чужим», «иным» местам проживания:

一个人，尤其是在举目无亲、悲痛欲绝的时候，偶遇熟人，且又是自己一心相许之人，高兴之情是难以描述的。 [ВСС]. – Если человек, особенно в период *жизни вдали от близких* и горя, встречает знакомого, и этот знакомый близок его душе, то радость его неопишима (Пер. – Ю. А.).

Семантический модуль ВОЗРАСТ. Возраст рассматривается как период, степень в росте, развитии каждого человека [ТСУ]. Чэньюй, представленные в этом семантическом модуле, отражают возрастные особенности человека, его привлекательность на разных этапах жизни, связь возраста с интеллектуальными способностями. В пределах семьи возраст играет большую роль в распределении социальных ролей и имеет общественную значимость. Противопоставление «свой – чужой» проявляется здесь особенно чётко: на первом месте у китайцев всегда была семья, полное подчинение личных интересов её потребностям, и главную роль в этом процессе играло старшее поколение, пользуясь почётом и уважением у младших. Рассматриваемый семантический модуль представлен субопозициями *старший – младший, ребёнок – взрослый*.

Реализация антонимической пары *старший – младший* выражается в чэньюй 江东父老 («отцы района Цзяндун») – 乳臭未除 («запах грудного молока не устранить»).

江东父老 jiāng dōng fù lǎo (букв. 'отцы района Цзяндун') означает 'старшее поколение на родине' [БКРС]. В древности Цзяндун относился к области ниже города Уху, к югу от реки Янцзы. Это выражение указывает на старших членов семьи или рода.

他奉命带领几万人马援救朝鲜，谁知竟吃了败仗，弄得无颜见江东父老。 [ВСС]. – Ему было приказано вести войско в несколько десятков тысяч, чтобы спасти Северную Корею, но откуда было знать, что он все-таки потерпит поражение, да такое, что будет стыдно смотреть в глаза *старшему поколению на родине* (Пер. – Ю. А.).

Чэньюй восходит к книге историографа Сыма Цянь «Жизнеописание Сян Юя», входящей в «Исторические записки» («Ши цзи», 104–91 гг. до н.э.) – первый по времени создания комплексный труд по истории Древнего Китая, охватывающий период от древности до династии Западная Хань. Во время конфликта между царствами Чу и Хань Сян Юй возглавил армию из 8000 молодых людей района Цзяндун, чтобы атаковать армию Цинь. Поскольку Сян Юй был упрям и не слушал мнение своих подчинённых, он настоял на том, чтобы идти своим путём. В результате он был осаждён ханьской армией, а молодые ребята из Цзяндуна были убиты и ранены [БСКЯ].

Чэньюй 乳臭未除 rǔ chòu wèi chú (букв. 'запах грудного молока не устранить') передаёт значение 'молодой, юный' [БКРС]. Своим происхождением он обязан сборнику китайского писателя Лин Мэнчу (1632 г.) «Поразительное. Вторая часть», том 20:

[商功夫] 虽有两个外甥，不是姐姐亲生，亦且是乳臭未除，谁人来稽查得他？ [БСКЯ]. – У [отца Шан Гуна] хоть и есть два племянника, но нет биологических детей его сестры, к тому же они *юны*, кто будет его проверять? (Пер. – Ю. А.).

В художественных произведениях оппозиция «свой – чужой» на примере чэньюй 乳臭未除 актуализирует образ молодого, несмышленного юнца, характеризуя его как «чужой» элемент, с эмоциональной оценкой:

她说，那些乳臭未除的孩子和一些乱七八糟的大学生，因为不懂事，害得乡下人受苦。可是，我们不是看见——方才被抓去的人的确是个好人，是个可靠的人，就是眼前这位上了年纪的太太，看来也不是什么富家大户出身。[CCL]. – Она сказала, что эти **юнцы** и несколько неряшливых студентов заставляют жителей деревни страдать из-за своего невежества. Однако мы не увидели – человек, которого только что арестовали, действительно был хорошим человеком, надёжным человеком, и даже стоявшая перед ней пожилая дама не казалась из обеспеченной семьи (Пер. – Ю. А.).

Семантический модуль ОБРАЗОВАНИЕ. Под образованием понимается процесс педагогически организованной социализации, объединяющий обучение и воспитание, обеспечивающие культурную преемственность поколений и готовность человека к выполнению социальных и профессиональных ролей [БРЭ]. Отнесённые к данному модулю чэньюй описывают отношение родителей к детям, наставления, советы, методы воздействия на детей, образовательный уровень человека. В речевой практике смысловыми репрезентантами семантической оппозиции «свой – чужой» выступают единицы, фиксирующие разницу уровня образования членов лингвокультурного сообщества: *образованность – невежество, воспитанность – хамство, способность – бездарность*.

Субоппозиция *способность – бездарность* объективируется такими чэньюй, как 女中丈夫 ('женщина с сильным, как у мужчины, характером') – 谋夫孔多 ('мужей совета очень много').

Чэньюй 女中丈夫 nǚ zhōng zhàng fu (букв. 'мужеподобная среди женщин') передаёт значение 'выдающаяся женщина; женщина, обладающая способностями благородного мужа; воительница, героиня' [БКРС]. Впервые упоминается в сборнике китайского писателя Лин Мэнчу (1632 г.) «Поразительное. Вторая часть», том 17:

虽说你是个女中丈夫，是你去毕竟停当。只是万里程途，路上恐怕不便。[БСКЯ]. – Хотя ты и **выдающаяся женщина**, в конце концов именно ты должна туда отправиться. Это долгое путешествие, поэтому я боюсь, что в дороге могут быть трудности (Пер. – Ю. А.).

В описываемом чэньюй находит языковое выражение образ выдающейся, умной, сильной женщины, не боящейся трудностей и обладающей лучшими качествами мужчин. Положительную аксиологическую окраску чэньюй 女中丈夫 находим и в произведениях китайской художественной литературы:

这位身体健壮的女中丈夫，看上去却毫无丈夫气概，倒是更象一位母性型的农妇。[CCL]. – Эта крепкая **выдающаяся женщина** выглядит совсем не по-мужски, а больше похожа на матушку-крестьянку (Пер. – Ю. А.).

Что касается чэньюй 谋夫孔多 móu fū kǒng duō (букв. 'отцов совета очень много' (Пер. – Ю. А.)), в языковой практике он несёт значение 'хотя строящих планы много, но они все недобродетельные и неспособные'. Впервые был употреблён в «Малых одах», втором из четырёх разделов одного из древнейших памятников китайской литературы «Шицзин» (XI–VI вв. до н. э.):

谋夫孔多，是用不集。[БСКЯ]. – **Хотя строящих планы много, но они все недобродетельные и неспособные**, а потому успеха не будет (Пер. – Ю. А.).

Он используется в ситуациях, когда советников очень много, но пользы от них нет, разрешения проблемы не происходит.

Субоппозиция *способность – бездарность* может рассматриваться сквозь призму «свой – чужой» в художественном дискурсе. Чэньюй 谋夫孔多 встречаем в романе-осуждении У Цзяньжэня (1867–1910, китайского писателя времен династии Цин) «Запутанный мир», том 2, впервые опубликованном в 1906 году:

这个差使本是丁忧后委的，现在就是续丁，谅亦无改委之理。但是谋夫孔多，还要求在抚台面前保举点的话。[БСКЯ]. – 'Этот посыльный изначально был назначен Дин Ю, и сейчас он продолжает на него работать, полагаю, что нет причин менять это

назначение. Однако *отцов совета очень много*, еще нужно порекомендовать его перед лицом генерал-губернатора' (Пер. – Ю. А.).

Роман «Запутанный мир» в основном отражает мрачную реальность чиновничества в провинции Хунань, Гуандун и Гуанси, а также Фуцзянь в конце династии Цин. В то же время в книге содержатся некоторые обобщения текущего положения чиновничества, на которое возложена функция полицейских и спасителей мира. Вся книга состоит из множества независимых рассказов, и в этих рассказах раскрываются всевозможные тёмные сцены в официальной жизни поздней династии Цин. Некоторые из них разоблачали плохие дела, связанные с коррупцией, взяточничеством и злоупотреблением служебным положением.

Семантический модуль КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА.

Согласно определению, данному в «Толковом словаре Дмитриева», качеством называется особое свойство человека, которое его характеризует [ТСД]. В рамках оппозиции «свой – чужой» родители, мыслимые как «свои», являют собой образец для подражания, вызывают чувство уважения и любви. Данный семантический модуль конкретизируется субопозициями *доброта – жестокость, добродетель – порочность, порядочность – вульгарность, честность – лживость, наивность – расчетливость, образованность – невежество, нравственность – вульгарность, жадность – щедрость*.

Так, смысловыми репрезентантами дифференциальных признаков *добродетель – порочность* внутри семантической оппозиции «свой – чужой» могут выступать следующие чэньюй:

母仪之德 mǔ yí zhī dé (букв. 'добродетель идеальной матери') означает 'образец для подражания для матерей, достоинства матери' [БСКЯ] (Пер. – Ю. А.). При этом имеются в виду нравственные качества женщины, ее добропорядочность. Добродетель рассматривается как хорошее, нравственное качество или поведение человека, отсутствие греха и порока [ТСД].

皇帝曰，咨某官某姓之女，有母仪之德，窈窕之姿，如山如河，宜奉宗庙，永承天祚。[ВСС]. – Император сказал, что дочь некоего чиновника и некоей фамилии обладает *добродетелью идеальной матери*, утончённым внешним видом, подобна горам и рекам (Пер. – Ю. А.).

Впервые это выражение было использовано в произведении китайского полководца и поэта Цао Цао «План королевы Ли Ли Бянь» (155–220 гг.), в отношении королевы Бянь, воспитывающей мудрецов и обладающей достоинствами добродетельной матери [БСКЯ]. Образ матери отличается не только добротой, но и красотой, нежностью и мягкостью.

Второй чэньюй, иллюстрирующий антонимическую пару *добродетель – порочность*, – 頑父嚚母 wán fù yín mǔ (букв. 'бестолковый отец, дурная мать' (Пер. – Ю.А.)). Он описывает невежественных и деспотичных родителей. Под порочностью понимается то, что обладает пороками, подвержено им, безнравственно [ТСУ]. Чэньюй впервые встречается в «Книге истории, Раздел Яо»:

父頑，母嚚，象傲。[БСКЯ]. – *Отец глупый, мать дурная*, брат – гордец (Пер. – Ю. А.).

Речь идёт об упрямом отце Юй Шуня (легендарного императора древности, правившего якобы с 2255 по 2208 гг. до н. э.), жестокой мачехе и злобном младшем брате, которые объединяются, чтобы убить его. Юй Шунь много раз сбежал, и в дальнейшем не винил прошлое, проявлял почтительность и к родителям, и к старшему брату.

Употребление чэньюй 頑父嚚母 находим в романе Тан И Со «Жёлтая гортензия», 23 глава:

有本领，遇着贤父兄自然不必说，便遇着頑父嚚母，也可以渐渐劝化。[БСКЯ]. – Если у вас есть способности, вам не нужно ничего говорить, когда вы встречаете мудро-

го отца и брата, а при встрече с *упрямыми отцом и матерью* также можно постепенно убеждать их делать добро (Пер. – Ю. А.).

«Жёлтая гортензия» – роман конца династии Цин, опубликованный в 1905 году. Он рассказывает историю Жёлтой гортензии, которая полна решимости сделать землю красивой и новой и возглавляет независимое самоуправление свободной деревни. Сосредоточенная на самой острой и чувствительной социальной проблеме того времени, проблеме женского освобождения, она описывает пробуждение современного женского сознания, формирует социальный образ женщины и новый тип отношений между полами.

Семантический модуль ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. Под поведением человека подразумевается взаимодействие с окружающей средой, включающее двигательную активность и ориентацию по отношению к этой среде [БЭС]. Данный семантический модуль конкретизируется оппозитивными парами *смелость – трусость, верность – предательство, подражание – нарушение, самостоятельность – зависимость, приличие – разврат, расчёт – бескорыстие, эгоизм – самоотверженность, справедливость – лживость* и другими.

Определение смелости, данное в словарях, фиксирует значения «отвага, решимость, смелое поведение» [ТСУ]. Это качество в китайской культуре большей частью приписывается мужской части населения, отец для китайцев – воплощение силы, храбрости, отваги.

Чэньюй 万夫莫敌 wàn fū mò dí (букв. 'десять тысяч отцов не победят (его)') имеет значение 'непобедимый, храбрый, бесстрашный' [БКРС]. Он описывает человека, чья смелость во много раз превышает отвагу и мужество множества отцов, вербализует коллективные представления об отце-защитнике, отстаивающем своих близких и родину.

他看起来像是万夫莫敌的狂人，列祖列宗的血液都在他的体内沸腾，就像是主神之战中的骑神欧罗米一样威风凛凛。[BBC]. – Он похож на *непобедимого* безумца, а в его теле кипит кровь предков, такой же величественный, как верховный бог Ороми в битве главных богов (Пер. – Ю. А.).

Этимология описываемого чэньюй восходит к роману 16 века Сюй Чжунлиня «Возвышение в ранг духов», в нём отражены легенды о героях конца династии Шан – начала Чжоу.

В отличие от описанного, чэньюй 阿斗太子 ā dòu tài zǐ (букв. 'сын Неба – тряпка') имеет значение 'трусливый и некомпетентный человек' [БСКЯ]. В нём говорится о правителе царства Шу, сыне Лю Бэя (одного из наиболее могущественных полководцев эпохи Троецарствия, основателя царства Шу), слабовольном Лю Чане по прозвищу Адоу. Этот человек посредственный и некомпетентный, и хотя Чжугэ Лян (полководец, государственный деятель) и другие полностью его поддерживают, он не может возродить царство Шу. Рассмотрим употребление чэньюй 阿斗太子 в художественном дискурсе. Он встречается в романе современного китайского писателя Гао Яна (11.04.1922–06.06.1992 гг.) «Красные шарик предпринимателя Ху Сюэянь». В книге изображены различные персонажи, в том числе коррумпированные чиновники, компрадоры, спекулянты, а также красивые и добродетельные женщины, каждый из которых очень ярко и достоверно описан:

七姑奶奶说：“做个女人家，无非走一步帮夫运；天大的本事，也是有限制的，丈夫是个阿斗太子，哪怕你是诸葛亮，也只好叹口气...” [CCL]. – Бабушка Ци сказала: «Быть женщиной – это не более чем шаг навстречу удаче вашего мужа; даже у необъятных способностей есть пределы, и если ваш муж – *трусливый и некомпетентный человек*, то, даже если вы – Чжугэ Лян, вам остаётся только вздыхать...» (Пер. – Ю. А.).

Семантический модуль ЧУВСТВА ЧЕЛОВЕКА. Чувство интерпретируется как способность ощущать, испытывать, воспринимать внешние

воздействия, как само ощущение, а также как эмоция, переживание [ТСРЯ]. Семантический модуль детализируется субпозициями *ответственность – равнодушие, радость – горесть, покой – боль, уверенность – сомнение, близость – одиночество* и другими.

Антонимическая пара *покой – боль* получает языковое выражение в семантике чэньюй 和乐且孺 'братья веселы и нежны друг с другом' – 母难之日 'день материнских мук'.

Чэньюй 和乐且孺 hé lè qiè rú (букв. '[братья] гармонично веселы и нежны друг с другом' [БКРС]) передаёт значение 'согласие в семье, покой, легкость, безмятежность'. Фразема своими корнями восходит к одному из древнейших памятников китайской литературы XI–VI вв. до н. э. «Шицзин» («Книга песен»). В «Малой Оде» из «Шицзин», «Чан ди» («Слива»), воспевается братская любовь.

Второй элемент субпозиции, *боль*, осмысливается как чувство скорби, страдания [ТСУ]. Образ матери вызывает у китайцев не только положительные коннотации, но и вербализует ощущение физической боли, испытанной ею при родах.

Чэньюй 母难之日 mǔ nàn zhī rì (букв. 'день материнских мук') означает '(мой) день рождения' [БКРС]. По своему происхождению восходит к собранию заметок Бай Тина (1248–1328 гг.) «Слова в глубокой тишине»:

近刘极斋（宏济），蜀人，遇诞日，必斋沐焚香端坐，曰：“父忧母难之日也。” [БСКЯ]. – Рядом с Лю Цзичжаем (Хунцзи), уроженцем Шу, в свой день рождения он будет есть и возжигать благовония и сидеть прямо, говоря: «Отец умер в тот день, когда *мать была в муках!*» (Пер. – Ю. А.).

В древнем Китае не было принято праздновать дни рождения детей и даже делать в этот день подарки. Китайцы считали, что празднование дня рождения детей уменьшает их продолжительность жизни. Не было принято отмечать день (день рождения ребёнка), когда мать испытывала сильную боль [Лю, Чуныцзэй, 2009, с. 297], поэтому, вероятно, чэньюй 母难之日 используется в произведениях художественной литературы с оттенком сожаления, печали:

阿圆懂事后，每逢生日，锤书总要说，这是母难之日。可是也难为了爸爸，也难为了她本人。她是死而复生的。她大概很不愿意，哭得特响。[ВВС]. – После того, как А Юань повзрослел, каждый его день рождения Чжун Шу говорил, что это *день лишения матери*. Но и отцу тяжело, и ей тоже. Она умирала и возвращалась к жизни. Вероятно, она очень сопротивлялась и громко плакала (Пер. – Ю. А.).

Семантический модуль РОД ЗАНЯТИЙ. Род занятий позиционируется как постоянное занятие, вид деятельности [ТСРЯ]. К данной категории относятся род деятельности, характер работы, специальность. Актуализация смыслов «свой – чужой» происходит через антонимические пары *правитель – подчинённый, император – простой народ* и другие.

Под правителем понимается тот, кто правит (страной, государством) [ТСУ]. Чэньюй 真命天子 zhēn mìng tiān zǐ (букв. 'предначертанный судьбой Сын Неба') в современном языке означает 'принц на белом коне, мечта девушки' [БКРС]. В старину так называли императора, удостоенного (имевшего честь) принять волю Неба (мандат на царство) и пришедшего в этот мир. Впервые встречается в сборнике китайского писателя Фэн Мэнлуна (1574–1646 гг.) «Юйшиминъянь» («Слово, способное разбудить мир», «Слово назидательное, мир наставляющее»), том 14:

先生二十五六年前，便识透宋朝的真命天子了。 [БСКЯ]. – Ещё 25–26 лет назад господин распознал *истинного императора* династии Сун (Пер. – Ю. А.).

Чэньюй 天子门生 tiān zǐ mén shēng (букв. 'ученик Сына Неба') репрезентирует вторую часть субпозиции *правитель – подчинённый*, актуализируя значение 'кандидат на должность', 'Ваш ученик (о себе)' [БКРС]. В древности данным чэньюй описывали кандидатов, допущенных самим императором или первым лицом во время дворцового

испытания. Система сдачи государственных экзаменов в традиционном Китае называлась «кэцзюй» (科举 kējǔ). Она позволяла беспристрастно оценивать и отбирать людей для занятия чиновничьих должностей.

Кэцзюй возникла при династии Суй (581–618 гг.), заменив существовавшую до того, не слишком справедливую «систему девяти рангов» (九品 jiǔpǐn). По итогам такого экзамена испытуемые получали один из девяти рангов. При этом, большую роль играла субъективная точка зрения оценивающих, отсутствовали чёткие критерии отбора.

При династии Тан (618–907 гг.) кэцзюй довели до совершенства. Были чётко определены параметры сдачи экзаменов, взаимоотношения с преподавателями, время каникул. Благодаря новой системе, в сдаче экзаменов теперь могли участвовать не только знатные аристократы. Однако экзаменационные усилия всё равно стоили недёшево, ведь необходимо было заниматься с учителями, доехать на место экзаменов и т. д. [BJS].

Возникновение чэньюй 天子门生 связано с книгой Юэ Кэ (годы жизни около 1173–1240) «История Тин, ученика Сына Неба»:

卿乃朕自擢，秦桧日荐士，曾无一言及卿，以此知卿不附权贵，真天子门生也。 [БСКЯ]. – Ваше Превосходительство, человек, которого рекомендовал Цинь Хуэй, никогда не упоминал Вас, поэтому я знаю, что Вы не привязаны к власти и сановникам, как *истинный ученик Императора* (Пер. – Ю. А.).

Семантический модуль СЕМЕЙНОЕ СОСТОЯНИЕ.

Под семейным состоянием понимается положение человека в демографической структуре семьи, данный термин указывает, входит ли человек в семью и какое место занимает среди других её членов [ДЭС]. В структуру данного семантического модуля входят, среди прочих, такие субпозиции, как *бездетность – многодетность, супружество – холостая жизнь, официальный брак – сожительство, родной ребёнок – приёмный ребёнок*.

Рассмотрим актуализацию антонимической пары *бездетность – многодетность* на примере чэньюй 伯道无儿 bó dào wú ér (букв. 'у Бодао нет детей') и 儿女成行 ér nǚ chéng háng (букв. 'детей можно выстроить в линию').

Чэньюй 伯道无儿 bó dào wú ér употребляется в значении «отсутствие детей у другого человека». Обычно употребляется в эмоционально окрашенных высказываниях, выражающих сожаление, сетование, сочувствие. Впервые находим в книге «История династии Цзинь» (пятая из «24 династических историй» 二十四史), составленной Фан Сюаньлином в 648 г. во времена династии Тан:

天道无知，使邓伯道无儿。 [БСКЯ]. – Незнание законов природы делает *Дэна Бодао бездетным* (Пер. – Ю. А.).

По легенде, Дэн Ю из династии Цзинь, названный Бодао, чтобы избежать войны, бежал вместе с сыном и племянником. В критический момент он бросил сына и спас племянника. Позже у Бодао не было детей в жизни. В то время многие люди были тронуты его ситуацией и с сожалением говорили: «Незнание небесных законов сделало Дэна Бодао бездетным».

Чэньюй 伯道无儿, объективирующий признак *бездетность*, в художественном дискурсе несёт оттенок сопереживания, сочувствия чужой проблеме: в древней китайской семье очень важно было иметь потомство, чтобы привлекать его к работе в поле и зарабатыванию денег. Эту тенденцию можно увидеть на примере произведения «Надпись храма Ю Силян в старом зале брата ланчжуна» автора Хань Юй (768–824 гг.), китайского философа, историка, писателя, поэта, каллиграфа:

中郎有女能传业，伯道无儿可保家。 [БСКЯ]. – У Чжун Лана есть дочь, которая может продолжить его карьеру, а у *Бодао нет детей*, которые бы защитили свою семью (Пер. – Ю. А.).

Оппозитивный по семантике чэньюй 儿女成行 ér nǚ chéng háng (букв. 'детей можно выстроить в линию'), описывает большое количество детей в семье. Истоки

чэньюй восходят к произведению Ду Фу (712–770гг.), китайского поэта эпохи Тан, «Посвящение Вэйба Чуши»:

昔别君未婚，儿女忽成行。[БСКЯ]. – В прошлом Бецзюнь не был женат, и неожиданно у него появилось *много детей* (Пер. – Ю. А.).

В произведениях художественной литературы чэньюй актуализирует образ плодотворной женщины, занятой семьёй и воспитывающей своих многочисленных детей:

但谁知姐姐相隔二十二年以后，她会是一个什么样的处境呢？然而，伊汝是那种特别重感情的人——这是他的致命伤啊！要是不去感激这个救过他命、给过他真正爱情的姐姐，那就不是他伊汝了。也许，会给她带来难堪、带来烦恼，姐姐肯定是一位儿女成行的妈妈了；这是他一路上感到后悔的、责备自己冒失唐突的地方。[ССЛ]. – Но кто знает, в какой ситуации окажется Ню Ню через 22 года разлуки? Однако И Ру из тех людей, которые придают большое значение чувствам – это его уязвимое место! Если не поблагодарить спасшую его, подарившую ему настоящую любовь Ню Ню, то он не будет И Ру. Возможно, это принесёт ей смущение и неприятности, Ню Ню, должно быть, теперь мать *с многочисленными детьми*; об этом он сожалеет по дороге и винит себя за безрассудство и опрометчивость (Пер. – Ю. А.).

Семантический модуль СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ. Под социальной стратификацией понимается структура общества и его слоёв, система признаков социальной дифференциации, на основе которого общество делится на классы и страты (высшие, средние и низшие) [СЭ]. В рамках данного семантического модуля нами были выделены субоппозиции *богатство – бедность, аристократизм – простолюдинство*.

Примерами антонимической пары *аристократизм – простолюдинство* выступают чэньюй 乌衣子弟 wū yī zǐ dì (букв. 'дети квартала Уисян') и 匹夫匹妇 pǐ fū pǐ fù (букв. 'мужья и жёны-простолюдины').

Чэньюй 乌衣子弟 означает 'дети аристократов, барчуки' [БКРС]. Район Уисян, упоминаемый в нём, – аристократический квартал в Нанкине в IV–V вв. Во времена династии Восточная Цзинь в переулке Уи жили аристократические семьи Ван Дао, Се Ань и другие известные династии. Впоследствии этот чэньюй стал описывать детей из богатых семей. Его этимология восходит к легендарной пьесе «Веер с персиковыми цветами» Кун Шанжэня (1648–1718), китайского поэта, писателя, драматурга времён династии Цин:

水阁含春，便有那乌衣子弟伴红裙。[БСКЯ]. – Когда павильон у воды дышит весной, там появляются *дети квартала Уисян*¹ в сопровождении служанок в красных юбках (Пер. – Ю. А.).

Чэньюй 匹夫匹妇 означает 'мужики и бабы', 'простые люди', 'простолюдины и простолюдинки' [БКРС]. Он описывает простых людей из обычных семей, впервые упоминается в «Книге истории», «Чтимой книге» (альтернативное название древнего трактата «Шуцзин» (书经), входящего в конфуцианский канон «Пятикнижие» 五经):

匹夫匹妇，不获自尽。[БСКЯ]. – *Простолюдины и простолюдинки*, если не получают требуемого, то покончат с собой (Пер. – Ю. А.).

Чэньюй 匹夫匹妇, используя в художественном дискурсе, часто получает негативную аксиологическую трактовку, указывая на низкий социальный статус и выражая пренебрежение:

有那么多的半文盲、市侩、市井小人、匹夫匹妇、帮会门派，他们读的作品能高雅吗？[ССЛ]. – Столько полуграмотных людей, обывателей, пошляков, *мужиков и баб*, банд и сект, умеют ли они изящно читать произведения? (Пер. – Ю. А.).

Семантический модуль РОДСТВО. Под родством понимается отношение между людьми, создаваемое наличием общих ближайших предков

¹ Квартал Уисян (букв. 'улица вороньих одежд') – это аристократический квартал в г. Цзинлине (современный Нанкин). Отсюда дети квартала Уисян – это дети аристократов.

[ТСУ]. Данный семантический модуль детализируется следующими субоппозициями: *родственные отношения – неродственные отношения, предки – потомки, близкое родство – дальнее родство* и другими. Объективация антонимической пары *предки – потомки* реализуется на примере чэньюй 乃祖乃父 nǎi zǔ nǎi fù (букв. 'твои предки, твой отец') – 后生小子 hòu shēng xiǎo zǐ (букв. 'сыны подрастающего поколения').

Чэньюй 乃祖乃父 описывает дедов и отца, старшее поколение в семье. Впервые встречается в «Книге истории», «Чтимой книге»:

惟乃祖乃父，世笃忠贞。[БСКЯ]. – Только лишь *твои предки и отец* самые честные, верные и искренние в этом мире (Пер. – Ю. А.).

В художественных произведениях чэньюй 乃祖乃父 получает положительную аксиологическую трактовку, выражая уважение и почтительность:

德国音乐家守着乃祖乃父的营地，认为在他们往日的胜利之后，世界的进化已经登峰造极。[ВВС]. – Немецкие музыканты охраняют *лагерь своих дедов и отцов*, считая, что мировая эволюция достигла пика после их прошлых побед (Пер. – Ю. А.).

Второй член субоппозиции *предки – потомки* объективируется в чэньюй 后生小子, имеющем значение 'молодёжь, младшее поколение' [БКРС]. В древние времена использовался в качестве презрительного обращения, используемого старшими по отношению к младшим и учителями по отношению к ученикам. По своему происхождению восходит к произведению Юй Вэньбао «Заметки о свистящем в кольцо эфеса мече»:

恐数十年后老成凋丧，后生小子，不知根柢，耳濡目染，目变而复还。[БСКЯ]. – Боюсь, что через несколько десятков лет я состарюсь и увяну, а мой *подрастающий ребёнок* не будет знать корней, сформируется под влиянием окружающего мира (Пер. – Ю. А.).

В произведениях художественной литературы чэньюй 后生小子 может выражать разную оценку: от нейтральной до самоуничижительной, в юмористическом ключе выставляющей говорящего перед собеседниками:

俞莲舟一眼瞅见段子羽，过来道：“段先生，怎么华山派也阻在这儿了？”段子羽笑道：“有这么多前辈在此，岂有我这后生小子出头的道理。”[ВВС]. – Юй Ляньчжоу взглянул на Дуань Цзыюя, подошёл и сказал: «Господин Дуань, почему здесь заблокирована ещё и партия Хуашань?» Дуань Цзыюй улыбнулся и сказал: «Здесь так много пожилых людей, разве есть у меня причина вести себя как *маленький мальчик?*» (Пер. – Ю. А.).

Следует особо отметить разную частоту встречаемости чэньюй в исследуемом типе дискурса. Так, семь из рассмотренных в данной статье чэньюй – 少女嫩妇 shào nǚ nèn fù, 须眉男子 xū méi nán zǐ, 父母之邦 fù mǔ zhī bāng, 谋夫孔多 móu fū kǒng duō, 顽父鬻母 wán fù yín mǔ, 天子门生 tiān zǐ mén shēng и 乌衣子弟 wū yī zǐ dì – крайне трудно найти в современных произведениях китайской художественной литературы, а в повседневной жизни они вообще не используются, поскольку являются устаревшими. Несмотря на это, они остаются неотъемлемой частью китайского лингвокультурного наследия.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование актуализации оппозиции «свой – чужой» в художественном дискурсе позволило прийти к следующим выводам. Во-первых, эта оппозиция широко представлена в паремиологическом пространстве китайского художественного дискурса, отражающем образно-речевые стереотипы этой лингвокультуры. Категоризация действительности на группы «своих, близких, родных» и «чужих, далёких, непонятных» отражает механизмы корреляции между внутренней формой языковых единиц и элементами языкового сознания, что обусловлено когнитивно-прагматической природой китайских чэньюй.

Во-вторых, чэньюй с компонентами «свой» и «чужой» в китайском художественном дискурсе вербализуют общие признаки, связанные с антропоцентрическими харак-

теристиками субъекта познания, его позицией и аксиологической оценкой, транслируя национальные ценности и культурную уникальность китайской лингвокультуры.

В-третьих, чэньюй с компонентами «свой» и «чужой» вступают в антонимические связи, которые реализуются как субопозитивные признаки внутри семантических модулей, что обусловлено универсальным характером оппозиции «свой – чужой», отражающим бинарную категоризацию мира. Анализ практического материала подтверждает аксиологические черты оппозиции «свой – чужой», конкретизируемые через антонимические пары: «своё» отмечается как хорошее, при этом «чужое» не маркируется, а «чужое» отмечается как плохое без упоминания «своего». Наиболее ярко эти черты проявляются в семантических модулях МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ, КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА, СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ и РОДСТВО.

Библиографический список

- Арутюнова, 1990 – Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. 247 с.
- Арутюнова, 1999 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Ворожбитова, 2014 – Ворожбитова А. А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. М. : Флинта : Наука, 2014. 376 с.
- Зубарева, Шустова, 2022 – Зубарева Е. О., Шустова С. В. Концептуальное поле «Миграция»: Опыт лингвистического моделирования. М. : URSS. 2022. 180 с.
- Карасик, 2002 – Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Кубрякова, 1995 – Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М. : Рос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144–238.
- Кубрякова, Александрова, 1999 – Кубрякова Е. С., Александрова О. В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста : доклады VII междунар. конф. М., 1999. С. 186–197.
- Лю, Чуньцзэй, 2009 – Лю Л., Чуньцзэй Л. Воспитательные аспекты китайских обрядов, связанных с рождением детей и первым годом их жизни // Вестник Башкирского ун-та. 2009. Т. 14. № 1. С. 294–297.
- Маслова, 2014 – Маслова В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста: монография. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2014. 104 с.
- Прудников, 2013 – Прудников М. Н. История государства и права зарубежных стран : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2013. 811 с.
- БКРС – 大БКРС DàBKРС [Большой китайско-русский словарь]. URL : <https://bkrs.info/> (дата обращения : 01.06.2022).
- БРЭ – Большая российская энциклопедия. URL : <https://bigenc.ru/education/text/2673919> (дата обращения : 01.06.2022).
- БСКЯ – 汉语大辞典 Hànyǔ dàcídiǎn [Большой словарь китайского языка]. URL : <http://www.hydc.com/> (дата обращения : 01.06.2022).
- БЭС – Большой энциклопедический словарь. URL : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (дата обращения : 01.06.2022).
- ДЭС – Демографический энциклопедический словарь. URL : <https://demography.academic.ru/> (дата обращения : 01.06.2022).
- СЧ – 成语宝典 Chéngyǔ bǎodiǎn [Собрание чэньюй]. URL : <https://chengyu.duwenz.com/> (дата обращения : 01.06.2022).
- СЭ – Современная энциклопедия. URL : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc1p/> (дата обращения : 01.06.2022).

- ТСД – Толковый словарь Дмитриева. URL : <http://endic.ru/dmytriev> (дата обращения : 01.06.2022).
- ТСРЯ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL : <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения : 01.06.2022).
- ТСУ – Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. URL : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения : 01.06.2022).
- ВСС – 汉语语料库 Hànyǔ yǔliàokù [Корпус современного китайского языка]. URL : <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения : 01.06.2022).
- BJS – BJS. URL : <https://bjs.city/keczzyuj-sistema-ekzamenov-v-imperatorskom-kitae/> (дата обращения : 01.06.2022).
- CCL – 北京大学汉语语料库 Běijīng dàxué hànyǔ yǔliàokù [Корпус китайского языка Пекинского университета]. URL : http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения : 01.06.2022).
- Zdic – Zdic. URL : <https://www.zdic.net/> (дата обращения : 01.06.2022).

References

- Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs [Discourse]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. 2nd edn., with corrections. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Vorozhitova, A. A. (2014). *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Linguistic-rhetorical paradigm: Theoretical and applied aspects]. Moscow : Flinta Press : Nauka Press. (In Russ.).
- Zubareva, E. O., Shustova, S. V. (2022). *Kontseptual'noe pole «Migratsiya»: Opyt lingvisticheskogo modelirovaniya* [Conceptual field «Migration»: The experience of linguistic modeling]. Moscow : URSS Press. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Yazykovyy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena Press. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1995). *Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza)* [The Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (An experience of paradigm analysis)]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the late 20th century]. Moscow : Rossiyskiy Gumanitarnyy Universitet Press. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Aleksandrova, O. V. (1999). O konturakh novoy paradigmy znaniya v lingvistike [On the contours of a new paradigm of knowledge in linguistics]. *Struktura i semantika khudozhestvennogo teksta* [Structure and semantics of a literary text]: VII International conference reports (pp. 186–197). Moscow. (In Russ.).
- Liu, L., Chunzei, L. (2009). Vospitatel'nye aspekty kitayskikh obryadov, svyazannykh s rozhdeniem detey i pervym godom ikh zhizni [Educational aspects of Chinese rituals associated with the birth of children and the first year of their life]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 14 (1), 294–297. (In Russ.). <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2018.1.38>
- Maslova, V. A. (2014). *Kognitivnyy i kommunikativnyy aspekty khudozhestvennogo teksta* [Cognitive and communicative aspects of literary text]. Vitebsk : Vitebsk State University Press. (In Russ.).
- Prudnikov, M. N. (2013). *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of the state and law of foreign countries]: A coursebook. 6th edn., with corrections and addenda. Moscow : Yurayt Press. (In Russ.).
- BKRS (n. d.). *Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar'* [Big Chinese-Russian dictionary]. Retrieved June 1, 2022 from <<https://bkrs.info/>>. (In Chinese and Russ.).
- BRE (n. d.). *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian encyclopedia]. Retrieved June 1, 2022 from <<https://bigenc.ru/education/text/2673919>>. (In Russ.).
- BSKYA (n. d.). 汉语大辞典 Hànyǔ dàcídiǎn [Large Chinese dictionary]. Retrieved June 1, 2022 from <<http://www.hyded.com/>>. (In Chinese).
- BES (n. d.). *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Great encyclopedic dictionary]. Retrieved June 1, 2022 from <<https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/>>. (In Russ.).

- DES (n. d.). *Demograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Demographic encyclopedic dictionary]. Retrieved June 1, 2022 from <<https://demography.academic.ru/>>. (In Russ.).
- SCH (n. d.). 成语宝典 *Chéngyǔ bǎodiǎn* [Collection of chengyu]. Retrieved June 1, 2022 from <<https://chengyu.duwenz.com/>>. (In Chinese).
- SE (n. d.). *Sovremennaya entsiklopediya* [Modern encyclopedia]. Retrieved June 1, 2022 from <<https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc1p/>>. (In Russ.).
- TSD (n. d.). *Tolkovyy slovar' Dmitrieva* [Explanatory dictionary named after Dmitriev]. Retrieved June 1, 2022 from <<http://endic.ru/dmytriev>>. (In Russ.).
- TSRYA (n. d.). Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Retrieved June 1, 2022 from <<http://ozhegov.info/slovar/>>. (In Russ.).
- TSU (n. d.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka pod redaktsiey D. N. Ushakova* [Explanatory dictionary of the Russian language. Ed. by D. N. Ushakov]. Retrieved June 1, 2022 from <<https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>>. (In Russ.).
- BCC (n. d.). 汉语语料库 *Hànyǔ yǔliàokù* [Modern Chinese language corpus]. Retrieved June 1, 2022 from <<http://bcc.blcu.edu.cn/>>. (In Chinese).
- BJS (n. d.). Retrieved June 1, 2022 from <<https://bjs.city/keczyuj-sistema-ekzamenov-v-imperatorskom-kitae/>>. (In Russ.).
- CCL (n. d.). 北京大学汉语语料库 *Běijīng dàxué hànyǔ yǔliàokù* Center for Chinese linguistics PKU. Retrieved June 1, 2022 from <http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/>. (In Chinese).
- Zdic (n. d.). Retrieved June 1, 2022 from <<https://www.zdic.net/>>. (In Chinese).

Статья поступила в редакцию 26.07.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 09.12.2022.
The article was submitted 26.07.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 09.12.2022.

Задобри́вская Оксана Фёдоровна

Рыбницкий филиал Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко

г. Рыбница, Приднестровье

kesha25@list.ru

Географическая дистрибуция ментефактов-вместилищ в английском языке

Аннотация

В статье предпринята попытка выявить, каким образом ментефакты, категоризирующиеся по образу и подобию вместилища, распределяются по вариантам (20) английского языка. Практическое исследование проводилось на материале корпусов М. Дэвиса (как правило, Corpus of Global Web-Based English (GloWbE) и Newspapers on the Web (NOW) с привлечением корпуса The intelligent Web-based Corpus (iWeb) для верификации некоторых данных), соответственно, контексты были извлечены из новостного дискурса. Отбирались примеры с классифицирующими конструкциями именного криптокласса «Res Continens», анализировались словоупотребления ментефактов-вместилищ в этих конструкциях. В результате оказалось, что словоупотребления с непредметными именами – ментефактами – были зафиксированы как в устоявшихся (американском, британском, канадском и др.), так и в неустоявшихся (танзанийском, гонконгском, ямайском и др.) вариантах английского языка. Были выявлены наиболее часто употребляемые ментефакты и те, которые употребляются окказионально. Проанализирована географическая распределённость непредметных имён, определены варианты английского языка, в которых ментефакты чаще категоризируются по аналогии с вместилищем, а следовательно, безусловно, входят в криптокласс «Res Continens».

Ключевые слова: ментефакт, вместилище, вариант языка, классифицирующая конструкция, словоупотребление, корпус

© Задобри́вская О. Ф. 2023

Для цитирования: Задобри́вская О. Ф. Географическая дистрибуция ментефактов-вместилищ в английском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 36–49. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_36

Oxana F. Zadobrivskaia

Rybnitsa branch of the Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko

Rybnitsa, Pridnestrovie

kesha25@list.ru

Geographical distribution of mentefacts-containers in English

Abstract

The article aims to identify the way mentefacts categorized by the image and likeness of container, are distributed among 20 World Englishes. The material for the study was obtained from M. Davis's corpora (basically, Corpus of Global Web-Based English (GloWbE) and Newspapers on the Web (NOW), The intelligent Web-based Corpus (iWeb) was also involved to verify some data), therefore, the contexts were extracted from news discourse. Examples with the classifying constructions of the cryptoclass «Res Continens» were selected, tokens of mentefacts-containers in these constructions were analyzed. As a result, tokens with the non-object names, i.e. mentefacts, were found both in the established (American, British, Canadian, etc.) and in the non-established (Tanzanian, Hong Kong, Jamaican, etc.) variants of the English language. The most commonly used mentefacts as well as those used occasionally were identified. The geographical distribution of non-object names was also

analyzed. This enabled to determine those Englishes where mentefacts are more often categorized by analogy with container, and therefore, have all reasons to be included in the cryptoclass «Res Continens».

Keywords: mentefact, container, language variant, classifying construction, token, corpus

© Zadobrivscaia O. F. 2023

For citation: Zadobrivscaia, O. F. (2023). Geograficheskaya distributsiya mentefaktov-vmestilishch v angliyskom yazyke [Geographical distribution of mentefacts-containers in the English language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 36–49. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_36

1. Введение [Introduction]

Ментефакт является продуктом интеллектуальной деятельности человека, представляющим ментальное воспроизведение финальной стадии интеллектуальных изысканий человека. Такого рода воспроизведение может инкорпорироваться в различные структуры, в том числе ментальные, которые были задействованы в процессе формирования. Они указывают на изменение ситуации и интеллектуальные усилия субъекта.

С учётом вариативности, присущей английскому языку, актуальность исследования вполне обоснована: во-первых, именная лексика – класс ментефактов – получает системное представление, во-вторых, расширяется понимание языковой вариативности, о чём свидетельствуют полученные данные.

Ц е л ь ю настоящего исследования было изучить ментефакты, категоризирующиеся по образу и подобию вместилища, а именно их географическую дистрибуцию – использование отобранных имён в различных вариантах английского языка. Соответственно в ряд задач входило изучение самого понятия «ментефакт», а также словоупотреблений ментефактов в каждом из вариантов английского языка.

1.1. Абстрактное имя «ментефакт» [Abstract name “mentefact”]

Современную лингвистику невозможно представить без нового метода лингвистического анализа – анализа текстов на базе корпусов. Новый метод направлен на изучение реального функционирования языка в коммуникативном пространстве данной лингвокультуры. Единицами когнитивной подсистемы лингвокультуры являются ментефакты [Кольцова, 2011, с. 37].

Вопрос о ментефактах, носящих универсальный характер, на сегодняшний день считается открытым в связи с недостаточной изученностью данного явления. Для того чтобы более чётко определить понятие «ментефакт», обратимся к некоторым определениям, которые дают учёные.

Ю. А. Сорокин определяет «ментефакт» как план-образ, по схеме которого конструируется тот или иной артефакт, или осуществляется действие / поступок [Сорокин, 2010, с. 101].

В. А. Сулимов называет ментефакты субститутами «событий, явлений, фактов, информационных состояний, подменяющих собой реальность / действительность» [Сулимов, 2006, с. 42]. По мнению Ю. Е. Прохорова, ментефакты выступают в качестве базового ядра «стереотипных знаний» [Прохоров, 2008, с. 14].

Более расширенное определение даёт Н. А. Голубева: «Ментефакты – это когнитивные трансформации, которые приобретают постоянный, а потому закономерный характер, и меняют традиционную роль и характер рассмотрения некоторых лингвистических явлений. Ментефакты позволяют превратить многие языковые приёмы в продуктивные модели речевой деятельности» [Голубева, 2007, с. 161].

А. А. Кретов и Н. А. Фененко отмечают, что ментефакт определяет «моральные, художественные ценности нации и черты её национального менталитета» и относится к реалиям сознания [Кретов, Фененко, 2013, с. 7]. Ментефакты – это имена объектов ментального состояния, входящие в основные криптоклассы английского языка. При этом ментальные акты категоризируются в англоязычной лингвокультуре как идеальные операции, которые обрабатываются в мозгу человека, после чего находят своё вербальное отражение [Кретов и др., 2004, с. 61].

В. В. Красных определила ментефакты как содержательные элементы языкового сознания, ментальные образы и понятия, которые необходимо рассматривать с точки зрения разных уровней. Они предопределяются «широтой охвата» тех совокупностей знаний и представлений, в которые входят. Соответственно, ментефакты могут быть репрезентантами как индивидуальных, так и коллективных когнитивных пространств, а также национально-культурной когнитивной базы и культурного пространства [Красных, 2002, с. 92].

Г. П. Кузикович интерпретирует понятие ментефакт как объект, выделенный сознанием и не имеющий вне означивания самостоятельного существования и объективируемый абстрактными существительными [Кузикович, 2008, с. 5–6].

Представляет интерес исследование ментефакта как продукта интеллектуальной деятельности, т. е. её итога. Обратим внимание на мнение Е. С. Кубряковой о том, что этап познания мира, явно связанный с выводными знаниями, умозаключениями о природе связей и отношений между фрагментами мира, с постижением причинно-следственных связей и т. д., на языковом уровне находит отражение в абстрактных именах [Кубрякова, 2012, с. 149].

И. А. Бубнова выражает ту же мысль, определяя абстрактные имена высшей формой ментальной деятельности человека, т. к. именно в них обобщаются такие стороны действительности, которые в самой действительности объединены лишь именем [Бубнова, 2004, с. 76].

При помощи абстрактной лексики ментальная природа ментефакта как продукта интеллектуальной деятельности человека обуславливает его воспроизведение в языке, а его восприятие в качестве завершённого фрагмента действительности определяет абстрактное имя существительное в качестве материальной оболочки, которую ментефакт принимает в системе языка [Попова, 2017, с. 24].

Из приведённых выше определений вытекают взаимоотношения ментефакта и лексической единицы. Лексическая единица, а именно абстрактное имя существительное, вербализует тот или иной ментефакт, иными словами, является способом его языковой манифестации.

К основным параметрам оценки ментефактов относятся «содержание», «ценность, значимость, польза», «соответствие / несоответствие норме», «вызываемый интеллектуальный отклик», «эмоциональная реакция», «соответствие этическим представлениям».

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

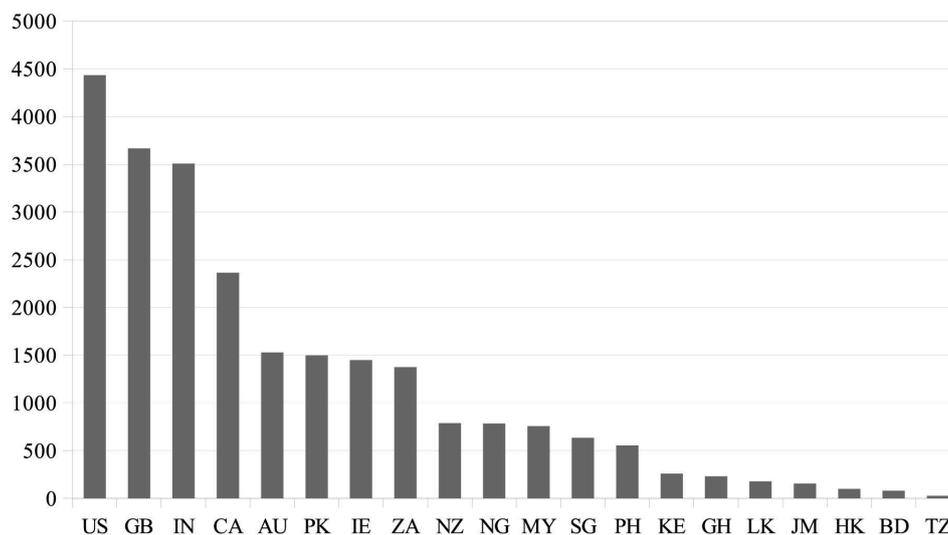
Источником материала послужила коллекция корпусов М. Дэвиса [Davies, 2013, Corpus of News on the Web (NOW); Davies, 2013, Corpus of Global Web-Based English (GloWbE); Davies, 2017, iWeb: The intelligent Web-based Corpus]: отбирались примеры, вербализующие ментефакты, которые категоризируются по аналогии с вместилищем, из 20 вариантов английского языка – устоявшихся (американский (US), канадский (CA), британский (GB), ирландский (IE), австралийский (AU)) и неустоявшихся (новозеландский (NZ), индийский (IN), шриланкийский (LK), пакистанский (PK), бангладешский (BD), сингапурский (SG), малайзийский (MY), филиппинский (PH), гонконгский (HK), южноафриканский (ZA), нигерийский (NG), ганский (GH), кенийский (KE), танзанийский (TZ),

ямайский (JM)). Отметим, что некоторые языки имеют тенденцию тяготеть к устоявшимся вариантам, выступать некой «линией водораздела» – например, индийский вариант.

Исследовательский корпус состоит из 24360 словоупотреблений. Единицами, попадающими в фокус исследования, выступают следующие абстрактные существительные, вербализующие соответствующие ментефакты (далее для упрощения описания – ментефакты): *concept* 'концепт', *dream* 'сон, мечта', *guess* 'предположение', *idea* 'идея', *notion* 'понятие', *belief* 'убеждение', *theory* 'теория', *thought* 'мысль', *opinion* 'мнение', *view* 'взгляд, суждение'. Период, за который были отобраны необходимые словоупотребления – январь 2022 года – июль 2022 года. Основным методом исследования послужил корпусный метод изучения языка, наряду с которым применялись: метод контекстного анализа, описательный метод и количественный метод.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В процессе работы с корпусами М. Дэвиса был создан собственный исследовательский корпус, включающий контексты со словоупотреблениями, вербализующими ментефакты, категоризирующиеся по образу и подобию вместилища. Детальная количественная информация представлена на рисунке 1.

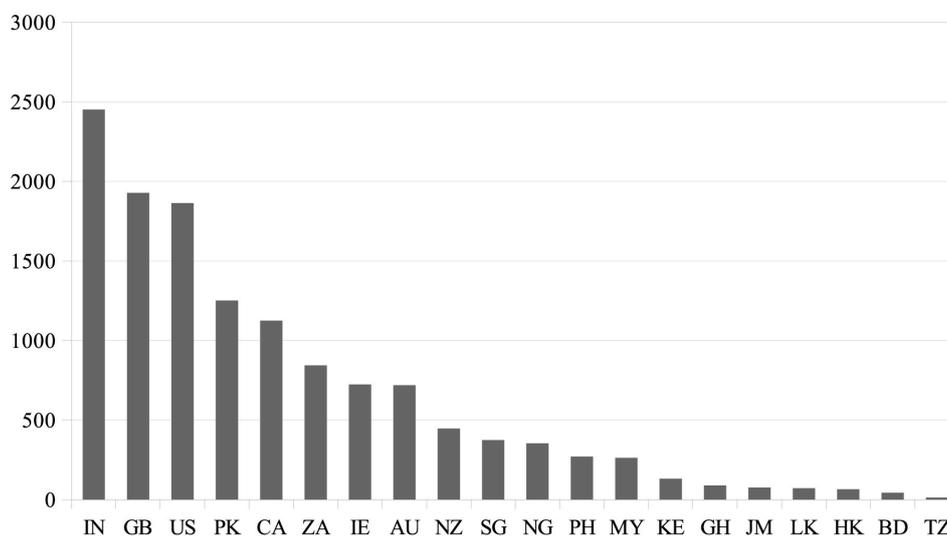
Р и с у н о к 1. Количественное распределение словоупотреблений по вариантам английского языка

[F i g u r e 1. Distribution of the tokens in accordance with the English language variants]

Наибольшее количество примеров было зафиксировано в американском варианте английского языка (4434 словоупотребления), наименьшее – в танзанийском (27 словоупотреблений). Интересно, что распределение словоупотреблений конкретного ментефакта по вариантам языка не всегда совпадает с общей статистикой. Например, рассмотрим ментефакт *view* 'взгляд, суждение', на долю которого приходится 53,7% от общего количества примеров – 13092 словоупотреблений (рис. 2).

Индийский вариант языка (идиом) входит в число тех вариантов, которые занимают лидирующие позиции: общее количество словоупотреблений в данном варианте составляет 3507, причём 2451 словоупотребление приходится именно на ментефакт *view* 'взгляд, суждение'. Если рассматривать идиомы, в которых зафиксировано наименьшее количество словоупотреблений, то в этом случае отдельная статистика совпадает с общей: на последних местах находятся варианты азиатского и африканского ареалов – гонконг-

ский (65 словоупотреблений), бангладешский (43 словоупотребления) и танзанийский (13 словоупотреблений). Даже в танзанийском варианте, на долю которого, как правило, приходится окказиональные словоупотребления, с ментефактом *view* 'взгляд, суждение' зафиксировано 13 словоупотреблений. Стоит отметить, что всего в танзанийском варианте обнаружено 27 контекстов со следующими ментефактами: *dream* 'сон, мечта', *belief* 'убеждение', *theory* 'теория', *thought* 'мысль', *opinion* 'мнение', *view* 'взгляд, суждение'.

Р и с у н о к 2. Количественное распределение словоупотреблений ментефакта *view* 'взгляд, суждение' по вариантам английского языка

[F i g u r e 2. Distribution of the tokens of the mentefact *view* in accordance with the English language variants]

Суждение, категоризуясь по аналогии с вместилищем, превращается в сосуд, в котором что-то может находиться – определенные позитивные мысли, идеи и т. п. (пример 1 из индийского варианта языка). В данном случае речь идет об употреблении в глагольной локативной классифицирующей конструкции [*VO/V out of a container*], указывающей на процесс извлечения одного объекта из другого – нечто позитивного из определенного взгляда, суждения:

(1) *Take the positive out of the view shared by my friend (IN)* – '**Возьмите** всё только положительное **из того суждения**, которым поделился мой друг'.

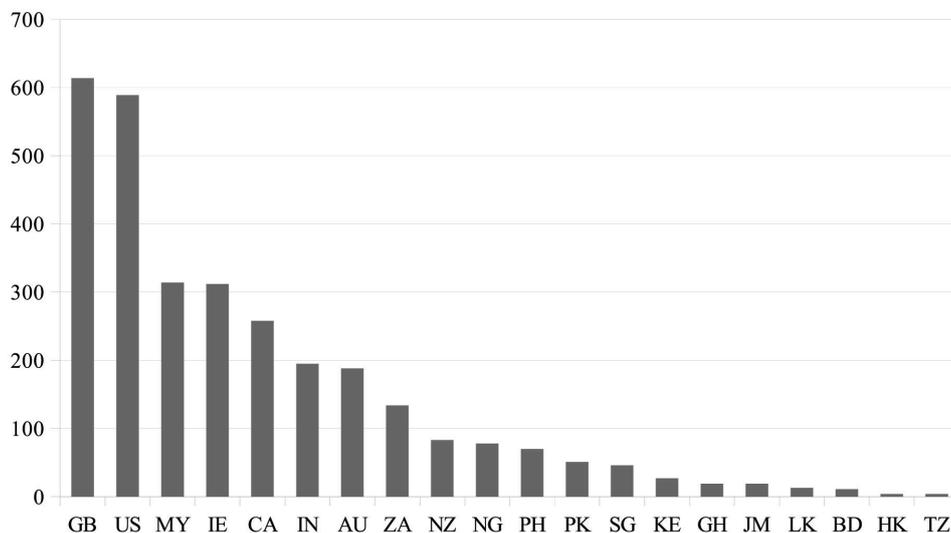
В гонконгском и бангладешском вариантах языка ментефакт *view*, будучи зафиксированным в глагольной субъектной конструкции [*a container contains*], может выступать вместилищем, которое содержит какие-то субстанции – данные о конкретном предмете, нечто полезное и существенное (примеры 2–3):

(2) *The Inside View contains features and vital information on the city's leading law firms (HK)*. – '**Внутреннее суждение содержит** характеристики и важную информацию о ведущих юридических фирмах города.'

(3) *<...> the view also contains what people choose (BD)*. – '**<...> суждение также содержит то, что выбирают люди.**'

На втором месте находится ментефакт *thought* 'мысль', на долю которого приходится 12,4% – 3029 словоупотреблений: наибольшее количество контекстов было зарегистрировано в британском (614 словоупотреблений) и американском (589 словоупотреблений) вариантах языка, а наименьшее – в гонконгском (4 словоупотребления) и танзанийском (4 словоупотребления). Примечательной особенностью является то, что малазийский вариант английского языка занимает третье место – 314 словоупотреблений, а в общей ста-

тистике данный вариант находится на 11 месте (всего 756 словоупотреблений). К слову, в ирландском варианте зафиксировано 312 словоупотреблений, притом что ирландский относится к группе наиболее распространенных вариантов (рис. 3) – занимает 7-е место в общей статистике, на его долю приходится 1448 словоупотреблений.

Р и с у н о к 3. Количественное распределение словоупотреблений ментефакта *thought* 'мысль' по вариантам английского языка

[F i g u r e 3. Distribution of the tokens of the mentefact *thought* in accordance with the English language variants]

Мысль, подобно вместилищу, заполняется, как это демонстрируется при помощи предикативной классифицирующей конструкции [*a container is filled (with smth)*]: какое-то конкретное явление, приводимое в доказательство чего-либо, – примеры – наполняет мысль:

(4) <...> *we had the depths of our thought filled with the examples of Your servants* <...> (GB). – '<...> наши мысли были глубокими, наполненными примерами Ваших слуг <...>.'

В примере 5 иллюстрируется, как в малазийском варианте один ментефакт *thought* 'мысль' является содержащим для другого ментефакта (содержимого) – *idea* 'идея'. Глагольная локативная классифицирующая конструкция [*VO/V out of a container*] помогает доказать принадлежность непредметного имени к классу «Res Continens» («Вместилище»): из мысли извлекаются идеи:

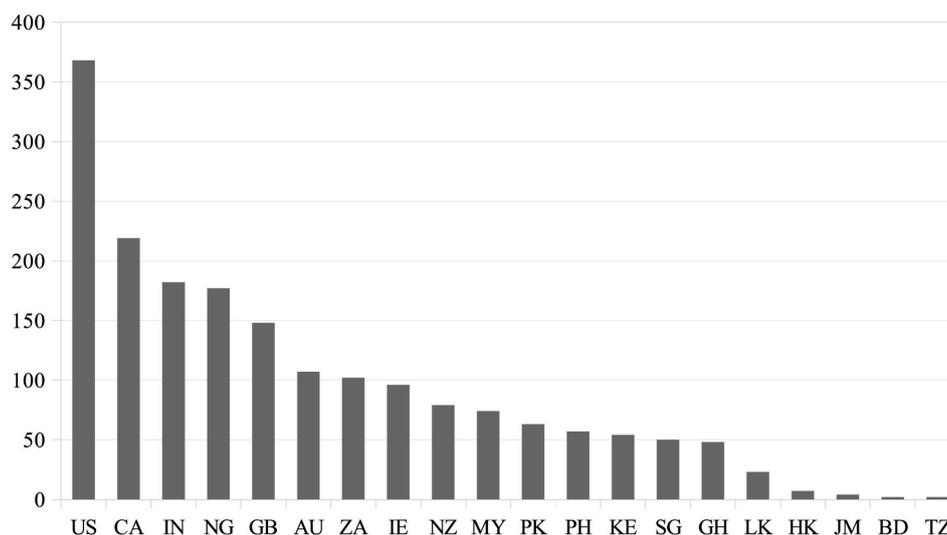
(5) *Suhailah got her ideas out of thoughts of the jungle* (MY). – 'Сухайла пришла к своим идеям благодаря мыслям о джунглях' (букв. ... 'достала свои идеи из мыслей').

Ментефакт *opinion* 'мнение' категоризуется по образу и подобию вместилища во всех вариантах английского языка. Окказиональные словоупотребления зафиксированы в бангладешском и танзанийском (по 2 словоупотребления в каждом). Наибольшее количество словоупотреблений, в которых ментефакт *opinion* 'мнение' категоризуется по аналогии с вместилищем, приходится на американские варианты английского языка – американский (368 словоупотреблений) и канадский (219 словоупотреблений). В нигерийском варианте зафиксировано 177 словоупотреблений (большее количество было зафиксировано только с ментефактом *view* 'взгляд, суждение' – 353 (рис. 4).

Мнение категоризуется по образу и подобию полного вместилища ([*a container is full*]) в американском идиоме: оно наполняется противоборствующими чувствами, недовольством, критикой в адрес какого-то явления (пример 6). При высказывании в речи человека могут присутствовать те или иные языковые элементы, которые и наполняют мнение о чем-то (пример 7):

(6) *While Wheeler's **opinion is full** of (frankly mystifying) criticism of the government for treating A.I.G. <...> (US).* – 'В то время как **мнение** Уилера **заполнено** (откровенно мистифицирующей) критикой правительства за обращение с A.I.G. (международная страховая и финансовая корпорация) <...>.'

(7) *The **opinions are full** of jargon parsing the intricacies of the health care law (US).* – '**Мнения полны** жаргона, направленного на скрупулёзный анализ тонкостей закона о здравоохранении.'

Р и с у н о к 4. Количественное распределение словоупотреблений ментефакта *opinion* 'мнение' по вариантам английского языка

[F i g u r e 4. Distribution of the tokens of the mentefact *opinion* in accordance with the English language variants]

Оппозицией наполненности вместилища является его опустошенность. Употребление ментефакта в атрибутивной классифицирующей конструкции [*an empty container*] указывает на его категоризацию по аналогии с вместилищем – пустым вместилищем. Пустое мнение подразумевают то, что в него не вкладывают никакого здравого смысла, в нем нет той ценности, которую можно извлечь для дальнейших проектов. То, что может пригодиться, то, что может использоваться в каких-то целях, не должно быть пустым (пример 8 из австралийского варианта). Его необходимо заполнять здоровыми идеями, привносить в них здравый смысл, чтобы они становились полными (пример 9 из нигерийского варианта). Пустые мнения считаются глупыми, из них нельзя ничего почерпнуть, получить нечто необходимое, и чтобы продемонстрировать поведение глупого сообщества и показать их образ жизни, мнение, выступающее в роли вместилища, заполнять не нужно (пример 10 из британского варианта):

(8) <...> *reputation for intellectually robust reporting, and a broadcasting ethos that eschews brainless chat and **empty opinion** (AU).* – '<...> репутация высокоморальной телерадиовещательной компании, славящейся аналитичными и непротиворечивыми репортажами и избегающей бессодержательной болтовни и **пустого мнения**.'

(9) *It has destroyed all the hallow and **empty opinions** so far advertised by the anti nuclear groups (NG).* – 'Это разрушило все почитаемые и **пустые мнения**, до сих пор продвигаемые антиядерными группировками.'

(10) *Jaded judgment of a society based on false manners and **empty opinions** is the primary tone of the play (GB).* – 'Грубое суждение общества, основанное на ложных манерах и **пустых мнениях**, является основным тоном пьесы.'

В глагольной локативной классифицирующей конструкции, идентифицирующей ‘нахождение во вместилище’ – [*SVexist in/inside a container*], было обнаружено 1678 словоупотреблений ментефакта *opinion* ‘мнение’, большая часть которых приходится на американский (267 словоупотреблений), нигерийский (149 словоупотреблений) и австралийский (98 словоупотреблений) варианты. В непредметном имени *opinion* ‘мнение’ можно обнаружить что-то, что будет применимо в определенных областях (пример 11). Находиться внутри мнения-вместилища – значит укорениться в своей точке зрения и придерживаться ее при любых условиях и при любых обстоятельствах, т. е. использовать полученную некогда информацию для ее воспроизведения в данный момент (пример 12):

(11) <...> *that prodigious diversity, which is found in the opinions of those philosophers, who have pretended to explain the secret force <...> (US)*. – ‘<...> это великодушное разнообразие, которое **встречается во мнениях** (букв. ‘**находится во мнениях**’) тех философов, которые сделали вид, что объясняют тайную силу <...>.’

(12) *Recent merger and acquisition maneuvers also demonstrate how strong mining industry fundamentals are in the opinion of the investors and for the financial analysts (NG)*. – ‘Недавние маневры по слиянию и поглощению также демонстрируют, насколько сильны основы горнодобывающей промышленности **по мнению** (букв. ‘**находятся во мнениях**’) инвесторов и финансовых аналитиков.’

(13) *There was a significant change in opinion after Labor’s apology to the stolen generations <...> (AU)*. – ‘**Произошло** существенное **изменение мнения** (букв. ‘**существенное изменение находится во мнении**’) после извинений лейбористов перед украденными поколениями <...>.’

Наряду с этим, во мнение можно вложить ([*VO/V in/into a container*]) какие-то морально-нравственные аспекты, оказывающие как положительное, так и отрицательное влияние в зависимости от того, в какой ситуации и в каком обществе эти качества фигурируют (пример 14 из южноафриканского варианта):

(14) *Justice is a very significant one for me and sometimes when you put in your opinion about what is more just, then that makes you unpopular <...> (ZA)*. – ‘Справедливость достаточно значима для меня, и иногда, когда вы **высказываете своё мнение** (букв. ‘**помещаете в своё мнение**’) о том, что более справедливо, не украшает вас.’

«Быть помещённым» во мнение, погрузиться в него, обозначает сосредоточиться на каких-то важных моментах, необходимых для анализа какого-то вопроса или для дискуссии: это поможет прояснить ситуацию и выявить суть проблемы (пример 15 из пакистанского варианта). Высказывать своё мнение следует в определённых ситуациях, однако не всегда это может быть корректным. Журналисты, работающие на телеканалах, во время комментирования событий должны абстрагироваться от них и не выражать свою личную точку зрения по данному вопросу. Однако выражение своего собственного мнения – неотъемлемая часть человеческого существования, без которого не состоится ни один разговор (пример 16 из индийского варианта). Но, тем не менее, в отдельных случаях необходимо закрыть вместилище, «поместиться» туда и не извлекать из него никакой информации (пример 17 из сингапурского варианта):

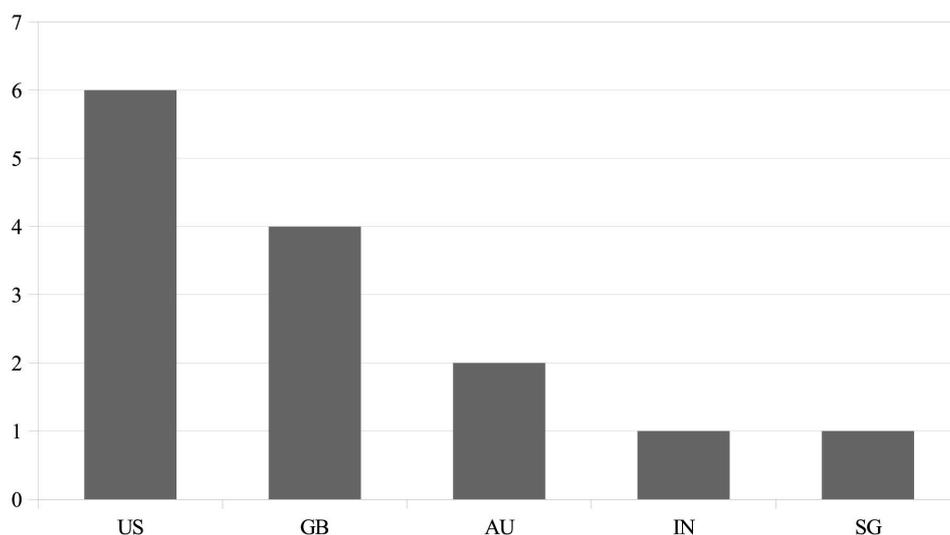
(15) *The former wrestler was also put into his opinion on Donald Trump’s so-called Muslim travel ban, making his thoughts loud and clear (PK)*. – ‘Бывшего борца также **заставили придерживаться мнения** (букв. ‘**был помещён в своё мнение**’) о так называемом мусульманском запрете на поездки Дональда Трампа, обнаруживая его мысли.’

(16) *Unfortunately, commentators are human and they will be found into opinion from time to time (IN)*. – ‘К сожалению, комментаторы – люди, и время от времени они **погружаются в своё собственное мнение** (букв. ‘**находятся во мнении**’)’.

(17) *People get locked into their opinions (SG)*. – ‘Люди оказываются **заложниками своих мнений** (букв. ‘**заперты в своих мнениях**’)’.

Примечательной особенностью употребления ментефакта *concept* 'концепт' в различных вариантах английского языка является отсутствие словоупотреблений в пакистанском варианте языка (как и *guess* 'предположение'), хотя в общей статистике пакистанский идиом занимает шестое место – на его долю приходится 1498 словоупотреблений.

С ментефактом *guess* 'предположение' насчитывается 14 словоупотреблений всего лишь в пяти вариантах (американском – 6 словоупотреблений, британском – 4 словоупотребления, австралийском – 2 словоупотребления, индийском – 1 словоупотребление и сингапурском – 1 словоупотребление), причём, как правило, окказионально (рис. 5).

Р и с у н о к 5. Количественное распределение словоупотреблений ментефакта *guess* 'предположение' по вариантам английского языка
 [Figure 5. Distribution of the tokens of the mentefact *guess* in accordance with the English language variants]

В противовес выступает ментефакт *concept* 'концепт', который был зафиксирован практически в каждом идиоме. Только в двух вариантах – пакистанском и танзанийском – не было обнаружено ни одного контекста (рис. 6).

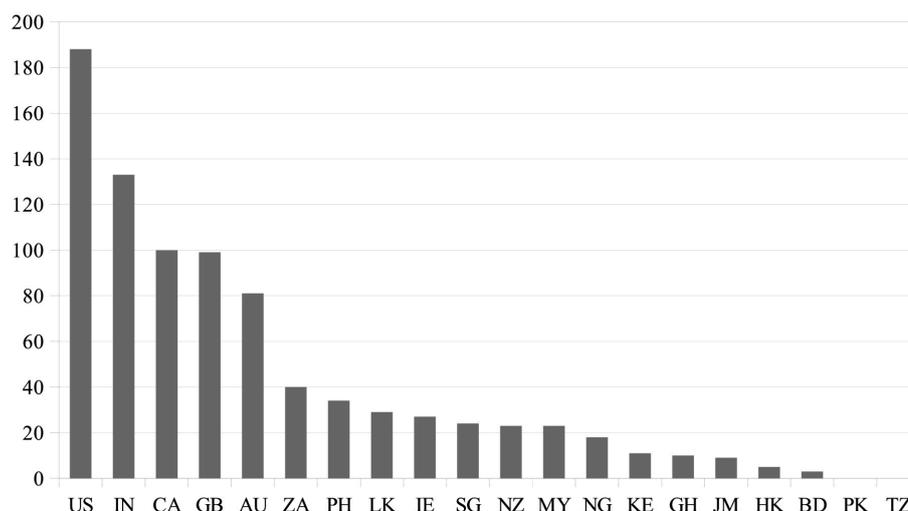
Рассмотрим некоторые примеры с ментефактами *concept* 'концепт' и *guess* 'предположение'. Как и вместилище, понятие в американском варианте может содержать какие-то составные части общего представления, которые дополняют цельный образ:

(18) *It's such a big, profound concept, filled with tiny details that add up to this very rich tapestry (US).* – 'Это такая насыщенная, глубокая **концепция**, **наполненная** крошечными деталями, которые складываются в очень богатое искусство.'

Категоризуясь по образу и подобию глубокого вместилища (*[a container is deep]*), в южноафриканском варианте языка понятие может выступать значительным, сложным по содержанию (пример 19), оно предполагает процесс долгого обдумывания, осмысления ситуации. В некоторых контекстах (например, в американском идиоме) имеет значение недоступности, скрытости (пример 20). Как и глубокий сосуд ментефакты выступают некоей емкостью, которая имеет полость, возможно заполненную чем-то, имеющую определенную глубину:

(19) *The concept is deeper than just thinking positively, it is about believing that all things <...> (ZA).* – '**Концепция глубже**, чем просто позитивная мысль, это касается и веры, что все вещи <...>'

(20) *The style is easy to read, even if the concepts are deeper (US).* – 'Стиль легко читается, даже если **понятия глубже**.'

Р и с у н о к 6. Количественное распределение словоупотреблений ментефакта *concept* 'концепт' по вариантам английского языка
 [F i g u r e 6. Distribution of the tokens of the mentefact *concept* in accordance with the English language variants]

Глагольная локативная конструкция [*SVexist in/inside a container*] указывает на то, что какие-то объекты, явления и т. п. могут находиться во вместилище. Жизненные понятия бывают разные, они являются основой существования, в них закладывается то, что руководит человеком и помогает ему выявить, что для него важно, а что несущественно. Они могут быть направлены на какие-то бытовые явления, которые приводят к разногласиям (пример 21 из британского варианта языка), или вещи, которые могут стать решающими в жизни и определяют жизненный путь. Одним из таких событий выступает понятие о браке, который является новым этапом, меняющим устоявшийся образ жизни (пример 22 из сингапурского варианта языка). Понятие также выступает вместилищем, которое содержит в себе ценную информацию, например, для научного сообщества, из которого можно черпать идеи для научно-исследовательской работы (пример 23 из австралийского варианта языка):

(21) *The dividing line may be found in the concept of scandal (GB).* – 'Разделительную линию можно найти в понятии скандала'

(22) *My doubts lay in the concept of marrying (SG).* – 'Мои сомнения кроются в концепции (букв. 'лежат в концепции') брака.'

(23) *The research is in a psychological concept called evaluative conditioning, where you alter how much you like or dislike something (AU).* – 'Основа исследования заключается в психологической концепции (букв. 'находится в психологической концепции'), называемой оценочным условием, где вы производите соответствующие изменения, насколько вам нравится или не нравится что-то.'

Помещение во вместилище диагностируется при помощи глагольного локативного классификатора [*VO/V in/into a container*]. Из шриланкийского и американского вариантов английского языка были извлечены контексты, в которых демонстрируется помещение в ментефакт *concept* 'концепт'. Понятие категоризуется по образу и подобию закрывающегося вместилища – контейнера с крышкой, в который может заключаться такой же ментефакт, как и само вместилище – идея, мысль, умственные способности – *ideas, mind* (пример 24). Чтобы получить более точные данные о каком-то феномене, необходимо погрузиться в понятие и изъять принципиальную информацию, необходимо разобраться в том, о чем идет речь (пример 25). Для получения выгоды в каком-то деле необходимо вложить

определенные средства в него. Понятие может выступать поглощающим вместилищем (в американском варианте языка), в который можно «вливать», «поместить» денежные средства, инвестиции и т. д. (пример 26), или же вложить, поместить некую мысль внутрь этого вместилища с целью дальнейшего развития этой мысли (пример 27). В канадском идиоме иллюстрируется пример, в котором один ментефакт – *thought* 'мысль' – помещается в другой – *concept* 'концепт', таким образом, очевидна взаимозаменяемость ментефактов, при которой они могут выступать как содержимым, так и содержащим в зависимости от контекста.

(24) *Your mind, ideas are locked into concept without any ability to address the numerous facts that paint a far more complicated world (LK).* – 'Ваш разум, идеи **ограничены концепцией** (букв. '**заперты в концепции**') без какой-либо возможности рассмотреть многочисленные факты, которые рисуют гораздо более сложный мир.'

(25) *This article is locked into the crucial concept of risk capacity, while my model portfolios provide some age-appropriate portfolio mixes for investors (US).* – 'Эта статья **базируется на важнейшей концепции** (букв. '**заперта в важнейшей концепции**') потенциала приемлемого риска, в то время как мои примеры портфолио предоставляют некоторые подходящие по возрасту смеси портфолио для инвесторов.'

(26) *The funds Washington has been put into the concept and will soon enough approach a trillion dollars (US).* – 'Средства, которые Вашингтон **вложил в эту концепцию**, скоро достигнут триллиона долларов.'

(27) *Plenty of thought has been put into the concept of colonizing Venus (CA).* – 'Большая часть мыслей **была заложена в концепцию** колонизации Венеры.'

По аналогии с извлечением чего-то из вместилища ([VO/V out of a container]) из понятия в американском варианте можно извлечь, устранить гипотезу, предположение (пример 28). Защита и безопасность народа – главное для государства, и не важно, о какой национальности идет речь. Исключить данный принцип из заложенных в понятие основ не считается возможным, что позволяет говорить о наполненности вместилища (пример 29 из кенийского варианта).

(28) *Such speculation is not too far taken out of the concept of a global or dynamic workspace proposed by Dehaene et al. (1998) (US).* – 'Такие предположения **не слишком далеки от концепции** (букв. '**вытянуты из концепции**') глобального или динамического рабочего пространства, предложенного Дехаэнэ и др.'

(29) *No nations are taken out of this concept of common security (KE).* – 'Ни одна нация **не исключается из этой концепции** (букв. '**вытянута из этой концепции**') общей безопасности.'

В примере из ирландского варианта английского языка мы опять можем наблюдать процесс взаимозаменяемости, когда ментефакты выступают одновременно и вместилищем, и содержимым этого вместилища. Достать один ментефакт – *idea* 'идея' – из другого – *concept* 'концепт' – становится возможным благодаря метафорическому образу данных имен в качестве вместилища. Так, можно извлечь идею из понятия с целью определения плана дальнейших действий (примеры 30):

(30) *I have the ability to take an idea out of concept (IE).* – 'У меня есть возможность **вывести идею из концепции** (букв. '**вытянуть идею из концепции**').'

В ганском идиоме демонстрируется извлечение ментефакта *idea* 'идея' из ментефакта-вместилища *concept* 'концепт' сообществом философов (пример 31):

(31) <...> *that a whole tribe of philosophers is currently engaged in trying to get the correct ideas out of the concept of rationality that will allow us to construct a properly just society (GH).* – '<...> что целая группа философов в настоящее время занимается попытками **вывести правильные идеи из концепции** (букв. '**вытянуть правильные идеи из концепции**') рациональности, которая позволит нам построить вполне справедливое общество.'

Наряду с этим, как иллюстрируется в индийском варианте, можно почерпнуть нечто новое, какие-то знания, необходимые в той или иной области (пример 32):

(32) *The patients are likely to get more out of this new concept (IN).* – 'Пациенты, вероятно, получают больше от этой новой концепции (букв. 'достанут больше из этой новой концепции').'

Анализ контекстов, в которых было зафиксировано употребление ментефакта *guess* 'предположение', категоризирующегося по образу и подобию вместилища, показал, что, как правило, данный ментефакт употребляется в глагольных локативных конструкциях, а именно в конструкциях, указывающих на помещение чего-то во вместилище или же нахождение какого-то объекта в этом вместилище – [*SVexist in/inside a container*] и [*VO/V in/into a container*] соответственно.

Непредметное имя *guess* 'предположение' в австралийском идиоме категоризируется по аналогии с вместилищем, в котором находится кто-то, не желая выдавать определённую информацию, высказывая свою точку зрения на проблему с учётом полученных ранее фактов об обсуждаемой проблеме (пример 33):

(33) *<...> sometimes they are found in the right guess with their queer ties no telling how <...> (AU).* – '<...> иногда они встречаются в правильном предположении (букв. 'находятся в правильном предположении') со странными связями, не рассказывая как <...>.'

Предположение в сингапурском варианте языка выступает в роли вместилища, в которое закладывается нечто ценное и значимое, требующее определённых умственных усилий для разгадки (пример 34):

(34) *<...> much mental energy into outguessing a Leyland maneuver, as Leyland put into his original guess <...> (SG).* – '<...> много умственной энергии, чтобы отгадать маневр Лейланда, как Лейланд вложил в свое первоначальное предположение <...>.'

Наряду с употреблением в локативных конструкциях в британском варианте языка был обнаружен один пример употребления ментефакта *guess* 'предположение' в глагольной субъектной классифицирующей конструкции (пример 35):

(35) *Guess contains many cheats you can use (GB).* – 'Предположение содержит много шпаргалок, которые вы можете использовать.'

3. Заключение [Conclusion]

Как показало настоящее исследование, география употребления ментефактов, категоризирующихся по аналогии с вместилищем, а значит, входящих в криптокласс «Res Continens», достаточно широкая, причём окказиональных словоупотреблений было зафиксировано всего лишь 15 с 5 ментефактами: *dream* 'сон, мечта' – в шриланкийском варианте 2 словоупотребления; *guess* 'предположение' – в австралийском 2 словоупотребления, индийском и сингапурском вариантах (по 1 словоупотреблению в каждом); *notion* 'понятие' – в ганском и гонконгском (по 1 словоупотреблению в каждом) и ямайском (2 словоупотребления); *theory* 'теория' – в танзанийском 1 словоупотребление; *opinion* 'мнение' – в бангладешском и танзанийском (по 2 словоупотребления в каждом). Только в 5 вариантах английского языка – американском, австралийском, британском, индийском, сингапурском – были зафиксированы словоупотребления со всеми (10) ментефактами (с учётом окказиональности).

Ожидаемо по количеству словоупотреблений в вариантах английского языка на первом и втором месте находятся устоявшиеся варианты – американский и британский (4434 и 3666 словоупотреблений, соответственно). Наименьшее количество было зафиксировано в неустоявшихся вариантах – гонконгском, бангладешском и танзанийском (98, 80 и 27 словоупотреблений, соответственно).

При анализе количества словоупотреблений по отдельным ментефактам было выявлено, что наибольшее их количество зафиксировано с ментефактом *view* 'взгляд, суждение' – 13092 словоупотребления. Полученные данные отражаются и в распределе-

нии по вариантам – ни в одном из вариантов не было зафиксировано окказионального словоупотребления с ментефактом *view* 'взгляд, суждение', даже в неустоявшихся вариантах языка количество вхождений превышает 10.

В количественном распределении непредметных имён американский вариант английского языка занимает лидирующее положение: со всеми ментефактами в данном идиоме были зарегистрированы наибольшие показатели. На последнем месте, согласно статистике по всем ментефактам, находится танзанийский вариант.

Интересно, что в таких неустоявшихся вариантах, как сингапурский, ямайский, бангладешский и некоторых других, окказиональные случаи употребления были отмечены только с одним (в каждом из идиом) ментефактом, но при этом с одним или двумя не было зафиксировано вообще ни одного случая словоупотребления.

Полученные данные представляют интерес и на перспективу: необходимо выяснить, какие контексты могут расширить область исследования и географию употребления ментефактов. Корпуса пополняются каждый день, поэтому вероятность пополнения окказиональных словоупотреблений или же получение примеров в тех случаях, в которых их не было выявлено, достаточно высока.

Библиографический список

- Бубнова, 2004 – Бубнова И. А. Абстрактное имя и интеллект: когнитивная модель как отражение ментального опыта. Минск : МГЛУ, 2004. 239 с.
- Голубева, 2007 – Голубева Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 5. Воронеж : ВГУ, 2007. С. 152–168.
- Кольцова, 2011 – Кольцова О. В. Ментефакт «массив» в русском и немецком национальных дискурсах // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. : Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, Вып. 3. С. 36–39. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2011-11-3-36-39>
- Красных, 2002 – Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
- Кретов и др., 2004 – Кретов А. А., Борискина О. О., Васильева Н. Е. «Полет мысли» и методика исследования криптоклассов // Вестник ВГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 61–65.
- Кретов, Фененко, 2013 – Кретов А. А., Фененко Н. А. Лингвистическая теория реалии // Вестник ВГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7–13.
- Кубрякова, 2012 – Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. 208 с.
- Кузикевич, 2008 – Кузикевич Г. П. Категориальная организация абстрактных имен существительных (на примере качественных имен) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2 (015). С. 5–18.
- Попова, 2017 – Попова Д. А. Оценочная категоризация ментефактов в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2017. 348 с.
- Прохоров, 2008 – Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
- Сорокин, 2010 – Сорокин Ю. А. Лингвокультурология, лакунология, соматология и их априорная взаимосвязь (попытка расширения понятийного аппарата) // Вопросы психоллингвистики. 2010. № 11. С. 28–33.
- Сулимов, 2006 – Сулимов В. А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация : когнитивные трансформации // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2006. № 1. С. 40–47.
- Davies, 2013 a – Davies M. Corpus of News on the Web (NOW): 14.7+ billion words from 20 countries, updated every day. Provo, 2013. URL : <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения : 25.07.2022).
- Davies, 2013 b – Davies M. Corpus of Global Web-Based English (GloWbE): 1.9 billion words from 20 countries. Provo, 2013. URL : <https://www.english-corpora.org/glowbe/> (дата обращения : 25.07.2022).

Davies, 2017 – Davies M. iWeb: The intelligent Web-based Corpus: 14 billion words from 6 countries. Provo, 2017. URL : <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения : 25.07.2022).

References

- Bubnova, I. A. (2004). *Abstraktnoe imya i intellekt: kognitivnaya model' kak otrazhenie mental'nogo opyta* [Abstract name and intelligence: a cognitive model as reflection of mental experience]. Minsk : Minsk State Linguistic University Press. (In Russ.).
- Golubeva, N. A. (2007). Slovo. Tekst. Diskurs. Precedentnye edinicy [Word. Text. Discourse. Precedential units]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, communication and social environment] (Iss. 5, pp. 152–168). Voronezh : Voronezh State University Press. (In Russ.).
- Koltsova, O. V. (2011). Mentefakt «massiv» v russkom i nemetskom natsional'nykh diskursakh [Mentefact “massif” in Russian and German national discourses]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. : Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 11 (3), 36–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2011-11-3-36-39>
- Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya : Kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: A Course of lectures]. Moscow : Gnozis Press (In Russ.).
- Kretov, A. A., Boriskina, O. O., Vasil'eva, N. E. (2004). «Polet mysli» i metodika issledovaniya kriptoklassov [“Flight of thought” and methods of cryptoclass investigation]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proc. of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 1, 61–65. (In Russ.).
- Kretov, A. A., Fenenko, N. A. (2013). Lingvisticheskaya teoriya realii [Linguistic theory of realia]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proc. of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural communication], 1, 7–13. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2012). *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In search of the essence of language: Cognitive research]. Moscow : Znak Press (In Russ.).
- Kuzikevich, G. P. (2008). Kategorial'naya organizatsiya abstraktnykh imen sushchestvitel'nykh (na primere kvalitativnykh imen) [Categorical organization of abstract nouns (Based on qualitative nouns)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2 (015), 5–18. (In Russ.).
- Popova, D. A. (2017). *Otsenochnaya kategorizatsiya mentefaktov v angliyskom yazyke* [Evaluative categorization of mentefacts in the English language]. PhD in Philological sci. diss. Voronezh : Voronezh State University. (In Russ.).
- Prokhorov, Yu. E. (2008). *Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [National sociocultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian as L2]. Moscow : LKI Press. (In Russ.).
- Sorokin, Yu. A. (2010). Chast' 1. Lingvokul'turologiya, lakunologiya, somatologiya i ikh apriornaya vzaimosvyaz' (popytka rasshireniya ponyatiynogo apparata) [Part I. Linguistic culturology, lacunology, somatology and their a priori interrelation (An attempt to expand the terminological apparatus)]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 11, 28–33. (In Russ.).
- Sulimov, V. A. (2006). Kognitivnoe opisanie yazyka i ego kul'turologicheskaya interpretatsiya : kognitivnye transformatsii [Cognitive description of the language and its cultural interpretation : cognitive transformations]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 1, 40–47. (In Russ.).
- Davies, M. (2013 a). *Corpus of News on the Web (NOW): 14.7+ billion words from 20 countries, updated every day*. Provo. Retrieved July 25, 2022 from <<https://www.english-corpora.org/now/>>.
- Davies, M. (2013 b). *Corpus of Global Web-Based English (GloWbE): 1.9 billion words from 20 countries*. Provo. Retrieved July 25, 2022 from <<https://www.english-corpora.org/glowbe/>>.
- Davies, M. (2017). *iWeb: The intelligent Web-based Corpus: 14 billion words from 6 countries*. Provo. Retrieved July 25, 2022 from <<https://www.english-corpora.org/iweb/>>.

Ищенко Ирина Геннадьевна✉, Сечко Юрий Сергеевич
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
iirinagen@mail.ru

Вербальная агрессия в англоязычном деловом дискурсе (на примере фильма «Glengarry Glen Ross»)

Аннотация

В статье представлены результаты исследования, посвященного анализу особенностей проявления вербальной агрессии в англоязычном деловом дискурсе на примере фильма «Glengarry Glen Ross». Целью было выявить средства выражения агрессии в деловой коммуникации и обосновать их прагматическую обусловленность. Методом сплошной выборки было отобрано 314 примеров использования вербальной агрессии, выраженных единицами различных языковых уровней. Далее применялись контекстуальный, лингвистический, коммуникативно-прагматический типы анализа, а также инструменты описательной статистики. В результате оказалось, что самым распространённым средством в количественном отношении и в максимальной степени проявляющим агрессивную интенцию является инвективная лексика (48%). Другие средства и приёмы употреблялись значительно реже: метафоры (10%), идиомы (5%), ирония (8%), повтор (7%), риторические вопросы (14%) и повелительные высказывания (8%). Интонационно негативные и злонамеренные интенции были эксплицированы с помощью повышения тона и интенсивности, что создавало язвительную и оскорбительную тональность. Выбор данных языковых средств позволяет участникам дискурса реализовать коммуникативные стратегии дискредитации и манипуляции посредством ряда тактик: прямого оскорбления, констатации некомпетентности, насмешки, угрозы.

Ключевые слова: вербальная агрессия, деловой дискурс, инвектива, стратегия, тактика, интенция

© Ищенко И. Г., Сечко Ю. С. 2023

Для цитирования: Ищенко И. Г., Сечко Ю. С. Вербальная агрессия в англоязычном деловом дискурсе (на примере фильма «Glengarry Glen Ross») // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С.50–60. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_50

Irina G. Ishchenko✉, Yuriy S. Sechko
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
iirinagen@mail.ru

Verbal aggression in English-language business discourse (Based on the film «Glengarry Glen Ross»)

Abstract

The current article aims to examine verbal aggression manifestation pattern in the English-language business discourse based on the film «Glengarry Glen Ross». The focus is made on identifying the means to express aggression in business communication and describing the ways they are pragmatically determined. 314 examples of the use of verbal aggression expressed by units of different language levels were identified. The most common means in quantitative terms and to the maximum extent showing aggressive intention is invective vocabulary (48%). Other linguistic means and devices were considerably less frequent: metaphors (10%), idioms (5%), irony (8%), repetition (7%), rhetorical questions (14%) and imperative statements (8%). Negative and malicious intentions were also explicated by means of intonation, particularly, by pitch and intensity increase that created

sarcastic and offensive tonality. The choice of these linguistic means allows the participants of the discourse to implement communicative strategies of discredit and manipulation through a number of tactics: direct insult, statement of incompetence, ridicule, threat.

Keywords: verbal aggression, business discourse, invective, strategy, tactic, intention

© Ishchenko I. G., Sechko Yu. S. 2023

For citation: Ishchenko, I. G., Sechko, Yu. S. (2023). Verbal'naya agressiya v angloyazychnom delovom diskurse (na primere fil'ma «Glengarry Glen Ross») [Verbal aggression in English-language business discourse (Based on the film «Glengarry Glen Ross»)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 50–60. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_50

1. Введение [Introduction]

Речевая коммуникация регулируется определенными правилами, которые были сформулированы в 60–70-х годах XX века Г. Грайсом в так называемой конверсациональной теории. Данная теория предполагает соблюдение собеседниками принципа кооперативного сотрудничества, направленного на успешное общение. Другим важным принципом, способствующим реализации коммуникативной цели, является принцип вежливости Дж. Лича. В соответствии с этим принципом участники коммуникации учитывают интересы, мнения, чувства друг друга чтобы добиться наиболее результативного сотрудничества за счёт «соблюдения социального равновесия и дружеских отношений» [Leech, 1983, p. 82]. «Очевидно, что чем более гетерогенно, поликонфессионально и мультиэтнично общество, тем заметнее будут проявляться потребности в языковых механизмах, сглаживающих эту многокомпонентность и обеспечивающих возможность кооперации [Мальгина, Иванова, 2021, с. 143]. Однако в современной коммуникации принципы кооперации и вежливости соблюдаются далеко не всегда либо по причине недостаточного владения правилами и нормами общения, либо осознанно и намеренно, создавая ситуации конфликтного и даже агрессивного общения.

В связи с этим явление вербальной агрессии находит широкое отражение в современных лингвистических исследованиях в рамках различных типов коммуникативных ситуаций. О недостаточной степени изученности данного феномена свидетельствует наличие нескольких синонимичных терминов для обозначения агрессии в языке – языковая агрессия, вербальная агрессия, словесная агрессия, коммуникативная агрессия, язык вражды и т. д. Данное явление может быть мотивировано и вызвано разнообразными факторами: социальными, психологическими, идеологическими, политическими и т. д. Поэтому выявляют несколько подходов к изучению вербальной агрессии, а также дают разные определения этому явлению. В русле разрабатываемого в последние десятилетия направления языкознания – эколлингвистики [Сковордников, 2019; Шаховский, 2013; Солодовникова, Сорокин, 2021; Штеба, 2014] – речевая агрессия рассматривается «как выражение антинормы, как средство засорения речи, как фактор, оказывающий отрицательное воздействие на адресата» [Шамне, Карякин, 2011, с. 205]. С точки зрения коммуникативно-дискурсивного подхода речевая агрессия рассматривается «как коммуникативная реалья, которая может существовать в рамках любого дискурса, независимо от его временных и национальных параметров, это конфликтное речевое поведение, которое способно спровоцировать масштабные социальные конфликты» [Воронцова, 2006, с. 85–86]. К. Ф. Седов даёт определение этому явлению с позиции психоллингвистики: это «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т. п.) у объекта речевого воздействия» [Седов, 2007, с. 254]. По словам Ю. В. Щербининой, актуаль-

ность исследований вербальной агрессии обусловлена рядом тенденций в современной практике общения, среди которых снижение уровня речевой культуры, инвективизация и вульгаризация речи, активное проникновение в нормативную речь жаргонных элементов, ослабление строгости коммуникативных норм, сдерживающих вербальную агрессию [Щербинина, 2008, с. 15]. Этот процесс охватывает все сферы и жанры коммуникации, поэтому современные исследователи изучают проявления языковой агрессии в различных типах дискурса: в политическом [Шейгал, 2004 ; Алёшина, 2013 ; Кауфова, 2015], в масс-медийном [Воронцова, 2006 ; Щербинина, 2008 ; Закоян, 2009 ; Гуськова, 2015 ; Мистюк, 2015 ; Фоменко, 2017 ; Сковородников, 2019 ; Малышкин, 2021], в педагогическом [Волкова, Панченко, 2022], в юмористическом [Князян, 2015], в спортивном [Денисова, 2021], в песенном [Михайлова, 2017].

В данной статье проявление агрессивного речевого поведения рассматривается на материале англоязычного делового дискурса в ситуациях бизнес-коммуникации. Цель работы заключается в выявлении средств выражения агрессии и реализуемых с их помощью коммуникативных намерений участниками дискурса. Так как существуют различные виды делового дискурса, следует отметить, что объектом данного исследования является устная форма диалогического делового дискурса. «Деловое общение – это как раз то общение, где непонимание и «несогласие в мыслях» становятся частым явлением, именно там возникают различные коммуникативные барьеры: социальные, политические, религиозные и профессиональные различия партнеров по коммуникации, а также неприязненное, предвзятое отношение к партнёру, недоверие к нему» [Вахрушев, Нестерова, 2011, с. 20].

2. Материал и методы исследования [Material and methods]

В качестве источника материала исследования был взят американский фильм «Glengarry Glen Ross», созданный в 1992 году по одноименной пьесе Д. Мэмета и известный в русскоязычном прокате как «Американцы». Безусловным достоинством данного фильма с точки зрения кинематографической ценности является великолепный актёрский состав с Аль Пачино, Алеком Болдуином, Джеком Леммоном, Кевином Спейси, Эдом Харрисом. Сюжет фильма воспроизводит два дня из жизни сотрудников одного из отделений крупного агентства недвижимости. Поскольку ситуация в офисе с продажей земельных участков является критической, к ним направляют мотивационного бизнес-тренера, который в очень жёсткой и агрессивной манере «стимулирует» сотрудников работать более эффективно. Конкуренция между самими агентами также способствует проявлению изворотливости, лжи, манипуляции, агрессивности по отношению друг к другу, к начальнику и клиентам. Несмотря на то, что агрессивная манера ведения бизнеса по продаже недвижимости вызывает негативное и критическое отношение, тем не менее этот фильм рекомендуют для обучения техникам продаж и даже заимствуют некоторые фразы из фильма для использования в соответствующих ситуациях.

Было выделено 14 эпизодов, в которых персонажи фильма прибегают к использованию разнообразных средств вербальной агрессии. Фрагменты были проанализированы с точки зрения лингвистических и экстралингвистических параметров коммуникативных ситуаций, участники которых находятся в разных статусно-ролевых взаимоотношениях: начальник – подчинённый, коллега – коллега, агент – клиент.

Коммуникативно-дискурсивный анализ предполагает не только выявление языковых средств выражения агрессии, но и определение мотивов их использования. Описанные средства вербальной агрессии имеют прагматическую обусловленность. Они использованы героями фильма для реализации определенных стратегий и тактик, способствующих достижению их основной цели – получению собственной коммерче-

ской выгоды. «Под коммуникативной стратегией понимается способ реализации замысла, включающий в себя отбор, обработку и подачу информации с целью воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферы адресата... Тактика представляет собой совокупность коммуникативных ходов и способствует реализации стратегии» [Телецкий, 2007, с. 263].

При проведении исследования применялись контекстуальный и лингвистический типы анализа для определения средств выражения агрессии, коммуникативно-прагматический анализ для выявления целей и намерений коммуникантов. Также использовался приём количественных подсчётов с целью определения степени частотности тех или иных средств вербальной агрессии.

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Выявленные языковые средства выражения агрессии отличаются количественными параметрами их употребления и отнесённостью к различным языковым уровням. Общее количество зафиксированных случаев вербальной агрессии сводится к 314, из них почти половину составляют примеры использования и н в е к т и в н о й лексики (150 единиц). При существующем в современном языкознании многообразии различных групп пейоративно-оценочной лексики: обценной, бранной, табуированной, сквернословия, ненормативной лексики и т. д., отсутствует единая классификация с чётким разграничением этих типов лексических единиц. В сложившейся ситуации представляется правильным подход В. И. Жельвиса «объединить все разновидности выражения человеческой неприязни и агрессии под названием «инвектива», понимая это слово широко» [Жельвис, 2008, с. 113]. Инвектива – «это лексика, употребление которой содержит намерение оскорбить или унижить адресата речи или третье лицо. К инвективной лексике относятся прежде всего слова и выражения, употребление которых в общении нарушает нормы общественной морали. Это могут быть как слова жаргонные, диалектные, просторечные, так и слова, относящиеся к собственно литературному языку» [Жельвис, 1988, с. 108]. Персонажи фильма очень активно используют оскорбительную и уничижительную лексику в разных коммуникативных ситуациях: агент Блейк, прибывший из головного офиса, посредством прямого унижения и оскорбления пытается призвать сотрудников работать результативно; сами коллеги между собой в обстановке соперничества используют грубую лексику по отношению друг к другу и к клиентам, которых не удалось убедить заключить сделку; некоторые сотрудники резко и агрессивно критикуют даже своего непосредственного начальника – управляющего Уильямсона – в прямом общении с ним.

Рассмотрим ряд примеров использования бранной лексики. Мистер Блейк с первых минут встречи с сотрудниками агентства по продаже недвижимости принимает агрессивную тактику ведения разговора и осыпает их оскорблениями:

(1) *You call yourself a salesman, you **son of a bitch**?* – ‘И ты считаешь себя коммерсантом, сукин ты сын?’

(2) *You are **shit**!* – ‘Вы ничего не стоите!’

(3) *You hear me, you **fucking faggots**!* – ‘Вам ясно, грёбанные недоноски!’

В. И. Шаховский пишет об увеличивающейся социальной и индивидуальной агрессии во всех сферах человеческого общения и напоминает, что «во времена Ч. Диккенса даже слово *damn* считалось вульгарным, обценным и потому не печатным. Таким словом было и *bloody*. В настоящее время оно обесцветилось и превратилось в слабый интенсификатор, на его место заступило слово *fuck* с бесчисленными дериватами. Так, в романе И. Шоу “At the Top of the Hill” персонажами-интеллигентами, журналистами и спортсменами используется более 80 дериватов этого слова. Современные исследователи пишут, что это обценное слово также употребляется лишь как слабый интенсифика-

тор» [Шаховский, 2013, с. 2]. В нашем материале данная единица является одним из самых частотных средств выражения агрессии – это слово и его дериваты были употреблены 73 раза в фильме. Наряду с этим герои неоднократно используют и другие примеры бранной и непристойной лексики: *shit, bullshit, ass, cocksucker*.

На фоне такого масштабного обращения к формам прямого оскорбления, другие отрицательно-оценочные лексические единицы воспринимаются как менее циничные и унижительные, тем не менее они тоже относятся к инвективам:

(4) *Get some **jerk** to come in here ...* – ‘Является какой-то пентюх’.

(5) *Bunch of **losers*** – ‘Лоху’.

(6) *If you can't take something from that, then you're ... **scum*** – ‘Если тебя это ничему не научит, то ты ... никчёмная **шваль**’.

(7) *Where did you learn your trade ... you **idiot**?* – ‘Где ты научился этому ремеслу, **идиот**?’

Анализ материала показывает, что инвективы являются одним из самых прямолинейных и эксплицитных средств проявления вербальной агрессии, при помощи которых говорящий выражает в эмфатической форме разнообразную гамму негативных эмоций: гнев, агрессию, негодование, возмущение, отчаяние и т. д. Авторы исследований явления языковой агрессии на различных типах материала также выделяют это языковое средство как самое распространенное и, возможно, доступное как для нанесения словесного оскорбления, так и для оказания соответствующего воздействия на объект агрессии. Таким образом, инвективы используются для реализации коммуникативной стратегии дискредитации с помощью тактики прямого оскорбления.

М е т а ф о р и ч е с к и е е д и н и ц ы как средство вербальной агрессии были использованы 30 раз. Например, агент Шелли Левин выражает своё негодование управляющему Уильямсону по поводу того, что ему и его коллегам снова придётся работать со старой клиентской базой, которую Левин сравнивает с туалетной бумагой:

(8) *With this **toilet paper** that you're giving me?* – ‘На том дерьме, что ты мне даёшь?’

Констатируя бессмысленность работы с устаревшим материалом, Ш. Левин прибегает к стратегии манипулирования с намерением заставить управляющего пойти ему на уступку и выдать новые данные.

В другом примере недружелюбного разговора коллег один из собеседников использует метафору в качестве образной негативной характеристики высказываний своего партнёра по бизнесу:

(9) *Your pal closes, **all that comes out of your mouth is bile*** – ‘Стоит продать твоему другу, ты исходил жёлчью’.

Для выражения негативного отношения к собеседникам персонажи фильма обращаются и к другому образному языковому средству – и д и о м а т и ч е с к и м в ы р а ж е н и я м (14 единиц). Выполняя определённую функцию оказания эмоционального воздействия, использованные идиомы характеризуются соответствующей эмотивно-прагматической коннотацией – они имеют стилистически-сниженную и пейоративную оценочность. Рассмотрим пример. Мистер Блейк угрожает сотрудникам увольнением, если они не изменят отношение к работе:

Hit the bricks, pal – ‘Получай под зад коленом’.

Идиома ‘*hit the bricks*’ имеет значение ‘*to walk the street, especially as an unemployed or homeless person*’ [Collinsdictionary.com]. Это выражение имеет словарную помету *slang*, соответственно, его семантические и стилистические параметры представляются неуместными в контексте нормативной деловой коммуникации, тем более с позиции вышестоящего по должности лица.

В другом примере, Дейв Мосс пытается оказать давление на своего коллегу и настроить его против начальника:

(11) *Threaten a man all you want, you can't whip a dead horse* – ‘Человека запугать легко, а дохлую клячу кнутом не поднимешь’.

В данном случае для большего эмоционального воздействия говорящий трансформирует идиому *'flog/beat a dead horse – waste your time trying to achieve something that cannot be done'* [Collinsdictionary.com], используя приём лексической замены. Данные языковые приёмы способствуют реализации стратегии манипуляции персонажами для реализации своих коммерческих целей.

Ирония и сарказм (26 примеров) являются более завуалированными средствами выражения агрессии, имплицитно за содержательно-нейтральными языковыми формами истинное намерение унижить или оскорбить собеседника. Так, в одном из начальных эпизодов фильма, мистер Блейк иронически объясняет цель своего визита в офис – объявить о соревновании между сотрудниками на право остаться работать в компании:

(12) *I'm here on a mission of mercy* – ‘Я приехал спасти вас’.

(13) *Cos the good news is you're fired* – ‘Потому что хорошая новость – вы все уволены’.

В следующем примере один из сотрудников Рики Рома наигранно «извиняется» перед своим коллегой Дейвом Моссом. Иронический эффект высказывания на содержательном уровне усиливается соответствующей притворно виноватой интонацией:

(14) *Is that what I did Daaave? I humiliated you? Oh, my god, I'm sorry!* – ‘Неужели, Дейв? Я унижил тебя? Боже, извини!’

Эти примеры иллюстрируют реализацию Блейком стратегии манипулирования с помощью тактики насмешки, заставляя сотрудников обидными ироничными высказываниями осознать, что они не могут работать по-старому, и останется в компании только тот, кто принимает новые правила «игры».

Для реализации агрессивных интенций говорящими используется широкий круг языковых средств, в том числе и синтаксического уровня. Риторические вопросы (44 примера) часто используются для выражения критики, прямого оскорбления, представляя выраженное мнение как факт, не требующий пояснения или опровержения:

(15) *Whoever told you that you could work with men?* – ‘Кто тебя пустил работать с людьми?’

(16) *Oh, have I got your attention now?* – ‘Что, стало интересно?’

(17) *Are you laughing now?* – ‘Теперь смешно?’

(18) *And what are you babbling about?* – ‘Что ты плетёшь?’

Лексические (7 примеров) и синтаксические (14 примеров) повторы служат эффективным эмфатическим способом интенсифицировать негативные эмоции:

(19) *The ... leads are weak? You're weak!* – ‘Наводки хилые? Это ты хилый!’

(20) *You do not know your job, you know that? You do not know how to run this office* – ‘Ты сам не умеешь работать, понял? Ты не умеешь управлять офисом’.

Данные высказывания иллюстрируют использование стратегии дискредитации посредством тактики оскорбления, констатируя некомпетентность сотрудников компании.

Нормы англоязычного коммуникативного поведения предписывают избегать использования повелительных конструкций, в деловом дискурсе в том числе, так как они направлены на оказание прямого воздействия на собеседника и принуждение его к действию. При актуализации императивной семантики рекомендуется смягчать категоричность высказываний иными грамматическими и лексическими средствами. Тем не менее анализируемый материал свидетельствует об обратном. Собеседники прибегают к использованию повелительных конструкций, многие из которых

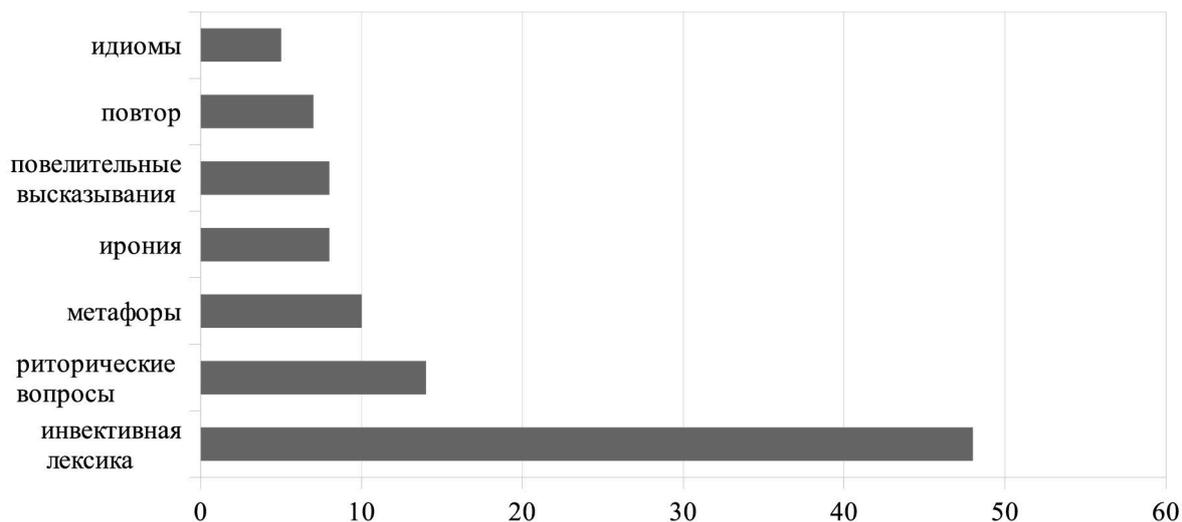
произносятся грубым и язвительным тоном, усиливая прагматический эффект интонационными средствами (29 примеров):

(21) *Shut up!* – ‘Заткнись!’

(22) *Get their names to sell them!* – ‘Вы должны продать им (землю)!’

(23) *Go home and tell your wife your troubles* – ‘Иди домой и плачься жене’.

Эти примеры являются иллюстрацией реализации стратегии дискредитации при помощи тактик унижения, констатации профессиональной некомпетентности.

Р и с у н о к 1. Процентное соотношение средств вербальной агрессии
[F i g u r e 1. Verbal aggression means (%)]

Следует отметить, что интонация является значимым средством актуализации агрессивности высказываний не только в приведенных выше повелительных конструкциях. Это паралингвистическое средство служит ярким эмфатическим «аккомпанементом» для всех выявленных способов выражения агрессии. «При восприятии устной речи речемыслительная деятельность слушающего в значительной степени «направляется» с помощью просодических характеристик внешней речи говорящего, включающих все основные компоненты интонации – мелодику, темп, паузы, интенсивность...» [Пиотровская, 2015, с. 62]. Персонажи на протяжении всего фильма находятся в остро конкурентных, конфликтных и напряжённых ситуациях. Поэтому их речь эмоционально насыщена не только собственно языковыми выразительными средствами, но и на просодическом уровне. Агрессивность акцентируется стремительно восходящим тоном, иногда с очень резкой и надрывной мелодикой, паузацией в особо значимых смысловых отрезках, с намеренным ироничным растягиванием слов и фраз, акцентным выделением ключевых фрагментов.

Таким образом, для реализации агрессивных намерений в изучаемом деловом дискурсе применяется разнообразный арсенал лингвистических и паралингвистических средств. Их выбор способствует реализации коммуникативных стратегий – стратегии дискредитации и стратегии манипулирования.

Так, коммуникативная стратегия дискредитации направлена на подрыв доверия к собеседнику и может быть реализована с помощью нескольких тактик: прямого оскорбления, констатации некомпетентности, насмешки, угрозы. Стратегия манипулирования при помощи средств вербальной агрессии используется для оказания речевого воздействия на участников делового дискурса с целью достижения поставленных целей, а именно получения коммерческой выгоды любыми средствами.

4. Заключение [Conclusion]

Вербальная агрессия, являясь разновидностью конфликтных действий словесного характера, занимает определенное место в современной коммуникации, проявляясь в различных типах дискурса, в том числе и деловом диалогическом дискурсе. Анализ фрагментов фильма «Glengarry Glen Ross» выявил использование разнообразных лингвистических и паралингвистических средств выражения агрессии в различных типах речевых ситуаций с участием всех персонажей.

Выбор языковых средств обусловлен речевыми интенциями говорящих. Самым распространённым средством выражения вербальной агрессии в фильме является инвективная лексика (48%) – самое яркое и открытое средство реализации враждебных намерений. Использование пейоративных лексических единиц прагматически обусловлено параметрами коммуникативно-прагматических ситуаций и коммуникативными намерениями говорящих – для нанесения оскорбления, обвинения в профессиональной некомпетентности в целях деловой дискредитации. Императивные конструкции (8%), лексические и синтаксические повторы (7%), риторические вопросы (14%) в соответствующем агрессивном интонационном оформлении также направлены на дискредитацию собеседника.

Использование более имплицитных и завуалированно выражающих негативные намерения языковых приёмов – метафорических (10%) и идиоматических выражений (5%), иронии (8%) – чаще всего способствуют реализации стратегии манипулирования в анализируемых коммуникативных ситуациях.

Библиографический список

- Алёшина, 2013 – Алёшина Е. Ю. Высказывания с выражением агрессии в англоязычном тексте политической публичной речи конфликтной ситуации (на материале речей Дж. Ф. Кеннеди) // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер. Лингвистика. 2013. № 3. С. 36–41.
- Вахрушев, Нестерова, 2011 – Вахрушев А. А., Нестерова Н. М. Сопоставительный анализ средств языковой актуализации языковой агрессии и языковой толерантности (на материале англоязычной деловой коммуникации) // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. 2011. № 37 (252). С. 20–25.
- Волкова, Панченко, 2022 – Волкова Я. А., Панченко Н. Н. Переориентация агрессии как деструктивная тактика в педагогическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6. С. 1969–1974.
- Воронцова, 2006 – Воронцова Т. А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006. № 1. С. 83–86.
- Гуськова, 2015 – Гуськова С. В. К вопросу об агрессии в контексте акцентуации феномена в Российских масс-медиа // Научные исследования: от теории к практике. 2015. Т2. № 4 (5). С. 116–119.
- Денисова, 2021 – Денисова А. В. Средства выражения вербальной агрессии в дискурсе футбольных фанатов Англии (на материале книг Дуги Бримсона) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2021. № 5. С. 1548–1553. <https://doi.org/10.30853/phil210231>
- Жельвис, 1988 – Жельвис В. И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика // Этнопсихоллингвистика. М. : Наука, 1988. С. 98–108.
- Жельвис, 2008 – Жельвис В. И. Грубость: проблемы классификации лексики // Вопросы психоллингвистики. 2008. № 7. С. 109–113.
- Закоян, 2009 – Закоян Л.М. Выражение агрессии в Российских СМИ // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. : Вопросы образования. Языки и специальность. 2009. № 2. С. 44–47.
- Кауфова, 2015 – Кауфова Л. А. Речевая агрессия в Британском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (52). С. 83–86.
- Князьян, 2015 – Князьян А. Т. Вербальная и невербальная агрессия в юмористическом дискурсе (на материале английских, русских и армянских «бытовых» анекдотов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (46). С. 94–96.

- Малыгина, Иванова, 2021 – Малыгина Е. В., Иванова А. М. Социолингвистические параметры формирования политической корректности в английском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2021. Вып. 7, № 3. С. 140–148. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_140_148
- Малышкин, 2021 – Малышкин К. Ю. Роль языковых единиц с семантикой агрессии к Российской Федерации в текстах газеты «The New York Times» // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 3 (36). С. 294–296.
- Мистюк, 2015 – Мистюк Т. Л. Элементы речевой агрессии в современном газетном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43). С. 160–164.
- Михайлова, 2017 – Михайлова А. И. Сенсорная речевая агрессия в песенном дискурсе // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 128–139.
- Пиотровская, 2015 – Пиотровская Л. А. Монотонная vs выразительная устная речь // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2015. Вып. 1, № 4. С. 64–75.
- Седов, 2007 – Седов К. Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. М., 2007. С. 250–277.
- Сковородников, 2019 – Сковородников А. П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 12–25.
- Солодовникова, Сорокина, 2021 – Солодовникова Н. Г., Сорокина Е. А. Эмотивный аспект лингвоэкологии // Лингвистика и образование. 2021. № 3. С. 67–79.
- Телецкий, 2007 – Телецкий А. Г. Языковые особенности коммуникативных стратегий в политическом комментарии (на материале немецких традиционных и радикальных газетных изданий) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика, 2007. Вып. 1. Ч. 2. С. 263–268.
- Фоменко, 2017 – Фоменко Т. А. Лингвистический аспект дискурсивных средств вербальной агрессии как способа манипулирования общественным сознанием (на материале англоязычных СМИ) // Язык: категории, функции, речевое действие: Материалы Х юбилейной международной научной конференции к 75-летию В. С. Борисова. МПГУ, 2017. Вып. 10. С. 224–227.
- Шамне, Карякин, 2011 – Шамне Н. Л., Карякин А. В. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Языкознание. 2011. № 1 (13). С. 204–207.
- Шаховский, 2013 – Шаховский В. И. Эмотивное значение слова в лингвоэкологическом аспекте // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2013. № 32. С. 1–12.
- Шейгал, 2004 – Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва: Гнозис, 2004. 326 с.
- Штеба, 2014 – Штеба А. А. Лингвоэкологический абсолют смешанных эмоций // Экология языка и коммуникативная практика, 2014. № 2 (3). С. 172–178.
- Щербинина, 2008 – Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М.: ЛКИ, 2008. 360 с.
- Grice, 1975 – Grice H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. 1975. Vol. 3. P. 41–58.
- Leech, 1983 – Leech G. N. Principles of Pragmatics. London and New York, 1983. 250 p.
- Collins Online Dictionary – Collins Online Dictionary URL : <https://www.collinsdictionary.com/>

References

- Aleshina, E. Yu. (2013). Viskazivania s virazheniem agressii v angloyazichnom tekste politicheskoy publichnoy rechi konfliktnoy situatsii (na material rechey J.F. Kennedy) [Statements expressing aggression in the English political public speech of a conflict situation (As exemplified by President J. F. Kennedy's speeches)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 3, 36–41. (In Russ.).
- Vahrushev, A. A., Nesterova, N. M. (2011). Sopostavitelnyy analiz sredstv yazikovoy aktualizatsii yazikovoy agressii i yazikovoy tolerantnosti [Verbal Aggression and Verbal Tolerance: Linguistic Analysis of Actualization Means (Based on the English Language Business Communication)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarsntennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 37 (252), 20–25. (In Russ.).

- Volkova, Y. A., Panchenko, N. N. (2022). Pereorientatsia agressii kak destruktivnaya taktika v pedagogicheskom diskurse [Redirected aggression as a disruptive tactic in pedagogical discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 6, 1969–1974. (In Russ.).
- Vorontsova, T. A. (2006). Rehevaya agressiya v kommunikativno-diskursivnoy paradigme [Verbal aggression in a communicative paradigm]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proc. of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 1, 83–86. (In Russ.).
- Gus'kova, S. V. (2015). K voprosu ob agressii v kontekste aktsentuatsii fenomena v Rossiiskih mass-media [To the question of aggression in the context of accentuation of the phenomenon in the Russian mass media]. *Nauchnie Issledovaniya: ot teorii k praktike* [Scientific Research: from Theory to Practice], Vol. 2. 4 (5), 116–119. (In Russ.).
- Denisova, A. V. (2021). Sredstva virazheniya verbalnoy agressii v diskurse futbolnih fanatov Anglii (na materiale knig Dougie Brimson) [Means of expressing verbal aggression in the English football fans' discourse (By the material of Dougie Brimson's books)]. *Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 5, 1548–1553. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil210231>
- Zhelvis, V. I. (1988). Invektivnaya strategiya kak natsionalno-spetsificheskaya harakteristika [Invective strategy as a national specific characteristic]. *Etnopsiholingvistika* [Ethnopsycholinguistics] (pp. 98–108). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Zhelvis, V. I. (2008). Grubost: problem klassifikatsii leksiki [Vulgar: the problem of lexis classification]. *Voprosi psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 7, 109–113. (In Russ.).
- Zakoyan, L. M. (2009). Virazhenie agressii v Rossiiskih SMI [Expression of aggression in Russian mass media]. *Vestnik Rossiyskogo un-ta druzhby narodov. Ser. : Voprosy obrazovaniya. Yazyki i spetsial'nost'* [RUDN Journal of Language Education and Transcultural Practices], 2, 44–47. (In Russ.).
- Kaufova, L. A. (2015). Rehevaya agressiya v Britanskom politicheskom diskurse [Speech aggression in the British political discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], 10 (52), 83–86. (In Russ.).
- Knyazyan, A. T. (2015). Verbalnaya i neverbalnaya agressiya v yumoristicheskom diskurse (na materiale angliyskih, russkih i armyanskikh "bitovih" anekdotov) [Verbal and nonverbal aggression in the humorous discourse (by the material of the English, Russian and Armenian "everyday" anecdotes)]. *Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], 4 (46), 94–96. (In Russ.).
- Malygina, E. V., Ivanova, A. M. (2021). Sotsiolingvisticheskie parametry formirovaniya politicheskoy korrektnosti v angliyskom yazyke [Sociolinguistic aspects of political correctness in English]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 140–148. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_140_148
- Malyshkin, K. Yu. (2021). Rol' yazikovih edinit s semantikoy agressii k Rossiyskoy Federatsii v tekstah gazeti «The New York Times» [The role of language units with the semantics of aggression to the Russian Federation in the texts of «The New York Times» newspaper]. *Baltiyskiy gumanitarniy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 3 (36), 294–296. (In Russ.).
- Mistyuk, T. L. (2015). Elementy rehevoy agressii v sovremennom gazetnom tekste [Elements of verbal aggression in modern newspaper text]. *Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], 1 (43), 160–164. (In Russ.).
- Mikhailova, A. I. (2017). Sensoraya rehevaya agressiya v pesennom diskurse [Sensory verbal aggression in song discourse]. *Kommunikativnie issledovaniya* [Communication Studies], 4 (14), 128–139. (In Russ.).
- Piotrovskaya, L. A. (2015). Monotonnaya vs virazitel'naya ustnaya rech [Monotonous vs expressive oral speech]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (4), 64–75. (In Russ.).
- Sedov, K. F. (2007). Rehevaya agressiya i agressivnost kak cherta rehevogo portreta [Verbal aggression and aggressiveness as a feature of a speech portrait]. *Sotsialnaya psiholingvistika* [Social Psycholinguistics] (pp. 250–277). Moscow. (In Russ.).

- Scovorodnikov, A. P. (2019). O nekotorykh nereshennykh voprosakh lingvoekologii [On some unanswered questions of the linguo-ecological theory]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 5 (77), 12–25. (In Russ.).
- Solodovnikova, N. G., Sorokina, E. A. (2021). Emotivniy aspekt lingvoekologii [Emotive aspect of linguoecology]. *Lingvistika i obrazhovanie* [Linguistics and Education], 3, 67–79. (In Russ.).
- Teletsky, A. G. (2007). Yazikovye osobennosti kommunikativnykh strategiy v politicheskom kommentarii (na materiale nemetskih traditsionnykh i radikalnykh gazetnykh izdaniy) [Linguistic characteristics of communicative strategies in political comments (as exemplified by German traditional and radical political texts)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism], 1 (2), 263–268. (In Russ.).
- Fomenko, T. A. Lingvisticheskiy aspekt diskursivnykh sredstv verbalnoy agressii kak sposoba manipulirovaniya obschestvennim soznaniem (na materiale angloyazichnykh SMI) [Linguistic aspect of discursive means of verbal aggression as a way of manipulating public consciousness (Based on the material of English-language media)]. *Yazik: kategorii, funktsii, rechevoye deystvie* [Language: categories, functions, speech action] (pp. 224–227); Moscow Pedagogical State University. (In Russ.).
- Shamne, N. L., Karyakin, A. V. (2011). Rehevaya agressiya kak narushenie ekologichnosti politicheskogo diskursa [Verbal aggression as the violation of ecologicity in the political discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta: Yazikoznanie* [Science Journal of Volgograd State University: Linguistics], 1 (13), 204–207. (In Russ.).
- Shahovskiy, V. I. (2013) Emotivnoye znachenie slova v lingvoekologicheskom aspekte [Emotive meaning in linguoecological aspect]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronniy nauchniy zhurnal* [World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal], 32, 1–12. (In Russ.).
- Sheigal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow. (In Russ.).
- Shteba, A. A. (2014). Lingvoekologicheskiy absolyut smeshannykh emotsiy [The absolute of ecolinguistics: a language categorization of contradictory emotions]. *Ekologiya yazika i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2 (3), 172–178. (In Russ.).
- Scherbinina, Yu. V. (2008). *Verbal'naya agressiya* [Verbal Aggression]. Moscow. (In Russ.).
- Grice, H. P. (1975). Logic and Conversation. *Syntax and Semantics*, 3, 41–58.
- Leech, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London and New York.
- Collins Online Dictionary (n.d.). Retrieved from <<https://www.collinsdictionary.com/>>.

Лебедев Леонид Владимирович^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы

г. Москва, Российская Федерация

leoneedlebedev@gmail.com

Восприятие и передача колоративной лексики при переводе в условиях художественного и искусственного билингвизма (на материале романов В. Набокова)

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы художественного авторского перевода, стоящие перед писателями-билингвами с точки зрения восприятия текста на языке другой культуры и передачи читателю – носителю другого языка наиболее точных образов, смыслов и оттенков с языка оригинала. Цель исследования – выявить специфику перевода колоративной лексики в ситуации, где, с одной стороны, в фокусе внимания находится автор-билингв и автор-переводчик в одном лице, а с другой – понятия культурной идентичности и личностного восприятия в аспекте общекультурных компетенций людей, не являющихся билингвами, но знающих язык на достаточном уровне для свободной коммуникации. Основу методологии исследования составляют: методы лингвистического наблюдения и сплошной выборки, контекстуальный анализ, концептуальный анализ, эксперимент, количественный анализ и интерпретация полученных данных. В ходе исследования выявлено около 400 несоответствий в текстах оригинала произведения и его авторского перевода. Далее отобраны три наиболее ярких примера, на основе которых построены сравнительно-сопоставительный анализ и эксперимент с участием представителей искусственного (учебного) билингвизма с родным русским и вторым английским языками. В результате исследования определено, что примеры перевода в условиях искусственного билингвизма строятся главным образом с помощью номинативных значений эквивалентных слов, чего достаточно для поверхностной передачи смысла и общей идеи произведения, в то время как автор произведения передаёт глубинные смыслы, сохраняя атмосферу подлинника и силу его поэтического воздействия.

Ключевые слова: авторский перевод, авторский переводческий билингвизм, культурная идентичность, межкультурное восприятие, личностное восприятие, Владимир Набоков, колоративная лексика

© Лебедев Л. В. 2023

Для цитирования: Лебедев Л. В. Восприятие и передача колоративной лексики при переводе в условиях художественного и искусственного билингвизма (на материале романов В. Набокова) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С.61–74. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_61

Leonid V. Lebedev^{1,2}

¹Peoples' Friendship University of Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Moscow, Russian Federation

leoneedlebedev@gmail.com

Perception and transmission of colour words in translation within natural and artificial bilingualism (Based on V. Nabokov's novels)

Abstract

The article considers the issues of literary translation that bilingual writers face in terms of perceiving a text produced within another culture and transferring images, meanings and nuances from the original language to the

reader's language in the most accurate way. This paper aims to identify the specific patterns in translation of colour terms when on the one hand there is a bilingual author who is at the same time the translator of his/her original work, and on the other hand there is the concept of cultural identity and personal perception in terms of general cultural competence of people who are not bilingual but know the language well enough to communicate freely. The research methods include linguistic observation, continuous sampling, contextual analysis, conceptual analysis, experiment, statistic analysis and interpretation of the data obtained. During the study, about 400 discrepancies in the texts of the original work and the author's translation were identified and analyzed. Three most striking examples were then selected to be given to artificial (educational) bilingual speakers of Russian as L1 and English as L2 for further comparison. The results show that the translation samples produced within artificial bilingualism are mainly constructed using nominative meanings of equivalent words which are enough for a superficial transfer of meaning and the general idea while the author conveys deeper meanings preserving and transmitting the original atmosphere and the magnitude of its poetic impact.

Keywords: autotranslation, literary bilingualism, cultural identity, cross-cultural perception, personal perception, Vladimir Nabokov, colour terms

© Lebedev L. V. 2023

For citation: Lebedev, L. V. (2023). *Vospriyatie i peredacha kolorativnoy leksiki pri perevode v usloviyakh khudozhestvennogo i iskusstvennogo bilingvizma (na materiale romanov V. Nabokova)* [Perception and transmission of colour words in translation within natural and artificial bilingualism (Based on V. Nabokov's novels)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9(1), 61–74. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_61

1. Введение [Introduction]

Актуальность темы исследования обусловлена интересом к проблеме коммуникативного коллективного билингвизма в обучении иностранным языкам, а также объективной потребностью в раскрытии феномена речемыслительной деятельности творческой билингвальной личности вследствие недостаточной разработанности проблемы как в переводоведении, так и в методике обучения иностранным языкам. Принимая во внимание тот факт, что ни один переводчик / читатель не может знать оригинал и творческий замысел лучше самого автора, авторский перевод является идеальным способом воссоздания оригинала произведения на другом языке [Кривошлыкова, 2017, с. 255]. Именно художественный билингвизм может быть представлен как особый художественный метод, способствующий разрешению специфических проблем, стоящих перед писателями-билингвами [Туксаитова, 2005, с. 200], таких как осознание культурных различий и большая потребность в межкультурном понимании.

Ц е л ь исследования – определить специфику перевода колоративной лексики в художественном тексте в ситуации, где с одной стороны находится автор-билингв и автор-переводчик в одном лице, а с другой стороны – люди, не являющиеся билингвами, но способные понимать и воспроизводить на иностранном языке на высоком уровне переданную при помощи языковых средств информацию о цвете.

Соотношение ролей автора и переводчика всегда вступает в конфликт. Главной задачей переводчика является сохранение национально-культурной специфики, адекватности и эквивалентности художественного текста, в то время как для автора произведения данные термины не имеют сколько-нибудь существенного значения, и автор по своей сути является ретранслятором определённой действительности или некоего иного взгляда на неё, что, в свою очередь, подразумевают полную свободу действий в формировании мыслей, зависящих только от личности автора, а также от его индивидуальных предпочтений и восприятия. Переводчик же, не являющийся билингвом или автором произведения, ограничен в выборе переводческих решений.

Задачи исследования охватывают изучение специфики проблем авторского перевода на уровне образной системы, цветопередачи и переводческих решений и то, насколько способность автора к синестезии помогает в процессе передачи образов и смыслов произведения.

Разработка проблем культурной идентичности, личностного восприятия и билингвального перевода представлена в трудах ряда учёных [Зимняя, 1989; Туксаитова, 2005; Бахтикереева, 2009; Хованская, Праченко, 2014; Эко, 2016; Кривошлыкова, Чернякова, 2017]. Авторской синестезии и её роли в переводе художественных произведений посвящено определённое количество работ отечественных и зарубежных авторов [De Bortoli, Maroto, 2008; Кривошлыкова, 2018; Блатт, 2019].

В классическом языкознании обычно выделяют три ступени формирования и формулирования мысли на родном и неродном языках. Так, в работах И. А. Зимней представлены следующие ступени: первая ступень – формирование и формулирование мысли с помощью родного языка с последующим переводом на неродной язык; вторая ступень – формирование мысли средствами родного языка с последующим формулированием её средствами неродного языка; третья ступень – формирование и формулирование мысли сразу на неродном языке. Этот этап является ступенью билингвального существования [Зимняя, 1989].

Гипотеза исследования состоит в том, что языковая личность автора-билингва и переводчика-билингва Владимира Набокова базируется сразу на трёх ступенях и, соответственно, имеет больший потенциал при передаче тончайших оттенков цвета при переводе художественного произведения с учётом понятий адекватности и эквивалентности. Личности же переводчиков, для которых язык перевода не является родным, подходят лишь под первую и / или вторую категорию.

2. Теоретические предпосылки [Theoretical background]

В современном и стремительно развивающемся мире уже никого не удивит билингвизмом. Изначально вопрос билингвизма интересовал только учёную среду, но с течением времени важность билингвизма начали понимать и обычные люди. Так, например, родители стараются, чтобы их ребёнок с раннего возраста жил и воспринимал информацию в многоязычной среде. Роль языка невозможно переоценить, особенно в условиях острых глобальных проблем: пандемия 2020 года, глобальное потепление, борьба за ресурсы – этот список можно продолжать бесконечно. Очевидно, что навык владения иностранным языком, – независимо от того, где ты родился или живёшь, какой у тебя социальный или материальный статус, – это своего рода ключ к решению повсеместных проблем, а также к возможностям нашего мира. Можно предположить, что в будущих поколениях количество людей – носителей двух или более языков – многократно возрастет отчасти благодаря техническому прогрессу, свободному перемещению и смешению культур.

В действительности, количество случаев билингвизма или многоязычия в современном мире неуклонно растёт. В ходе опроса, проведённого Европейской комиссией в 2006 году, 56% респондентов заявили, что они могут общаться на языке, отличном от их родного. По данным American Community Survey (Исследование американского сообщества – программа, проводимая Бюро переписи населения США), в 2012 году около 66% детей в мире могли говорить на двух языках [Xiaoming, 2021]. Также на примере США мы можем проследить, что в период с 1980 по 2018 год наблюдается устойчивый рост доли билингвов. В 1980 году процент билингвов составлял 10,68% (около 23,06 млн человек), а в 2018 году, согласно последнему исследованию ACS, это число возросло до 21,9%, то есть 67,27 млн жителей. За 38 лет этот процент практически удвоился [Zeigler, Camarota, 2018].

Выше было уже упомянуто о том, почему феномен билингвизма будет иметь широкое распространение. Также стоит отметить важность наличия всесторонне развитых компетенций современного специалиста, который сможет стать конкурентоспособным в мире, где каждая компания стремится найти себе человека для решения широкого круга задач. В нашем случае акцент сделан на так называемые общекультурные компетенции, в число которых входит и владение иностранным языком. Одним из критериев владения иностранным языком на достойном уровне является успешное понимание и передача информации. И здесь возникает вопрос, так ли важно быть билингвом, или для рядового специалиста достаточно иметь хорошо развитые лингвокреативные, лингвокультурные навыки восприятия информации для успешной коммуникации, на которых мы остановимся подробнее далее в нашей статье. Но уже можно совершенно точно сказать, что актуальность проблем билингвизма возрастает, повышается интерес к изучению и созданию новых методик обучения иностранным языкам.

Как мы уже упомянули, феномен билингвизма достаточно хорошо изучен, проведено множество исследований, совершён целый ряд открытий, но все же некоторые вопросы остаются нерешёнными и требуют более детального рассмотрения. Художественно-индивидуальный билингвизм – это проблема, которую можно рассматривать с нескольких аспектов, в частности, с литературоведческого и лингвистического, однако для её разработки важны достижения различных направлений научного знания: классической теоретической лингвистики, социологии, социолингвистики, психологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики и психологии, социальной психологии, лингвистики и психологии цвета, культурологии. Из этого следует, что для выявления особенностей речевого портрета билингвальной личности нужно придерживаться междисциплинарности как основного подхода к выявлению наиболее полных и точных характерных черт языковой личности и представлений о языковой картине мира в целом.

Языковая картина мира в каждом языке имеет свои особенности, но в общих функциональных, понятийных планах она в принципе типична для всех языков. Иначе люди не имели бы возможности понимать друг друга. Иными словами, различные языки суть разных видений одного и того же предмета, а не различных обозначений одного и того же предмета [Гумбольдт, 1985, с. 172]. Для того, чтобы это наглядно показать, было решено обратиться к примерам из произведений «Отчаяние» и «Камера обскура» и к их авторским переводам “Despair” и “Laughter in the dark” такого экстраординарного автора, как Владимир Набоков.

Экстраординарность В. Набокова заключается в том, что у него «были неплохие способности к рисованию, его учил знаменитый Добужинский. Мальчику прочили будущее художника. Художником Набоков не стал, но и способности, и приобретенные навыки пригодились для его словесной живописи, уникальной способности чувствовать цвет, свет, форму и передавать эти чувства словами» [Уздина, 2012]. «Художественный мир Набокова содержит не только обязательный образ автора, но и инстанции – образы критика, литературоведа, переводчика, – одним словом, образы – зеркала разнообразных истолкователей» [Агеносов и др., 2020, с. 321].

Анализируя переводы одних и тех же отрывков как с русского языка на английский, так и наоборот, мы приходим к выводу, что именно различные вариации переводов и уровень владения языком, а не происхождение человека и его национальная принадлежность являются показателем той культурной идентичности, к которой он себя относит. Уровень владения языком – это навык, который и указывает нам на мастерство переводчика, автора или читателя воспринимать и передавать образы. В нашем случае Набоков был с детства окружён обеими культурами; в его памяти хранятся образы и воспоминания, которые можно соотнести с тем или иным языком, т. е. имеет место обусловленность речевой ситуации, в которой то или иное событие происходило.

Согласно исследованию В. Мариан и Ю. Нейссера в области когнитивной психологии англо-русских билингвов с вовлечением двух языков, можно утверждать, что образы в обоих текстах автора, те несоответствия и радикальные переработки, на которые мы обращаем внимание при прочтении параллельных корпусов текста, являются проявлениями одной и той же мысли. Так, в первой части исследования проверялось, вызывают ли слова с одинаковым значением, представленные в конечном итоге на русском и английском языках, одинаковые воспоминания. Когда назывались слова на русском языке, участники, как правило, вспоминали события, пережитые на русском языке: слово *лето* вызывало воспоминания о летних событиях, пережитых на русском языке (либо в России, либо в русскоязычной среде после иммиграции в США), в то время как *summer* обычно вызывало воспоминания о летних событиях, пережитых на английском языке. Во второй части исследования учитывалась языковая среда. Участникам назывались слова на русском и английском языках в определённой языковой среде, то есть они взаимодействовали с экспериментатором исключительно либо на русском, либо на английском языке. В результате было обнаружено, что участники склонны воспроизводить воспоминания, пережитые на языке, совпадающим с текущей языковой средой, зачастую несмотря на то, что слова называли на другом языке [Marian, Neisser, 2000, p. 366]. Это говорит о том, что язык, используемый для запоминания и извлечения воспоминаний, влияет на то, какие воспоминания будут вызваны, и, что немало важно, языковая среда эксперимента, окружающая билингвов в данный момент, влияет на то, что они вспомнят в первую очередь [De la Puente, 2015, с. 588]. Результаты исследования согласуются со словами В. Набокова о его творчестве в интервью 1961 года журналисту газеты *Nice-Matin*, Клоду Меркади: «Я отталкиваюсь не от идеи, но от образа ... Затем я прилагаю все усилия, чтобы в точности воспроизвести всё то, что пришло ко мне как внезапное озарение ... Это длинная и трудная работа» [Мельников, 2014, с. 175]. Данное высказывание применимо и к описательным оборотам в форме колоративной лексики, которые повсеместно встречаются в романах В. Набокова.

Цвет – это важный атрибут художественного произведения, помогающий художнику выразить свои мысли и чувства через слова, которые впоследствии при переводе могут приобрести новые формы и оттенки [Лебедев, 2022, с. 83].

Подчёркнём, что писателя интересовали не столько сами цвета как таковые и их названия, сколько эффект восприятия того или иного цвета и его оттенков в зависимости от условий освещения и того восприятия, с которым человек уже сталкивался в жизни. Учитывая лингво- и социо-культурные характеристики отдельных народов, можно утверждать, что реалии и образы, которые автор передаёт в одном языке одними лексическими единицами, могут приобретать совершенно отличные образы в другой культуре.

Не только языки не одинаковы, но и способы использования языков никогда не бывают одинаковыми, поэтому задача переводчика очень сложна, поскольку она требует переговоров о различиях как языковых, так и культурных. Так, переводоведение поднимает фундаментальные вопросы об этике межкультурной коммуникации и о доверии, которое мы оказываем переводчику.

По нашему мнению, наиболее точное определение переводчика даёт Вальтер Беньямин, сравнивающий его с археологом, собирающим вместе фрагменты сосуда, чтобы восстановить его первоначальную форму, и он должен собрать его таким образом, чтобы включить в него способ означивания оригинала [Walter, 2000, p.257].

Также перед тем, как перейти к анализу переводческих соответствий, стоит упомянуть тот факт, что В. Набоков является синестетом. Синестезия – это особая психологическая способность отождествлять видимое и /или слышимое друг с другом или определёнными словами, или даже образами. Набокову же посчастливилось стать обладателем цветного слуха. Слыша определённую букву или слово, В. Набоков видел цветное соответствие, вплоть до различных оттенков.

Сам В. Набоков в автобиографии «Память, говори» описал феномен синестезии следующим образом: «... я наделён в редкой мере цветным слухом. Не знаю, впрочем, правильно ли говорить о «слухе», цветное ощущение создаётся, по-моему, самым актом голосового воспроизведения буквы, пока воображаю её зрительный узор. Долгое *a* английского алфавита (речь пойдет только о нём, если не говорю иного) имеет у меня отенок выдержанной древесины, меж тем, как французское *a* отдаёт лаковым чёрным деревом» [Набоков, 2004, с. 338]. В настоящем исследовании большое внимание уделяется именно тому, что в произведениях Набокова достаточно часто употребляются описательные колоративы.

3. Эксперимент [Experiment]

3.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В ходе исследования был использован комплексный подход, объединяющий следующие методы: метод сплошной выборки, контекстуальный анализ, концептуальный анализ, количественный анализ и интерпретация полученных данных. Был проведён эксперимент с восприятием смыслов и образов в оригинальном и переведённом тексте у людей, для которых английский язык не является родным, чтобы выяснить, насколько обычный человек способен приблизиться к оригиналу авторского перевода, если бы перед ним стояла задача перевести данный текст.

Материалом для исследования послужили романы Владимира Набокова «Камера обскура» и «Отчаяние», а также их авторские переводы “Laughter in the dark” и “Despair” [Набоков, 2012, 2004 ; Nabokov, 2011, 2012]. Было отобрано около 400 несоответствий перевода по отношению к оригиналу текста.

Чтобы подробно рассмотреть, насколько восприятие автора и переводчика-билингва в одном лице отличается от восприятия читателя или обычного человека, владеющего иностранным языком на высоком уровне (представители искусственного (учебного) билингвизма), на одном из практических занятий по дисциплине «Перевод и реферирование в сфере профессиональной коммуникации» в качестве эксперимента студентам 2-х – 4-х курсов продвинутого уровня (Advanced) неязыкового вуза были даны несколько отрывков из произведений В. Набокова «Отчаяние» / “Despair” и «Камера обскура» / “Laughter in the dark” на перевод, по завершении которого студенты сравнили свои переводы с авторским. Испытуемые заранее знали, что им нужно уделить большое внимание колоративной лексике и тому, какими выразительными средствами эту лексику можно передать на английском языке. В исследовании приняли участие 30 человек (22 испытуемых женского пола и 8 мужского). В данной работе представлена лишь часть ответов, которые мы посчитали наиболее интересными.

Перед проведением эксперимента ставился вопрос о том, каких студентов лучше всего вовлечь в проведение эксперимента: с одной стороны – студенты неязыковых факультетов, с другой стороны – языковых. Было принято решение, что студенты неязыковых факультетов составляют большинство и более точно отражают существующую реальность того, что не все коммуниканты, говорящие на иностранном языке, владеют языком на профессиональном уровне, и для них, по сути, языкознание как наука не представляет особой важности при ретрансляции текста и его понимания. Ниже представлен сравнительно-сопоставительный анализ трёх фрагментов, каждый из которых включает в себя пример из оригинала произведения, авторский перевод, и переводы студентов.

3.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Рассмотрим подробнее отрывки. Первый пример – это предложение-оригинал и его перевод, выполненный самим Набоковым:

(1) *Вдали лиловато-белым конусом выделялась на беспощадной синеве гора, похожая на Фузияму* [Набоков, 2014, с. 105]. – *In the distance against a mercilessly blue sky, there stood out the mauve-shaded sugar cone of a mountain resembling Fujiyama* [Nabokov, 2011, p. 196].

Здесь автор сравнил белый конус – снежную вершушку горы – с сахаром, и конечно же, цвет сахара в определённых условиях освещения может отражать различные оттенки, голубоватого, лиловатого, желтоватого. Не только цвет, но и хруст, издаваемый при протирании сахара, когда человек наступает на сухой снег, соотносятся. Также важно отметить, что из около 20 различных переводов (см. далее) ни разу не встретился колоратив *mauve*, названный в честь растения Мальва. В природе известно более 25 видов цветов мальвы, растущей в Северной и Южной Америке, Африке, Европе и Азии, и в данном случае в окраске растения в зависимости от вида могут преобладать следующие цвета и оттенки: белый, кремовый, розовый, красный, голубой и фиолетовый.

Согласно кембриджскому словарю, слово *mauve* имеет значение бледно-фиолетового цвета – «a pale purple colour» [Cambridge dictionary]. Автор использовал слово, которое содержит в себе одновременно два цвета: белый и фиолетовый. Поскольку билингвы воспроизводят образы на основе пережитых событий в определённой языковой среде, это даёт автору-билингву некую вольность при выборе выразительных средств.

Нельзя не упомянуть тот факт, что одним из любимых цветов В. Набокова является как раз-таки “mauve”. Об этом говорят результаты исследования, проведённого автором книги «Любимое слово Набокова – лиловый», Беном Блаттом. «Любимое слово автора «Лолиты», которое хотя бы единожды встречается во всех его восьми романах, это лиловый. В сумме частота его использования у Набокова в 44 раза выше, чем оно встречается в Историческом корпусе американского английского языка» [Блатт, 2019, с. 190]. К сведению, указанный корпус (ИКАА) содержит выборку художественных произведений, научно-популярных работ, газетных и журнальных статей с 1810 по 2009 гг., что в сумме составляет 385 миллионов словоупотреблений.

В совокупности для проекта Бена Блатта было отобрано около 1500 книг, при анализе которых автор-исследователь попытался вывести некоторые писательские правила и их нарушения, которые, собственно, и создают великое произведение, а также с помощью статистики и научных методов показал нам, что каждый автор уникален и что ключ к успеху зависит от особых предпочтений автора и его самобытности в выборе слов.

«Учитывая, насколько уникален Набоков в изложении своих мыслей, можно сказать, что избранный метод определения любимого слова успешно сработал, позволив нам обнаружить любимые слова писателя. Его любовь к слову «лиловый» необычна, но стоит сказать, что и его любовь к цветам тоже необычна. Если взять названия цветов стандартной пачки из 64 карандашей марки Crayola Crayon и поискать их в работах Набокова, то получится, что он использовал примерно 460 слов, обозначающих цвета, на каждые 100000 слов, а это поразительно много. Те же цвета в текстах ИКАА встречаются всего 115 раз каждые 100000 слов» [Блатт, 2019, с. 191].

Как мы можем увидеть, у Набокова было высоко развито чувство цвета вдобавок к тому, что он мог наиболее точно передать значения на другом языке. И всё это благодаря тому, что он был одновременно и билингвом, и синестетом, и пейзажистом.

Теперь посмотрим, как предложение оригинала звучит в переводах студентов:

– *In the distance, a mountain resembling Fujiyama stood out like a light violet cone.*

– *In the distance a cone of purplish white stood out against the navy azure a mountain similar to Fusiyaama.*

– *In the distance a mountain stood out over the merciless blue with its lilac-white cone, similar to Fujiyama.*

– *Far-away a purple-white cone stood out against the merciless blue mountain similar to Fujiyam.*

– *Far away like a lilac and white cone a mountain stood out in inexorable azure, reminiscent of Mount Fuji.*

– *In the distance, a purple-white cone stood out against the pitiless blue of the Fujiyama-like mountain.*

– *In the distance a lilac-white mountain looking like Fujiyama stood out in the merciless blueness background.*

С точки зрения семантики все эти переводы корректны – они передают главный смысл предложения. Но задумывались ли студенты над тем, чем руководствовался автор, сравнивая гору с лиловато-белым конусом и переводя это словосочетание как *mauve-shaded sugar cone*. Знали ли студенты о том, что именно оттенок “mauve” является любимым словом Набокова? Ни в одном из переводов, представленных студентами, не было и намёка на «сахар», а также цвет «mauve». Это говорит о том, что: «Способ различения, сегментации и организации цветов разнится от одной культуры к другой. Хотя некоторые межкультурные константы были выявлены, перевод терминов цветообозначения кажется делом по меньшей мере нелёгким, если речь идёт о языках, далёких друг от друга во времени¹, или же о разных культурах» [Эко, 2015, с. 569].

Также стоит помнить о том, что «нужно отличать пигменты как цветовую реальность от нашего перцептивного отклика как цветового впечатления – а оно зависит от многих факторов: от природы поверхностей, от света, от контраста между объектами, от прежних познаний и так далее» [Эко, 2015, с. 570]

Для подтверждения вышесказанного рассмотрим второй пример:

(2) *Воздух был мутно-сиреневый от сигарного дыма* [Набоков, 2014, с. 33]. – *The air was blue and heavy with cigar smoke* [Nabokov, 2012, p. 44].

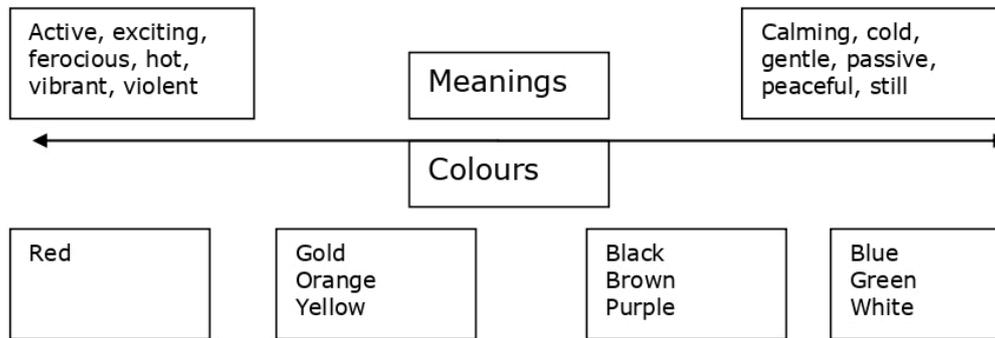
При сравнении оригинала и перевода напрашивается вывод о том, что воздух был непрозрачным, насыщенным сигаретными клубами дыма, соответственно в русском языке была использована лексема *мутный*, а в английском – *heavy*, ведь и в том и другом случае автор подразумевал пелену, туман, висящий в воздухе. Действие происходило в гостинице, заполненной большим количеством гостей, окна были закрыты, что становится известно при прочтении полного текста главы. Можно выделить два словарных значения лексемы *heavy* в Кембриджском словаре: 1. “thick, strong, solid, or looking that way” 2. “of great amount, or degree, or force” [Cambridge dictionary]. Если взять слово *туман*, то в русском языке с ним могут сочетаться слова *мутный, густой, непрозрачный* и т. п., так же, как и в английском языке к слову *fog* подходят прилагательные *thick, heavy, dense* и т. п. Соответственно, в данном случае речь идёт об относительных синонимах, применяемых автором в разных языках.

Невозможно не заметить, что и в оригинале, и в переводе автор использует разные колоративные прилагательные: *сиреневый* и *голубой*. Стоит отметить, что эти цвета считаются родственными, разница состоит в том, что у них отличаются оттенки, тона и полутона. Одним из составных цветов сиреневого является синий наряду с красным и белым; из синего с помощью белого создаётся голубой, а при смешении красного с белым получается нежно-розовый; затем получившиеся цвета добавляют друг к другу.

Согласно Марио де Бортоли и Хесусу Марото, изучавшим цвет в разных культурах и проблемы перевода цветов для решения маркетинговых задач, во всех странах прослеживается интересная закономерность: цвета образуют спектр значений. Внимательное изучение восьми карт восприятия показывает, что можно провести прямую линию, на одном конце которой находится красный, а на другом – сине-зелёно-белый кластер. Смысловые ассоциации по этому спектру простираются от «активного», «горячего» и «яркого» (ассоциируется с красным цветом) до «успокаивающего», «нежного» и «мирного» (ассоциируется с сине-зелёно-белым кластером). Остальные шесть цветов

¹ Оригинал произведения, написанный В. Набоковым, датируется 1938 г.

располагаются примерно на равном расстоянии между этими конечными точками [De Bortoli, Maroto, 2008, p. 9–10] (см. рис. 1).

Р и с у н о к 1. Спектр цветовых значений
[Figure 1. A Spectrum of Colour Meanings]

Из этого следует, что в гостиной, после того как все гости, кроме Кречмара – главного героя произведения, покинули её, наступила спокойная атмосфера. В обоих случаях оба колоратива говорят о внутреннем состоянии героя, о чувстве умиротворения после той суматохи, которая происходила на месте событий.

Теперь обратимся к примерам переводов, сделанных студентами:

- *The air was pale lilac due to the tobacco smoke.*
- *The atmosphere/air was cloudy lilac from cigarette fog / smoke.*
- *The air was murky lilac because of cigar smoke.*
- *The air was dirty-violet because of cigarette smoke.*

Здесь мы можем только констатировать тот факт, что, хотя перевод и стремится преодолеть различия между языками, на самом деле он подчёркивает эти различия, так что благодаря переводу мы осознаём, что «наши соседи» говорят и думают не так, как мы. Перевод осуществляется не как поиск эквивалентности, а как бесконечный процесс, который наделяет текст новой жизнью и новыми смыслами [Bassnett, 2014], и это подтверждает гипотезу о том, что только автор произведения, являющийся одновременно и билингом, и переводчиком, сможет донести до читателя и дать ему почувствовать то, что было изначально задумано.

Обратимся к третьему примеру:

(3) «Божже», – проговорила Магда. – «Какое голубое море!» Оно было действительно очень голубое. Когда поднималась волна, то на ее блестящей крутизне кобальтовыми тенями отражались силуэты купальщиков. Мужчина в оранжевом халате стоял у самой воды и протирал очки [Набоков, 2014, с. 28]. – “Heavens,” said Margot, “how blue the sea is today.” It really was blue: purple-blue in the distance peacock-blue coming nearer; diamond-blue where the wave caught the light. The foam toppled over, ran, slowed down, then receded, leaving a smooth mirror on the wet sand, which the next wave flooded again. A hairy man in orange-red pants stood at the edge of the water wiping his glasses [Nabokov, 2012, p. 38].

Интересен выбор В. Набоковым цветообозначений при переводе на английский язык описания воды, где прослеживается смысловое развитие. Вода была не только голубая с кобальтовыми тенями, но и переливалась разными оттенками: *purple-blue* 'фиолетово-синий', *peacock-blue* 'яркий слегка зеленоватый голубой', *diamond-blue* 'бриллиантовый голубой' – от более тёмного к более светлому. Как известно, цвет воды в море зависит от глубины, так как плотность воды способна пропускать только опре-

делённое количество солнечного света – чем ближе к берегу, тем больше вероятность того, что дно низкое и солнечные лучи, достигнув дна, отразятся от него и вернуться на поверхность. В данном случае мы наблюдаем более точное и детальное описание моря, которое, определённо, вызовет воспоминания или образы в голове у человека, которому посчастливилось видеть море в солнечный день.

Оригинал художественного произведения отражает индивидуальное восприятие мира писателем. И здесь можно заключить, что в момент перевода своего же произведения восприятие В. Набокова изменилось, что и повлияло на переводческое решение.

В случае постоянного профессионального интереса к языку писатель ощущает «явную нехватку тех возможностей, которые предоставляет ему родной язык, и стремится так или иначе вырваться за пределы конкретного – национального языка, преодолеть его мощную «гравитационную силу», – во имя того, чтобы разрушить старые, устоявшиеся литературные традиции, расширить собственные композиционные возможности и прийти к принципиально новым творческим результатам» [Николаев, 2011]. Следовательно, чтобы сделать своё творчество новым для реципиента, автор прибегает к другому национальному языку с целью разрушить устоявшиеся литературные нормы и осуществляет перевод своего произведения. Кроме того, писатель пишет не для самого себя – процесс написания подразумевает и процесс чтения. Следовательно, писатель желает поделиться своими чувствами с читателем, сообщить что-то новое и особенно важное для него. Таким образом, чтобы убедиться, что оригинал переведён правильно и полно, писатель обращается к авторскому переводу [Хованская, Праченко, 2014].

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что «в лингвистической и цветовой картине мира синестетика и билингва цветковые константы обретают новые символические смыслы. Идиостиль В. Набокова формирует особое, авторское поле цветообозначений» [Кривошлыкова, 2018, с. 40], о чём можно судить по тем несоответствиям, которые встречаются в обеих версиях романа.

Рассмотрим отдельные части абзаца на переводах студентов (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Примеры переводов
[T a b l e 1. Translation examples]

Оригинал произведения «Камера обскура»	Переводы, выполненные студентами
Какое голубое море	What a blue sea; What an ultramarine sea; What a clear blue sea; What a sapphire sea.
Очень голубое	Blue indeed; Ultramarine indeed; Really blue; Really very turquoise; Sapphire indeed.
на её блестящей крутизне кобальтовыми тенями отражались силуэты купальщиков	Silhouettes of bathers were reflected on its brilliant / glistening / shiny steepness with cobalt shadows
Мужчина в оранжевом халате	A man in a tangerine / orange bathrobe; A man in the apricot dressing gown / bathrobe.

По этим примерам можно судить о том, что студенты придерживались буквального перевода. Как говорил сам Набоков, «буквальный перевод – передача точного контекстуального значения оригинала настолько близко, насколько позволяют ассоциативные и синтаксические возможности другого языка. Только это есть истинный перевод» [Набоков, 1998 с. 27]. Получается, Набоков, будучи сторонником буквального перевода, отходил от этого метода и переводил свои произведения, основываясь на индивидуальном восприятии тех или иных образов и воспоминаниях.

Для рядового человека, активно использующего английский язык в повседневной речи, не составит труда передать общий смысл той информации, которую хотел донести автор. Но когда речь идёт о восприятии тех образов, которые воссоздаёт в нашей памяти

произведение, то это говорит о мастерстве автора / переводчика эти образы передавать. Хорошо сказал об этом Карл Краус: «Перевести произведение с одного языка на другой – всё равно что снять с него кожу, перевести через границу и там нарядить в национальный костюм» [Стихи.ру, 2015]. Данное высказывание применимо не только к переводу, но и к обучению иностранным языкам, осуществлению коммуникации на иностранном языке. Следовательно, для успешного речевого контакта стоит уделять больше внимания культуре того народа, с которой коммуникант соприкасается в момент речи.

4. Заключение [Conclusion]

Анализ примеров не только подтвердил нашу гипотезу, но и показал, что билингвизм является определяющей составляющей переводческих решений не только в авторском переводе, но и в повседневной жизни при передаче смыслов. Билингвизм в переводе, в целом, выступает самой надёжной основой перевода. Говоря об авторском билингвальном переводе, текст оригинала и текст перевода создаются одним человеком, способным творить на обоих языках, что является абсолютной и наивысшей формой переводческой деятельности.

Уникальность творчества В. Набокова состоит в том, что в его переводах мы можем встретить сразу три ступени формирования мысли на родном и неродном языке. Первая ступень – точный, буквальный и подстрочный перевод, которого придерживался В. Набоков. На второй ступени мы отмечаем изменения, которые автор внёс в текст языка перевода, несоответствия, обусловленные особенностью структуры, лексики и грамматических форм языка перевода. На третьей ступени встречаются полные несоответствия при параллельном рассмотрении текстов в виде отдельных абзацев, отрывков и глав, задачей которых являлась передача основной идеи и атмосферы художественного произведения, и формированием у читателя на другом языке отождествлённого общего эмоционального фона. Между тем, коммуниканты, обладающие знанием иностранного языка на достаточно высоком уровне для беспрепятственного понимания написанного, способны передать с исходного языка на язык перевода в основном только наиболее важную информацию, без авторских нюансов.

Важнейшей языковой характеристикой личности автора-билингва и переводчика в одном лице выступает его языковое сознание, особенности которого включают в себя культурное и языковое своеобразие, в том числе несоответствия лексико-грамматических форм исходного языка и языка перевода, которые доступны при выборе тактики речевого поведения и переводческих решений для более адекватной и эквивалентной передачи информации.

Перспективы и дальнейшая разработка проблемы исследования художественного и искусственного билингвального восприятия колоративной лексики включают в себя рассмотрение данного вопроса с вовлечением большего количества испытуемых, включая студентов-переводчиков и переводчиков, занимающихся переводом художественной литературы на профессиональном уровне.

Библиографический список

- Агеносов и др., 2020 – Агеносов В. В., Выгон Н. С., Лебедев А. В. История литературы русского зарубежья. Первая волна : учебник. М. : Юрайт, 2020. 365 с.
- Бахтикерева, 2009 – Бахтикерева У. М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора турецкого происхождения). Астана : «ЦБО и МИ», 2009. 259 с.
- Блатт, 2019 – Блатт Б. Любимое слово Набокова – лиловый. Что может рассказать статистика о наших любимых авторах / пер. с англ. Н. С. Нестеркиной. М. : Эксмо, 2019. 288 с.

- Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. 452 с.
- Зимняя, 1989 – Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку. М. : Просвещение, 1989. 99 с.
- Кривошлыкова, Чернякова, 2017 – Кривошлыкова Л. В., Чернякова Ю. С. Портрет-описание в авторском переводе писателя-билингва В. Набокова (мемуары В. Набокова «Другие берега / Conclusive Evidence») и его роман «Камера обскура / Laughter in the Dark») // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 2. С. 249–256. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-249-256>
- Кривошлыкова, 2018 – Кривошлыкова Л. В. Трансформации цветообозначений в авторском переводе писателя-билингва и синестетика (на примере романа Владимира Набокова «Камера обскура» / “Laughter in the Dark”) // Иностранные языки в высшей школе. 2018. № 1 (44). С. 36–41.
- Лебедев, 2022 – Лебедев Л. В. Особенности авторского перевода художественного текста (на материале романа Владимира Набокова «Отчаяние» / “Despair”) // Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира : сб. тезисов Второй Международной научной конференции, Нижний Новгород, 04–05 декабря 2021 года / отв. ред. Р. М. Шапилов. Нижний Новгород : Нижегородский гос. линг. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2022. С. 82–84.
- Мельников, 2014 – Мельников Н. О Набокове и прочем: Статьи, рецензии, публикации. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 424 с.
- Набоков, 1998 – Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / пер с англ. СПб. : Набоковский фонд, 1998. 928 с.
- Набоков, 2015 – Набоков В. В. Лекции по русской литературе / пер. с англ. С. Антонова [и др.]. СПб. : Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.
- Набоков, 2012 – Набоков В. В. Отчаяние. М. : АСТ : CORPUS, 2012. 180 с.
- Набоков, 2004 – Набоков В. В. Память, говори // Собрание сочинений американского периода в пяти томах. Т. 5. СПб. : Симпозиум, 2004. С. 314–596.
- Набоков, 2014 – Набоков В. Камера обскура. СПб. : Азбука-Аттикус, 2014. 224 с.
- Николаев, 2011 – Николаев С. Г. Бродский – переводчик Набокова (об одном опыте русско-английского поэтического переложения) // Язык. Текст. Дискурс. 2011. № 9. С. 240–258.
- Стихи.ру, 2015 – Стихи.ру. URL : <https://stihi.ru/2015/06/24/8149> (дата обращения : 12.07.2022).
- Туксайтова, 2005 – Туксайтова Р. О. Художественный билингвизм: к определению понятия // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2005. № 39. С. 198–206.
- Уздина, 2012 – Уздина М. Владимир Набоков. Штрихи к биографии и творчеству. URL : <https://proza.ru/2012/11/23/1035> (дата обращения : 12.07.2022).
- Хованская, Праченко, 2014 – Хованская Е. С., Праченко О. В. Авторский перевод. Причины обращения // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского гос. аграрн. ун-та. 2014. № 99. С. 1304–1314.
- Эко, 2015 – Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / пер. с ит. А. Коваля. М. : АСТ : CORPUS, 2015. 736 с.
- Bassnett, 2014 – Bassnett S. Translation (The New Critical Idiom). 1st edn. New York : Routledge, 2014. 224 p.
- Cambridge dictionary, 2022 – Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL : <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения : 12.07.2022).
- De la Puente, 2015 – De la Puente, I. G. Bilingual Nabokov: Memories and memoirs in self translation // The Slavic and East European Journal. 2015. № 59 (4). P. 585–608.
- Marian, Neisser, 2000 – Marian V., Neisser, U. Language-Dependent Recall of Autobiographical Memories // Journal of experimental Psychology: General. 2000. № 129 (3). P. 361–368.
- De Bortoli, Maroto, 2008 – De Bortoli M., Maroto J. Colours Across Cultures : Translating Colours in Interactive Marketing Communications // European Languages and the Implementation of Communication and Information Technologies (Elicit) conference. London : University of Paisley, 2008. 27 p.
- Nabokov, 2011 – Nabokov V. Despair. New York : Knopf Doubleday Publishing Group, 2011. 240 p.
- Nabokov, 2012 – Nabokov V. Laughter in the Dark. London : Penguin Classics, 2012. 254 p.
- Xiaoming, 2021 – Xiaoming J. Multilingualism – Interdisciplinary Topics. London : IntechOpen, 2021. <https://doi.org/10.5772/intechopen.94623>

- Walter, 2000 – Walter B. Oeuvres I. Paris : Gallimard, 2000. 257 p.
- Zeigler, Camarota, 2018 – Zeigler K., Camarota S. A. 67.3 Million in the United States Spoke a Foreign Language at Home in 2018 // Center for Immigration Studies. URL : <https://cis.org/Report/673-Million-United-States-Spoke-Foreign-Language-Home-2018> (дата обращения : 15.07.2022).

References

- Agenosov, V. V., Vygon, N. S., Ledenev, A. V. (2020). *Istoriya literatury russkogo zarubezh'ya. Pervaya volna* [History of the literature of Russian abroad. The first wave] : A coursebook. Moscow : Urait Press. (In Russ.).
- Bakhtikeereva, U. M. (2009). *Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost' (osobennosti russkogo teksta avtora tyurskogo proiskhozhdeniya)* [Creative bilingual personality (Peculiarities of the Russian text by the author of Turkic origin)]. Astana : CBO and MI Press. (In Russ.).
- Blatt, B. (2019). *Lyubimoe slovo Nabokova – lilovyy. Chto mozhet rasskazat' statistika o nashikh lyubimykh avtorakh* [Nabokov's favorite word is mauve: What the numbers reveal about the classics, bestsellers, and our own writing]. Moscow : Eksmo Press. (In Russ.).
- Humboldt, W. von. (1985). *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Zimnyaya, I. A. (1989). *Psikhologiya obucheniya nerodnomu yazyku* [The psychology of learning a foreign language]. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Krivoshlykova, L. V., Chernyakova, Y. S. (2017). Portret-opisanie v avtorskom perevode pisatelya-bilingva V. Nabokova (memuary V. Nabokova “Drugie berega” / “Conclusive Evidence” i ego roman “Kamera obskura” / “Laughter in the Dark”) [Portrayal of characters in the author's translation of the bilingual writer Vladimir Nabokov (V. Nabokov's “Conclusive evidence / Другие берега” and “Laughter in the dark / Камера обскура”)]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (2), 249–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-249-256>
- Krivoshlykova, L. V. (2018). Transformatsii tsvetooboznacheniy v avtorskom perevode pisatelya-bilingva i sinestetika (na primere romana Vladimira Nabokova «Kamera obskura» / “Laughter in the Dark”) [Transformation of colour terms in authorial translation of a bilingual writer and synesthete (Represented by Vladimir Nabokov's novel «Камера обскура» / “Laughter in the dark”)]. *Inostrannye yazyki v vysshey shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 1 (44), 36–41. (In Russ.).
- Lebedev, L. V. (2021). Osobennosti avtorskogo perevoda khudozhestvennogo teksta (na materiale romana Vladimira Nabokova «Otchayanie» / “Despair”) [Peculiarities of author's translation of literary text (on the material of Vladimir Nabokov's novel «Отчаяние» / “Despair”)]. In R. M. Shamilov (Ed.), *Podgotovka perevodchikov: analiz sistem i podhodov v stranakh mira* [Training of interpreters: An analysis of systems and approaches in countries around the world] (pp. 82–84). Linguistics University of Nizhny Novgorod Press. (In Russ.).
- Mel'nikov, N. (2014). *O Nabokove i prochem: Stat'i, retsenzii, publikatsii* [About Nabokov and other things: Articles, reviews, publications]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie Press. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (1998). *Kommentariy k romanu A. S. Pushkina «Evgeniy Onegin» / per s angl.* [A novel in verse by Aleksandr Pushkin ; Transl. from the Russian with a commentary by Vladimir Nabokov]. St Petersburg : The Nabokov Foundation. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2015). *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian literature]. St Petersburg : Azbuka : Azbuka-Attikus Press. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2012). *Otchayanie* [Despair]. Moscow : AST Press : CORPUS Press. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2004). *Pamyat', govori. Sobranie sochineniy amerikanskogo perioda v pyati tomakh* [Speak, memory. Collected works of the Russian period in five volumes] (Vol. 5, pp. 314–596). St Petersburg : Symposium. (In Russ.).
- Nabokov, V. (2014). *Kamera obskura* [Laughter in the dark]. St Petersburg : Azbuka : Azbuka-Attikus Press. (In Russ.).
- Nikolaev, S. G. (2011). Brodskiy – perevodchik Nabokova (ob odnom opyte russko angliyskogo poeticheskogo perelozheniya) [Brodsky – translator of Nabokov (About one experience of

- Russian-English poetical translation)]. *Yazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse], 9, 240–258. (In Russ.).
- Stihi.ru. (2015). Retrieved June 12, 2022 from <<https://stihi.ru/2015/06/24/8149>>. (In Russ.).
- Tuksaitova, R. O. (2005). Khudozhestvennyy bilingvizm: k opredeleniyu ponyatiya [Art bilingualism: Definition of the concept]. *Izvestiya Ural'skogo gos. un-ta. Ser. 2 : Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural State University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 39, 198–206. (In Russ.).
- Uzdina, M. (2012). *Vladimir Nabokov. Shtrikhi k biografii i tvorchestvu* [Strokes to the biography and creative writing]. Proza.ru (website) : Russian literary portal. Retrieved June 12, 2022 from <<https://proza.ru/2012/11/23/1035>>. (In Russ.).
- Khovanskaya, E. S., Prachenko, O. V. (2014). Avtorskiy perevod. Prichiny obrashcheniya [Author's translation. The reasons to appeal]. *Politematicheskiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University], 99, 1304–1314. (In Russ.).
- Eco, U. (2015). *Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode* [To say almost the same thing. Experiments on translation]. Moscow : AST Press : CORPUS Press. (In Russ.).
- Bassnett, S. (2014). *Translation (The New Critical Idiom)*. 1st edn. New York : Routledge.
- Cambridge dictionary. (2022). Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. Retrieved June 12, 2022 from <<http://dictionary.cambridge.org>>.
- De la Puente, I. G. (2015). Bilingual Nabokov: Memories and memoirs in self-translation. *The Slavic and East European Journal*, 59 (4), 585–608.
- Marian, V., Neisser, U. (2000). Language-Dependent Recall of Autobiographical Memories. *Journal of Experimental Psychology: General*, 129 (3), 361–368.
- De Bortoli, M., Maroto, J. (2008). Colours across cultures : Translating colours in interactive marketing communications. *European languages and the implementation of communication and information technologies (Elicit) conference*. London : University of Paisley.
- Nabokov, V. (2011). *Despair*. New York : Knopf Doubleday Publishing Group.
- Nabokov, V. (2012). *Laughter in the Dark*. London : Penguin Classics.
- Xiaoming, J. (2021). *Multilingualism – Interdisciplinary Topics*. London : IntechOpen. <https://doi.org/10.5772/intechopen.94623>.
- Walter, B. (2000). *Oeuvres I*. Paris : Gallimard.
- Zeigler, K., Camarota, S. A. (2018). 67.3 Million in the United States Spoke a Foreign Language at Home in 2018. *Center for Immigration Studies*. Retrieved June 15, 2022 from <<https://cis.org/Report/673-Million-United-States-Spoke-Foreign-Language-Home-2018>>.

Мамонова Наталья Васильевна
Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
nat2.mv@gmail.com

Антропонимическое портретирование российской и глобальной идентичности

Аннотация

Под влиянием медиатизации и глобализации мирового информационного пространства осуществляются попытки сформировать единое языковое сознание. В связи с этим автор данной статьи предлагает выделять два типа идентичности: глобальную и локальную (в данном случае российскую). В работе обсуждаются особенности антропонимического портретирования, выявленные в ходе направленного ассоциативного эксперимента со 157 информантами, а также степень отождествлённости респондентами концепта УСПЕШНЫЕ ЛЮДИ с локальной (русской) и глобальной идентичностью. Также затрагиваются гендерные особенности репрезентации антропонимического портретирования, характерные для языкового сознания российской идентичности. Концепция антропонимического портретирования позволяет отследить степень принадлежности к глобальной или локальной идентичности. Ассоциаты концепта УСПЕШНЫЕ ЛЮДИ выявляют имена людей, ассоциирующихся в языковом сознании респондентов с паттернами и алгоритмами успешного поведения в исследуемом сообществе.

Ключевые слова: глобальная идентичность, гендер, ассоциат, антропонимическое портретирование, успешные люди, когнитивный лингвосинергетический анализ

© Мамонова Н. В. 2023

Для цитирования: Мамонова Н. В. Антропонимическое портретирование российской и глобальной идентичности // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С.75–86. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_75

Natalya V. Mamonova
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation
nat2.mv@gmail.com

Anthroponymic portraiture of Russian and global identity

Abstract

Under the influence of mediatization and globalization of the world information space, attempts are being made to form a unified linguistic consciousness. In this regard, the author identifies two types of identity: global and local (in this study, Russian). The article aims to discuss (i) the features of anthroponymic portraiture revealed during the directed associative experiment with 157 participants, (ii) the degree to which respondents identify the concept of SUCCESSFUL PEOPLE with local (Russian) and global identity. The paper also focuses upon the gender features of the anthroponymic portraiture representation characteristic for the linguistic consciousness of Russian identity. The concept of anthroponymic portraiture enables to track the degree of belonging to a global or local identity. The associates of the SUCCESSFUL PEOPLE concept identify the names of people associated in the linguistic consciousness of respondents with patterns and algorithms of successful behavior in the studied community.

Keywords: global identity, gender, associate, anthroponymic portraiture, successful people, cognitive linguosynergetic analysis

For citation: Mamonova, N. V. (2023). Antroponimicheskoe portretirovanie rossiyskoy i global'noy identichnosti [Anthroponymic portraiture of Russian and global identity]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 75–86. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_75

1. Введение [Introduction]

Значительная интенсификация взаимосвязей и моделей взаимодействия, а также рост объёма информационных потоков способствуют формированию единого глобального мировидения. Глобализация, как отмечает Д. Ю. Стиглиц, «способствуя возрастающей взаимозависимости народов мира, усилила потребность в глобальных коллективных действиях» [Стиглиц, 2003, с. 154].

Наиболее частым и эффективным способом распространения влияния на языковое сознание социальных групп является использование средств массовой информации. На сегодняшний день особую популярность приобрёл такой формат данных, как лента новостей, предоставляющий пользователям информацию в режиме реального времени. Для получения медиатекстов в том или ином формате необходима подписка. Новостные ленты обычно создаются интернет-агрегаторами в соответствии с интересами пользователя.

Особенно популярна данная форма подачи новостей на платформах социальных сетей и мессенджеров. Платформы и социальные сети формируют специфическую среду со своими активами и структурами, собирающую значительные базы данных о личной жизни людей, их личностных характеристиках, и оказывают огромное влияние на языковое сознание реципиента информации [Guan, Liang, Zhu, 2022; Kosan, Urgen, 2022]. Так, успешность проведения тех или иных кампаний в обществе в высокой степени коррелирует с показателями целенаправленной медиатеательности в социальных сетях [Brito, Adeodato, 2022 ; Freyth et al., 2023].

Формирование внешней структуры, настроенной на и д е н т и ч н о с т ь реципиента, способствует более эффективному воздействию именно через медиа-экосистему [González-Cacheda, Cancela Outeda, 2021].

В условиях пресыщенности медийной информацией из разных источников (как локальных, так и глобальных), а также влияния глобализационных процессов на российское языковое сознание необходимо найти баланс, позволяющий быть частью глобальных процессов, при этом сохраняя и приумножая национальную идентичность, увеличивая привлекательность российской лингвокультуры.

Ц е л ь настоящего исследования заключается в когнитивном лингвосинергетическом анализе антропонимического портрета, репрезентирующего концепт УСПЕШНЫЕ ЛЮДИ, а также в изучении степени глобального влияния на представления об успехе в медиадискурсе и лингвокультурных особенностей его проявления.

Языковое сознание «имеет широкое референтное поле, включающее две его основные разновидности: динамическую – выражение состояния сознания в вербальной форме, воздействие на сознание с помощью речи, – а также структурную, образуемую языковыми структурами, формирующимися в результате ментального опыта субъекта, действия его сознания» [Ушакова, 2000]. Некоторые исследователи определяют языковое сознание как «аспект изучения языкового материала, при котором язык и речевую деятельность рассматривают в качестве отражения ментальных представлений языкового коллектива, как правило, не осознаваемых носителями языка» [Барина и др., 2010, с. 17]. В нашем понимании, «языковое сознание отражает всю специфику окружающей нас реальности через совокупность текстов, в которую погружены коммуниканты», где лексемы принимаются нами за единицу анализа как продукты переработки полученного индивидом опыта [Мамонова, 2019, с. 26].

С помощью метода ассоциативного эксперимента исследователь получает возможность проникнуть в недра языкового сознания и получить ментальные репрезентации, раскрывающие антропонимические и гендерные особенности концепта УСПЕШНЫЕ ЛЮДИ, и раскрыть степень влияния глобализационных процессов на российское языковое сознание.

Представления об успешности в языковом сознании изучались у представителей разных лингвокультур. При исследовании лексико-семантического содержания базовой ценности *Erfolg* 'успех' доказано, что в немецкой лингвокультуре большую роль играет успех в карьере; была выявлена значимость «сферы реализации» успеха, «а также смежные понятия, тематизирующие сопутствующие успеху положительные явления (материальный успех, счастье и др.)» [Хлопова, Ладоша, 2021, с. 146].

Согласно экспериментальным данным, полученным Е. Н. Хрыниной в 2009 году, в языковом сознании россиянина «главными составляющими успеха являются успешная карьера, положение в обществе, материальное богатство, счастье, всеобщее признание», как и в немецком языковом сознании «главными составляющими концепта «Erfolg» являются *gute Karriere* (хорошая карьера), *Geld* (деньги), *Gliick* (счастье), *Zufriedenheit* (довольство, удовлетворение), *Annerkennung* (признание, одобрение)» [Хрынина, 2009, с. 7].

В английском языке специфика лексико-семантического поля концепта УСПЕХ отражается в присутствии таких составных элементов поля, как *person or thing that succeeds* 'лицо, добившееся успеха, или вещь, пользующаяся успехом', *prosperity* 'процветание' [Гордиенко, 2008]. Изучая английскую фразеологическую картину мира, Е. С. Колесник и С. Е. Чернобай трактуют концепт УСПЕХ как ключевой в американской и британской лингвокультурах и полагают, что он «отражает национально-культурные особенности общественной и духовной жизни народа, его мироощущения, быта, психологии, а также специфику исторического, культурного, экономического развития» [Колесник, Чернобай, 2016, с. 4].

В своём исследовании русскоязычного корпуса лексических и фразеологических единиц Н. Р. Эренбург указывает, что концепт УСПЕХ является «двухвершинным (или двуоценочным), т. к. имеет два полюса – с положительной и отрицательной оценочностью» [Эренбург, 2006, с. 6]. Согласно А. А. Андриенко, «успех в американской лингвокультуре неотделим от материальных ценностей» (базовых ценностей и благ), как и «в русской лингвокультуре, но выражен в значительно меньшей степени, что подтверждается статистическими данными анализа его языковых репрезентаций» и предстаёт в русской лингвокультуре «как сочетание полярных признаков» [Андриенко, 2016, с. 71]. Другими словами, в российской лингвокультуре наблюдается некоторая двойственность в оценочных коннотациях успеха. Недостаточная изученность влияния информационного медийного потока на языковое сознание российских реципиентов свидетельствует о необходимости создания срезов языкового сознания, дискурсивного портретирования.

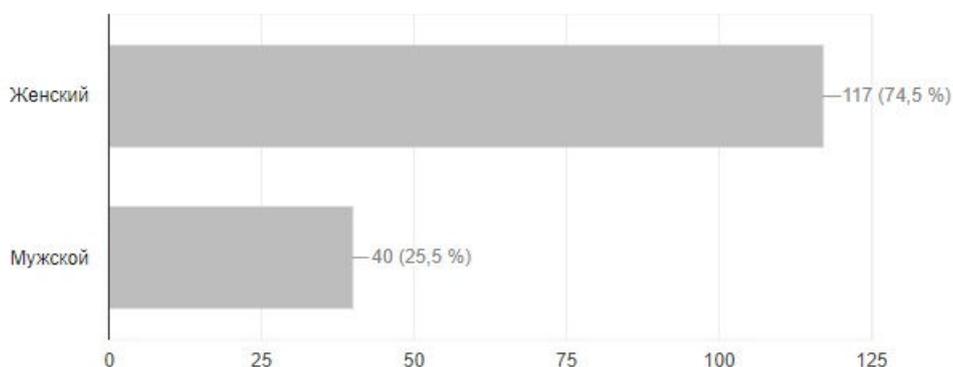
Составляя дискурсивный портрет, важно определить термин «идентичность», который понимается нами в работе как «чувство самотождественности, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям [Головин, 1998]. Глобализационные процессы оказывают значительное влияние на языковое сознание социума. Как пишет М. Манн, «движение в защиту гражданских прав в США оказало глобальное влияние на борьбу этнических и религиозных меньшинств, женщин, людей с ограниченными возможностями» и прочее, где «роль этого движения была важна ещё и потому, что оно вызвало сдвиг в политике левых с классовой борьбы на политику [защиты] идентичности» [Манн, 2019, с. 101]. Другими словами, в мире явно отслеживается тренд на продвижение и популяризацию политики формирования новых глобальных идентичностей, рассеивания прежних типов идентичности, что, несомненно, способствует атомизации общества в глобальном масштабе.

В русле медиатизации и глобализации языкового сознания в работе мы выделяем идентичность глобальную и локальную. Г л о б а л ь н а я и д е н т и ч н о с т ь предполагает соотнесённость с набором характеристик и алгоритмов поведения глобальной матрицы ценностей. Л о к а л ь н а я и д е н т и ч н о с т ь определяется отождествлением набора характеристик и алгоритмов поведения локальной матрицы ценностей.

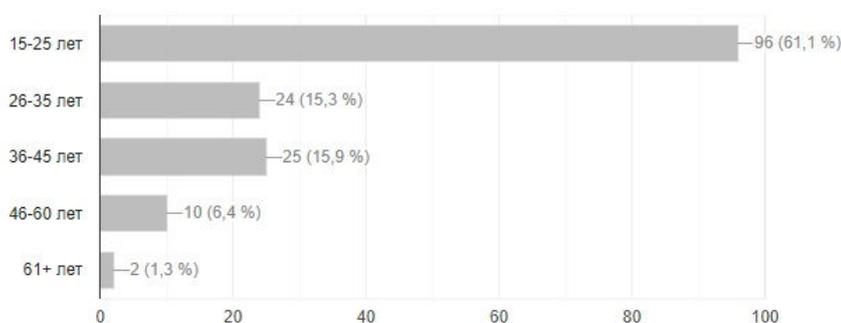
2. Эксперимент [Experiment]

В качестве объекта исследования были выбраны антропонимы, а также лексические единицы, репрезентирующие концепт УСПЕШНЫЕ ЛЮДИ. На первом этапе исследования была поставлена цель эксперимента, создана и размещена анкета в глобальной сети Интернет. Для этого использовались социальные сети и мессенджеры «ВКонтакте», «Одноклассники», «Телеграм», «Вайбер».

На втором этапе был проведён направленный ассоциативный эксперимент в электронной он-лайн форме со словосочетанием-стимулом *успешные люди*. Участникам было предложено назвать несколько реальных людей, или медиа-личностей, или вымышленных героев/персонажей (2–3), которые ассоциируются у них со словосочетанием *успешные люди*, с которых стоит брать пример. Время ответа на вопросы не ограничивалось. В эксперименте участвовало 157 человек, из них 74,5% женщин и 25,5% мужчин (рис. 1). Распределение возрастных категорий представлено на рисунке 2. Большая часть респондентов относится к возрастной группе от 15 до 25 лет (61,1%), примерно равные по процентному соотношению возрастные группы от 26 до 35 лет и от 36 до 45 лет 15,3% и 15,9% соответственно.

Р и с у н о к 1. Гендерные характеристики респондентов
[Figure 1. Participants' Gender features]

Р и с у н о к 2. Возрастные характеристики респондентов
[Figure 2. Participants' age]

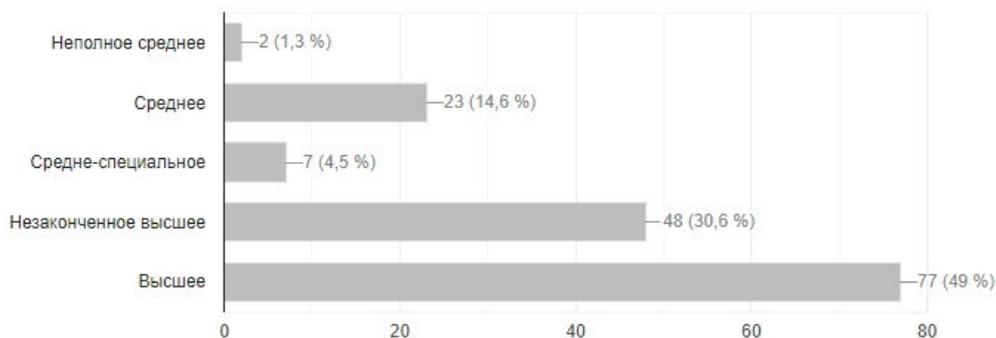

Рисунок 3. Уровень образования респондентов
 [Figure 3. Participants' level of education]

Уровень образования распределён следующим образом, как показано на рисунке 3. 49% участников ассоциативного эксперимента имеют высшее образование и 30,6% – неоконченное высшее. Также принимали участие в эксперименте респонденты со средне-специальным и средним образованием – 4,5% и 14,6% соответственно. Географическая карта распределения участников проиллюстрирована на рисунке 4. В неё входят 8 городов России. Присутствует один иностранный город, однако этим можно пренебречь, так как данные укладываются в рамки экспериментальной погрешности 0,1%.

Р и с у н о к 4. Географическая карта респондентов
 [F i g u r e 4. Participants' geography]

Таким образом, контингент испытуемых – это образованные молодые люди до 45 лет, большей частью женщины, проживающие в мегаполисах.

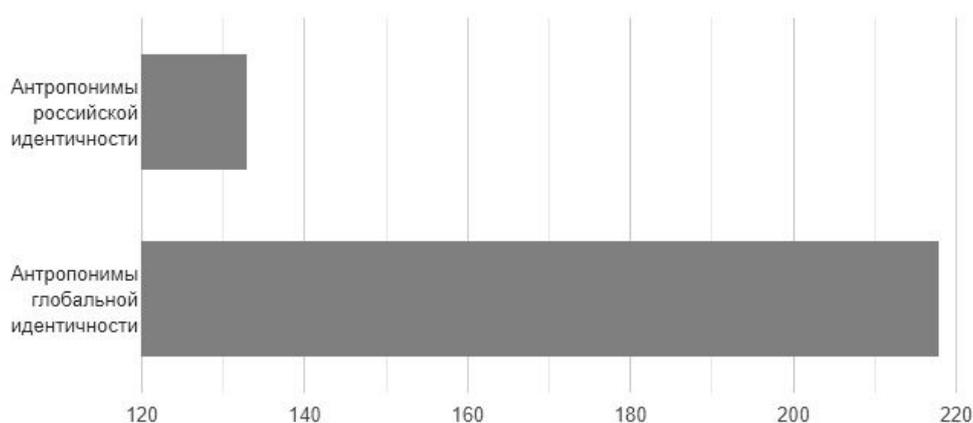
На третьем этапе эксперимента проведена обработка данных. В ходе эксперимента получено 374 ассоциата. Из них 354 ассоциата относятся к антропонимам. Оставшиеся 19 ассоциатов из 374 не учитывались при дальнейшей обработке данных. Среди неучтённых реакций были ответы респондентов, затруднившихся ответить на вопрос или не разобравшихся в задании. Из них было названо 8 женских и мужских имён (Владимир, Иосиф, Александр, Алексей, Анна, Светлана, Наталья, Никита), 3 – затруднились отве-

тить. Единичные ответы были следующими: 1 – медийные личности, 1 – собирательный образ, 1 – здоровые и счастливые люди, 1 – счастливые, 1 – счастливые и уверенные в себе люди, добивающиеся своей цели, 1 – независимые, 1 – ответил, что таких нет.

При обработке экспериментальных данных все ассоциаты были разделены на 2 группы по признаку принадлежности к глобальной (чаще англосаксонской) культурно-ценностной матрице и национальной (локальной) культурно-ценностной матрице. При возникновении спорных моментов уточнялись доминирующая и географическая принадлежность носителя антропонима к глобальным или локальным ценностям и алгоритмам посредством глобальной сети. Как видно из графического представления данных (рис. 5), на антропонимы российской идентичности приходится 37,9% от общего количества и 62,1% – на антропонимы глобальной идентичности. Наблюдается значительный перевес в сторону глобальной отождествлённости концепта УСПЕШНЫЕ ЛЮДИ в языковом сознании респондентов и их мировидения относительно локальной.

Было проанализировано 1134 знака с использованием программы текстового анализа «Миратекст». Самые популярные сочетания из 2 слов, иллюстрирующие принадлежность к глобальной идентичности – это Илон Маск, Павел Дуров, Билл Гейтс, Стив Джобс, Олег Тиньков, Стивен Кинг, Генри Форд, а принадлежность к локальной (в нашем исследовании российской) идентичности – это Владимир Путин и Юрий Гагарин (рис. 6). Необходимо отметить, что только 0,5% респондентов назвали успешными людей, с которыми лично знакомы, и только в одной реакции респондент назвал себя успешным человеком. Таким образом, опираясь на полученные данные, можно утверждать, что в языковом сознании успешность человека не связывается с текущей локацией и с социумом (локальным сообществом), в котором пребывает человек. Успешность связывается, прежде всего, с медиаперсонами, героями новостных лент и развлекательного контента, транслирующих глобальные тренды.

Ассоциаты, отнесённые к первой или второй группе, – это в основном единичные реакции, однако встречаются и ассоциаты, указанные несколькими респондентами. Частотность ассоциатов представлена на рисунке 5. Количество антропонимов, соотносимых с глобальной идентичностью, на 62 % больше, чем количество антропонимов, соотносимых с российской идентичностью.

Р и с у н о к 5. Количественное соотношение антропонимов российской идентичности и глобальной идентичности

[F i g u r e 5. Russian and global identity proportion of anthroponyms]

Лексические облака антропонимов позволили визуализировать исследуемый материал согласно частотности употребления лексических единиц: наиболее часто упо-

Женский портрет глобальной идентичности представлен в 2 раза меньшим количеством антропонимов по сравнению с портретом российской идентичности (23 и 46 соответственно). Например, Анджелина Джоли, Рианна, Эмма Уотсон, Джиджи Хадид, Мэрилин Монро, Тейлор Свифт и другие. Наиболее частотный ассоциат – это Анджелина Джоли, совмещающая успешность как в роли женщины и матери, так и в профессиональной, финансовой деятельности, согласно СМИ. Одна из неоднозначных реакций была представлена именем российской топ-модели Ирины Шейк. Однако уроженка Челябинской области не одно десятилетие живёт и работает за рубежом, ведёт блоги, что прямо и косвенно свидетельствует о смене принадлежности культурной идентичности с российской на глобальную.

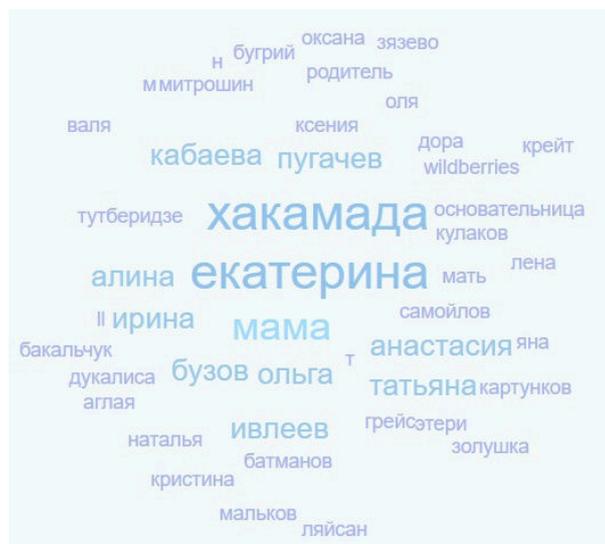

Рисунок 7. Женский антропонимический портрет российской идентичности
[Figure 7. Female anthroponymic portrait of Russian identity]

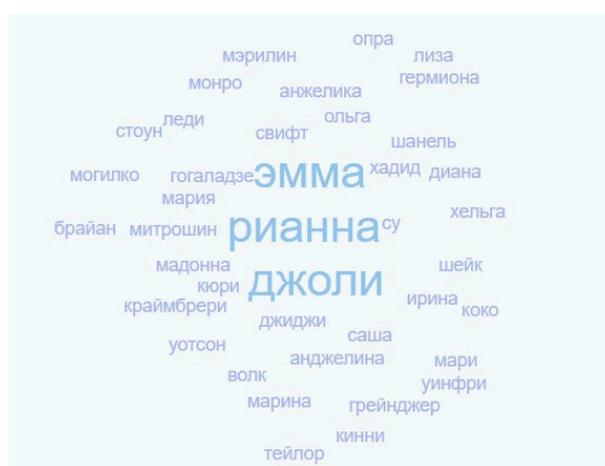

Рисунок 8. Женский антропонимический портрет глобальной идентичности
[Figure 8. Female anthroponymic portrait of global identity]

Мужские антропонимические портреты представлены на рисунках 9 и 10. Анализ данных показывает, что персонификация российской идентичности представлена следующими наиболее частотными именами: Владимир Путин, Юрий Гагарин, Павел Воля. Большую часть одиночных ассоциатов можно сгруппировать по роду деятельности и общественной значимости. Это политические деятели (Лавров, Мишустин, Песков), писате-

заки, Железный человек, Наруто, Мадара, Брюс Уэйн, Фэллон Кэррингтон), певцы и артисты (Джони Деп, Гарри Стайлс, Дженсен Эклз, Миша Коллинз, Джеки Чан, Сталоне, Джим Керри, Шварцнегер, Джои Джордисон, Джеймс Хэтфилд, Уилл Смит, Сэм Кук, Майкл Джексон, Мэтт Смит), изобретатели и учёные (Эдисон, Хокинг), политические и экономические деятели (Безос, Черчилль, Джек Ма, Баффет, Хартманн), блогеры и инфлюенсеры (Грег Плитт). Самыми массовыми категориями стали категории южно-корейских и англосаксонских певцов и артистов. В связи с чем можно предположить, что успех ассоциируется с популярностью и общественным признанием у данной части респондентов.

3. Заключение [Conclusion]

Интенсивное освоение новых технологий стимулирует глобализационные процессы, а именно – формирование единого глобального языкового сознания. В этом свою ведущую роль играют средства массовой информации, наполняя мир идентичными смысловыми компонентами и конструкциями. Всё это в комплексе делает возможным выработку унифицированного мировидения с едиными образцами успешности, персонифицированными в именах государственных деятелей, бизнесменов, лидеров мнений и блогеров, артистов и певцов, а также иных деятелей досуговой культуры.

Проведённый в рамках настоящего исследования ассоциативный эксперимент показал, что в российском языковом сознании с концептом УСПЕШНЫЕ ЛЮДИ ассоциируются в первую очередь финансово обеспеченные персоналии, во вторую – государственные деятели. И только в третью очередь респонденты считают образцами успеха артистов, певцов, блогеров и прочих медиаперсон досугово-развлекательной индустрии. Об этом свидетельствует частотность соответствующих антропонимов, вербализующих указанный концепт.

Представляется перспективным продолжить исследование в данном ключе, расширив его масштаб и географию, ведь концепция антропонимического портретирования применима не только к исследованию российского языкового сознания, но и языкового сознания жителей других регионов, стран или нескольких стран, объединённых по какому-либо признаку.

Библиографический список

- Андриенко, 2016 – Андриенко А. А. Лингвокультурные особенности оценочных предикатов концепта «Успех» в русском и американском варианте английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-4 (66). С. 69–72.
- Барина и др., 2010 – Барина И. А., Нестерова Н. М., Овчинникова И. Г. «Языковое сознание»: к вопросу об определении и интерпретации термина // Вестник ПНИПУ. Проблемы языковедения и педагогики. 2010. № 4. С. 4–10.
- Головин, 1998 – Головин С. Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест. 1998. 592 с.
- Гордиенко, 2008 – Гордиенко Т. Н. Идиоматическая представленность концепта «успех» в английском и русском языках: на материале пьес XX века: дисс.... канд. филол. наук: 10.02.20; Моск. гос. обл. ун-т. М., 2008. 151 с.
- Колесник и др., 2016 – Колесник Е. С., Чернобай С. Е. Особенности вербализации концепта «Успех» в английской фразеологической картине мира // European Journal of Literature and Linguistics. 2016. № 3. С. 3–5.
- Мамонова, 2019 – Мамонова Н. В. Англоязычные заимствования в современных городских текстах (на примере г. Челябинска) // Вестник Северного (Арктического) фед. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 3. С. 25–32. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.3.25>
- Манн, 2019 – Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4: Глобализации, 1945–2011 годы / пер. с англ. А. Гуськова, С. Коломийца, О. Левченко. 2-е изд., испр. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2019. 672 с.

- Стиглиц, 2003 – Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль: Нац. обществ.-науч. Фонд, 2003. 300 с.
- Ушакова, 2000 – Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания Российской академии наук, 2000. С. 13–23.
- Хлопова, Ладоса, 2021 – Хлопова А. И., Ладоса О. М. Лексико-семантическое содержание ценности «Erfolg» в немецкой лингвокультуре // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 135–151. https://doi.org/10.22250/24107190_2021_7_2_135_151
- Хрынина, 2009 – Хрынина Е. Н. Лингвокультурная специфика концепта «успех / erfolg»: автореф. дис. ... канд. филол. наук; 10.02.19. Ставрополь, 2009. 24 с.
- Эренбург, 2006 – Эренбург Н. Р. Концепт успех и его репрезентация в русском языке новейшего периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук; 10.02.01. Воронеж, 2006. 24 с.
- Brito, Adeodato, 2022 – Brito K., Adeodato P. J. L. Measuring the performances of politicians on social media and the correlation with major Latin American election results // Government Information Quarterly. 2022. Vol. 39, Iss. 4, 101745. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101745>
- Freyth et al., 2023 – Freyth L., Batinic B., Jonason P. K. Social media use and personality: Beyond self-reports and trait-level assessments // Personality and Individual Differences. 2023. Vol. 202. 111960. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111960>
- González-Cacheda, Cancela Outeda, 2021 – González-Cacheda B., Cancela Outeda C. Political crowdfunding and resource mobilization for collective action: The keys to success // Technology in Society. 2021. Vol. 67, 101743. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101743>
- Guan, Liang, Zhu, 2022 – Guan L., Liang H., Zhu J. J. H. Predicting reposting latency of news content in social media: A focus on issue attention, temporal usage pattern, and information redundancy // Computers in Human Behavior. 2022. Vol. 127, 107080. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107080>
- Kosan, Urgen, 2022 – Kosan M. A., Karacan H., Urgen B. A. Predicting personality traits with semantic structures and LSTM-based neural networks // Alexandria Engineering Journal. 2022. Vol. 61, Iss. 10. P. 8007–8025. <https://doi.org/10.1016/j.aej.2022.01.050>

References

- Andrienko A. A. (2016). Lingvokul'turnye osobennosti otsenochnykh predikatov kontsepta “Uspekh” v russkom i amerikanskom variante angliyskogo yazyka [Linguistic and cultural features of evaluative predicates of the concept “Success” in the Russian and American versions of the English language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], № 12-4 (66), 69–72. (In Russ.).
- Barinova, I. A., Nesterova, N. M., Ovchinnikova, I. G. (2010). “Yazykovoe soznanie”: k voprosu ob opredelenii i interpretatsii termina [“Linguistic consciousness”: On the definition and interpretation of the term]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], 4, 10–21. (In Russ.).
- Golovin, S. Yu. (1998). *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of a practical psychologist]. Moscow: AST Press, Harvest Press.
- Gordienko, T. N. (2008). *Idiomaticheskaya predstavlenost' kontsepta “uspekh” v angliyskom i russkom yazykakh: na materiale p'es XX veka* [Idiomatic representation of the concept of “success” in English and Russian]. PhD in Philological sci. diss.: Mosk. gos. obl. un-t. Moscow. (In Russ.).
- Kolesnik, E. S., Chernobay, S. E. (2016). Osobennosti verbalizatsii kon-tseptu “Uspekh” v angliyskoy frazeologicheskoy kartine mira [Peculiarities of verbalization of the concept ‘Success’ in English phraseological picture of the world]. *European Journal of Literature and Linguistics*, № 3, 3–5. (In Russ.).
- Mamonova, N. V. (2019). Angloyazychnye zaimstvovaniya v sovremennykh gorod-skikh tekstakh (na primere g. CHelyabinska) [English-language borrowings in modern urban texts (Exemplified by the city of Chelyabinsk)]. *Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i soc. nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 3, 25–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.3.25>

- Mann, M. (2019). *Istochniki sotsial'noy vlasti: v 4 t. T.4 : Globalizatsii, 1945–2011 gody* [Sources of Social power: In 4 volumes. Vol. 4. Globalization, 1945–2011]. Moscow : «Delo» RANEPА Press. (In Russ.).
- Stiglits, Dzh. Yu. (2003). *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization: Alarming trends]. Moscow : Mysl' Press. (In Russ.).
- Ushakova, T. N. (2000). Yazykovoe soznanie i printsipy ego issledovaniya [Linguistic consciousness and the principles of its research]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Language consciousness and the image of the world] (pp. 13–23). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Press. (In Russ.).
- Khlopova, A. I., Ladosha, O. M. (2021). Leksiko-semanticheskoe sodержanie tsennosti “Erfolg” v nemetskoj lingvokul'ture [Lexical and semantic content of the “Erfolg” value in German linguistic culture]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 135–151. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_135_151
- Khrynina, E. N. (2009). *Lingvokul'turnaya spetsifika kontsepta “uspekh / erfolg”* [Linguocultural specifics of the concept “success / Erfolg”]. Author’s abstract of PhD in Philological sci. diss. Stavropol : Stavropol State University. (In Russ.).
- Erenburg, N. R. (2006). *Kontsept uspekh i ego reprezentatsiya v russkom yazyke noveyshego perioda* [The concept of success and its representation in the Russian language of the modern period] : Author’s abstract of PhD in Philological sci. diss. Voronezh : Voronezh State University. (In Russ.).
- Brito, K., Adeodato, P. J. L. (2022). Measuring the performances of politicians on social media and the correlation with major Latin American election results. *Government Information Quarterly*, 39 (4), 101745. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101745>
- Freyth, L., Batinic, B., Jonason, P. K. (2023). Social media use and personality: Beyond self-reports and trait-level assessments. *Personality and Individual Differences*, 202, 111960. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111960>
- González-Cacheda, B., Cancela Outeda, C. (2021). Political crowdfunding and resource mobilization for collective action: The keys to success. *Technology in Society*, 67, 101743. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101743>
- Guan, L., Liang, H., Zhu, J. J. H. (2022). Predicting reposting latency of news content in social media: A focus on issue attention, temporal usage pattern, and information redundancy. *Computers in Human Behavior*, 127, 107080. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107080>
- Kosan, M. A., Karacan, H., Urgen, B. A. (2022). Predicting personality traits with semantic structures and LSTM-based neural networks. *Alexandria Engineering Journal*, 61 (10), 8007–8025. <https://doi.org/10.1016/j.aej.2022.01.050>

Процукович Елена Александровна, Иванашко Юлия Петровна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

amursea@mail.ru, polia-80@mail.ru

Частотность лексических единиц в общественно-политической коммуникации

Аннотация

В статье представлены особенности распределения по шести тематическим группам лексем и их словоформ, реализованных в общественно-политической коммуникации. Материалом для исследования послужили образцы спонтанной речи (интервью) в произнесении трёх женщин – носителей русского языка, – взятые с сайтов российских радиостанций. Семантический и контекстуальный анализ, а также статистическая обработка данных выявили, что на долю общественно-политической терминологии пришлось 44% лексических единиц, что в два и более раз превзошло другие категории. Иноязычная лексика, которая в настоящее время считается неотъемлемой частью речи политиков и общественных деятелей, оказалась второй по частотности, составив в среднем 25%. Тематика общественно-политической коммуникации предполагает обращение к вопросам внутренней и глобальной экономики, частью которой являются страны, города, компании и люди, их представляющие. Поэтому речь дикторов изобилвала именами собственными, доля которых составила 16%. Образность общественно-политической речи является средством достижения прагматических целей, в связи с чем использовались фразеологизмы, которые оказались четвертыми по частотности (6,4%). Желая «стать ближе» к аудитории и придать эмоциональности высказываниям, дикторы прибегали к использованию сниженной лексики, но лишь в 4,3%. Такой же процент частотности имели сложносокращённые слова, обозначающие преимущественно названия общественных организаций и компаний.

Ключевые слова: общественно-политическая коммуникация, частотность, лексема, словоформа, общественно-политическая терминология, иноязычная лексика, имена собственные, фразеологизмы, сниженная лексика, сложносокращённые слова

© Процукович Е. А., Иванашко Ю. П. 2023

Для цитирования: Процукович Е. А., Иванашко Ю. П. Частотность лексических единиц в общественно-политической коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 87–98. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_87

Elena A. Protsukovich, Yulia P. Ivanashko

Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation

amursea@mail.ru, polia-80@mail.ru

Lexemes frequency in socio-political communication

Abstract

This paper aims to analyze the distribution of lexemes and their forms into six groups used in socio-political communication. Spontaneous interview samples produced by three Russian females were taken from Russian radio sites and used as the material for this study. Semantic, contextual and statistic analysis enabled to discover that socio-political terminology accounts for 44%, overpassing other categories twice and more. Loan words as an integral part of modern political and public speech were ranked second accounting for 25% of the selection. Socio-political communication observes the issues of the domestic and global economy referring to countries,

cities, companies and their representatives. It results in a number of proper names ranked 3 with 16% of the selection. The figurativeness of socio-political speech is a means of achieving the speakers' pragmatic goals, therefore the idioms were the fourth frequent group in the material (6.4%). Trying to achieve to the audience and make the speech emotional, the speakers sometimes use substandard vocabulary (4.3%). Compound words denoting public organizations and companies have the same frequency rank (4.3%).

Keywords: socio-political communication, frequency, lexeme, word form, socio-political terminology, foreign vocabulary, proper names, phraseological units, substandard vocabulary, compound words

© Protsukovich E. A., Ivanashko Yu. P. 2023

For citation: Protsukovich, E. A., Ivanashko, Yu. P. (2023). Chastotnost' leksicheskikh yedinit v obshchestvenno-politicheskoy kommunikatsii [Lexemes frequency in socio-political communication]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 87–98. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_87

1. Введение [Introduction]

Речевая коммуникация является отражением и результатом процессов, происходящих в обществе в тот или иной исторический период. В связи с этим она становится источником постоянно изменяющихся и обновляющихся языковых данных, содержащих информацию, вызывающую исследовательский интерес не только у лингвистов, но и у представителей других отраслей научных знаний – психологии, социологии, политологии и смежных с ними дисциплин.

В современном мире в связи с происходящими экономическими и политическими процессами и реакцией на них в обществе актуальным становится изучение речи общественно-политической направленности, так как она накапливает и обновляет данные об арсенале языковых средств данного вида коммуникации [Михалёва, 2008, с. 33]. Кроме того, быстрые изменения в жизни общества оказывают воздействие на внутренние закономерности жанров и стилей общественной и политической речи.

Поскольку любой вид речевой коммуникации являет собой сложный комплекс языковых средств, представляется оправданным изучать её отдельные уровни автономно. Так, проводятся исследования фонетического строя, лексического состава, синтаксической структуры речевых произведений общественно-политической направленности [Борискина, Шилихина, 2017; Зелянская, 2013; Кучменова, 2022; Малафеев, Макарова, 2020; Михалёва, 2009; Николаев, 2021; Чудинов, 2012; Шимула, 2018]. Наиболее заметны изменения в лексике и фразеологии – каждый новый поворот в общественной, экономической или политической жизни того или иного государства приводит к языковым трансформациям, в результате чего формируется определённый тезаурус [Чудинов, 2012, с. 24]. Потребность в непрерывном фиксировании изменений лексического состава общественно-политической речи составляет актуальность предпринятого исследования. Настоящая статья представляет собой второй этап работы, посвящённой изучению общественно-политической лексики русского языка [Процукович, Иванашко, 2021] и имеет целью проведение анализа частотности лексических единиц.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1 Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования частотных характеристик общественно-политической лексики послужили образцы женской спонтанной речи в произнесении носителей русского языка. Аудиозаписи были получены с сайтов российских радиостанций и представляли собой интервью, в которых освещались общественные и политические вопросы.

Подбор исследования осуществлялся с учётом ряда требований: место рождения и проживания – Российская Федерация, уровень образования – высшее, опыт публичных выступлений – многолетний, владение русским языком – свободное, отсутствие дефектов слуха и речи. В соответствии с указанными критериями отбора, дикторами настоящего исследования стали следующие информанты: D1 (место рождения – г. Москва; высшее образование, доктор географических наук, профессор; опыт публичных выступлений – многолетний; возраст на момент записи материала – 65 лет); D2 (место рождения – г. Москва; высшее образование, кандидат филологических наук; опыт публичных выступлений – многолетний; возраст на момент записи материала – 53 года); D3 (место рождения – г. Тула; высшее образование, кандидат политических наук, доцент; опыт публичных выступлений – многолетний; возраст на момент записи материала – 41 год). Исследование включало в себя несколько этапов.

1. Составление орфографических версий полученного материала – аудиозаписей диалогической речи, представляющей собой обмен высказываниями между собеседниками на общественно-политические темы. Орфографические записи составлены без внесения в них корректировок и сокращений с целью сохранения в них индивидуальных речевых характеристик дикторов. Общая длительность аудиоматериала составляет 135 мин. 11 сек. (D1 – 36 мин. 08 сек., D2 – 48 мин. 48 сек., D3 – 50 мин. 55 сек.).

2. Отбор лексических единиц, представляющих в анализируемых текстах общественно-политическую сферу. Задачей данного этапа явилось составление таблиц, классифицирующих лексемы и их словоформы по группам, определённым в ходе работы с научной лингвистической литературой [Зелянская, 2013, с. 95; Николаев, 2021, с. 32–33; Чудинов, 2012; Шимула, 2018, с. 101]

3. Анализ частотности общественно-политической лексики в речи каждого диктора и вычисление коэффициента ранговой корреляции.

Анализируемая общественно-политическая лексика была классифицирована в соответствии с её спецификой. В основе классификации лежит разработка А. П. Чудинова, выделяющего сниженную лексику (просторечия, жаргонизмы, вульгаризмы, сленг), иноязычную лексику, а также сложнокращённые слова [Чудинов, 2006, 2012; Стернин, 2013, с. 15]. В результате анализа исследуемого материала вышеперечисленные группы лексики были дополнены собственно политическими терминами и фразеологией.

В данном исследовании фразеология понимается в широком смысле, то есть к ней относятся словосочетания или предложения, устойчиво воспроизводящиеся в речи и обладающие той или иной степенью идиоматичности значений [Баранов, 2004; Баранов, 2011, с. 56]. Так, в группу фразеологизмов входят идиоматические обороты (фразеологические сращения), коллокации (глагольные и именные), пословицы, афоризмы, поговорки, меткие, часто повторяемые устойчивые в смысле порядка слов выражения, обороты [Баско, 2006]. В общественном и политическом языке присутствуют устойчивые словосочетания, воспроизводимые в речи с высокой частотностью [Чернявская, 2006, с. 9].

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1 Усреднённое распределение общественно-политической лексики по типам (D1-D3) [Socio-political vocabulary types distribution in D1-D3]

Всего в ходе анализа частотности общественно-политической лексики в рамках данной работы были рассмотрены аудиозаписи, содержащие 825 лексем – слов как структурных элементов языка [Ахманова, 2007, с. 214] – и 2632 словоформ, ими образованных. В таблице 1 представлены сводные данные, полученные в результате количественного подсчёта реализаций лексических единиц по трём дикторам. Проценты подсчитывались от общего количества всех реализованных ими словоформ.

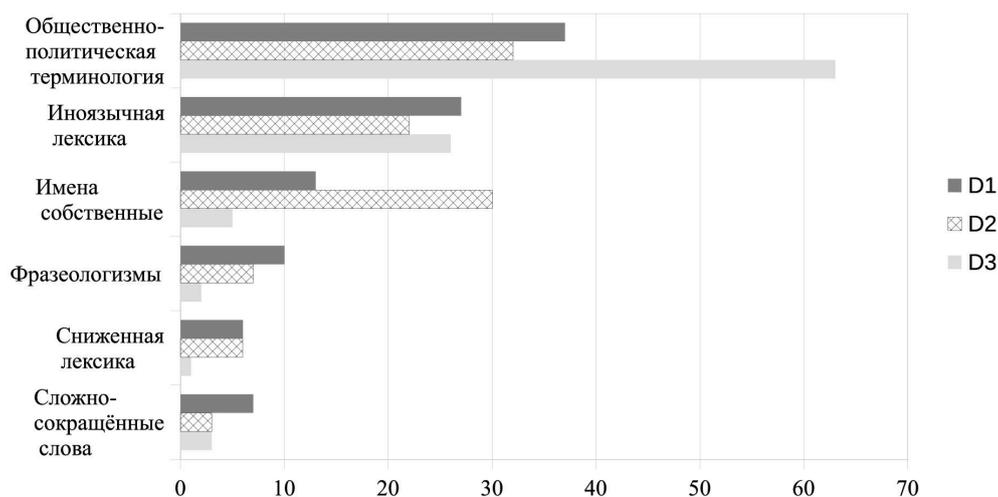
Т а б л и ц а 1. Количество лексем и словоформ
[Table 1. The number of lexemes and word forms in analyzed speech]

		D1	D2	D3	Общее	Ранг частотности
Общественно-политическая терминология	Общее количество лексем, ед.	38	80	211	329	1
	Общее количество словоформ	200	253	806	1259	
	% реализации	37	32	63	44	
Иноязычная лексика	Общее количество лексем, ед.	34	51	85	170	2
	Общее количество словоформ	149	179	336	663	
	% реализации	27	22	26	25	
Имена собственные	Общее количество лексем, ед.	20	70	22	98	3
	Общее количество словоформ	73	240	61	338	
	% реализации	13	30	5	16	
Фразеологизмы	Общее количество лексем, ед.	56	47	23	126	4
	Общее количество словоформ	56	56	24	136	
	% реализации	10	7	2	6,4	
Сниженная лексика	Общее количество лексем, ед.	23	28	10	76	5
	Общее количество словоформ	31	52	15	134	
	% реализации	6	6	1	4,3	
Сложносокращённые слова	Общее количество лексем, ед.	12	7	14	33	5
	Общее количество словоформ	39	27	35	101	
	% реализации	7	3	3	4,3	
Итого	Общее количество лексем, ед.	184	283	365	832	
	Общее количество словоформ	548	807	1277	2632	

Анализ таблицы 1 свидетельствует о том, что наибольшее количество лексем и их словоформ реализовано в речи D3 – 365 и 1277 единиц соответственно – каждая словоформа реализована в среднем 3,5 раза. Наименьшее число словоформ и их конкретных употреблений – 184 и 548 соответственно – зафиксировано в речи D1, что связано с наименьшей длительностью звучания интервью данного диктора; средняя частота встречаемости каждой лексемы в аудиоматериалах данного диктора составляет 2,98. В речи D2 реализовано 283 лексемы и 807 словоупотреблений; каждая словоформа встречается со средней частотой 2,85 единицы – это наименьший результат по сравнению с D1 и D3. Рассмотрим частотные характеристики общественно-политической лексики в речи дикторов. Рисунок 1 демонстрирует частотные характеристики общественно-политической лексики в речи D1–D3.

2.2.2 Распределение лексики по типам в речи D1 [Lexical group distribution in D1]

Анализируемый аудиоматериал D1 содержит 184 лексемы и 548 их конкретных словоформ. Каждая лексема реализована в среднем три раза.

Р и с у н о к 1. Частотность общественно-политической лексики (D1–D3)
[Figure 1. Socio-political vocabulary frequency (D1–D3)]

Данные диаграммы свидетельствуют о том, что наиболее частотным видом общественно-политической лексики в речи D1 является общественно-политическая терминология, реализация которой достигает 37%. Частотными лексемами являются термины *деньги, налог, промышленность, страна, население, акционерное общество, федеральный бюджет* и другие, например:

(1) D1: Понимаете, эта **страна**, наша родина, это **страна** не про развитие, а про отчётность. Отчитался – ты человек. Не отчитался? – парень, твои проблемы.

Второй ранг частотности в речи D1 имеет иноязычная лексика (в основном уже укоренившаяся в языке и не ощущающаяся как инородная) – она реализована в материале диктора в 27% случаев, это максимальное значение по трём дикторам. Частотными единицами являются слова: *бюджет, федерация, демография, доллар, кредит, эффект, экономика* и другие:

(2) D1: Основные **социальные** расходы тащат на себе **субъекты федерации**, а вовсе не **федеральный бюджет**.

(3) D1: Умные китайцы вкладываются в **инфраструктуру**, дают **кредиты** – у них много не только африканских, но и азиатских стран в кабале. Потому что эти **кредиты** очень трудно оплатить.

Третью по частотности позицию занимает реализация имён собственных – 13% от общего количества лексических единиц. В ходе интервью диктор использовал лексемы: *Китай, Малайзия, Венесуэла, Африка, Москва, Путин, Кудрин* и другие:

(4) D1: Стоп. Это оборонные вещи. Когда вы продаёте **Малайзии, Китаю, Индии**, – они платят.

Частотность 10% демонстрирует реализация фразеологизмов – это самый высокий результат по сравнению с D2 и D3 – в речи D1 прозвучало 56 устойчивых сочетаний типа: *ловить блох, раздавать пряники (=преференции), получить пишик, вылететь в трубу, наступать на грабли, закрыть лавочку, в огороде бузина, а в Киеве дядька, манна небесная, нервы как канаты* и других.

(5) D1: Слушайте, Советский Союз на этом играл долго и **вылетел в трубу**.

(6) D1: Но понимаете, **дьявол** в этой стране **всегда кроется в деталях**.

С частотой 7% диктором реализованы сложносокращённые слова, при этом их количество у D1 вдвое превышает данное значение у D2 и D3: *Росстат, зарплата, социалитика, Гособоронзаказ, зарплата* и другие примеры:

(7) D1: *За счёт чего? А мы заставили выполнять президентские указы по зарплате, а с этих зарплат платится НДФЛ, — он же тоже вырос.*

Последнюю строчку ранга частотности в речи диктора D1 с результатом 6% занимает реализация сниженной лексики: *денежка, понты, тупой, баксы, крупняк, рихтовать, препарировать* и другие:

(8) D1: *Понимаете, **понты** это не способ ведения бизнеса.*

(9) D1: *Вместо того, чтобы посмотреть всю **разблюдовку** и сказать про совсем другую историю, — что 15% домашних хозяйств — им не хватает на еду или на еду как-то, а на одежду и обувь уже не хватает, — их 15.*

В целом, речь D1 соответствует требованиям, предъявляемым к общественно-политической коммуникации, о чём свидетельствует общее количество в ней общественно-политической терминологии, иноязычной лексики, обозначающей политические и экономические понятия. Однако необходимо отметить высокую эмоциональную насыщенность речи данного диктора — несмотря на относительно небольшое количество единиц сниженной лексики, благодаря большому числу фразеологических единиц, реализованных диктором D1, его речь отличается высокой степенью эмоциональности и образности.

2.2.3 Распределение лексики по типам в речи D2 [Lexical group distribution in D2]

В исследуемом аудиоматериале D2 реализовано 283 лексемы и 807 словоформ. Как видно из диаграммы (см. рис. 1), максимальное количество реализаций общественно-политической лексики в речи D2 приходится на долю общественно-политической лексики — 32%. Среди частотных терминов можно отметить следующие: *власть, правительство, промышленность, безопасность, собственность, деньги, техника безопасности* и другие:

(10) D2: *Если вы, скажем, вкладываете эти **деньги**, как я уже сказала, как вкладывает множество суверенных фондов в даже вполне себе авторитарных **странах**, в какие-то вещи, которые приносят **прибыль**.*

(11) D2: *У Китая есть совершенно объективная **потребность** в Африке, потому что в Китае есть, действительно, гигантская **промышленность** и недостаток природных ресурсов. А **промышленность** эти ресурсы потребляет.*

Вторую позицию ранга частотности в речи D2 занимают имена собственные — 30%, составляя самую многочисленную группу в этой категории среди всех дикторов. В аудиоматериале реализованы такие имена и названия как *Ельцин, Сталин, Эрдоган, Африка, Индонезия, Советский Союз, США, Норвегия* и другие:

(12) D2: *Эта история в **США** просто невозможна. Она невозможна, наверное, даже уже в **Индонезии**. Она где-нибудь в **Папуа — Новой Гвинее** только возможна.*

К третьему рангу частотности в речи D2 относится иноязычная лексика (в основном укоренившаяся в языке), её значение составляет 22% — это минимальный показатель среди дикторов. В речи диктора зафиксированы следующие лексические единицы: *активист, геноцид, колонизатор, цивилизация, ресурсы, регион, цивилизация* и другие:

(13) D2: *Я просто про то, что, чтобы быть **колонизаторами**, надо иметь более высокую **цивилизацию**, в том числе, более высокие **идеалы** и иметь нормальные **нормы**. А если у нас у самих людоедские **нормы**, а если у нас у самих нет **оппозиции**, — **парламент** не место для **дискуссий**, а **активист** Навального¹, придя домой, обнаруживает, что у него на **банковской** карточке долг в **100 миллиардов** рублей? Ну, видимо, это он будет выплачивать наши долги Африке.*

На четвёртой позиции со значением 7% в речи D2 зафиксированы фразеологические обороты: *аттракцион невиданной щедрости, со свиным рылом в калачный ряд*,

¹Навальный А. А. внесён в «Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму».

борьба двух бульдогов под ковром, дырка от бублика, уйти в песок, шарашкина контора, управлять в ручном режиме и другие:

(14) D2: *Ребята, эти люди кидали Советский Союз. Ну, где путинская Россия со свиным рылом в калачный ряд сравняется с Советским Союзом, который действительно обладал могучими рычагами воздействия?*

(15) D2: *Так что вот просто случается, что неопытный водитель врезался в столб на «Жигулях» и сломался вместе с пассажирами всмятку. Так кто виноват? А то, что водителя не натренировали, или то, что «Жигули» были консервной банкой.*

На сниженную лексику в речи D2 приходится 6% реализаций: *дурак, каюк, распил, чушь, шашни, бабло, левак, уставняк и другие:*

(16) D2: *И опять же два варианта: либо Асада свергнут какие-нибудь иранцы, потому что у них там есть шашни с частью асадовской армии, и мы опять увидим дырку от бублика – иранскую дырку. Либо опять же, если Асад окрепнет, то он нами будет вертеть и этих денег, естественно, не отдаст.*

Последнюю строку ранга частотности общественно-политической лексики в речи D2 занимают сложносокращённые слова – их реализация составляет не более 3%. В речи данного диктора сложносокращённые лексические единицы представлены преимущественно названиями различных служб и учреждений: *Госказна, Газпром, Росгвардия, Ростехнадзор, Сибзолото* и другими:

(17) D2: *Сначала мы видим эти Ростехнадзоры и пожарные инспекции, которые дерут деньги, придумывают невыполнимые правила. Несмотря на все эти безумные правила, все падает, горит и тонет.*

Отличительной особенностью речи D2 является самый высокий процент реализации имён собственных, что обусловлено тематикой интервью. Как и в случае с D1, данный спикер пользуется относительно большим количеством сниженной лексики и фразеологии, что позволяет создавать яркие, образные тексты, способные вызывать определённые реакции со стороны слушателей [Красникова, 2000].

2.2.4 Распределение лексики по типам в речи D3 [Lexical group distribution in D3]

В ходе интервью диктором было реализовано 365 лексем и 1277 конкретных словоформ. На первой строке ранга частотности общественно-политической лексики в произнесении D3 (см. рис. 1) находится общественно-политическая терминология – реализация данного вида лексики составляет 63% от общего количества словоформ в его речи. Более того, этот показатель вдвое превышает значения аналогичного параметра в речи D1 и D2 и составляет максимум среди всех лексических категорий у трёх дикторов. Примерами общественно-политической терминологии в речи D3 являются слова: *свобода, власть, законопроект, право, граждане, государство, обеспечение, указ* и другие:

(18) D3: *Перечислим основные политические свободы, это, скажем: равенство перед законом, отсутствие сословий, то есть закон един для всех. Свобода вероисповедания, возможность исповедовать свою веру или не исповедовать никакой, отсутствие принуждения в том отношении. Свобода совести: право иметь и высказывать свои убеждения.*

Лексическую группу второго ранга в речи D3 представляют уже давно ставшие привычными иноязычные слова – реализация заимствованных единиц из области политики, экономики, финансов, права составляет 26%: *тактика, система, пенитенциарный, орган, бюджет, проект* и многие другие:

(19) D3: *И будем выбирать наиболее разумные тактики поведения в любой ситуации.*

Третью позицию с большим отрывом от первых двух групп лексики занимают имена собственные (не более 5%): *Россия, Европа, Бурятия, США* и другие:

(20) D3: *Мы тогда сумели сделать себе один из лучших в Европе судов, одну из лучших, самых передовых систем адвокатуры.*

Оставшиеся 6% всех реализованных D3 единиц общественной-политической лексики включают в себя наименее частотные её виды – сложносокращённые слова (3%), фразеологизмы (2%) и сниженная лексика (1%) – реализации данных лексических единиц в речи диктора единичны. В речи информанта отмечены следующие сложносокращённые слова: *Госбезопасность, Минсельхоз, ФСИН, Юнармия* и другие:

(21) D3: *У нас, начиная со времён после Второй мировой войны, спецслужбы являются политическим актором, а армия и флот не являются.*

Среди фразеологизмов в произнесении D3 отметим следующие: *не глянем единым, попасть в лапы, золотой век, вестник сумы и тюрьмы, волосы встают дыбом* и другие:

(22) D3: *Наша система немолода уже. Она не очень способна перевернуться через голову и обернуться Финистом Ясным Соколом.*

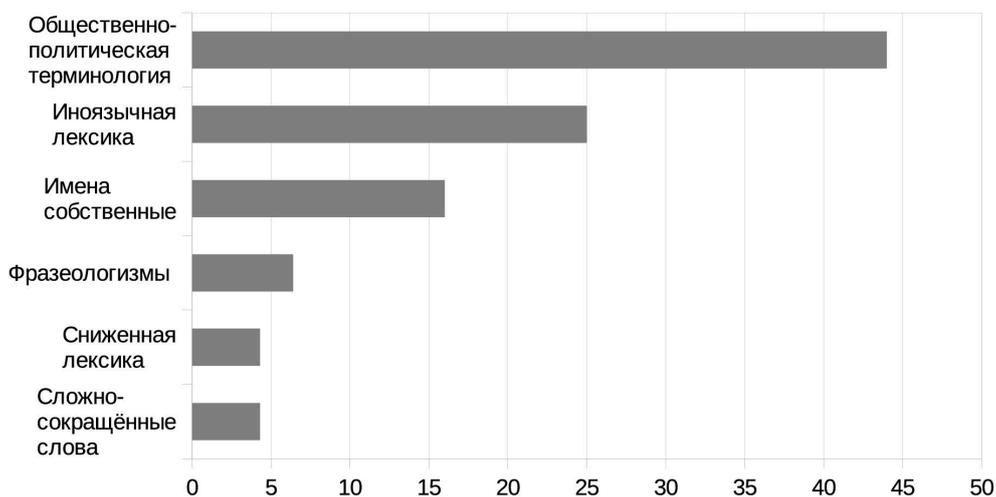
Сниженная лексика представлена следующими словами и выражениями: *тамошний, болтаться (в Государственной думе), двушечка (= два года), гуглить, соваться (куда-либо), жульничать* и другие:

(23) D3: *Он отправился в 62-м году в Западную Европу, где два года изучал тамошний опыт постановки тюремного дела и тюремного вопроса.*

В целом, речь D3 является максимально насыщенной общественно-политической терминологией, а также иноязычными терминами, относящимися к сферам политики, экономики, юриспруденции. Минимальное количество фразеологизмов и сниженной лексики делает речь D3 стилистически нейтральной.

2.3. Сравнительный анализ (D1–D3) [Data comparison (D1–D3)]

Рисунок 2 демонстрирует среднюю частотность лексических единиц, относящихся к общественно-политическому дискурсу, в речи трёх дикторов.

Р и с у н о к 2. Частотность общественно-политической лексики (в среднем по всем дикторам)

[F i g u r e 2. Socio-political vocabulary average frequency (D1-D3)]

Представленные сводные данные свидетельствуют о том, что в целом в речи дикторов преобладает общественно-политическая терминология, которая составляет 44%. Этот параметр варьирует в речи дикторов от 32% в речи D2 до максимального результата по всем видам общественно-политической лексики – 63% в речи D3. Это закономерно

обусловлено тематикой бесед интервьюеров с представителями общественно-политических сил. Так, в радиозфире обсуждались проблемы российского здравоохранения, глобальные и внутренние финансовые вопросы, общие вопросы социальной политики, анализировались законотворческие инициативы и т. д.

Вторую строку занимает иноязычная лексика – её реализация достигает 25%. Максимальное количество реализаций данного вида лексики зафиксировано в речи D1 – 27%, минимальное – 22% – в речи D2. Иноязычная лексика является неотъемлемой частью общественно-политического общения и входит в терминологическую базу данного вида коммуникации. Анализ иноязычной лексики показал отсутствие необоснованного её использования, то есть применения спикером слов иноязычного происхождения в случаях, когда уместнее сделать выбор в пользу привычного русского аналога. Благодаря умеренному включению лексики такого вида в высказывания дикторов, их речь звучит естественно и корректно воспринимается слушателями. Подавляющее большинство таких слов уже укоренилось, следовательно они не воспринимаются как чужеродные.

На третьей позиции частотности – 16% – находятся имена собственные. Однако данный параметр демонстрирует значительный разбег в реализациях: речь D2 изобилует данным видом лексики, достигая значения 30%. Речь D3, в свою очередь, содержит лишь 5% имён собственных. Как и в случае с общественно-политической терминологией, разница в количественных значениях вытекает из тематики обсуждаемых дикторами вопросов (см. табл. 1). Необходимо отметить, что имена собственные в анализируемом материале представлены преимущественно именами политических и общественных деятелей, географическими названиями, наименованиями компаний и организаций.

Фразеологизмы зафиксированы в среднем в 6,4% и занимают четвертое место среди всех групп исследуемой лексики. Данный пласт лексики, как и рассмотренные выше, демонстрирует вариативность её употребления – от 10% в речи D1 до 2% в аудиоматериале D3. Низкий процент использования идиоматических выражений в речи D3 объясняется её большей степенью формальности по сравнению с другими дикторами. Так, большая доля лексических единиц, употреблённых этим диктором, приходится на общественно-политическую терминологию (см. рис. 3) – остальные группы слов имеют невысокие количественные показатели. В целом, применение фразеологических единств в общественно-политической речи обусловлено желанием говорящего «стать ближе» к потенциальной аудитории, оказать на нее то или иное воздействие, в более экспрессивной манере преподнести наиболее важную, по мнению автора, высказывания информацию. В связи с этим, большинству общественно-политических деятелей свойственно использование некоторого процента фразеологизмов.

Сниженная лексика и сложносокращённые слова демонстрируют равную частотность в речи дикторов, составляющую 4,3%.

Наибольшее количество лексических единиц, относящихся к сниженному регистру, обнаруживается в речи D1 и D2 (по 6%), а речь D3 отличается минимальным включением такого рода слов (1%) – речь диктора в целом воспринимается как нейтрально окрашенная. Анализ лексики, входящей в группу сниженной, показал превалирование в ней вульгаризмов, жаргонизмов и сленга. Просторечия были единичны в речи всех дикторов. На первый взгляд использование сниженной лексики в общественно-политической речи может показаться неуместным или странным, так как основная доля её использования обычно приходится на разговорную речь (бытовой дискурс). Однако применение лексики низкого регистра в политической коммуникации преследует определённые прагматические цели – используя её, спикер не только оказывается ближе к аудитории и завоёвывает её расположение, но и достигает определённых целей речевого воздействия. Грамотно используя сниженную лексику, автор речевого произведения может достичь эффекта восприятия слушающим той или иной информации, как в положи-

тельном, так и в отрицательном ключе, вызвать у аудитории определённые ассоциации с явлением или субъектом, обозначенным сниженной лексикой.

Сложносокращённые слова в большей степени представлены в речи D1 и составляют 7% от общего количества анализируемой лексики. В речи дикторов D2 и D3 процент реализаций одинаковый – 3%. Основная часть сложносокращённых слов приходится на названия государственных и коммерческих организаций и корпораций, которые образованы путём соединения основ слов: существительное + существительное, прилагательное + существительное. Анализ показал, что усечению в большем числе случаев подверглись слова, образующие первую часть сложносокращённого термина (роствардия, юнармия, спецслужба).

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование частотности общественно-политической лексики в интервью соответствующей тематики позволило сделать следующие выводы. Наиболее частотным видом общественно-политической лексики в речи дикторов является общественно-политическая терминология – среднее количество реализаций составляет 44%. На втором месте ранга частотности находится реализация иноязычной лексики со среднedikторским результатом 25%. К третьему рангу частотности общественно-политической лексики относятся имена собственные – в среднем информанты используют данный вид лексики в 16% случаев. Четвёртым рангом частотности характеризуются фразеологические единицы со средним результатом 6,4%. Сниженная лексика и сложносокращённые слова в среднем используются в материале исследования в равной степени – на долю каждой группы приходится 4,3%.

Исследование показало как разнообразие различных типов лексики, используемой в общественно-политической речи, так и наличие общих черт и вариантности в частоте её использования дикторами. Общей оказалась группа первого ранга, а также то, что терминология, иноязычная лексика и имена собственные относятся к самым частотным группам, хотя второй и третий ранги варьировали. Максимальный разброс наблюдался для имён собственных, сниженной лексики и фразеологизмов. Междикторская вариантность в реализации сложносокращённых слов и общественно-политической терминологии также была высокой. Наименьшая вариантность отмечена для иноязычной лексики. Неравномерность распределения лексики обусловлена тематикой интервью, прагматическими целями говорящих и их индивидуальными особенностями речи (тезаурис, идиолект).

Перспективу исследований составит детальный анализ лексем и их словоформ, входящих в каждую из рассмотренных в настоящей статье групп. Особенно интересным представляется изучение когнитивных механизмов речевого воздействия, осуществляемого посредством использования эмотивного компонента – фразеологии и сниженной лексики.

Библиографический список

- Ахманова, 2007 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стер. М : КомКнига, 2007. 576 с.
- Баранов и др., 2004 – Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. М. : Фонд ИНДЕМ, 2004. 94 с.
- Баранов, 2011 – Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика : учеб. пособие. 3-е изд. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. 592 с.
- Баско, 2016 – Баско Н. В. Фразеологизмы в языке современных российских СМИ: лексикографическое описание. М. : КДУ, Университетская книга, 2016. 192 с.
- Борискина, Шилихина, 2017 – Борискина О. О., Шилихина К. М. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике // Политическая наука. 2017. № 2 : Языковая политика и политика языка. С. 30–53.

- Володина, 2003 – Володина М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М. : МГУ, 2003. С. 9–31.
- Зелянская, 2013 – Зелянская Н. Л. Речевая самопрезентация политика в контексте изменяющихся стратегий социальной коммуникации (графосемантическое моделирование образа мира Б. Немцова) // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 92–100.
- Красникова, 2000 – Красникова Е. Жаргоны и просторечие в языке публицистики // Высшее образование в России. 2000. № 5. С. 82–88.
- Кучменова, 2022 – Кучменова Я. М. Вопросы лексики общественно-политического дискурса в СМИ // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов. СПб. : Изд-во Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2022. С. 116–118.
- Малафеев, Макарова, 2020 – Малафеев А. Ю., Макарова Н. В. Употребление и функционирование политического сленга в медиакоммуникативном пространстве США // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2020. Т. 5, № 3. С. 23–42.
- Михалева, 2009 – Михалёва О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
- Николаев, 2021 – Николаев И. В. Вербальные политические символы в коммуникации общества и власти: опыт типологизации // Социодинамика. 2021. № 1. С. 32–43. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.1.34945>
- Процукович, Иванашко, 2021 – Процукович Е. А., Иванашко Ю. П. Частотные характеристики лексических единиц общественно-политического дискурса в языке современных средств массовой информации // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. Вып. 10 (78). Ч. 12. С. 174–179.
- Стернин и др., 2013 – Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. Ярославль, 2013. 35 с.
- Чернявская, 2006 – Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблема речевого воздействия : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2006. 136 с.
- Чудинов, 2006 – Чудинов А. П. Политическая коммуникация. М. : ФЛИНТА : Наука, 2006.
- Чудинов, 2012 – Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М. : Флинта, 2012. 256 с.
- Шимула, 2018 – Шимула Р. Лингвопрагматические аспекты современного газетного политического дискурса (на материале русского языка). Белосток : Белостокский университет, 2018. 352 с.

References

- Akhmanova, O. S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : KomKniga Press (In Russ.).
- Baranov, A. N., Mihaylova, O. V., Satarov, G. A., Shipova, E. A. (2004). *Politicheskij diskurs: metody analiza tematicheskoy struktury i metaforiki* [Political discourse: methods of analysis of thematic structure and metaphors]. Moscow : Fond INDEM Press (In Russ.).
- Baranov, A. N. (2011). *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika* [Linguistic examination of the text: theoretical foundations and practice] : A coursebook. 3d edn. Moscow : FLINTA Press : Nauka Press (In Russ.).
- Basko, N. V. (2016). *Frazeologizmy v yazyke sovremennykh rossiyskikh SMI: leksikograficheskoe opisaniye* [Phraseological units in the language of modern Russian media: lexicographic description]. Moscow : KDU Press, Universitetskaya kniga (In Russ.).
- Boriskina, O. O., Shilikhina, K. M. (2017). Korpusnye issledovaniya politicheskogo diskursa v lingvistike [Corpus methods in the political discussion in linguistics]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2, 30–53. (In Russ.).
- Volodina, M. N. (2003). Yazyk SMI – osnovnoye sredstvo vozdeystviya na massovoe soznanie [The language of the media is the main means of influencing mass consciousness]. *Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Media language as an object of interdisciplinary studies] (pp. 9–31). Moscow : Moscow State University Press. (In Russ.).

- Zelyanskaya, N. L. (2013). Rechevaya samoprezentatsiya politika v kontekste izmenyayushchikhsya strategiy sotsial'noy kommunikatsii (grafosemanticheskoe modelirovanie obraza mira B. Nemtsova) [Speech self-presentation of a politician in the context of changing social communication strategies (Graphic-semantic modeling of the image of Boris Nemtsov's world image)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2 (44), 92–100. (In Russ.).
- Krasnikova, E. (2000). Zhargony i prostorechie v yazyke publitsistiki [Jargons and vernacular in the language of journalism]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 5, 82–88. (In Russ.).
- Kuchmenova, Ya. M. (2022). Voprosy leksiki obshchestvenno-politicheskogo diskursa v SMI [Issues of vocabulation of public and political discourse in the media]. *Aktual'nye problemy nauki: vzglyad studentov* [Current issues of science: Students's view]. St Petersburg : Pushkin Leningrad State University Press (In Russ.).
- Malafeev, A. Yu., Makarova, N. V. (2020). Upotreblenie i funktsionirovanie politicheskogo slenga v mediakommunikativnom prostranstve SShA [The use and the functioning of the political slang in the media communicative space of the USA]. *Kommunikatsii. Media. Dizayn* [Communications. Media. Design], 5 (3), 23–42. (In Russ.).
- Mihalyova, O. L. (2009). *Politicheskii diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political discourse: The specificity of manipulative influence]. Moscow : LIBROKOM Press (In Russ.).
- Nikolaev, I. V. (2021). Verbal'nye politicheskie simvoly v kommunikatsii obshchestva i vlasti: opyt tipologizatsii [Verbal political symbols in the communication of society and power: the experience of typology]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 1, 32–43. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.1.34945> (In Russ.).
- Protsukovich, E. A., Ivanashko, Yu. P. (2021). Chastotnyye kharakteristiki leksicheskikh yedinic obshchestvenno-politicheskogo diskursa v yazyke sovremennykh sredstv massovoy informatsii [Frequency characteristics of lexical units of socio-political discourse in the language of modern media]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire* [Current scientific research in the modern world], 10 (78-12), 174–179 (In Russ.).
- Sternin, I. A., Antonova, L. G., Karpov, D. L., Shamanova, M. V. (2013). *Vyyavlenie priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoy reputatsii i oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta* [Identification of signs of humiliation of honor, dignity, belittling of business reputation and insult in the linguistic examination of the text]. Yaroslavl. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2006). *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problema rechevogo vozdeystviya* [The discourse of power and the power of discourse: The problem of speech influence] : A coursebook. Moscow : FLINTA PRESS: Nauka Press (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya kommunikatsiya* [Political communication]. Moscow : FLINTA Press : Nauka Press (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2012). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics] : A coursebook. Moscow : FLINTA Press (In Russ.).
- Szymula, R. (2018). *Lingvopragmaticheskie aspekty sovremennogo gazetnogo politicheskogo diskursa (na materiale russkogo yazyka)* [Linguo-pragmatic aspects of contemporary press political discourse (On the basis of Russian language material)]. Bialystok : Bialystok University Press (In Russ.).

Ступина Екатерина Сергеевна

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

stupina.ek@mail.ru

Культурные коды сленгизмов

Аннотация

В последние десятилетия в качестве предмета пристального изучения в лингвистике зачастую выступает некодифицированный язык, в частности сленг, который становится частью культурного кода целой нации. Целью настоящей статьи является анализ лингвокультурологической роли сленгового слова, реализуемой в речи. Материалом для исследования послужили 100 сленгизмов, которые случайно были выбраны из словарей по социальным диалектам. Лексемы были проверены на предмет речевой реализации в Национальном корпусе русского языка. В результате для 56 сленгизмов найдены соответствующие контексты, отражающие функциональную нагрузку данных лексем. В работе описаны наиболее показательные с точки зрения представления культурных кодов у сленговых слов примеры из художественных произведений, а также иллюстрации из публицистических текстов. Контекстный анализ обнаружил, что сленгизмы, обусловленные субкультурной средой, выступают маркерами интересов, интеллектуальных возможностей, показателями социального уровня говорящего. Примеры показывают, что агрессивность и повышенная экспрессивность сленгового слова позволяют продуценту речи репрезентовать себя, соотнести себя с той системой жизненных ценностей, теми культурными универсалиями, которые определяют общество. Следовательно, основными культурными кодами сленгизмов являются именно код самовыражения и код социальной адаптации.

Ключевые слова: сленг, культурный код, культура, экспрессия, речь

© Ступина Е. С. 2023

Для цитирования: Ступина Е. С. Культурные коды сленгизмов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 99–107. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_99

Ekaterina S. Stupina

Nizhny Novgorod Linguistics University
Nizhny Novgorod, Russian Federation

stupina.ek@mail.ru

Cultural codes of slang

Abstract

In recent decades, non-codified language, particularly slang, has been an attractive subject of linguistic research as far as at present, it is becoming a part of the cultural code of an entire nation. This article aims to examine the linguocultural role of slang units manifested in speech. The total of 100 slang tokens were chosen as the material for the study, they were randomly selected from dictionaries of social dialects. The National Corpus of the Russian Language was taken as the source of contexts for the tokens. As a result, for 56 slangisms out of 100, the contexts were found reflecting the functional load of the tokens. The paper describes the most significant examples from fiction and journalistic texts in terms of representing cultural codes. Contextual analysis has shown that slangisms conditioned by the subcultural environment act as markers of interests, intellectual abilities and indicators of the social level of the Speaker. The examples also indicate that aggressiveness and increased expressiveness of the slang units enable the speakers to represent themselves, to affiliate themselves with the

system of life values and those cultural universals that define society. Consequently, the main cultural codes of slangisms are precisely the code of self-expression and the code of social adaptation.

Keywords: slang, cultural code, culture, expression, speech

© Stupina E. S. 2023

For citation: Stupina, E. S. (2023). Kul'turnye kody slengizmov [Cultural codes of slang]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 99–107. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_99

1. Введение [Introduction]

Система языка – это активно развивающаяся и обновляющаяся система. Речь, являющаяся материальным воплощением языка, заметно меняется. Особенно подвержена изменениям живая разговорная речь, включающая некодифицированные элементы национального языка, в том числе просторечизмы, арготизмы, диалектизмы, сленгизмы. Большинство современных носителей языка спокойно относятся к фактам несоблюдения норм словоупотребления. Сегодня важным аспектом бытия человека является быстрый темп жизни и умение личности ассимилироваться в меняющейся обстановке, с одной стороны, примкнуть к группировке, которая стремится выделиться из общего потока движения, – с другой.

Многие считают, что неправильная постановка ударения, неверное склонение числительных совершенно не мешают общему пониманию смысла высказывания. Когда нужно срочно передать нужную информацию, нормы грамматики и орфоэпии отходят на второй план. Употребление нелитературных слов, например сленгизмов, наоборот, помогает стать «своим» в компании. Эти актуализированные носителями языка слова, выполняя функцию «маячков», становятся частью культурного кода целой нации, ибо очевидно, что наша речь отражает то, что волнует человека прежде всего.

Расширение возможностей информационно-коммуникационных технологий в XXI веке привело к тому, что образовались социальные группы – несколько человек объединились в сообщества по интересам. В этих сообществах люди используют такие языковые элементы, которые обособляли представителей этих сообществ от других групп. Данные маркированные элементы в языкознании называют сленгизмами. Е. А. Матюшенко полагает, что «сленг – это особая исторически сложившаяся нестандартная (вторичная) подсистема русского языка, реализующаяся главным образом на лексическом уровне, бытующая в основном в сфере устной речи городского населения и генетически и функционально отличная от жаргонных и профессиональных элементов языка» [Матюшенко, 2007, с. 31]. Мы подчеркнем, что сленг образуют слова, не входящие в состав литературного языка, получившие широкое распространение среди большинства носителей языка и имеющие высокий эмоционально-экспрессивный потенциал. Многочисленные исследования в области функционирования сленга показали, что масштабы его распространения достигли того уровня, при котором в сознании людей стираются границы между разговорным и литературным языком, лексикой ограниченного употребления и общеупотребительной.

В работе сленг рассматривается как одна из составляющих частей национальной системы языка, исследуется понятие культурного кода, анализируется современный сленг как составляющая культурного кода на примерах, которые предоставляются словарями сленга, а также Национальным корпусом русского языка.

Культура в широком понимании имеет в арсенале знания всех областей жизни человека. С этой точки зрения культурный код представляет собой таксономию «эле-

ментов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты» [Маслова, Пименова, 2016, с. 16]. Культурный код организует всю информацию, которую вбирает человеческая культура, в систему морально-нравственных, этических, поведенческих и других компонентов – знаков. Эти знаки выражены в слове, изображении, звуке. Код включает в себя знания о традициях, обычаях, истории, повседневном поведении, бытовой культуре, художественной культуре и др. Кроме того, в этих кодах отражается специфика восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителя той ли иной культуры.

Безусловно, существенное влияние на формирование культуры национального языка оказывает исторический фон, та политическая, экономическая, социальная обстановка, которая окружает человека. Конец XX века связан с периодом исторической нестабильности, становлением нового государства, что определило изменения в речи, прежде всего изменения в сфере разговорной речи. Сегодня сленг является существенной частью повседневного языкового общения, используется как эквивалент нормированной речи, становится средством создания экспрессии в литературе, в кино, в средствах массовой информации.

Ц е л ь данного исследования – проанализировать то, как с помощью сленгового слова вербализуются культурные приоритеты и установки говорящего, как сленговое слово становится маркером общей культуры социума.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили 100 сленгизмов, которые были отобраны из словарей молодёжного сленга методом произвольной выборки. Подобный подход к изучению материала позволяет распространить результаты исследования на совокупность подобных языковых единиц. Для представления культурно-функционального аспекта, которые реализуют сленгизмы в речи, требуется контекст. Контекстная реализация обеспечивалась ресурсами Национального корпуса русского языка. Поиск осуществлялся в основном, газетном и региональном корпусах. М е т о д о м последовательной проверки каждого выбранного сленгизма определены 56 единиц, для которых были выбраны контексты, иллюстрирующие их употребление в текстах художественной и публицистической литературы. Известно, что данные функциональные стили речи предполагают включение элементов не только нормированной части национального языка, поэтому обнаружение сленгизмов было наиболее вероятным в указанных корпусах. Далее контекстный анализ, методика наблюдения, интерпретации и обобщения позволили выявить, что использование сленгового слова помогает продуценту речи, с одной стороны, соотносить себя с той или иной социальной группой, с другой – репрезентовать свои мысли и чувства в зависимости от коммуникативной ситуации.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

На первом этапе исследования было выявлено, что сленгизмы, выражая яркую эмоциональность, реализуют в речи определённые социальные и интеллектуальные возможности говорящего. На последующих этапах работы текстовый анализ примеров показал, что сленговое слово, обладающее высокой экспрессией и оценочностью, не всегда используется релевантно коммуникативной ситуации. Действительно, с одной стороны, немотивированное использование сленгового слова может привести к коммуникативной неудаче, обидеть собеседника, вызвать непонимание, но, с другой стороны, яркое, запоминающееся, необычное слово помогает определить модальную нагрузку высказывания, заинтересовать адресата речи, стать элементом эстетической функции в

художественном произведении. Например, немотивированное употребление сленгизмов *продвинутый*, *оторваться* вызывает негативные эмоции в следующем примере: *Для музыкантов, артистов и литераторов здесь было предусмотрено всё, чтобы эта продвинутая публика могла оторваться по полной программе* (МК 2016). Адресант неосознанно принижает статус творческой интеллигенции, о которой идёт речь в данном контексте. При этом распространённость сленгизмов в публицистических текстах отражает общую тенденцию в СМИ к толерантности языковых норм. У журналиста возникает субъективная установка обеспечить определённый эмоциональный контакт с потенциальным читателем, то есть «сленгизмы выступают в качестве так называемых бликфангов, т. е. единиц, на которых останавливается взгляд читателя при просмотре журнальных и газетных страниц, сайтов, форумов и т. д.» [Редкозубова, 2019 с. 185]. Однако подобная коммуникативная задача не всегда успешно реализуется, если не соблюдено «чувство соразмерности и сообразности».

В следующем отрывке из художественного текста сленгизмы *админка*, *банить* представляются вполне уместными: *И во-вторых, Геннадий играл давно, играл хорошо, многократно участвовал в соревнованиях, где его могли видеть в реале, имел блестящую репутацию и пользовался среди игроков большим уважением, за что ему и предоставлена была «админка» – специальная компьютерная программа, позволяющая регулировать ход игры, объявлять голосование при решении спорных вопросов и, что самое главное, «банить» недобросовестных игроков, тем или иным способом нарушающих установленные на игровом сайте правила* (Александра Маринина. «Последний рассвет» (2013))¹. Сленгизмы графически выделены кавычками, что подчёркивает идею автора обозначить языковой фон, в рамках которого существуют герои. Данные единицы языка призваны продемонстрировать, что произошла культурная адаптация персонажа. Таким образом реализуется эстетическая функция сленгизмов.

На следующем этапе исследования культурных кодов сленгизмов предполагалось осмыслить, что человек, оценивая впечатление, которое он получает, когда слышит сленговое слово, встраивает это знание в систему усвоенных с детства культурных кодов для дальнейшего воспроизведения этого ресурса в жизни. Р. Барт считает, что следует обозначить «культурный» код, который воплощает собой «код человеческого знания» и апеллирует к пониманию сложившихся в социуме правил, осознаваемых в цивилизационном мире как природная данность [Барт, 1989, с. 47]. Например, знание об эстетически приятном воздействии соловьиных трелей будет в равной степени восприниматься как часть культурного кода и как потребность ложиться спать ночью. Использование сленгизма (напр., *банить*, *админка*, *агриться*) будет включать в себя информацию, связанную с некой субкультурной средой, а также с особой экспрессией, эмоциональностью, возможно, агрессией. Например, *Что за зверь такой – буллинг? В самом деле кажется, как будто нам нужно уничтожить какую-то другую вещь или человека для того, чтобы не уничтожить самих себя...* (Софья Тарасова. *Что за зверь такой – буллинг?* // «Знание-сила», 2013). В данном случае существительное *буллинг* отражает актуальные вопросы, связанные с формированием больших коллективов и подавлением отдельной личности в подобных объединениях, агрессивно настроенных в отношении слабых представителей или в отношении тех, кто в одиночку собирается сопротивляться сложившимся правилам. В рамках представленного контекста становится очевидно, что сторонний человек пытается определить смысл незнакомого понятия и применить это понятие к той системе ценностей, на которую изначально ориентирован. Культурный код данного слова соотносится с образами унижения и давления в обществе. Соответственно, база культурных кодов, обогащённая знаниями о новом явлении,

¹ Этот и другие примеры взяты из Национального корпуса русского языка

позволит соотнести слово *буллинг* с реальными процессами социальной среды. Употребление слова в речи включает говорящего в круг «посвящённых».

Один из самых известных исследователей сленга, Эрик Партридж, описывая разновидности сленга, пришел к выводу, что сленг состоит из слов, которые воспроизводят общественное сознание той или иной социальной среды [Partridge, 1933, p. 148–272] и, следовательно, составляет часть культурных кодов той или иной части населения.

Р. Барт подчёркивает, что культурный «код» – «это перспектива цитации, мираж, сотканный из структур...; порождаемые им единицы... это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито: код и есть след этого уже» [Барт, 1989, с. 45]. Но не каждый адресат способен истолковать все «осколки», как любой интернет-пользователь не будет бессистемно загружать информационные страницы. Например, если в качестве кодовых элементов речи считать используемые реминисценции из произведений русских писателей-классиков, то обнаружить скрытую цитацию сможет лишь такой адресат, который хорошо знает не только содержание цитируемых произведений, но и сам может частично воспроизвести тексты. В ином случае первичный поиск нужного информационного блока будет безуспешен. При повторном обращении к уже известным цитатам возможна положительная динамика.

Следовательно, релевантно было бы говорить о том, что культурный код сленгизмов не имеет универсальных дешифраторов, однако постижение кода возможно при периодическом воспроизведении запроса в поисковую систему сленгового употребления. Каждый из кодов ориентирован на определённую группу посвящённых. При этом есть коды, имеющие широкий круг адресатов (напр., культурные коды нации, язык как код), а есть коды для узкого круга (напр., коды сленга программистов). Заданная когнитивная информация закладывается в основание кода как отдельной личности, небольшой группы людей, так и нации в целом. «В языке культура «заимствует» оболочки (тела) знаков, которые впоследствии становятся репрезентантами смыслов культуры» [Симбирцева, 2016, с. 158]. Следовательно, определяется культурный текст, создаваемый пользователями сленгизмов.

Для описания культурных кодов сленгового слова следует обратиться к пониманию культурных кодов. Сущность кода заключается в концентрации смыслов и ценностей культуры. Понимание культурного кода рассматривается учёными также сквозь призму временного развития цивилизации. Так, И. В. Дукальская пишет о том, что «когнитивной основой для создания культурного кода может послужить фактически любая область внешней действительности, которая обладает конкретно-чувственной наглядностью. Необходимым условием для этого, является лишь знакомство носителей языка и культуры, с этой областью» [Дукальская, 2011, с. 128]. То есть, рассматривая код с точки зрения восприятия настоящего времени, мы подчеркнём, что человек, независимо от эпохи, живёт в потоке культурных кодов. Сознание ориентировано на постижение кодов. Открытым остаётся вопрос о том, принимает личность общественные коды или отвергает. При этом отрицание правила (кода) может впоследствии привести к изменению традиции и, следовательно, кода. Происходит смена культурных кодов в сленге, ибо происходит регулярное обновление системы языковых элементов. Пример – постепенный переход от устойчивого в дореволюционной России патриархального уклада жизни к равноправно-демократическому стилю ведения хозяйства. Н. А. Симбирцева считает, что код самодостаточен и универсален, но «каждая эпоха предлагает свой набор культурных кодов, открытых к изменениям и порождению новых смыслов и кодов» [Симбирцева, 2016, с. 163]. Действительно, личности потребуется приложить усилия для построения логических связей между кодами разных временных и культурных пластов. Связь между кодами разных поколений людей, которые являются носителями культуры, определяется совокупностью индивидуальных трактовок кода. Например,

сегодня с малой долей вероятности можно услышать в речи современников сленгизмы *хилить, стилиать, шузы, трузера*. Эти слова были распространены в речи стилиаг и отражали культурные коды молодёжи, увлечённой новой идеологией. Им важно было выделиться из толпы, воплотить новый образ жизни, продемонстрировать свои взгляды на одежду, музыку, литературу и многое другое. Э. М. Береговская пишет, что «в сленге отражается образ жизни речевого коллектива, который его породил» [Береговская, 1996, с. 36]. Современные культурные коды сосредоточены на жизни в интернет-пространстве, на культе молодости, самореализации: *Качками считаются те, кто употребляет слова «бищуха», «присед в Смите» и «закинуться аминками и бэцаашками»*. (Наталья Радулова. Красавчик в доме // «Огонек», 2015). Эти слова – речевые маячки, определяющие не только сферу интересов, но и демонстрирующие мировоззренческие основы личности.

Сленгизмы помогают носителям языка относиться философски ко многим вещам, воспринимать их с юмором. Таким образом, человек обретает эмоциональное раскрепощение. Например: *Да это просто отмазка, чтобы больше с вами не общаться...* (Женщина + мужчина: Психология любви (форум)). С помощью сленгового слова человек репрезентует себя как свободную личность. Стиль общения, включающий сленгизмы, «позволяет говорящему выражать свои мысли быстро и одновременно оригинально» [Гареева, 2021, с. 130].

Нельзя не отметить и тот факт, что сленг содержит в себе эстетический компонент, ведь язык, несомненно, является способом воплощения творческой мысли. Я. С. Косякова, А. А. Мазовка полагают, что «сленгу присуща некоторая художественность, красота, изысканность. Человек, употребляющий сленгизмы, поступает нестандартно, неординарно, когда он изобретает и использует новую, яркую и остроумную лексику» [Косякова, Мазовка, 2017, с. 16]. Сленгизмы способны выступать в качестве экспрессивных средств, средств выразительности, средств, выражающих речевую специфику героя в художественном произведении. Например *Слу-ушай, – «у» растягивается, – у меня тут такое дело – я купил комп, ну беушный, конечно, так вот, я его включаю, а он чего-то не включается, ну то есть гудит, вроде у него там что-то шумит, а экран тёмный и ничего не видно* (Константин Крылов. В простоте // «Русская жизнь», 2012). В данном примере сленговые слова *комп* и *беушный* выступают маркерами интересов, интеллектуальных возможностей, показателями социального уровня говорящего. Сленгизмы, являясь эмоционально окрашенными словами, суггестивно выражают отношение к предмету речи, позволяя мимикрировать под определённую коммуникативную ситуацию. Н. И. Коробкина полагает, что «благодаря знанию и использованию таких социально дифференцированных номинаций пользователи языка чувствуют себя членами некой замкнутой общности, это их раскрепощает, делает общение более простым, доступным и быстрым» [Коробкина, 2021, с. 108].

Сленгизмы имеют кодифицированный литературный эквивалент (*комп* – *компьютер*), однако эмоционально-экспрессивная функция сленгового слова обладает акцентно-актуализированной задачей, в отличие от функции номинативной. Таким образом, сленгизм гармонично встраивается в кодовую систему коммуникации. Подобная система определяет говорящего по ключу кода «свой – чужой». Человек, получая своеобразный пропуск в общественную группу, самоутверждается, социализируется.

Описанная стратегия речевого поведения является принципиально важной для подростковой среды. Включение в привилегированную группу происходит благодаря кодовым словам – сленгизмам-маркерам, например *кринж, трэш, хайпануть, рофлить* и др. [СМС]. Для русского молодёжного сленга характерна особая метафоричность и образность. Так, нестандартное, «свежее» видение окружающего мира выражается в языковом коллективном творчестве. При этом отметим, что молодёжный сленг – не просто способ творческого самовыражения. С помощью сленгового слова молодой человек

репрезентует себя, представляет своё отношение к тому, о чем он говорит. Таким образом, изначально доминирующая коммуникативная функция отходит на второй план. Если студент сообщает, что *лаба была изи*, то это означает не просто констатацию факта: задания лабораторной работы были простыми. В этом микротексте заключено сообщение о каких-то личных переживаниях молодого человека. Также становится очевидным, что подобную фразу студент произносит среди сверстников, скорее всего, сокурсников. Объединяющий группу молодых людей культурный код, заложенный в этих трёх словах, дешифруется участниками беседы, позволяя воспринять прагматическую информацию об участниках предполагаемого диалога [Химик, 2003].

3. Заключение [Conclusion]

Итак, целью данной статьи было выявление лингвокультурологической роли русских сленгизмов, употреблённых в произведениях художественного и публицистического стилей. Анализ контекстных употреблений и словарных значений сленгизмов в 56 иллюстративных примерах позволил расширить представление о коммуникативных возможностях сленгового слова, его распространённости в современных произведениях, в ресурсах СМИ. При выявленной нерелевантности реализации сленгизмов в речи устойчивым остаётся повышенная экспрессия данных лексем.

Полученные результаты показывают, что культурные коды сленгизмов прямо пропорциональны социальным модуляциям. Многочисленные политические перипетии и нестабильность аксиологических ориентиров общества привели к смене культурных приоритетов и популярности тех элементов национального языка, которые характеризуются повышенной эмоциональностью. Примеры показали, что современный сленг, имея специфические функции, встраиваясь в систему культурных кодов, прежде всего отражает отношение общества к действительности. С помощью сленгизмов человек может показать, как он себя позиционирует в социальном пространстве, насколько он точно занял свою общественную нишу, что чувствует, о чём переживает. Представленные варианты кодов позволяют спрогнозировать возможный тактико-стратегический ресурс сленгизмов, поскольку кодовая система предполагает формирование риторически воздействующей стратегии.

Библиографический список

- Барт, 1989 – Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
- Береговская, 1996 – Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32–41.
- Библиева, 2007 – Библиева О. В. Молодежный сленг как форма репрезентации молодежной культуры в средствах массовой информации // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 304. С. 62–65.
- Гареева, 2021 – Гареева Л. М. Современный молодежный сленг: его источники и разновидности // МНИЖ. 2021. № 9–3 (111). С. 129–131. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.9.111.095>
- Дукальская, 2011 – Дукальская И. В. Лингвокультурный код как средство формирования коммуникативной компетенции // Альманах современной науки и образования. 2011. № 4 (47). С. 128–129.
- Захарова, Шуваева, 2014 – Захарова Л. А., Шуваева А. В. Словарь молодёжного сленга (на материале лексики студентов Томского государственного университета) : учеб.-метод. пособие. Томск : Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2014. 126 с.
- Коробкина, 2021 – Коробкина Н. И. Окказиональные сленгизмы как социально дифференцированные номинации в коммуникативном пространстве современного русского языка // Известия ВГПУ. 2021. № 6 (159). С. 105–109.

- Косякова, Мазовка, 2017 – Косякова Я. С., Мазовка А. А. Особенности современного молодежного сленга // Молодой ученый. 2017. № 22.1. С. 14–16. URL : <https://moluch.ru/archive/156/44304/> (дата обращения : 02.05.2018).
- Маслова, Пименова, 2016 – Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М. : Флинта, 2016. 180 с.
- Матюшенко, 2007 – Матюшенко Е. А. Современный молодёжный сленг: формирование и функционирование : дисс. канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 188 с.
- Никитина, 2003 – Никитина Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга: слова, непонятные взрослым. М. : Астрель : АСТ, 2003. 736 с.
- Редкозубова, 2019 – Редкозубова Е. А. Функционирование сленгизмов в заголовках англоязычных газетных и журнальных статей // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 184–191. <https://doi.org/10.23683/2070-1403-2019-77-6-184-191>
- Симбирцева, 2016 – Симбирцева Н. А. «Код культуры» как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. <https://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.12>
- СМС – Словарь современного молодёжного сленга. URL : <http://www.paco.net>
- Химик, 2003 – Химик В. В. Прагматика молодежного сленга и текст // Эстетическая природа художественного текста, типы его изучения и их методическая интерпретация. Международная конференция-семинар : тезисы докладов. СПб., 2003. С. 61–62.
- Partridge, 1933 – Partridge E. Slang: Today and Yesterday. London, 1933. 476 p.

References

- Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Translated from French. Ed. by G. K. Kosikova. Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Beregovskaya, E. M. (1996). Molodezhnyy sleng: formirovanie i funktsionirovanie [The youth slang: Formation and functioning]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 3, 32–41. (In Russ.).
- Biblieva, O. V. (2007). Molodezhnyy sleng kak forma reprezentatsii molodezhnoy kul'tury v sredstvakh massovoy informatsii [Youth slang as a form of representation of youth culture in the media]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal of Philology], 304, 62–65. (In Russ.).
- Dukalskaya, I. V. (2011). Lingvokul'turnyy kod kak sredstvo formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii [Linguistic and cultural code as a means of forming communicative competence]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 4 (47), 128–129. (In Russ.).
- Gareeva, L. M. (2021). Sovremennyy molodezhnyy sleng: ego istochniki i raznovidnosti [Modern youth slang: Its sources and varieties]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International scientific research journal]. 2021. №9–3 (111), 129–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.9.111.095>
- Zakharova, L. A., Shuvaeva, A. V. (2014). *Slovar' molodyozhnogo slenga (na materiale leksikona studentov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Dictionary of youth slang (Based on the vocabulary of students of Tomsk State University)] : A coursebook. Tomsk: Tomsk State University Press. (In Russ.).
- Korobkina, N. I. (2021). Okkazional'nye slengizmy kak sotsial'no differentsirovannyye nominatsii v kommunikativnom prostranstve sovremennoy russkogo yazyka [Occasional slangisms as socially differentiated nominations in the communicative environment of the modern Russian language]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University], 6 (159), 105–109. (In Russ.).
- Kosyakova, Ya. S., Mazovka, A. A. (2017). Osobennosti sovremennoy molodezhnoy slenga [Features of modern youth slang]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 22.1, 14–16. Retrieved May 2, 2018 from <https://moluch.ru/archive/156/44304/>. (In Russ.).
- Maslova, V. A., Pimenova, M. V. (2016). *Kody lingvokul'tury* [Linguistic culture codes]. Moscow : Flinta Press. (In Russ.).

- Matyushenko, E. A. (2007). *Sovremennyy molodyozhnyy sleng: formirovanie i funktsionirovanie* [Modern youth slang: Formation and functioning]: PhD in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State Socio-Pedagogical University. (In Russ.).
- Nikitina, T. G. (2003). *Tolkovyy slovar' molodezhnogo slenga: Slova, neponyatnye vzroslym* [Explanatory dictionary of youth slang: Words incomprehensible to adults.]. Moscow : Astrel' Press : AST Press. (In Russ.).
- Redkozubova, E. A. (2019). Funktsionirovanie slengizmov v zagolovkakh angloyazychnykh gazetnykh i zhurnal'nykh statey [Slang functioning in English newspaper and magazine headlines]. *Gumanitarnye i social'nye nauki* [The Humanities and Social Sciences], 6, 184–191. (In Russ.). <https://doi.org/10.23683/2070-1403-2019-77-6-184-191>
- Simbirtseva, N. A. (2016). «Kod kul'tury» kak kulturologicheskaya kategoriya [“Code of culture” as a category of culturology]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1. (In Russ.). <https://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.12>
- Slovar' sovremennogo molodyozhnogo slenga [Dictionary of modern youth slang] (SMS) (n. d.). Retrieved from <<http://www.paco.net>> (In Russ.).
- Khimik, V. V. (2003). Pragmatika molodezhnogo slenga i tekst [Pragmatics of youth slang and text]. *Esteticheskaya priroda khudozhestvennogo teksta, tipy ego izucheniya i ikh metodicheskaya interpretatsiya* [Aesthetic nature of a literary text, types of its study and their methodological interpretation] : Conf. Proc. (pp. 61–62). St Petersburg. (In Russ.).
- Partridge, E. (1961). *Slang: Today and Yesterday*. London.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 03.02.2023; принята к публикации 17.02.2023.
The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 03.02.2023; accepted for publication 17.02.2023

Сюткина Надежда Павловна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
nad975@yandex.ru

Механизмы интенсификации в категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы межкатегориального взаимодействия в эмотивно-интенсивно-каузативном категориальном семантическом комплексе. В центре внимания находятся интенсификаторы, то есть лексические единицы со значением усиления. В рассматриваемой ситуации каузации эмоциональной модификации функция этих единиц состоит в том, чтобы подчеркнуть большую или меньшую степень испытываемой эмоции. В ходе теоретического анализа продемонстрировано, что межкатегориальное взаимодействие в эмотивно-каузативном категориальном семантическом комплексе происходит на уровне пересечения тесно связанных категорий эмотивности, экспрессивности и интенсивности. Экспрессивные и интенсивные единицы трудно дифференцировать, поскольку они подчинены единой задаче – указать на силу каузируемой эмоции. Таким образом, функционально эти категории являются родственными. Анализ материала показал, что в качестве лексических средств интенсификации выступают прилагательные и наречия со значением меры, степени, частотности, эмоций и качеств. Выявлено, что интенсификаторы, относящиеся к семантической группе эмоций (*ужасно, страшно, страстно* и т. п.), обладают широким функциональным потенциалом и подвержены десемантизации. В этой группе превалируют единицы, актуализирующие негативную эмотивную семантику. Путь от первичного значения к десемантизации показан на примере лексической единицы *ужасно* и ряда её производных с аналогичной семантикой.

Ключевые слова: каузативный глагол, эмотивный каузатив, категория каузативности, категориальный семантический комплекс, интенсификатор, десемантизация, грамматикализация

© Сюткина Н. П. 2023

Для цитирования: Сюткина Н. П. Механизмы интенсификации в категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 108–116. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_108

Nadezhda P. Syutkina
Perm State University,
Perm, Russian Federation
nad975@yandex.ru

Mechanisms of intensification in the categorical situation of cause of emotional modification

Abstract

The article considers the issues of intercategory interaction in the emotive-intensive-causative categorical semantic complex. The focus is made on intensifiers viewed as lexical units with the meaning of amplification. In the situation of emotional causality modification, the task of the intensifier is to emphasize a certain degree of the experienced emotion. Literature analysis shows that intercategory interaction in the emotive-causative categorical semantic complex occurs within the overlap of closely related categories of emotiveness, expressiveness and intensity. Being functionally related, expressive and intensification units are difficult to

differentiate, since they perform one and the same function – to indicate the strength of the caused emotion. The material analysis enabled to demonstrate that adjectives and adverbs with the meaning of measure, degree, frequency, emotions and qualities act as lexical means of intensification. It was discovered that the intensifiers belonging to the semantic group of emotions (*terrible, scary, passionate*, etc.) have a wide functional potential and are subject to desemantization. In this group, units that actualize negative emotive semantics prevail. The way from primary meaning to desemantization is exemplified by the lexical unit *uzhasno* 'terrible' and its derivatives with the similar meaning.

Keywords: causative verb, emotive causative, category of causality, categorical semantic complex, intensifier, desemantization, grammaticalization

© Syutkina N. P. 2023

For citation: Syutkina, N. P. (2023). Mekhanizmy intensifikatsii v kategorial'noy situatsii kauzatsii emotsional'noy modifikatsii [Mechanisms of intensification in the categorical situation of cause of emotional modification]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 108–116. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_108

1. Введение [Introduction]

В фокусе нашего внимания находятся аспекты межкатегориального взаимодействия в ситуации каузации эмоциональной модификации. Рассматривая подобную ситуацию с позиций когнитивного подхода, мы будем подходить к ней как к сценарию, то есть «последовательности нескольких эпизодов во времени; стереотипным эпизодам с признаком движения, развития. Фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов» [Попова, Стернин, 2007, с. 83]. Рассматриваемая нами ситуация предполагает следующую последовательность действий: каузатор оказывает воздействие на объект каузации с целью эмоционального воздействия, результат этого воздействия актуализируется эмотивным каузативным глаголом. Таким образом, тремя обязательными участниками этого сценария являются: каузатор, объект каузации и результат каузации.

Важно учитывать, что испытываемые эмоции накладывают свой отпечаток на характер взаимодействия между участниками сценария. Это обусловлено самим характером эмоций, поскольку, «сопровождая практически любые проявления жизнедеятельности организма, эмоции отражают в форме непосредственного переживания значимость (смысл) явлений и ситуаций, состояний организма и внешних воздействий и служат одним из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение актуальных потребностей (мотивации)» [ФЭ]. Положительные и отрицательные эмоции выполняют определённые функции: полезные воздействия вызывают положительные эмоции, побуждая субъекта к их повторению и сохранению, отрицательные же стимулируют деятельность, направленную на избегание вредных воздействий. То есть мы имеем дело с основной мотивационной базой деятельности человека. Поскольку в наши задачи входит рассмотрение языкового проявления эмоциональности, стоит принимать во внимание, что «эмотивная семантика языка является <...> нечётким семантическим множеством» [Шаховский, 2019, с. 19]. Действительно, эмоции неизменно сопровождают человека в любой сфере, они пронизывают всю его жизнь. Поэтому «эмотивная семантика – это область непредметной референции, она подвержена субъективной интерпретации и субъективным употреблением, которые не всегда моделируются и не имеют предельно заданных закономерностей» [Там же, с. 19]. Таким образом, мы имеем дело с неограниченным ресурсом языковых средств, способных, с одной стороны, отражать эмоции, а с другой стороны – вызывать их, поскольку практически каждая единица в зависимости от среды, в которой она функционирует, и от прагматиче-

ских намерений говорящего, обладает эмотивным потенциалом, о чём писал В. И. Шаховский: «Лексикографическое отражение эмотивной семантики неполно, и не может быть отражено полностью, ибо в каждом речевом акте смысловая интерпретация одного и того же эмотива своя. Она бесконечна, как и эмотивная валентность слова» [Там же, с. 19].

2. Анализ интенсификаторов в категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации [Analysis of intensifiers in the categorical situation of emotional modification causation]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Источниками материала для исследования послужили данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и исследовательского ресурса Google Books Ngram Viewer [Ngram]. Мы обратились к интенсификаторам в ситуации каузации эмоциональной модификации, поэтому отбор эмпирического материала проводился в указанных ресурсах по базовым эмотивным каузативам русского языка (см. о базовых эмотивных каузативах [Шустова, Сюткина 2020, с. 111, 123, 134]). Методами сплошной и направленной выборки были отобраны примеры функционирования таких глаголов с интенсификаторами, то есть с такими лексическими единицами, которые служат для усиления, в нашем случае – каузируемой эмоции, и, как результат, повышения экспрессивной силы высказывания. Далее с помощью контекстуального анализа и описательного метода были определены функции интенсифицирующих единиц, и на примере интенсификатора *ужасно* было рассмотрено явление десемантизации, свойственное этим единицам.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В центре нашего внимания находятся вопросы взаимодействия категории эмотивности со смежными категориями (о межкатегориальном взаимодействии также см. [Архипова 2022 а, б, Шустова 2021]). Таковыми являются в первую очередь экспрессивность и интенсивность. Именно актуализаторы этих категорий увеличивают эмотивный потенциал языковых средств. В качестве примера рассмотрим следующее высказывание:

• *Ох, и разозлила его ведьма! Никто его ещё не злил настолько глубоко, проникновенно* (Ngram).

В приведённом примере мы наблюдаем актуализатор экспрессивности – междометие *ох*, которое функционирует с союзом *и*, выполняющим здесь функцию усиления. Во второй части высказывания в качестве определения меры воздействия используется актуализатор степени интенсивности, определяющий степень, меру эмоционального воздействия, – наречие *насколько*. Актуализаторы экспрессивности и интенсивности служат для выражения силы каузируемой эмоции. Подобное межкатегориальное взаимодействие наглядно представляет эмотивно-экспрессивно-интенсивно-каузативный семантический комплекс и его реализацию в речи.

Взаимодействие категорий эмотивности, экспрессивности и интенсивности задано их тесной взаимосвязью. Часто их трудно дифференцировать, поскольку они функционируют в одной категориальной ситуации – ситуации эмоционального воздействия, и выполняют одну задачу – обозначить силу эмоции, степень её проявления и, тем самым, меру эмоционального воздействия. Указание на подобную тесную связь находим у И. И. Туранского: «Интенсивность есть мера количества экспрессивности, интенсификация служит сигналом того, что высказывание является стилистически не нейтральным, т.е. экспрессивным, интенсификаторы, репрезентирующие категорию интенсивности, помогают определить, в какой мере высказывание экспрессивно» [Туранский, 1990, с. 17]. В этом аспекте категории эмотивности и интенсивности проявляют схожие черты, связанные с

субъективным характером: «Интенсивность (яркость) одного и того же слова различна в различных ситуациях, реакция различных адресатов на один и тот же эмотив различна в различных ситуациях» [Шаховский, 2019, с. 19]. Таким образом, важно помнить о прагматическом аспекте категорий эмотивности и интенсивности – в подборе языковых средств для участников ситуации главную роль играет прежде всего субъективная значимость.

Обратимся к интенсификаторам, функционирующим с эмотивными каузативами. Нас интересуют лексические средства выражения категории интенсивности, т. е. слова и словосочетания, в которых одно или несколько слов служат для усиления другого слова. Усиление слова – это отражение на лексическом уровне интенсификации в реальной действительности внеязыкового факта, который обозначает данное слово. Эмотивные каузативы подразделяются на три основных класса: положительной эмоциональной модификации (*радовать, восхищать, очаровывать* и т.д.), отрицательной (*огорчать, гневить, пугать, злить* и т.д.) и нейтральной (*интересовать, настраивать* и т.д.). Однако слова и словосочетания, функцией которых является усиление какого-либо признака, обладают широкой семантикой и сочетаются с каждым из трёх классов.

- *Однако в процессе беседы и сам сумел **безмерно удивить** молодых людей* (Ngram).
- *Она и так **удивила и насторожила** его **безмерно** известием о своем приезде* (Ngram).
- *Но и укор был в его лице, словно Санек **огорчает** его **безмерно*** (Ngram).
- *Вы отвечаете на мои письма, любезный друг; вот что меня **безмерно радует** и заставляет благодарить от всего сердца* (Ngram).
- *Бразильцы **страстно поддерживают** пилотов, и трибуны практически всегда заполнены* (Ngram).
- *Этот человек стал **страстно ругать** поэта Александра Блока. Именно потому, что Греков очень любил стихи Блока, он прислушался к словам сердитого гостя* (Ngram).
- *Меня **страстно интересуют** люди из трамвая* (Ngram).
- *Периодические нотации матери на эту тему **сильно злили*** (Ngram).

В приведённых примерах интенсификаторы *безмерно, сильно* и *страстно* могут служить для обозначения высокой степени проявления как положительных, так и отрицательных и нейтральных эмоций.

В качестве интенсификаторов могут использоваться наречия, прилагательные, предложные группы со следующими значениями:

- **меры, степени:** *глубоко, безмерно, больше всего крайне, чрезвычайно, особенно, изрядно, полностью, всей душой, всеми силами души, всеми фибрами души, без удержу, вконец, крупно, сильно, до основания;*
- **частотности:** *часто, постоянно, беспрестанно, вечно;*
- **эмоций:** *страшно, ужасно, бешено, страстно, фанатично, яростно, мучительно, лютю, пылко, горько, серьёзно, отчаянно, зло, сурово, жестоко; до глубины души, до слёз, до потери сознания, до смерти, до чёртиков, до безумия;*
- **качества:** *смертельно, здорово, необыкновенно, хуже горькой редьки, как горькая редька, тяжело / тяжко, кровно, невероятно, горячо, адски, дико, последними словами, на чём свет стоит.*

Функции интенсификаторов чаще выполняют наречия и прилагательные. Но активно пополняют класс интенсифицирующих единиц эмотивные прилагательные, и прежде всего те, которые актуализируют отрицательные эмоции. Они десемантизируются и берут на себя функцию усиления значения, признака. Семантика интенсификаторов из группы эмоций и качеств преимущественно негативная, поскольку отрицательные эмоции, действительно, психологически переживаются человеком более интенсивно и длительно, в отличие от положительных. Поэтому неудивительно, что именно лексемы, значение которых связано с отрицательными эмоциями и качествами, используются для

интенсификации других речевых единиц. При этом интенсифицируемая единица может обладать как положительной, так и отрицательной семантикой, что свидетельствует о десемантизации интенсификатора.

- *Папка сегодня вечером ужасно обрадовал меня. Оказывается, он встречался со своим приятелем и разговаривал с ним по поводу работы для Риткиной мамы (Ngram).*

- *Дети ужасно раздосадовали его, и, улёгшись в постель, он никак не мог отделаться от охватившего его раздражения, которое только нарастало в нём (Ngram).*

Десемантизация лексических единиц и приобретение ими грамматических функций, то есть грамматикализация, – вопросы актуальные в современной лингвистике, поскольку они позволяют проследить способы и пути языковых изменений. Грамматикализация рассматривается как процесс «обобщения, абстрагирования, отвлечения от конкретного лексического содержания» и результат этого процесса – «утрата словом лексической самостоятельности в связи с привычным употреблением его в служебной функции» [Ахманова, 2005, с. 114]. Следует отметить, что грамматикализации подвержена прежде всего такая единица языка, которой присуща способность «быть использованной для описания более широкого круга явлений, чем тот, который соответствует её основному значению» [Майсак, 2005, с. 89]. Процесс десемантизации выражается в том, что изменяется категориальный статус языковой единицы, то есть лексема переходит в другой морфологический класс, что мы и наблюдаем на примере интенсификаторов. Так, в рассматриваемом нами случае интенсификатор-прилагательное переходит в класс наречий, а предложные группы становятся устойчивыми сочетаниями фразеологического характера с зафиксированным значением усиления. Таким образом, в эмотивно-интенсивно-каузативном категориальном семантическом комплексе появляются устойчивые сочетания, выступающие в роли интенсификаторов: *до ужаса, до безумия, до чёртиков, до жути, сил нет как, до чего, до того, до глубины души, до потери сознания, до крайности, до слёз* и т. п.

- *Он до чёртиков напугал Адама, говоря сразу несколькими голосами (Ngram).*

- *Вчерашний приход ко мне пана полковника до того польстил мне, до того меня обрадовал, что я поневоле... от полноты сердца... опрокинул лишний «кельх», а остальное уже было дело румяного Бахуса (Ngram).*

Стоит отметить, что для десемантизируемой единицы характерно увеличение частотности употребления. В этом аспекте интенсификаторы представляют особый интерес с точки зрения языковой динамики, поскольку «диахроническая эволюция таких выражений отличается высоким темпом; кроме того, естественный язык обычно обладает обширным инвентарем интенсификаторов, сосуществующих синхронно и отражающих различные стадии процесса грамматикализации» [Герасимов, 2016, с. 336–337]. Следовательно, интенсификаторы позволяют проследить разные стадии процесса грамматикализации лексических единиц. Слова с семантикой негативных эмоций являются показательными в этом аспекте, они представляют собой неиссякаемый источник интенсификаторных выражений (ср. [Плунгян, Рахилина 2012, с. 509–517; Плунгян 2013]), путь десемантизации которых очень быстр. Путь семантического развития в ходе грамматикализации выглядит следующим образом: сначала выражение используется со своим исходным значением в самом широком круге контекстов (этап 1). Затем появляется особый контекст, называемый «связывающим» (bridging context), в котором наряду с основным значением возможна и другая интерпретация выражения, причём последняя предпочтительна (этап 2). После этого возникают «контексты переключения», в которых исходное значение уже невозможно – в них выражение выступает только с новым значением (этап 3). Наконец, новое значение становится полностью самостоятельным и уже не зависит от контекста; оно может быть использовано в широком круге ситуаций – наступает стадия «конвенциализации» значения (этап 4) [Майсак, 2005, с. 43; Ferraresi 2014, с. 19].

Нижеприведённые примеры демонстрируют функционирование интенсификатора *ужасно* в разных значениях, соответствующих этим четырём этапам. Так, следующие примеры свидетельствуют об употреблении наречия в прямом значении:

- *Она ковырнулась, вот что... Пап, там у них так ужасно... Пап, столько крови...* (НКРЯ).

- – *Что ужасно?* – *раздразнился Павел Алексеевич.* – *Да всё ужасно.* *И что Лизавета эта умерла* (НКРЯ).

- *Ужасно* *безутешное положение преступника, когда ожидание заслуженной, близкой казни разбудит в нём усыпленную совесть и когда он, ужаснувшись самого себя, почувствует, что ни в небе, ни на земле не осталось уже для него спасения* (НКРЯ).

- *Как он ужасно смотрел на меня исподлобья, как будто хотел проглотить; как он дерзко схватил меня за руку!* (НКРЯ).

- *Вы замечали, наверное, как ужасно действует спина уходящего человека на того, кто его любит?* (НКРЯ).

- *Он забыл сан свой, забыл все приличия, кинулся на извещавших народ бояр, и вслед за ними, не помня себя, вторгся в Большую палату. Состояние его было ужасно. То припадал он к телу отца своего, плача кровавыми слезами, то бегал по опустелым палатам дворца, исторгая волосы с головы, кусая руки* (НКРЯ).

Далее в ряде контекстов мы наблюдаем «размывание» значения – наряду с основным значением 'вызывая ужас' мы можем интерпретировать анализируемый интенсификатор как актуализатор значения 'очень, сильно', при этом отрицательная семантика ещё сохраняется.

- *Он говорил слово в слово то же, что моя мать. Почему-то меня это ужасно поразило* (НКРЯ).

- *Отец не говорил ни слова, но дрожал, хотя показывал или старался показывать, что не был встревожен... я поскорее взял ишапу и ушёл; потом я узнал, что Павел Григорич его ужасно бранил и даже проклял, говорят, но я не верю...* (НКРЯ).

- *Ротшильд вдруг ему ужасно противен, Яков бросился на него с кулаками* (НКРЯ).

- *Ужасно* *было смотреть на него в этом положении* (НКРЯ).

- *Вот уже три месяца с лишком не получаю от тебя, моя милая, ни строки, и это меня ужасно беспокоит* (НКРЯ).

В следующих контекстах мы наблюдаем полную утрату прямого значения и актуализацию исключительно переносного значения:

- *Эта милая, ужасно обаятельная женищина твёрдой рукой сделала целый ряд замечательных комедий* (НКРЯ).

- *Не знаю, почему, но он мне ужасно нравился* (НКРЯ).

- *Мне кажется, у меня с юности такого не было – ужасно тебя люблю...* (НКРЯ).

- *Я бы сказал: всё как-то очень неожиданно. Ужасно неожиданно* (НКРЯ).

Таким образом, мы можем наблюдать все этапы развития интенсификатора *ужасно*. На первом этапе его функция заключается в описании негативных событий как физического, так и психического порядка. Далее мы можем заметить, как происходит увеличение объёма значения и перенос его исключительно в сферу эмоций при сохранении негативной семантики. Функция лексемы здесь заключается скорее в описании и оценке эмоционального состояния как крайне негативного. На последнем этапе мы видим полную утрату лексемой своего значения и её переход в функциональный класс усилителей значения независимо от семантики усиливаемых единиц. Так, в результате семантического развития был получен интенсификатор, обозначающий очень высокую степень признака. В этой же роли начинает выступать и весь ряд производных с аналогичной семантикой: *до ужаса*, *ужас как*, *ужасающе* и т. п. Налицо определённая когнитивная стратегия, которая состоит в том, что с помощью лексических средств с ярко выраженной негативной эмотивной семантикой можно выразить высокую степень интенсивности. То

есть мы можем говорить о когнитивном механизме актуализации категориальной ситуации интенсификации. Так же и экспрессивные средства теряют своё значение, становясь средством интенсификации. В рассматриваемой ситуации каузации эмоциональной модификации интенсификаторы, семантика которых связана изначально с негативными эмоциями, частотны. Можно говорить об их десемантизации и переходе в класс наречий.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование показало, что интенсификаторы представляют собой обширный класс лексических единиц, которые можно разделить на разные семантические классы: меры, степени, частотности, эмоций, качеств и другие. Особый интерес вызвали лексические единицы с эмотивной семантикой, прежде всего негативной. На материале Национального корпуса русского языка и исследовательского ресурса Google Books Ngram Viewer удалось проследить функционирование когнитивного механизма интенсификации. Выявлено, что подобные единицы являются источником десемантизированных единиц, которые переходят в класс наречий с функцией усиления значения. Это связано с тем, что именно негативные эмоции переживаются человеком наиболее интенсивно. Соответственно, мы можем наблюдать путь их десемантизации. В данной статье мы рассмотрели функционирование указанных единиц на примере категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации со словом *ужасно*, которое от своего прямого значения в результате семантического развития преобразовалось в интенсификатор, обозначающий очень высокую степень признака.

К перспективам исследования относится анализ функционального потенциала интенсификаторов из других семантических групп и процессов их десемантизации и грамматикализации. Важным аспектом исследования является тщательная проработка проблемы взаимодействия в эмотивно-каузативном категориальном семантическом комплексе категорий интенсивности и экспрессивности. Таким образом, анализ функционирования эмотивно-интенсивно-экспрессивно-каузативного категориального семантического субкомплекса станет следующим этапом в исследовании эмотивных каузативов.

Библиографический список

- Архипова, 2022 а – Архипова И. В. Актуализация таксиса как результат межкатегориальных взаимодействий // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 4–12.
- Архипова, 2022 б – Архипова И. В. Таксис и финальность: вопросы межкатегориальной связи // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 60–68. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-60-68>
- Ахманова, 2005 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд., стер. М.: КомКнига, 2005. 576 с.
- Герасимов, 2016 – Герасимов Д. В. Интенсификатор до ужаса в русском языке на пути грамматикализации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. XII, № 1. С. 336–363.
- Майсак, 2005 – Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры. 2005. 480 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения : 20.02.2022).
- Плунгян, 2013 – Плунгян В. А. Жуть и жуткий: от мистицизма к просторечию // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина» М.: Азбуковник, 2013. С. 145–153.
- Плунгян, 2012 – Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Из корпусных наблюдений над лексикой: о семантической эволюции и «лексических маркерах» // Revue des Études Slaves. 2012. Vol. 83, Iss. 2. P. 499–530.

- Попова, 2007 – Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж : Истоки, 2007. 250 с.
- Сепир, 1985 – Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 43–79.
- Туранский, 1990 – Туранский И. И. Содержание и выражение интенсивности в английском языке : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.04. Нижний Новгород, 1990. 310 с.
- ФЭ – Философская энциклопедия. 2022. URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy(дата обращения : 10.01.2022)
- Шаховский, 2019 – Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Книжный дом «Либроком», 2019. 206 с.
- Шустова, 2020 – Шустова С. В., Сюткина Н. П. Рациональное и эмоциональное в грамматике: эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс // Ratio et Emotio: Рациональное и эмоциональное в языке и речи. СПб. : Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2020. С. 72–169.
- Шустова, 2021 – Шустова С. В. Инструментальность в каузативной ситуации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 82–89. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2021-3-82-89>
- Ferraresi, 2014 – Ferraresi G. Grammatikalisierung. Heidelberg : Winter, 2014. 100 S.
- Ngram – Google Books Ngram Viewer. URL : <https://books.google.com/ngrams/graph?content> (дата обращения : 20.02.2022).

References

- Arkhipova, I. V. (2022 a). Aktualizatsiya taksisa kak rezul'tat mezhkategorial'nykh vzaimodeystviy [Actualization of Taxis as a result of intercategoryal interactions]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 4, 4–12. (In Russ.)
- Arkhipova, I. V. (2022 b). Taksis i final'nost': voprosy mezhkategorial'noy svyazi [Taxis and finality: Issues of inter-categoryal communication]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian Studies. History and Philology], 5, 60–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-60-68>
- Akhmanova, O. S. (2005). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 3d edn. Moscow : KomKniga Press. (In Russ.).
- Gerasimov, D. V. (2016). Intensifikator “do uzhasa” v russkom yazyke na puti grammatikalizatsii [Russian degree modifier do uzhasa on the grammaticalization path]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Transactions of the Institute for Linguistic Studies], XII (1), 336–363. (In Russ.).
- Maysak, T. A. (2005). *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktivnykh s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii*. [Typology of grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- NKRYa (n. d.). Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Retrieved from <<https://ruscorpora.ru/new>>.
- Plungyan, V. A. (2013). Zhut' i zhutkiy: ot mistitsizma k prostorechiyu [Horror and horrible: From mysticism to vernacular]. *Avtorskaya leksikografiya i istoriya slov: K 50-letiyu vykhoda v svet «Slovarya yazyka Pushkina»* [Author's lexicography and the history of words: 50 years from publishing “Dictionary of Pushkin language”] (pp. 145–153). Moscow : Azbukovnik Press. (In Russ.).
- Plungyan, V. A., Rahilina, E. V. (2012). Iz korpusnykh nablyudeniy nad leksikoy: o semanticheskoy evolyutsii i «leksicheskikh markerakh» [From corpus observations on vocabulary: Semantic evolution and “lexical markers”]. *Revue des Études Slaves*, 83 (2), 499–530. (In Russ.).
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language]. 2nd edn., with corrections and addenda. Voronezh : Istoki Press. (In Russ.).
- Sapir, E. (1985). Graduирование [Grading]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics] (Vol. 16 : Lingvisticheskaya pragmatika. [Linguistic pragmatics], pp. 43–79). Moscow : Progress Press. (In Russ.).

- Turanskiy, I. I. (1990). *Soderzhanie i vyrazhenie intensivnosti v angliyskom yazyke*. [Content and intensity expression in English]. PhD in Philological sci. dis. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
- FE (n. d.). *Filosofskaya enciklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. Retrieved October 2022 from <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy>.
- Shakhovskiy, V. I. (2019). *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language]. Moscow : Librokom Press. (In Russ.).
- Shustova, S. V., Syutkina, N. P. (2020). Ratsional'noe i emotsional'noe v grammatike: emotivno-kauzativnyy kategorial'nyy semanticheskyy kompleks [Ratio and emotio in grammar: Emotive-causative categorial semantic complex]. *Ratio et Emotio: Ratsional'noe i emotsional'noe v yazyke i rechi* [Rational and emotional in language and speech] (pp. 72–169). St Petersburg : Russian Christian Academy for the Humanities Press. (In Russ.)
- Shustova, S. V. (2021). Instrumental'nost' v kauzativnoy situatsii [Instrumentality in a causative situation]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*. [Humanitarian research. History and Philology], 3, 82–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2021-3-82-89>
- Ferraresi, G. (2014). *Grammatikalisierung*. Heidelberg : Winter.
- Ngram (n. d.). Google Books Ngram Viewer. Retrieved October 2022 from <<https://books.google.com/ngrams/graph?content>>.

Статья поступила в редакцию 24.11.2022; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.
The article was submitted 24.11.2022; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 27.02.2023.

Тананайко Светлана Олеговна✉, Денисьева Марина Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
stananaiko@mail.ru

Перцептивные характеристики звука [š':] в русском языке

Аннотация

Вопрос о фонематическом статусе согласного [š':] в русском языке до сих пор является дискуссионным. Это связано с рядом особенностей этого звука. Во-первых, [š':] не имеет в русском языке звонкой пары. Во-вторых, непонятно, имеет ли этот мягкий шипящий соответствующую твёрдую пару, так как [š':] отличается от [š] не только мягкостью, но и долготой, при том что долгота как дифференциальный признак согласных для системы русских согласных совершенно не характерна. Целью данной работы является изучение перцептивных характеристик [š':], чтобы прояснить, изменение каких именно его параметров может оказать влияние на его восприятие. Результаты трёх экспериментов по восприятию с пересадкой [š':] на место аффрикаты [č], с сокращением длительности [š':] и в контексте слога и комбинации слогов показали, что 1) замена в основном ухудшала восприятие; 2) длительность не является дифференциальным признаком изучаемого согласного ввиду отсутствия реакции на сокращение до средней длительности [š]; 3) интервокальная позиция способствует опознанию согласного как смычного, а начальнослоговая и перед согласным – как щелевого, но в целом согласный чаще воспринимался как щелевой. Полученные результаты свидетельствуют о том, что [š':] является, очевидно, самостоятельной фонемой, а не бифонемным сочетанием.

Ключевые слова: фонологический статус, перцептивные характеристики, экспериментальная фонетика, русский литературный язык, мягкие шипящие в русском языке

© Тананайко С. О., Денисьева М. В. 2022

Для цитирования: Тананайко С. О., Денисьева М. В. Перцептивные характеристики звука [š':] в русском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 117–125. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_117

Svetlana O. Tananaiko✉, Marina V. Denisieva
St Petersburg State University
St Petersburg, Russian Federation
stananaiko@mail.ru

Perceptual features of the sound [š':] in Russian

Abstract

The phonemic status of a consonant [š':] in Russian is still a debatable issue. It is due to a number of features characteristic for this sound. First, [š':] does not have a voiced pair in Russian. Secondly, it is unclear whether this palatalized sibilant has a corresponding non-palatalized pair, since [š':] differs from [š] not only in palatalization but also in length, despite the fact that length as a distinctive feature is completely alien for the system of Russian consonants. The present paper aims to study the perceptual features of [š':] in order to clarify which changes in its parameters may influence its perception. The results of three experiments to perceive stimuli (i) with [č] replaced by [š':], (ii) with [š':] duration reduced and (iii) in the context of a syllable and a combination of syllables showed that the replacement generally deteriorated the discrimination task performance while duration decrease did not produce such an effect meaning that duration cannot be viewed as a distinctive feature of the consonant. Although in the two types of context the consonant was more often perceived as fricative,

intervocalic position could result in perceiving an occlusive consonant while syllable-initial position and the previous consonant increased the number of fricative responses. The obtained results add more grounds to considering [š':] as a Russian phoneme and not a combination of two other phonemes.

Keywords: phonological status, perceptual features, experimental phonetics, Russian standard language, palatalized sibilants in Russian

© Tananaiko S. O., Denisieva M. V. 2023

For citation: Tananaiko, S. O., Denisieva, M. V. (2023). *Pertseptivnye kharakteristiki zvuka [š':] v russkom yazyke* [Perceptual features of the sound [š':] in Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 117–125. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_117

1. Введение [Introduction]

Вопрос о фонематическом статусе согласного [š':] в русском языке до сих пор является дискуссионным. Это связано с рядом особенностей этого звука. Во-первых, [š':] не имеет в русском языке звонкой пары, так как звук [ž':] употребляется редко и свойствен лишь московской норме. Во-вторых, непонятно, имеет ли этот мягкий шипящий соответствующую твёрдую пару, ведь [š':] отличается от [š] не только мягкостью, но и, согласно традиционному мнению, долготой. Долгота как дифференциальный признак согласных для системы русских согласных совершенно не характерна, а если и существует, то исключительно для пары /š/ – /š':/ и, согласно московской норме, /ž/ – /ž':/.

Рассмотрим точки зрения на этот вопрос представителей Московской фонологической школы. А. Н. Гвоздев доказывает точку зрения о монофонемности долгих мягких шипящих (он выделял и [š':], и [ž':] согласно московской норме середины XX века) тем фактом, что они не имеют соответствующих кратких пар. Таким образом, долгие согласные не могут представлять сочетание двух кратких [Гвоздев, 1973, с. 17]. Р. И. Аванесов, один из крупнейших исследователей русской произносительной нормы и представитель Московской фонологической школы, считал, что «на месте буквы «щ» произносится двойной мягкий фрикативный согласный ш: [ш'ш']», [Аванесов, 1984, с. 113]. А. А. Акишина и С. А. Барановская говорят о том, что [š':] и [ž':] «выступают в русском языке только как долгие согласные» [Акишина, Барановская, 1980, с. 63], и также признают их в качестве самостоятельных фонем.

Крупнейшие представители Ленинградской (ныне Петербургской, или Щербовской) фонологической школы Л. В. Щерба [Щерба, 1983, с. 43–44] и его ученик Л. Р. Зиндер [Зиндер, 1979, с. 129–130], а также Л. Л. Буланин [Буланин, 2009, с. 48–49] отрицали фонематическую самостоятельность [š':], считая, что на месте буквы «щ» реализуется бифонемное сочетание в соответствии с петербургской-ленинградской нормой. Того же мнения придерживается и А. А. Бурькин (Петербургская фонологическая школа), мотивируя данную позицию чередованиями типа «растить – рашу» [Бурькин 2020, с. 22–26]. М. И. Матусевич же (тоже Ленинградская-Петербургская школа) выделяет долгий мягкий [š':] в качестве отдельной фонемы [Матусевич, 1976, с. 142]. Такова же и точка зрения Л. В. Бондарко, ещё одного выдающегося представителя Щербовской школы [Бондарко, 1998, с. 28].

Итак, мы видим, что позиции даже представителей одной фонологической школы относительно фонематической самостоятельности [š':] не совпадают. Целью данной работы было изучение перцептивных характеристик исследуемого звука, чтобы прояснить, изменение каких именно параметров [š':] может оказать влияние на его восприятие. Несомненно, такое исследование может способствовать и решению вопроса о фонологическом статусе [š':], поскольку, как известно, регулярно и точно распознаются

носителями языков только различные фонемы и их фонологически существенные признаки, аллофоны же таким перцептивным свойством не обладают [Попов, 2014, с. 37].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Для настоящего исследования использовались материалы созданной в СПб и описанной в [Bondarko et al., 2003] базы данных русской спонтанной речи и чтения. Дикторами были 10 носителей русской произносительной нормы разных возрастных групп, 5 мужчин и 5 женщин. Из их речи было выбрано 3878 реализаций звука [š':] на месте нормативного звучания соответствующего щелевого, а также на месте аффрикаты [č], которая в быстрой речи часто реализуется без смычки, заменяясь на мягкий щелевой. Всего было проведено 3 аудиторских эксперимента. Во-первых, требовалось выяснить, каким образом повлияет на восприятие потеря аффрикаты [č] смычки. В спонтанной речи это довольно частое явление, однако не во всех позициях это допустимо. Во-вторых, следовало понять, влияет ли изменение длительности на восприятие [š':]. Много дискуссий вызывает именно предполагаемая в описаниях долгота этого звука, поэтому требовалось выяснить, действительно ли он должен быть долгим, чтобы его опознали и слово в целом было воспринято как нормативное. Наконец, было необходимо выяснить, влияет ли фонетический контекст на восприятие шипящего и, если да, то каким образом.

В соответствии с этими задачами было проведено три эксперимента. В первых двух экспериментах испытуемым предлагалось прослушать по 8 слов. Материалом для первого эксперимента стали записи слов, в состав которых входит аффриката [č] с чётко реализованной смычкой. На место смычного была произведена пересадка щелевого [š':] такой же длительности, реализованного тем же диктором. Участникам эксперимента было предложено прослушать получившиеся слова, записать их и отметить, кажется ли им подобное произнесение нормативным. Для второго эксперимента были взяты слова, в состав которых входит [š':] длительностью 120–180 мс (определённо долгий). Шипящий был укорочен примерно до средней длительности реализации [š] для данного диктора (до 80–100 мс). Задание для участников было аналогичным: записать слова и отметить, кажется ли им подобное произнесение нормативным. Материалом для третьего эксперимента стали 10 слогов с шипящими согласными и 10 сочетаний, в состав которых вошли эти слоги. Были выбраны реализации, где было довольно трудно на слух определить качество звука (шипящий или аффриката). Аудиторам было предложено прослушать и записать сначала слоги, а потом сочетания. Таким образом, схожесть звучания не могла повлиять на их решение. В каждом эксперименте приняли участие 13 студентов в возрасте 20–22 лет (6 мужчин и 7 женщин).

Материалом для первого перцептивного эксперимента послужили следующие модифицированные слова:

1. *Поворачивать* → *поворащивать* (длительность шипящего ≈125 мс).
2. *Замечательно* → *замещательно* (длительность шипящего ≈110 мс).
3. *Плечами* → *плещами* (длительность шипящего ≈95 мс).
4. *Часть* → *щасть* (длительность шипящего ≈95 мс).
5. *Речка* → *рещка* (длительность шипящего ≈70 мс).
6. *Около часа* → *около щаса* (длительность шипящего ≈150 мс).
7. *Англичан* → *англищан* (длительность шипящего ≈120 мс).
8. *Завлечь* → *завлещь* (длительность шипящего ≈70 мс).

Для второго эксперимента выбраны и модифицированы следующие слова:

1. *Общались* (длительность уменьшена 125 мс → 90 мс)
2. *Женщина* (длительность уменьшена 150 мс → 95 мс)

3. Восхищался (длительность уменьшена 160 мс → 95 мс)
4. Пропущу (длительность уменьшена 150 мс → 90 мс)
5. Считаются (длительность уменьшена 125 мс → 90 мс)
6. Зрелище (длительность уменьшена 180 мс → 100 мс)
7. Вещью (длительность уменьшена 170 мс → 90 мс)
8. Сокровищ (длительность уменьшена 140 мс → 80 мс).

В т р е т ь е м эксперименте использовались слоги и сочетания слогов из слов:

1) <i>почему-то</i> /č'i/	1а) <i>почему-то</i> /раč'i/
2) <i>замечательно</i> /č'a/	2а) <i>замечательно</i> /миč'a/
3) <i>дачу</i> /č'u/	3а) <i>дачу</i> /даč'u/
4) <i>заканчивался</i> /пč'i/	4а) <i>заканчивался</i> /канč'i/
5) <i>сочетание</i> /č'i/	5а) <i>сочетание</i> /саč'i/
6) <i>причём</i> /č'o/	6а) <i>причём</i> /ič'o/
7) <i>сворачиваешь</i> /č'i/	7а) <i>сворачиваешь</i> /раč'i/
8) <i>просто очень</i> /č'e/	8а) <i>просто очень</i> /стоč'e/
9) <i>бутылочку</i> /č'ku/	9а) <i>бутылочку</i> /лаč'ku/
10) <i>начались</i> /č'i/	10а) <i>начались</i> /наč'i/

2.3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Эксперимент 1: пересадка [Experiment 1: Replacement]

Данные эксперимента с пересадкой щелевого на место аффрикаты (табл. 1) демонстрируют, что далеко не все реализации показались участникам нормативными, более того, даже не все слова были распознаны. Больше всего слушающим «понравилось» слово *завлечь* – его узнали все и признали нормативно произнесённым 10 человек из 13. Это связано с тем, что шипящий в нём находится в абсолютном конце и уже не имеет существенного влияния на восприятие слова в целом. Далее следуют слова *поворачивать* и *замечательно*, тоже распознанные всеми и получившие по 8 оценок как нормативные. Не всегда конец слова был точно идентифицирован, однако это было связано с тем, как его «додумали» участники эксперимента. Таким образом, можно сделать вывод, что отсутствие смычки при реализации шипящего в этих словах является допустимым. Слово *англичан* не распознали только 2 человека, но оно получило только одну оценку как нормативное. Похожая ситуация и с сочетанием *около часа*, распознанным 10 слушающими, но единогласно признанным ненормативным. Хотя слово *часа* было взято не в изолированной позиции, смычка была исключена из начала слова, что создало непривычное звучание. Это подтверждается также результатами, полученными по слову *часть*, где тоже была заменена начальная аффриката, и в результате никому из испытуемых не удалось узнать первоначальное слово, а вместо него появился вариант *счастье*, «додуманный» участниками эксперимента. Слово *плечами* узнали 7 человек, из которых трое записали его как *плещами*, что указывает на явное неудобство для восприятия, созданное пересадкой. Появление других смычных в начале обусловлено тем, что слово было взято изолированно, вне лексического контекста, и это помешало точно идентифицировать первый согласный. Наконец, слово *речка* совсем «не понравилось» испытуемым – оно является довольно коротким, и замена на шипящий в середине сделала его неузнаваемым.

Таким образом, по результатам первого эксперимента можно сказать, что пересадка щелевого на место смычного в большинстве случаев сильно затруднила восприятие слова в целом. Совершенно неприемлемой оказалась реализация щелевого в начале слова или в коротком слове, из-за этого слово становилось неузнаваемым. Однако замена в конце слова не сказывалась существенно на восприятии, поскольку процесс узнавания слова происходил раньше, чем звучал смычный в конце.

Т а б л и ц а 1. Результаты эксперимента по пересадкам звука [š':] вместо [č]
 [Table 1. Perceptual data on replacing [č] with [š':]]

Стимул	Опознано как норма	Вариант опознания	Кол-во вариантов в ответах
поворачивать	8	поворачивать	10
		поворачивай	3
замечательно	8	замечательно	10
		замечательный	2
		замечательн	1
плечами	1	плечами	4
		плещами	3
		клещами	2
		-	2
		вещами	1
		лещами	1
часть	0	-	6
		счастье	5
		честно	1
		щас	1
речка	0	-	10
		орешки	1
		решка	1
		ящике	1
около часа	0	около часа	10
		-	2
		уклощасы	1
англичан	1	англичан	9
		-	2
		англичанин	1
		анличанок	1
завлечь	10	завлечь	13

2.2.2. Эксперимент 2: уменьшение длительности [Experiment 2: Reducing duration]

Во втором эксперименте (см. табл. 2) участникам показалось нормативным подавляющее большинство реализаций. Слова *общалась*, *женщина*, *восхищался*, *пропущу*, *зрелище* и *сокровищ* получили более 10 оценок в качестве нормативных и, за исключением несущественных неточностей, были распознаны верно. В слове *считается* изме-

нение длительности произошло в начале слова, это «понравилось» участникам эксперимента уже меньше, а один из них на месте укороченного щелевого услышал смычный. Слово *вещью* оказалось самым проблематичным – его опознали всего 7 человек, и лишь один из них счёл его нормативным. Среди данных вариантов ответов также были три со смычным на месте укороченного щелевого.

**Таблица 2. Результаты эксперимента по уменьшению длительности [š':]
[Table 2. Perceptual data on reducing [š':] duration]**

Стимул	Опознано как норма	Вариант опознания	Кол-во варианта в ответах
общалась	13	общалась	13
женщина	12	женщин	9
		женщина	4
восхищался	13	восхищался	13
пропущу	12	пропущу	12
		попущу	1
считаются	9	считается	10
		считаются	2
		читается	1
зрелище	11	зрелище	12
		зрелищам	1
вещью	1	вещью	7
		вечером	2
		-	2
		вещим	1
		овечьим	1
сокровищ	11	сокровищ	7
		сокровище	5
		сокровища	1

Второй эксперимент позволяет прийти к выводу, что существенное уменьшение длины [š':] очень слабо сказывается на восприятии слов в целом и в большинстве случаев не ставит под сомнение их нормативность. Это свидетельствует о том, что мягкий долгий [š':], укороченный до средней длительности [š], не утрачивает своих характеристик и легко распознаётся.

2.2.3. Эксперимент 3: слоги и сочетания слогов [Experiment 3: Syllables and syllable combinations]

Поскольку для данного эксперимента были взяты реализации шипящих, идентифицировать которые при слуховом анализе было проблематично, этим объясняется большее разнообразие ответов, однако и в них можно выделить закономерности (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Распознавание слогов и сочетаний слогов
 [Table 3. Perceiving syllables and syllable combinations]

		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
почему-то	/çi/	чу	чу	чу	ч	чу	чу	ч+	ч+	ч	чу	ч	ч	ч
	/raʃi/	пчм	почему	почему	пч	чу	чу	пч+	пч+м	пчму	пчу	апчхи	+ч	пч
замечательно	/ʃa/	чай	ча	ч+	ча	ча	ча	ча	ча+	ча	чать	ча	ча	щ+
	/mʃa/	мича	мечать	мечать	меча	мечать	ча	мича	мича	мичать	мечать	мечать	+ча	меч+
дачу	/ʃu/	чо	ч+	чу	чо	чу	чу	чу	чу	чу	шу	чу	ч+	чу
	/daʃu/	дачу	дачу	дачу	дай ще	дачу	шу	дашу	дач+	дачу	дачу	дашу	дащ+	дачу
заканчивался	/nʃi/	нышл	иш	-	ищ	ич	щ+	+щ	+щ+	-	+ш	ищл	+ч	щ
	/kanʃi/	ныщл	раньше	-	тащ	качу	канеш	танч	начл	-	раньш	анчл	да+ч	щ
сочетание	/çi/	щеть	ч+	ч	чи	ч	ч+	щ+	ч++	чит	ч+	чи	ч	ч
	/saʃi/	сычи	сочет	цч	сч	цч	сочет	сычи	сыч+т	сычит	с+ч+т	сычет	соч+	сочет
причем	/ʃo/	чон	що	-	чо	-	-	цо	чо	шу	чу	-	щ+	шу
	/iʃo/	ычо	еще	еще	ищо	ичо	ищо	ищо	+ич+	++ом	+чу	ищо	ищо	шу
сворачиваешь	/çi/	шо	-	щ	-	-	що	+щ	щ+	щ+	шу	хюп	щ	-
	/raʃi/	рачу	рач+	-	рач	рычу	рачо	рач+	р+щ+	врачу	рачу	рапшу	рач+	-
просто очень	/ʃe/	ж'о	ж'+	щ	щ	шу	що	щ	чу	ша	шу	хюп	щ	щ+
	/stoʃe/	сточон	постучу	постучу	стучу	стучу	стучу	стуч+	стучу	сточн	стучу	стучу	+сточ+	чу
бутылочку	/ʃku/	цко	шк	-	шк	чку	щ+	щ+	ч	чку	ч+	шк	щ+	шк
	/laʃku/	влячко	булочку	лычко	ылочк	лычку	лучку	лычк+	пл+чку	булячку	лочку	плочку	+лоч+	чк
начались	/çi/	чл'	ч+	апчхи	чщ	ч	-	ч	-	чи	+ч	тщ	-	ч
	/naʃi/	нчл'	ныш	-	ныч	нч	ныщ	н+щ	ныщ	ноч	нщ	-	нч+	щ

Примечание к таблице 3: В верхней строке (см. слева) – номер испытуемого, в транскрипции + обозначает наличие непонятого для слушающего звука.

Для слова *почему-то* в обоих вариантах был услышан смычный, несколько человек сочетание /раі/ «додумали» до слова *почему*, один – до звукоподражания *апчи*. В слове *замечательно* все, кроме одного испытуемого, слышали смычный в слоге и абсолютно все – в сочетании. Похожие результаты получились и для слова *сочетание*. Слово *дачу* в потоке речи оказалось безударным, поэтому, даже прослушав его полностью, только 7 человек его опознали, при этом пятеро слышали щелевой там, где в отдельном слоге они же узнали смычный. В слове *заканчивался* был взят заударный слог с сочетанием «сонант + шипящий», что, по-видимому, затруднило восприятие. Смычный чаще слышали в сочетании /кансі/, при том, что некоторые испытуемые пытались довести сочетание /кансі/ до смыслового слова. Ситуация оказалась похожей и для слова *сворачиваешь*: в заударном слоге был почти единогласно распознан щелевой, в то время как в большей группе звуков – аффриката. Для *просто очень* и *бутылочку* то же самое распределение объясняется скорее тем, что сочетания при распознавании доводились до целых осмысленных слов или узнаваемых отрывков, не соответствующих первоначальным формам. В слове *причём* в сочетании /іщо/ многие слышали слово *ещё*, из-за этого смычных больше получилось в слоге. В сочетании /наі/ для слова начались из-за выпадения гласного образовалась связка «сонант+шипящий», что повлекло за собой восприятие щелевого согласного.

По результатам третьего эксперимента можно сказать, что чаще всего один и тот же спорный звук распознавали как щелевой в слоге, с него начинающемся или перед согласным, и как смычный в сочетании звуков, где он оказывался в интервокальной позиции. Это можно объяснить тем, что щелевой реализуется в том случае, когда имеют место две смежные сложные консонантные артикуляции, а между гласными аффриката сохраняет смычку по принципу слогового контраста [Бондарко, 1981, с. 182]. Иногда на решение слушающего влияло «додумывание» сочетания звуков до смыслового слова.

3. Заключение [Conclusion]

По результатам проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, пересадка щелевого на место смычного затрудняла восприятие, особенно если замена была произведена в начале слова. Это указывает на то, что подобная замена без ущерба для распознавания возможна только в ограниченном круге сверхчастотных слов либо в конце слова. Также при наличии подобной замены в потоке речи распознаванию способствует лексический контекст, который в данном эксперименте отсутствовал. Во-вторых, уменьшение длительности [š':] до средней длительности [š] практически не сказалось на восприятии, звук остался легко узнаваемым. Таким образом, долгота либо краткость [š':] не является его дифференциальным признаком и не влияет на его восприятие. В-третьих, фонетический контекст имеет некоторое влияние на восприятие звука (взятого в слоге или сочетании звуков, но не в слове, что может привести к «додумыванию»): в интервокальной позиции чаще опознаётся смычный, а в начале сочетания или перед согласным – щелевой. Полученные результаты позволяют заключить, что на данном этапе развития системы фонем русского языка [š':] (фактически [š']) следует рассматривать как самостоятельную фонему, которая не обладает экзотическим для русской фонологии дифференциальным признаком долготы и, как это свойственно любой фонеме, имеет в разных позициях различные аллофоны, в частности, аллофон [č] в позиции начала слога или перед согласным.

Библиографический список

- Аванесов, 1984 – Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М. : Просвещение, 1984. 416 с.
Акишина, Барановская, 1980 – Акишина А. А., Барановская С. А. Русская фонетика. М. : Русский язык, 1980. 102 с.

- Бондарко, 1998 – Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1998. 275 с.
- Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1981. 199 с.
- Буланин, 2009 – Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М. : Либроком, 2009. 204 с.
- Бурькин, 2020 – Бурькин А. А. Дискуссионные проблемы русской фонологии и способы их решения (с позиций фонологической школы Л. В. Щербы) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 3. С. 17–33. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_3_17_33
- Гвоздев, 1973 – Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. 4-е изд. Ч. 1. М. : Просвещение, 1973. 432 с.
- Зиндер, 1979 – Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М. : Высшая школа, 1979. 336 с.
- Матусевич, 1976 – Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М. : Просвещение, 1976. 288 с.
- Попов, 2014 – Попов М. Б. Фонетика современного русского языка. СПб. : Изд-во филологического ф-та СПбГУ, 2014. 302 с.
- Щерба, 1983 – Щерба Л. В. Теория русского письма. Л. : Наука : Ленингр. отделение, 1983. 134 с.
- Bondarko et al., 2003 – Phonetic Properties of Russian Spontaneous Speech / L. V. Bondarko, N. B. Volskaya, S. O. Tananaiko, L. A. Vasilieva // Proc. of the 15th International Congress of Phonetic Sciences. Barcelona, 3–9 August 2003. P. 2973–2976.

References

- Avanesov, R. I. (1984). *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Standard Russian Pronunciation]. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Akishina, A. A., Baranovakaya, S. A. (1980). *Russkaya fonetika* [Russian Phonetics]. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (1998). *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian phonetics]. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (1981). *Foneticheskoe opisaniye yazyka i fonologicheskoe opisaniye rechi* [Phonetic description of language and phonological description of speech]. Leningrad : Leningrad University Press. (In Russ.).
- Bulanin, L. L. (2009). *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian Phonetics]. Moscow : Librokom Press. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2020). Diskussionnye problemy russkoy fonologii i sposoby ikh reshenia (s pozitsiy fonologicheskoy shkoly by L. V. Shcherba) [Discussion problems of Russian phonology and ways of their solution (From the standpoint of the Phonological School of L. V. Shcherba)]. *Teoreticheskaya I prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (3), 17–33. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_3_17_33
- Gvozdev, A. N. (1973). *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk* [Modern standard Russian], 4th edn., Part 1. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Zinder, L. R. (1979). *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow : Vysshaya Shkola Press. (In Russ.).
- Matusевич, M. I. (1976). *Sovremennyy russkiy yazyk. Fonetika* [Modern Russian. Phonetics]. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Popov, M. B. (2014). *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian phonetics]. St Petersburg : Philological Faculty of St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (1983). *Teoriya russkogo pis'ma* [Theory of Russian writing system] Leningrad : Nauka Press : Leningrad Dept. (In Russ.).
- Bondarko, L. V., Volskaya, N. B., Tananaiko, S. O., Vasilieva, L. A. (2003). Phonetic Properties of Russian Spontaneous Speech. *Proc. of the 15th International Congress of Phonetic Sciences, Barcelona, 3-9 August 2003* (pp. 2973–2976). Barcelona.

Михаил Спартакoвич Тейкин
Северо-Восточный государственный университет
г. Магадан, Российская Федерация
teikin-ms@mail.ru

Ономастический статус этнонимов и вопрос их передачи с прописной буквы

Аннотация

В статье разбирается вопрос проприальности этнонимов, представляются различные взгляды на статус этнонимов, их принадлежность или непринадлежность к ономастике. Излагаются три научных взгляда на этнонимы: этнонимы – имена нарицательные; этнонимы – имена собственные; этнонимы находятся на стыке между именами собственными и нарицательными. Анализируются доводы разных учёных о данном виде онимов и их месте в ономастике. На основе исследованных данных автор приходит к выводу, что наиболее правильным будет относить этнонимы во множественном числе, когда они обозначают целые народы, к собственному имени. Между тем при определении национальной принадлежности индивида можно говорить только об этнониме – имени нарицательном, однако в некоторых контекстах и в единственном числе этноним может иметь в себе значение имени собственного. Вопрос о проприальности этнонимов рассматривается в том числе с точки зрения устоявшейся традиции в русском языке записывать их со строчной буквы. Делается вывод о несостоятельности аргумента о принадлежности этнонимов к апеллятивам лишь на орфографическом основании. Указаны дополнительные возможности передачи различных смыслов в языке, придерживающемся написания этнонимов с заглавной буквы. При этом подчёркивается важность закрепившейся в русском языке традиции написания этнонимов со строчной буквы и на примерах показывается, что для тех случаев, когда язык, различающий этноним от неэтнонима посредством лишь заглавной буквы, использует имеющееся в его распоряжении орфографическое средство, русский язык может прибегнуть к словообразованию или замене, чтобы чётко отграничить этноним от любого иного существительного.

Ключевые слова: этноним, имя собственное, имя нарицательное, единственное и множественное число, заглавная и строчная буквы

© Тейкин М. С. 2023

Для цитирования: Тейкин М. С. Ономастический статус этнонимов и вопрос их передачи с прописной буквы // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 126–142. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_126

Mikhail S. Teikin
North-Eastern State University
Magadan, Russian Federation
teikin-ms@mail.ru

The propriality of ethnonyms and the problem of their capitalisation

Abstract

This article aims to discuss the problem of ethnonyms' propriality and to represent different views concerning ethnonyms' status and their belonging or non-belonging to the field of onomastics. Three opinions on ethnonyms are considered: ethnonyms as common names, ethnonyms as proper names and ethnonyms as a phenomenon

bordering proper and common names. The analysis is based on different scientists' arguments concerning this kind of onyms and their place in onomastics. The data analysis enables to conclude that ethnonyms in plural denoting entire peoples are better classified as proper names. However, when determining ethnical belonging of an individual, one can refer to an ethnonym as a common name, although in some contexts an ethnonym even in singular might bear a proper name meaning. The issue of ethnonyms' propriality is considered from the point of Russian language established tradition to write them in lowercase letters. It is concluded that it is inconsistent to classify ethnonyms as appellatives based only on their non-capitalisation. Additional possibilities to express different meanings are indicated for languages exploiting ethnonyms' capitalisation. Meanwhile the author underlines the importance of the established tradition to begin ethnonyms with a lowercase letter in Russian. The selected examples show that when a language differing the ethnonym from the non-ethnonym only by means of word capitalisation can use this orthographical technique in practice, Russian may resort to the word formation or substitution to distinguish clearly an ethnonym from any other noun.

Keywords: ethnonym, proper name, common name, singular and plural, uppercase and lowercase letters

© Teikin M. S. 2023

For citation: Teikin, M. S. (2023). Onomasticheskiy status etnonimov i vopros ikh peredachi s propisnoy bukvy [The propriality of ethnonyms and the problem of their capitalisation]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 126–142. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_126

1. Введение [Introduction]

Вопрос о принадлежности этнонимов к ономастике или о нахождении их за её пределами не имеет окончательного решения. На сегодняшний день среди отечественных исследователей существует три мнения на сей счёт, берущих своё начало с периода активного изучения этнонимии. Широкое использование термина *этноним* отмечено именно в 1970-е гг. [Ковалёв, 1991, с. 5; Григорьева, 2019, с. 12]. Статья нацелена не только на то, чтобы изложить существующие ныне научные концепции относительно места этнонимов в ономастике, но и на то, чтобы на примерах, отобранных автором, исследовать ономастичность данного вида лексических единиц, определить их место среди собственных и нарицательных имён. Прежде чем приступить к изучению проблематики, следует изложить имеющиеся в науке взгляды относительно этнонимической проприальности.

Этнонимы как имена нарицательные рассматривала А. В. Суперанская. Исследовательница видела в этнонимах общие черты с групповыми обозначениями лиц по социальному положению, производственной деятельности, принадлежности к различным объединениям; такие обозначения коннотируют, а денотат их неопределён; этнонимы, как правило, коннотируют, в связи с чем не могут быть отнесены к именам собственным [Суперанская, 1973, с. 206].

Взгляд на этнонимы как на имена собственные среди учёных XX в. отстаивал В. А. Никонов [Никонов, 1970, с. 5–6]; однако он отмечал важную деталь по состоянию на 1970 г.: «[П]ока теория собственного имени у нас не разработана и граница между именем собственным и именем нарицательным не установлена, пусты рассуждения, по какую сторону неизвестной линии находятся этнонимы» [Никонов, 1970, с. 6]. Исходя из этих слов можно предположить, что при окончательной разработке теории имени собственного могла бы быть проведена линия между апеллиативами и проприативами, которую этнонимы отделились бы от собственных имён, пополнив список апеллиативов.

Согласно А. А. Белецкому, этнонимы входят в промежуточный лексический слой между именами собственными и нарицательными. Лингвист указал, что данный лексический класс мог бы быть назван классом коллективных имён, если бы этим терминологическим выражением не был бы обозначен класс нарицательных кол-

лективных имён (а также числительных и местоимений). В связи с этим исследователь, во избежание терминологической путаницы, называет такой промежуточный класс *койноними* [Белецкий, 1972, с. 162]. Койноним – это слово, обозначающее совокупность (= общность, коллектив, группу) людей с присущим каждому из них неотъемлемым признаком или обозначающее одного человека, составляющего единицу такой совокупности [Белецкий, 1972, с. 162]; говоря кратко, койнонимы – это названия человеческих сообществ [Белецкий, 1972, с. 171]. В. Д. Бондалетов полагает, что этнонимы по своим функциональным особенностям тяготеют к апеллятивному массиву слов [Бондалетов, 1983, с. 29], но, останавливаясь на их ономастическом статусе, делает важное уточнение: «Если можно решительно возразить против зачисления в категорию “промежуточных” фамилий (и считать их подлинными онимами) и названий жителей (и отнести их к нарицательным), то определить подлинное место этнонимов (названия наций, народов, народностей, племён и других этнических групп) пока не представляется возможным. Одни авторы относят их к ономастике, другие – к апеллятивной лексике» [Бондалетов, 1983, с. 29].

2. Материал и методика исследования [Materials and methods]

М а т е р и а л о м для настоящего исследования послужили образцы из художественной, публицистической, справочной и научной литературы различных лет (22 образца за период 1873–2022), а также собственные примеры автора. Общее количество проанализированных примеров составило 55 единиц.

О б ъ е к т о м анализа являются:

- ономастический статус этнонимов;
- возможность передачи нарицательных имён с прописной буквы в некоторых случаях;
- возможность передачи собственных имён – неэтнонимов со строчной буквы, не являющейся орфографической ошибкой.

Основными при проведении исследования являются методы стилистического анализа различных онимов, когнитивного анализа этнонимов и спорных наименований на предмет их ономастичности. В основу исследования статуса этнонима как имени собственного кладётся его зависимость от грамматического числа и семантического наполнения лексемы.

3. Ономастичность этнонимов [Ethnonyms' propriality]

3.1. Прописная буква в этнонимах [Ethnonyms' capitalisation]

Этнонимы не имеют однозначного трактования: в отличие от антропонимов и топонимов, безусловно относимых учёными к именам собственным, этнонимы рассматриваются различно. Важное, но не решающее значение в восприятии этнонимов как имён нарицательных имеет их орфография: «Имя этноса играет огромную роль в процессе его самоопределения и установления развития контактов с другими народами. Не случайно в письменной речи существует традиция написания этнонимов с прописной буквы, что соответствует высокому статусу таких слов-наименований в сознании общества. По-видимому, этот факт стал отправной точкой в дискуссии об отнесении этнонимов к именам нарицательным или именам собственным» [Григорьева, 2019, с. 15].

По ныне действующему правилу русского языка, установившемуся с эпохи Я. К. Грота в 1880-е гг. и принятому в конечном счёте самим академиком, этнонимы пишутся со строчной буквы [Грот, 1885, с. 84]. Важно подчеркнуть, что за 12 лет до выхода в свет первого издания «Русского правописания» Я. К. Грот отмечал сложность и неоднозначность вопроса орфографии этнонимов. По его мнению, во множественном числе этнонимы суть имена собственные, когда имеется в виду население во всей его

совокупности, и должны писаться с заглавной буквы. Если этноним служит определением другого имени или прилагается к отдельным лицам, он должен писаться со строчной буквы; очевидно, в таком случае этноним, по Я. К. Гроту, есть имя нарицательное. Таким образом, учёный предлагал писать этнонимы с заглавной буквы в значении имени собственного (*Шведы* и *Норвежцы* населяют Скандинавский полуостров) и с маленькой – в значении имени нарицательного (*англичанин* Диккенс, я встретил двух *голландцев*). На случай установления единообразного написания этнонимов независимо от их значения Я. К. Грот предлагал принять написание с большой буквы для всех случаев [Грот, 1873, с. 125–126]. В «Русском правописании» позиция прямо противоположная высказанной Я. К. Гротом ранее, но именно позднее мнение исследователя было принято во внимание при установлении орфографического правила.

3.2. Ономастичность этнонимов в зависимости от числа [Ethnonyms' propriality in dependence of their grammatical number]

Со взглядом Я. К. Грота об ономастическом статусе этнонимов перекликается концепция современного исследователя В. И. Супруна. По его мнению, этнонимы «в зависимости от нумеральной формы и контекста имеют ономастическую или нарицательную семантику» [Супрун, 2000, с. 25]. Согласно В. И. Супруну, «название лица по национальности входит в так называемое антропонимическое поле и представляет собой апеллиатив, который характеризует отдельного человека так же, как и наименование по профессии, месту жительства, организации <...>. Вероятно, за такими апеллиативами не стоит закреплять термин *этноним*, поскольку речь не идёт о наименовании этноса» [Супрун, 2000, с. 26]. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что исследователь считает этноним именем собственным, если в апеллиативном, по его мнению, значении лексемы предлагает воздерживаться от термина «этноним». При этом названия национальностей в форме множественного числа, используемые в значении 'представители того или иного народа; люди определённой национальности', по В. И. Супруну, имеют ономастические функции [Супрун, 2000, с. 27].

А. И. Грищенко, исследуя ономастическую природу этнонимов через признак проявления одушевлённости у слов *народ*, *нация*, *этнос*, замечает: «Можно сделать предположение о том, что рассмотренное аномальное проявление категории одушевлённости / неодушевлённости у слова *народ* говорит скорее о принадлежности этнонимов (по крайней мере во множественном числе) к именам собственным, чем о непринадлежности» [Грищенко, 2011б, с. 66].

Автор настоящей статьи согласен с тем, что во множественном числе при обозначении представителей определённой национальности этнонимы суть скорее имена собственные. Однако сфера употребления этнонимов не ограничивается только данной областью, о чём пойдёт речь ниже.

При употреблении названия лица по национальности в единственном числе не следует рассматривать этноним исключительно как имя нарицательное – всё зависит от контекста, стилистики и иных факторов. Так, во фразах: 1) *я (есть) немец, он (есть) немец* и 2) *сюда пришёл немец* – этноним имеет разные функции; в последней фразе речь может идти об одном человеке или о немцах в совокупности, во втором случае в сниженном значении этноним может заменяться антропонимом – типичным немецким именем: *сюда пришёл Фриц, сюда пришёл Ганс*; данная замена для первой фразы без изменения смысла невозможна. Напротив, во фразах *я (есть) немец* и *они (суть) немцы* этноним, несмотря на употребление в разных числах, несёт функцию определения лица или лиц по национальности и в обоих случаях имеет нарицательное значение. Именно такое положение этнонимов делает их стоящими на стыке имён собственных и нарицательных, в особенности при употреблении в единственном числе.

3.3. Имя и название [Name and denomination]

Этноним есть имя народа. Не бывает безымянных народов, в отличие от безымянных гор, рек и прочих топографических объектов. А. И. Грищенко верно отмечает: «Если у народа нет собственного имени, понимаемого как собственное имя, то это не народ, а некая другая совокупность людей» [Грищенко, 2012, с. 90]. Нужно подчеркнуть: у народа во всей своей совокупности, как и у отдельного человека, всегда имеется имя – именно *имя*, а не *наименование* или *название*, какое может быть, например, у явления природы или вида деятельности человека, относящихся к нарицательным именам. Мы не можем сказать *название человека* применительно к отдельному индивиду – только *имя человека*, имея в виду один или несколько его антропонимов¹. При этом неоспоримым фактом является то, что биологические виды, в частности *Homo sapiens*, *Homo neanderthalensis*, именами собственными не являются, несмотря на то, что по-латыни первое слово пишется с прописной буквы. Если мы хотим указать на видовую принадлежность человеческой особи (напр., идентифицировать ископаемые останки), допустимо употребить словосочетание *название человека*, но никак не *имя человека*.

При этом вполне употребительны словосочетания *название народа* и *имя народа*, термин *эндоэтноним* имеет синоним *самоназвание*; здесь отражается неоднозначность отнесения этнонимов к именам собственным или нарицательным. Однако использование словосочетания *название народа* не делает безоговорочно этноним апеллятивом; такое словоупотребление характерно для справочной литературы (напр., *список названий народов Африки*), для этнографического описания этноса и других подобных случаев. Словосочетание *имя народа* употребляется, когда имеется в виду определённый народ и его обозначение, служащее для идентификации данного народа и позволяющее отличить его от иных народов; той же цели служат имена людей.

Английский лингвист А. Гардинер дал следующее определение имени собственного, весьма ёмкое по содержанию: «Имя собственное – это слово или группа слов, признающиеся имеющими идентификацию своей специфической целью, достигающие или стремящиеся достичь данной цели посредством только своего рода различительного звука, независимо от какого-либо смысла, который имел первоначально этот звук или который он приобрел в результате связи с идентифицируемым посредством него объектом или объектами» [Gardiner, 1957, p. 73]. Следует заметить: этнонимы вписываются в данное А. Гардинером определение.

Если этноним в определённом контексте относится ко всему народу в совокупности или к какой-либо его части, такой этноним есть имя собственное; в подавляющем большинстве случаев он будет употреблён во множественном числе или в собирательной форме². Однако далеко не все исследователи соглашались с таким взглядом.

3.4. Понятие этнонима и ономастика [The concept of ethnonym and onomastics]

По мнению Н. В. Григорьевой, этноним относится к именам нарицательным и не является средством индивидуализации, так как его основная функция заключается в номинировании коллективных сообществ [Григорьева, 2019, с. 9]. С вышеобозначенной позицией коррелирует формулировка этнонима в «Словаре русской ономастической тер-

¹ Согласно русскому национальному обычаю имя человека состоит из: 1) собственно имени, 2) отчества, 3) фамилии. Это закреплено на законодательном уровне в части первой статьи девятнадцатой Гражданского кодекса Российской Федерации.

² Собирательная форма, по словам Н. В. Подольской, относится ко всему этносу. Так, *русь* – собирательная форма этнонима *русич*, мн. ч. *русичи*; *россияне* – собирательная форма этнонима *россиянин*, мн. ч. *россияны* [Подольская, 1988, с. 153].

минологии» Н. В. Подольской: *этноним* – это номен для обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т. п.) [Подольская, 1978, с. 167]. *Номен*, согласно определению того же словаря, – это слово или словосочетание, имеющее прямую связь с предметом или с видом, представляющим собой неопределённое множество идентичных единиц, являющихся объектом какой-либо отрасли науки, техники, производства, искусства и т. п. При этом номены отличаются от терминов, от общеупотребительной («бытовой») лексики и от имён собственных. Имена-номены помечаются словарём в качестве нарицательных; отмечается, что они сопутствуют онимам. Приводятся следующие примеры номенов: у антропонимов – номенклатура родства, этнонимы, номенклатура профессий, номенклатура чинов, званий, титулов, катойконимы и т. п.; у топонимов – номенклатура географии, геологии, этнонимы и т. п. [Подольская, 1978, с. 90]. Во втором издании словаря Н. В. Подольская прямо пишет: этноним – имя нарицательное обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т. п.). При этом исследовательница отмечает, что термин *этноним* по своей структуре соответствует онимам других классов, однако он не обозначает имена собственные, хотя существует и противоположное мнение [Подольская, 1988, с. 153].

А. С. Поляков относит этнонимы к категории идентифиционимов, куда включаются также профессионализмы (названия лиц по профессии), политические и идеологические соционимы (названия лиц по политическим и идеологическим предпочтениям), лингвонимы (названия языков и связанных с ними лексических единиц – диалектов, говоров, языковых семей и т. п.), конфессионимы (названия лиц по религиозной принадлежности) и цивилизационимы (названия человеческих сообществ, объединённых по цивилизационному признаку). По мнению исследователя, к идентифиционимам следует также отнести названия людей по ценностным установкам, менталитету и мировоззрению; вся эта лексико-тематическая макрогруппа, включая этнонимы, является апеллятивной [Поляков, 2016, с. 128–129]. По А. С. Полякову, «возможно, даже такие характеристики, как названия людей по пищевым предпочтениям, хобби и принадлежности к субкультуре, являются социально окрашенными, в них не менее, чем в этнонимах, может выражаться концепт “свой – чужой”» [Поляков, 2016, с. 129].

Следует возразить позициям Н. В. Подольской и А. С. Полякова. Этноним может обозначать не только одного человека либо коллектив людей по этническому признаку, но и целую общность, обладающую собственной субъектностью. В первом случае этнонимы, безусловно, сближаются с остальными идентифиционимами, являющимися нарицательными именами, однако имеют существенное отличие от последних. Конфессионимы, цивилизационимы, профессионализмы и соционимы различают принадлежность человека к определённой группе, как правило, имеющей чёткие границы и легко различаемой от остальных групп. В случае с этнонимами это не всегда имеет место, о чём речь пойдёт ниже. При обозначении человека этноним употребляется в нарицательном значении, совпадающим с таковым у конфессионима, профессионализма и др. идентифиционимов. Так, во фразе *Джон Смит – англичанин, англиканец, юрист* этноним следует признать идентифиционимом, в данном случае определяющим национальность Джона Смита наряду с его религиозной принадлежностью и профессиональным занятием. Однако этноним не только может указывать на принадлежность человека или группы людей к национальности. Другое назначение этнонима – обозначать целую общность, причём это может быть любой уровень этнической категории: суперэтносы, собственно этносы, субэтносы и небольшие общности народа, не имеющие признаки субэтноса (данные категории не всегда имеют чёткие границы). В этом случае нельзя говорить о нарицательном значении, здесь этноним выступает как имя этнической общности.

По мнению А. В. Суперанской, стоявшей на позиции апеллятивности этнонимов, данные лексические единицы, как правило, коннотируют [Суперанская, 1973, с. 206].

Коннотативность этнонимов состоит в том, что «они вводят собеседника в круг культурно-исторических, территориальных, этнографических и прочих сведений о человеке, подразумевающихся при одном лишь упоминании его национальности» [Суперанская, 1973, с. 211]. Современный исследователь А. И. Грищенко делает важное замечание относительно высказанного А. В. Суперанской мнения о коннотативности этнонимов: «Однако все обозначенные “сведения” относятся к энциклопедической информации, а собственно лингвистическое значение, могущее выступить в качестве толкования в словаре, у этнонимов практически отсутствует (или, по крайней мере, выделение его проблематично) – как у всех прочих “классических” имён собственных (антропонимов и топонимов)» [Грищенко, 2011 б, с. 62].

Тот же А. И. Грищенко в другой работе отмечает сложность отнесения этнонимов к классу номенов: «Значительные трудности при попытках традиционной словарной семантизации этнонимов и противоречивость существующих толкований ещё не свидетельствуют однозначно о проприальности данного класса слов, хотя и ставят под сомнение их принадлежность к “номенам”, самые распространённые из которых (названия животных, растений и т. п.) могут быть истолкованы достаточно корректно» [Грищенко, 2011а, с. 439]. Исследователь верно подмечает, что номены, использующиеся для обозначения множества идентичных единиц, существуют объективно. Чёткое выделение и разграничение понятий *этнос*, *этническая группа*, *народность*, *народ*, *нация* представляет большую сложность, носит противоречивый характер.

Одна этническая единица может видеться различно окружающими её народами, чьи взгляды на такую единицу могут быть прямо противоположны. В определении места этнической единицы лежит не строго научный, а культурно-ценностный подход. Так, существуют различные взгляды на современных славян-македонцев: в Болгарии большинство считает их субэтносом болгар, в бывшей Югославии македонцы официально считались отдельным народом, сторонники идеи Великой Сербии видят в македонцах субэтнос сербов; в сегодняшней Северной Македонии принята «югославская» концепция об отдельном народе. В 1945 г. в Югославии официально утвердили кодификацию македонского языка, было принято македонское правописание, схожее с сербским: в частности, в нём отсутствуют йотированные гласные, вместо *й* используется *ј*. Разумеется, принятие такого правописания носило в том числе политический характер с целью максимального отдаления македонцев от болгар, концептуально иная орфография – фонетического характера – в значительной мере подчёркивала это отличие³; Югославии было важно закрепить на культурном уровне своё притязание на спорные земли, неоднократно являвшиеся предметом раздора между Болгарией и Сербией, в равной мере считавшими македонскую территорию своей.

Различие в концепциях относительно македонцев нашло своё отражение в том числе в передаче этнонимов на разных языках: в сербском языке этнонимы пишутся с прописной буквы, в болгарском языке – со строчной; для македонского языка приняты написание этнонимов с прописной буквы, как и во всех славянских языках Югославии.

Таким образом, согласно различным взглядам на славян-македонцев нельзя однозначно истолковать этноним *македонцы*, поскольку имеются три противоположные концепции: одни считают македонцев отдельным славянским народом, другие считают их субэтносом болгар, третьи – субэтносом сербов. Следует подчеркнуть: в основе трёх концепций лежат не столько научные факты, сколько внутреннее восприятие македонцами самих себя, а также восприятие македонцев их балканскими соседями, могущее носить иррациональный характер. Вышеизложенное подтверждает, что весьма затруднительно считать этнонимы номенами.

³ Имеются примеры современных македонских текстов, записанных болгарским правописанием. Например, здесь: <https://osvedomitel.bg/2020/05/bulgariya-makedoniya/>.

Касательно этнонимов правильно будет согласиться с А. С. Щербак, осторожно относящейся к жёсткому противопоставлению собственных и нарицательных имён, поскольку это не позволяет понять и проследить процессы взаимодействия лексикона и ономастикона. По мнению исследовательницы, «диапазон проблематики имён собственных гораздо шире, он не должен сводиться к ограниченности в процессе регулярного слово- и формообразования имён собственных, поскольку в номинации онимов отмечается большая свобода фонетических и морфологических вариаций и инноваций, что предполагает возможность языка концептуализировать один и тот же объект разным образом» [Щербак, 2008, с. 19].

А. И. Грищенко отмечает важную деталь: «Ещё более “ономастичность” этнонимов как особого подкласса коллективных имён проявляется при сопоставлении их с семейными именами (фамилиями во множественном числе), а также названиями родов, команд и т. д. Никто их, в отличие от этнонимов, ономастического статуса пока не лишил даже в орфографии: все они до сих пор пишутся с прописной буквы, а некоторые и в кавычках» [Грищенко, 2011 б, с. 66]. Действительно, фамилия и в единственном числе, обозначая отдельного человека, и во множественном числе, обозначая род или семью либо совокупность однофамильцев, является именем собственным. Этноним во множественном числе, обозначая народ, по своей функции сближается с фамилией во множественном числе, что лишний раз свидетельствует о его проприативном статусе.

4. Прописная и строчная в собственных и нарицательных именах [Uppercase and lowercase in proper and common names]

А. Д. Шмелёв отмечает две главные функции прописных букв в русском языке: позиционную и выделительную; позиционная функция заключается в маркировании определённых позиций в тексте; выделительная функция заключается в маркировке определённых слов независимо от строения текста [Шмелёв, 2020, с. 46]. Типичная позиционная функция – написание первого слова в каждом самостоятельном предложении и в каждом стихе с прописной буквы; возможно, но необязательно применение данной функции в написании заголовков. Выделительная функция применяется, в частности, в именах собственных.

В. А. Никонов называл аргумент об отнесении этнонимов к нарицательным именам на основании их написания со строчной буквы смехотворным [Никонов, 1970, с. 6]. Действительно, в иных языках этнонимы пишутся с прописной буквы; из славянских к ним относятся польский, чешский, словацкий, сербский (хорватский), словенский, македонский. Орфография не может определять проприативность имени, в случае с этнонимами правило их правописания со строчной или прописной буквы в разных языках может объясняться, с одной стороны, традицией письменной передачи данных онимов и, с другой стороны, мнением лиц, осуществляющих кодификацию орфографических правил.

По верному замечанию А. Д. Шмелёва, употребление прописных букв в выделительной функции в каждом языке регулируется в первую очередь традицией; задача кодификатора состоит прежде всего в том, чтобы выявить и максимально точно описать эту традицию [Шмелёв, 2020, с. 46].

Прописные буквы употребляются в выделительной функции для обозначения собственных имён – антропонимов, гидронимов, ойконимов и проч.: *Анна, Павел; Нева, Байкал, Ловозеро; Анапа, Кемерово, Хабаровск.*

4.1. Прописная буква в нарицательных именах [Uppercase in common names]

Прописные буквы используются также в иных случаях: для указания на торжественность, священный или высокий смысл нарицательных существительных (*Родина,*

Отечество, Братство, Честь, Человек); для вежливого обращения (местоимения *Вы, Ваши* в переписке и официальных документах); для выделения титула или высшей должности при официальном именовании (*Его Императорское Величество, Ваше Высочество, Премьер-Министр, Президент*). Такое использование прописной буквы А. И. Дунёв называет идеографической функцией. По мнению исследователя, «“символическая” или идеографическая функция реализуется при написании нарицательных имён в “патетическом стиле” <...>» [Дунёв, 2007, с. 122]; её можно назвать частным проявлением выделительной функции. Маркировка нарицательных имён прописной буквой приближает их к именам собственным.

4.2. Строчная буква в собственных именах [Lowercase in proper names]

В выделительной функции с целью, противоположной идеографической функции прописной буквы, употребляется строчная буква в собственных именах: для отрицательной экспрессии по отношению к такому имени, для усиления его негативной оценки. Так, встречается написание со строчной буквы являющимся именем собственным названия государства: *российская империя*. Ниже несколько примеров разных лет:

1) брошюра Н. В. Устрялова, изданная в апреле 1917: «Молодая русская республика больше скажет уму и сердцу русскаго челоуѣка, чѣмъ російская имперія послѣдней эпохи» [Устрялов, 1917, с. 22];

2) анкета писателя О. О. Павлова: «Шаморские – потомки какого-то поляка российской империи, вероятно дворянина, что был сослан в Сибирь за участие в Польском Восстании и обрусел»; «Новообразованное государство советское, ставшее восприимчивом российской империи, было обречено на эту войну» [Николаев, 1999, с. 170, 175];

3) интервью Х.-А. Т. Нухаева: «Задавая свой эмоциональный вопрос о преступном равнодушии турецкого султана к неравной борьбе единоверцев-кавказцев против российской империи, Шамиль, уничтожавший во имя укрепления государственности все традиционные устои общественного самоуправления, то есть, по сути, внутреннее содержание Ислама, едва ли понимал, что построенное им государство рано или поздно должно подойти к той же логике “политической целесообразности”, которая так возмутила имама в поведении Османской державы» [Нухаев, 2002, с. 159].

4) статья В. В. Согрина: «Дело в том, что российские большевики во главе с Лениным оказались единственной российской политической силой, которая заняла антиимперскую позицию, да к тому же провозгласила право народов российской империи на самоопределение» [Согрин, 2010, с. 76].

Разумеется, допустимо писать словосочетание *российская империя* в нарицательном значении, имея в виду не государство, существовавшее в период с 1721 по 1917 гг., а российскую государственность вообще; сами по себе существительные *республика, империя, царство, королевство* и т. п. суть имена нарицательные. Однако во всех вышеперечисленных случаях имеется в виду существовавшее монархическое государственное образование с императором во главе, что явно следует из контекста; здесь можно говорить скорее о сознательном принижении дореволюционной России и монархической формы правления путём использования средств орфографии.

Так, в брошюре Н. В. Устрялова в отношении республики следует говорить о нарицательном имени, поскольку собственно Российской Республики на тот момент ещё не было, однако название империи однозначно имя собственное, но даётся со строчной буквы. В ответе О. О. Павлова по контексту в обоих случаях речь однозначно идёт о собственном имени, однако в силу авторских предпочтений название Российского государства пишется намеренно со строчной буквы – в противоположность польскому восстанию, что явно свидетельствует о политических предпочтениях опрашиваемого.

Х.-А. Т. Нухаев, упоминая времена Кавказской войны, официальное название Российского государства даёт со строчной буквы – в противоположность неофициальному названию Османской Империи, или Оттоманской Порты, что также выдаёт политические предпочтения интервьюируемого. В статье В. В. Согрина речь идёт также о конкретном государстве, в отношении которого большевики заняли антиимперскую позицию; возможно, такое написание выбрано в связи с отрицательным отношением большевиков к Российской Империи, хотя это не даёт основания писать имя собственное со строчной буквы, если сам автор не разделяет большевицкую позицию; примечательно, что названия войн В. В. Согрин последовательно пишет с заглавных букв: Крымская война, Первая мировая война, Гражданская война [Согрин, 2010, с. 74, 76].

Следует отметить, что название *Союз Советских Социалистических Республик* писалось и пишется с прописных букв, даже два последних слова считаются частью имени государства. Правда, у В. И. Ленина имеется запись со строчных букв: *союз советских социалистических республик* [Ленин, 1970, с. 356, 361–362], однако он имеет в виду не образующее государство, получившее данное название, а являющуюся нарицательным именем форму пролетарского союза государств.

В случаях с написанием Российской Империи со строчной буквы имеет место передача негативного отношения к государству посредством строчной буквы. Это подтверждает: не во всех случаях все имена собственные пишутся с прописной буквы, а все имена нарицательные – со строчной.

Возможность написания отдельных собственных имён со строчной буквы имеет хождение на практике, причём это не окказиональные случаи, а закрепившаяся на практике орфография, пусть и для небольшого числа имён. Это подтверждается ответом Грамоты.ру, подготовленным В. В. Лопатиным, на вопрос № 263602, заданный человеком, усомнившимся в правильности написания со строчных букв существительных *гитлерюгенд*⁴ и *ку-клукс-клан*, поскольку это оригинальные названия общественно-политических организаций. Исследователь ответил так: «Написание со строчной [буквы] таких слов, как *гитлерюгенд* и *ку-клукс-клан* (хотя это, действительно, индивидуальные названия организаций, движений), обусловлено исключительно многолетней традицией. Традицией, в формировании которой немалую роль сыграла и определённая идеологическая подоплёка: *гитлерюгенд* – нацистская, вражеская организация, *ку-клукс-клан* – организация, проповедующая враждебную нам расистскую идеологию. Иными словами, сложилась традиция написания этих слов со строчной как обозначающих чуждые понятия» [Грамота.ру, 2022].

В советское время со строчной буквы писался единый Бог с целью подчёркивания атеистической сущности нового общества и отрицания бытия Божия. При этом не бралось во внимание как неудобство такой орфографии, влекущей невозможность отличить языческого бога от Бога единого, так и тот факт, что отношение к религии отдельного человека или всего общества не должно влиять на правописание собственных имён таким образом, чтобы они становились неотличимы от имён нарицательных. По замечанию Н. В. Подольской, *Бог* и *бог* – это не одно слово, пишущееся то с большой, то с малой буквы, а два разных слова: одно – имя собственное, другое – нарицательное, за которыми стоят разные понятия [Подольская, 1994, с. 50]. Следует безусловно согласиться с исследовательницей. Принятое в советское время написание

⁴ Не затрагивая написание данного названия со строчной или прописной буквы, следует указать на нелогичность и неправильность отсутствия *ъ* на стыке двух корней: слово не сложносокращённое (*Минюст*, *комячейка* и т. п.), первый корень оканчивается на твёрдую согласную, а второй корень начинается на йотированную гласную, что требует буквы *ь*: *Г(г)итлеръюгенд*. Написание без *ера* в середине обусловлено закрепившейся практикой, не соответствующей правилам орфографии: в аналогичном по морфемному составу слове *фельдъегерь* с двумя корнями *ер* пишется. Таким образом, название книги «Сталиньюгенд» [Кирпичников, 2007] орфографически верно.

единого Бога со строчной буквы затемняло смысл текста, не давало возможности отличить Бога не только от языческих богов, но и – что немаловажно для философских и религиозных сочинений – лишало способа письменно обозначить атеистическую подмену Бога человеком, которую следовало бы обозначить строчной буквой, от имени Творца, всегда писавшегося с прописной буквы, что на примере «Бесов» Ф. М. Достоевского показывает современный исследователь В. Н. Захаров [Захаров, 2013, с. 301].

4.3. Орфография этнонимов и их ономастичность [Ethnonyms' orthography and their propriality]

Вышеприведённые примеры свидетельствуют о том, что даже собственные имена могут по причинам внелингвистического характера писаться со строчных букв. Чаще всего основанием для отсутствия прописной буквы в собственном имени служит отрицательное отношение к объекту, предмету, событию, сущности или явлению, обозначаемому таким именем. Однако это самая очевидная, но не единственная причина для написания собственных имён со строчной буквы.

Н. В. Григорьева видит в традиции написания этнонимов с прописной буквы соответствие высокому статусу таких слов-наименований в сознании общества, при этом сама исследовательница относит этнонимы к именам нарицательным [Григорьева, 2019, с. 15, 9]. Однако, если полагать этнонимы исключительно именами нарицательными, – при последовательном написании этнонимов с прописной буквы (существовавшем в русской орфографии и существующем в орфографиях некоторых языков донныне) не представляется возможным считать такое использование прописной буквы в функции, называемой А. И. Дунёвым символической или идеографической – для «патетического стиля» [Дунёв, 2007, с. 122]. В «патетическом стиле» нарицательные имена употребляются не во всех контекстах: так, существительное *Родина* ~ *родина*, местоимение *Вы* ~ *вы* пишутся различно в зависимости от того, какое понятие в них вкладывается и в каком стиле речи (научном, публицистическом, литературно-художественном, деловом) употребляются данные слова. Этнонимы, если они исторически писались в русском языке с прописной буквы, писались так последовательно, вне зависимости от вкладываемого в них значения.

Как указано выше, имеются различные взгляды на ономастический статус этнонимов, что отметил ещё Я. К. Грот; поскольку этнонимы не относили безусловно к именам собственным, в XIX в. в русском языке наметилось колебание в их орфографии.

Этноним имеет ономастический статус в зависимости от своего значения; во множественном числе он чаще всего выступает как проприатив – имя народа или иной этнической субъектности. Поскольку, в отличие, например, от антропонимов и топонимов – безусловных собственных имён, этноним не всегда несёт в себе ономастическое значение, было целесообразно принять написание таких лексем со строчной буквы: во-первых, в исключительно нарицательном значении слово с прописной буквы неоправданно выделяется в тексте среди остальных нарицательных имён; во-вторых, при неоднозначности ономастического статуса имени существительного логичнее не обозначать его орфографически, поскольку русскому языку несвойственно обилие прописных букв с выделительной функцией в тексте: лучше написать неоднозначное собственное имя со строчной буквы, чем нарицательное – с прописной.

По устоявшейся традиции и согласно действующему правилу орфографии в русском языке этнонимы пишутся со строчной буквы. Данный факт, однако, не решил окончательно вопрос их ономастического статуса, но и не лишил их ономастичности.

4.4. Преимущества написания этнонимов с заглавной буквы [Advantages of ethnonyms' capitalisation]

Ранее в русском языке этнонимы писались с прописной буквы, однако в конце XIX в. – вслед за указаниями Я. К. Грота – закрепилось написание этнонимов со строчной буквы, хотя и после выхода Гротова «Русского правописания» на практике встречались написания с прописной буквы. Сегодня представляется правильным следовать традиции и не вносить изменения в орфографию этнонимов, устоявшуюся со времён Я. К. Грота.

В научных целях следует рассмотреть преимущества, которыми могут пользоваться языки, удерживающие написание этнонимов с прописной буквы. Лучшим примером для сравнения является близкородственный язык, и в качестве такового в разбираемом случае вполне подходит сербский. В сербском языке существуют этнонимы *Цинцар*, *Цинцарин* ‘фракийский валах, македонский румын, цинцар’ и нарицательные существительные *цинцар*, *цинцарин* ‘лавочник’. Благодаря орфографическому средству удаётся разграничить этноним от профессии, что было бы невозможно в русском языке.

Славяне-мусульмане Югославии в 1971 г. стали официально называться именем *Муслимани* (ед. ч. *Муслиманин*), по звучанию тождественным конфессиониму *муслиманин* ‘мусульманин’. Таким образом, славяне-мусульмане смогли называть себя мусульманами в смысле народа [Dimitrova, 2001, p. 96]. Фактически конфессионим стал в Югославии этнонимом; такая трансформация оказалась возможна благодаря тому, что этнонимы в сербском (хорватском), словенском и македонском языках пишутся с заглавной буквы, что позволило различать на письме два слова с одинаковым звучанием. В русском языке такая передача разных смыслов невозможна. Большая советская энциклопедия в третьем издании при обозначении современных босняков вынужденно берёт название народа в кавычки, а при первом употреблении даёт пояснение: «Югославия – многонациональная страна, её населяют: сербы <...>, хорваты <...>, словенцы <...>, “мусульмане” (в этническом смысле) <...>, македонцы <...>, черногорцы <...>. <...> Сербь, хорваты, “мусульмане” и черногорцы говорят на диалектах сербскохорватского языка, словенцы и македонцы имеют свои разговорные и литературные языки»⁵ [БСЭ, 1978, с. 341].

Разумеется, преимущество сербского языка в написании этнонимов с заглавной буквы и как следствие возможность отличать этноним от конфессионима может быть компенсировано в русском языке иными средствами, а именно, использованием этнонима иных звучания и формы. Так, в русском языке до 1971 г., когда в Югославии официально закрепили этноним *Муслимани*, употреблялся и ныне употребляется этноним *босняки*. Он встречается в сочинениях разных авторов наряду с этнонимом *герцеговинцы*:

1) у К. Г. Паустовского: «Там были чехи, немцы, итальянцы, тирольцы, поляки, босняки, сербы, хорваты, черногорцы, венгры, цыгане, герцеговинцы, гуцулы и словаки... О существовании некоторых из этих народов я и не подозревал, хотя окончил гимназию с пятёркой по географии» [Паустовский, 1958, с. 340];

2) у А. И. Деникина: «Наследник австро-венгерского престола, эрцгерцог Фердинанд, при посещении г. Сараево был убит босняком, австрийским подданным Принципом» [Деникин, 1953, с. 298];

3) у участника Великой Отечественной войны Б. А. Слуцкого: «В ноябре дюжина наших разведчиков переплыла мутный Дунай, оглушила мёрзших в окопах босняков и заняла село Батину. <...> В первые два дня боя наша разведка доносила, что наступают босняки» [Слуцкий, 2000, с. 100, 105].

В 1993 г. в Боснии и Герцеговине вместо этнонима *Муслиманин*, мн. ч. *Муслимани*, приняли этноним *бошняк*, мн. ч. *бошняки* (*Бошняк*, мн. ч. *Бошняци*) [Dimitrova,

⁵ Все сокращения при цитировании раскрываются без указания; курсив, отсылающий к соответствующей статье в энциклопедии, не сохраняется.

2001, р. 97, 98]. Очевидно, несмотря на возможность орфографического различия, всё же удобнее использовать этноним, отличающийся от конфессионима по звучанию, хотя это было не основной причиной смены наименования после распада Югославии: главная идея заключалась в создании особого имени для боснийского народа, отличного от наименования по религии. Среди самих босняков нет однозначного мнения о принятии этнонима. Главные аргументы против него: этноним *бошняки* (*Бошњаци*) архаичен; до середины XIX в. использовался ранее как катойконим для обозначения всех жителей Боснии независимо от национальности и вероисповедания. По мнению исследовательницы М. Релич, люди, которых следует называть бошняками, не любят данное название и не хотят его [Релич, 2009, с. 44]. Однако для русского языка вполне приемлемо использовать этноним *босняк*: во-первых, он фонетически не тождествен этнониму *бошняк*; во-вторых, в русском и до 1971 и 1993 гг. использовался данный этноним, чему имеется подтверждение в литературе; в-третьих, этнонимы в русском языке могут отличаться от таковых в иных языках, включая славянские: самоназвание народа не всегда совпадает с его названием у других народов; в-четвёртых, слово *мусульманин* не может использоваться как этноним ввиду возможного семантического смешения, а в письменном языке также и по орфографическим причинам.

В пользу написания этнонимов с заглавной буквы можно назвать одну утилитарную причину: такая орфография существенно упрощает розыск этнонимов в тексте, заменяя чтение беглым просмотром в поисках нужного места. Для обычного читателя это, возможно, не представляет особого преимущества, тогда как исследователю, работающему с огромным количеством текстов, это существеннейшим образом облегчает жизнь, экономя время. По этой причине ономастологу удобнее работать с текстами, удерживающими заглавное написание этнонимов. Однако удобство для исследователя не может служить причиной внесения изменения в правило русской орфографии: написание этнонимов со строчной буквы логично, нельзя нарушать сложившуюся практику в угоду учёным-ономастологам; в противном случае пришлось бы вносить различные изменения в написание ради небольшой группы лиц (например, писать воинские звания с прописной буквы для удобства историков и военных, названия болезней – для удобства врачей и т. п.), что лишь дестабилизировало бы орфографию.

5. Заключение [Conclusion]

Изучение различных взглядов на статус этнонимов и рассмотрение вопроса их проприальности с точки зрения орфографии и образования множественного числа позволило сделать следующие выводы. Во-первых, в некоторых случаях имена собственные могут писаться со строчной буквы. Этнонимы, находящиеся на стыке имён собственных и нарицательных, в разных языках передаются различно: со строчной или с прописной буквы. У каждого языка существует своя традиция записи этнонимов, что может обуславливать различное использование их с иными словами одинакового звучания: например, *муслимани* и *Муслимани*, *цинциари* и *Цинциари* в сербском языке. Вместе с тем удобство различения этнонима от схожего по звучанию неэтнонима прописной буквой не является универсальным средством и не может служить аргументом в пользу принятия такого написания во всех языках, каждый из которых имеет собственную традицию.

Во-вторых, анализ примеров показал, что этнонимы во множественном числе обозначают народ в целом и являются собственными именами, в единственном числе при указании на национальность человека этноним выступает как имя нарицательное. Поскольку нарицательные имена пишутся со строчной буквы, правильнее они, находящиеся на стыке собственных и нарицательных имён, записывать со строчной буквы, как это и имеет место в русском языке.

Источники иллюстративного материала

- БСЭ 1978 – Большая советская энциклопедия. 3-е изд. : в 30 т. Т. 30. М. : Советская энциклопедия, 1978. 632 с.
- Деникин 1953 – Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. 384 с.
- Кирпичников 2007 – Кирпичников А. Ф. Сталиньгенд. М. : Вече, 2007. 320 с.
- Ленин 1970 – Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полн. собр. соч. : в 55 т. Изд. 5-е. Т. 45. М. : Изд-во политической литературы, 1970. С. 356–362.
- Николаев 1999 – [Николаев А.]. XX век: веки истории – веки судьбы. Анкета // Дружба народов. 1999. № 9. С. 165–180.
- Нухаев 2002 – Нухаев Х.-А. Россия и Чечения: мир по формуле «Победа – Победа». Интервью, данное Хож-Ахмедом Нухаевым чеченской газете «Мекх-Кхел» // Звезда. 2002. № 10. С. 153–173.
- Паустовский 1958 – Паустовский К. Г. Повесть о жизни // Собр. соч. : в 6 т. Т. 3. М. : ГИХЛ, 1958. 792 с.
- Слуцкий 2000 – Слуцкий Б. А. Записки о войне. Стихотворения и баллады / вступ. ст. Д. Гранина. Сост., послесл., примеч. П. Горелика. СПб. : Logos, 2000. 352 с.
- Согрин 2010 – Согрин В. В. Понять Россию. Понять Америку // Знание – сила. 2010. № 3. С. 73–81.
- Устрялов 1917 – Устрялов Н. В. Революция и война. М., 1917. 28 с.

Библиографический список

- Бондалетов, 1983 – Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М. : Просвещение, 1983. 224 с.
- Белецкий, 1972 – Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). К. : Изд-во Киевского университета, 1972. 210 с.
- Грамота.ру, 2022 – Грамота.ру. Вопрос № 263602. [Электронный ресурс]. URL : <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=263602> (дата обращения : 27.12.2022).
- Григорьева, 2019 – Григорьева Н. В. Этнонимы в диалектной лексико-семантической системе (на материале псковских говоров) : дис. ... канд. филол. наук; 10:02:01 ; Псковский гос. ун-т. Псков, 2019. 262 с.
- Грищенко, 2011 а – Грищенко А. И. Лексическое значение этнонима – семантическое уравнение с двумя неизвестными // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I : сб. научных статей / сост. В. Н. Денисенко, О. И. Валентинова и др. М. : РУДН, 2011. С. 437–443.
- Грищенко, 2011 б – Грищенко А. И. Ономастический статус этнонимов и категория одушевлённости/неодушевлённости // Русский язык в школе. 2011. № 9. С. 61–67.
- Грищенко, 2012 – Грищенко А. И. Ономастический статус этнонимов в свете антропологической концепции имени собственного // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. : в 2 ч. Ч. 1 / [ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2012. С. 89–91.
- Грот, 1873 – Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньше. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1873. 162 с.
- Грот, 1885 – Грот Я. К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии Наук. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1885. X, 144 с.
- Дунёв, 2007 – Дунёв А. И. Кризис орфографической нормы: прописная и строчная в современной письменной речи // Русское слово и русский текст: история и современность : сб. науч. ст., посвящённый члену-корреспонденту РАО, профессору Владимиру Алексеевичу Козыреву / отв. ред. В. Д. Черняк. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. С. 121–128.
- Ковалёв, 1991 – Ковалёв Г. Ф. Этнонимия славянских языков. Номинация и словообразование. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1991. 175 с.
- Захаров, 2013 – Захаров В. Н. Заглавная буква в «Бесах», или Почему нельзя править Достоевского // Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М. : Индрик, 2013. С. 300–316.
- Никонов, 1970 – Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М. : Наука, 1970. С. 5–33.

- Подольская, 1978 – Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1978. 199 с.
- Подольская, 1988 – Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1988. 192 с.
- Подольская, 1994 – Подольская Н. В. Заглавная и строчная буквы в культовых словах // Русская речь. 1994. № 1. С. 49–57.
- Поляков, 2016 – Поляков А. С. К вопросу о содержании понятия «этноним» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 4. С. 125–129.
- Рельић, 2009 – Рельић М. О национальном имени и преименовању језика Бошњака/Муслимана. (Српски језик као босански у Призренско-шарпланинској области) // Зборник Матице српске за славистику. Књ. 75 / главни и одговорни уредник др Предраг Пипер. Нови Сад, 2009. С. 39–52.
- Суперанская, 1973 – Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. М. : Наука, 1973. 366 с.
- Супрун, 2000 – Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград : Перемена, 2000. 172 с.
- Шмелёв, 2020 – Шмелёв А. Д. Кодификация русской орфографии и написание собственных имён людей с прописной буквы – есть ли проблема? // Русская речь. 2020. № 4. С. 42–53.
- Щербак, 2008 – Щербак А. С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина ; ООО «Центр-пресс», 2008. 197 с.
- Dimitrova, 2001 – Dimitrova B. Bosniak or Muslim? Dilemma of one Nation with two Names // Southeast European Politics. Oct. 2001. Vol. II, No. 2. P. 94–108.
- Gardiner, 1957 – Gardiner A. The Theory of Proper Names. A Controversial Essay. 2nd edn, 2nd impression. London ; New York ; Toronto : Oxford University Press, 1957. viii, 78 p.

Sources of illustrative material

- Great Soviet Encyclopaedia (1978). 3d edn : in 30 vol. Vol. 30. Moscow : Soviet Encyclopaedia Press. (In Russ.).
- Denikin, A. I. (1953). *Put' russkogo ofitsera* [Path of Russian officer]. New York : Chekhov Press. (In Russ.).
- Kirpichnikov, A. F. (2007). *Stalin'yugend* [Stalinjugend]. Moscow : Veche Press. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1970). К вопросу о националь'ностих или об "автомизации" [To the nationalities issue or about "autonomisation"] (pp. 356–362). Full collected works : In 55 volumes. Vol. 45. Moscow : Political Literature Press. (In Russ.).
- [Nikolaev, A.] (1999). XX vek: vekhi istorii – vekhi sud'by. Anketa [20th century: history's milestones – fate's milestones. Questionnaire]. *Druzhba narodov* [Peoples' Friendship], 9, 165–180. (In Russ.).
- Nukhaev, Kh.-A. (2002). Rossiya i Checheniya: mir po formule "Pobeda – Pobeda" [Russia and Chechenia: Peace by formula "Win – Win"]. *Zvezda* [Star], 10, 153–173. (In Russ.).
- Paustovskiy, K. G. (1958). *Povest' o zhizni* [Tale of life]. Collected works : In 6 volumes. Vol. 3. Moscow : GIKhL Press. (In Russ.).
- Slutskiy, B. A. (2000). *Zapiski o voyne. Stikhotvoreniya i ballady* [Notes of war. Poems and ballads]. St Petersburg : Logos. (In Russ.).
- Sogrin, V. V. (2010). Ponyat' Rossiyu. Ponyat' Ameriku [To understand Russia. To understand America]. *Znanie – sila* [Knowledge is Power], 3, 73–81. (In Russ.).
- Ustryalov, N. V. (1917). *Revolyutsiya i vojna* [Revolution and war]. Moscow. (In Russ.).

References

- Bondaletov, V. D. (1983). *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Beletskiy, A. A. (1972). *Leksikologiya i teoriya yazykoznaniya (onomastika)* [Lexicology and linguistic theory (onomastics)]. Kiev : Kiev State University Press. (In Russ.).
- Gramota.ru. (2022). Question No. 263602. Retrieved December 27, 2022, from <<http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=263602>>. (In Russ.).

- Grigoryeva, N. V. (2019). *Etonimy v dialektnoy leksiko-semanticheskoy sisteme (na materiale pskovskikh govorov)* [Ethnonyms in the lexical-semantical system of the dialect (on material of Pskov patois)]. PhD in Philological sci. diss. Pskov : Pskov State University. (In Russ.).
- Grishchenko, A. I. (2011 a). Leksicheskoe znachenie etnonima – semanticheskoe uravnenie s dvumya neizvestnymi [Ethnonym's lexical meaning – a semantic equation with two indeterminates]. In V. N. Denisenko, & O. I. Valentinova (Eds.), *Funktional'naya semantika i semiotika znakovykh sistem* [Functional semantics and semiotics of token systems]. Pt. 1, Anthology of scientific papers (pp. 437–443). Moscow. (In Russ.).
- Grishchenko, A. I. (2011 b). Onomasticheskiy status etnonimov i kategoriya odushevlyonnosti/neodushevlyonnosti [The propriality of ethnonyms and the category of animacy/inanimacy]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], 9, 61–67. (In Russ.).
- Grishchenko, A. I. (2012). Onomasticheskiy status etnonimov v svete antropologicheskoy kontseptsii imeni sobstvennogo [The propriality of ethnonyms in the light of anthropological conception of the proper name]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya : materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology : Proceedings of the 2nd International scientific conference]. In 2 pts. Pt. 1 (pp. 89–91). Yekaterinburg : Ural University Press. (In Russ.).
- Grot, Ya. K. (1873). *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne* [Controversial issues of Russian spelling from Peter the Great till now]. St Petersburg : Typography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
- Grot, Ya. K. (1885). *Russkoe pravopisanie. Rukovodstvo, sostavlennoe po porucheniyu Vtorogo otdeleniya Imperatorskoy Akademii Nauk* [Russian spelling. Manual compiled on behalf of the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. St Petersburg : Typography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
- Dunyov, A. I. (2007). Krizis orfograficheskoy normy: propisnaya i strochnaya v sovremennoy pis'mennoy rechi [Crisis in orthographical standard: uppercase and lowercase in contemporary written speech]. In V. D. Chernyak (Ed.), *Russkoe slovo i russkiy tekst: istoriya i sovremennost'* [Russian word and Russian text: history and contemporaneity] (pp. 121–128). St Petersburg : Herzen University Press. (In Russ.).
- Kovalyov, G. F. (1991). *Etonimiya slavyanskikh yazykov. Nominatsiya i slovoobrazovanie* [Ethnonymics of Slavic languages. Nomination and derivation]. Voronezh : Voronezh State University Press. (In Russ.).
- Zakharov, V. N. (2013). Zaglavnyaya bukva v “Besakh”, ili Pochemu nel'zya pravit' Dostoevskogo [Capital letter in *Demons*, or Why one should not correct Dostoevsky]. In V. N. Zakharov, *Imya avtora – Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [Dostoevsky is author's name. An essay on writing] (pp. 300–316). Moscow : Indrik Press. (In Russ.).
- Nikonov, V. A. (1970). Etonimiya [Ethnonymics]. In *Etonimy* [Ethnonyms] (pp. 5–33). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Podolskaya, N. V. (1978). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. A. V. Superanskaya (Ed.). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Podolskaya, N. V. (1988). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd edn, revised and enlarged. A. V. Superanskaya (Ed.). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Podolskaya, N. V. (1994). Zaglavnyaya i strochnaya bukvy v kul'tovykh slovakh [Uppercase and lowercase letters in the words of cult]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 1, 49–57. (In Russ.).
- Polyakov, A. S. (2016). K voprosu o sodержanii ponyatiya “etnonim” [Revising the content of concept “Ethnonym”]. *Byulleten' Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of Nekrasov Kostroma State University], 4, 125–129. (In Russ.).
- Relić, M. (2009). O nacionalnom imenu i preimenovanju jezika Bošnjaka/Muslimana. (Srpski jezik kao bosanski u Prizrenko-šarplaninskoj oblasti) [About national name and renaming of Bosniak/Muslim language. (Serbian language as Bosnian in Prizren-Sharplanina region)]. *Zbornik Matice srpske za slavistiku* [Matica Srpska Journal of Slavic Studies], 75, 39–52. (In Serb.).

- Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [Common theory of proper name]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Suprun, V. I. (2000). *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial* [Russian language field of onomastics and its artistic and aesthetic potential]. Volgograd : Peremena. (In Russ.).
- Shmelyov, A. D. (2020). Kodifikatsiya russkoy orfografii i napisanie sobstvennykh imyon lyudey s propisnoy bukvy – est' li problema? [Codification of the Russian orthography and capitalization of personal proper names: Is there any problem?]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 4, 42–53. (In Russ.).
- Shcherbak, A. S. (2008). *Regional'naya onomastika v kognitivnom aspekte* [Regional onomastics in cognitive aspect]. Tambov : Tambov State University named for G. R. Derzhavin Press ; Press-centre, LLC. (In Russ.).
- Dimitrova, B. (2001). Bosniak or Muslim? Dilemma of one Nation with two Names. *Southeast European Politics*, II, 2, 94–108.
- Gardiner, A. (1957). *The Theory of Proper Names. A Controversial Essay*. London ; New York ; Toronto : Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 21.06.2022; одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 27.01.2023.
The article was submitted 21.06.2022; approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 27.01.2023.

Тимофеева Мария Кирилловна
Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН, Институт филологии СО РАН
г. Новосибирск, Российская Федерация
mtimof@inbox.ru

Междисциплинарный сопоставительный словарь терминов

Аннотация

Междисциплинарность современной науки обуславливает возникновение проблемы взаимопонимания между специалистами с базовым исследовательским и когнитивным опытом в разных научных областях. Одним из источников сложностей для такого взаимопонимания являются консубстанциональные термины, параллельно используемые в разных профессиональных областях, либо в профессиональной и обычной коммуникации. Эта сложность не может быть преодолена только путём использования специализированных терминологических словарей отдельных дисциплин, ориентированных лишь на представителей одной профессиональной области. Кроме того, существенная доля информации, очевидной для специалистов в данной области, не отражается в словаре, являясь своего рода пресуппозиционным знанием. При междисциплинарном исследовании такие знания зачастую оказываются важными, однако для их постижения требуются годы совместной работы. Создание словарей, фиксирующих базовые терминологические различия, может облегчить этот процесс. Данная статья представляет часть проекта создания словарей нового типа, предназначенных для участников междисциплинарного сотрудничества, и содержит результаты сопоставительного анализа консубстанциональных терминов двух пар дисциплин: лингвистики и математической логики, лингвистики и информатики. В результате выявлены дифференциальные и интегральные признаки значений терминов, обнаружены возможности для выделения иерархии сем, необходимость разной степени детализации, зависящей от сложности содержания термина, а также наличие более одной линии сравнительного анализа в случае омонимии терминов, приведены примеры сопоставительного анализа терминов.

Ключевые слова: семантика терминов, межпредметная полисемия, омонимия терминов, консубстанциональные термины, междисциплинарная коммуникация, взаимопонимание

© Тимофеева М. К. 2023

Для цитирования: Тимофеева М. К. Междисциплинарный сопоставительный словарь терминов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 143–158. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_143

Mariya K. Timofeeva
Sobolev Institute of mathematics of the Siberian Branch of RAS, Institute of Philology
of the Siberian Branch of RAS
Novosibirsk, Russian Federation
mtimof@inbox.ru

Interdisciplinary contrastive-comparative terminological dictionary

Abstract

Interdisciplinary approach of modern science raises an issue of mutual understanding between specialists with basic investigative and cognitive experience within different scientific fields. One of the sources of difficulties for such mutual understanding comes from the consubstantial terms with parallel use in several professional fields or in professional and everyday communication. This problem cannot be solved only by specialized terminological

dictionaries of particular professional fields involved in the interdisciplinary work, since each dictionary of this type is designed to meet the needs of one professional field. Besides, a substantial amount of information that is obvious to specialists in this field is not reflected in the dictionary being a kind of presupposed knowledge. In interdisciplinary research, such knowledge is often important, but it takes years of cooperation to comprehend it. Compiling dictionaries that capture basic terminological differences can facilitate the process. This article presents a part of the project to design a new type of dictionaries intended for participants in interdisciplinary cooperation and contains the results of a comparative study of semantics and usage of consubstantial terms in 2 pairs of scientific fields: linguistics and mathematical logic, linguistics and computer science. As a result, relevant and integral properties of the meanings of the terms are determined, the possibility for some hierarchy and the necessity of different depth of details are revealed depending on term content richness, the presence of more than one line of comparative analysis for homonymous terms is shown, examples of a comparative analysis of the terms are given.

Keywords: term semantics, interdisciplinary polysemy, terms-homonyms, consubstantial terms, interdisciplinary communication, mutual understanding

© Timofeeva M. K. 2023

For citation: Timofeeva, M. K. (2023). *Mezhdistsiplinaryy sopostavitel'nyy slovar' terminov* [Interdisciplinary contrastive-comparative terminological dictionary]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 143–158. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_143

1. Введение [Introduction]

На протяжении XX века тенденция к обособлению научных дисциплин, к поиску их собственных задач и границ сменилась тенденцией к междисциплинарному взаимодействию и сближению. Лингвистика была одним из участников данного процесса, перейдя в течение века от понимания языка как системы, «которая подчиняется лишь своему собственному порядку» [Соссюр, 1977, с. 61] к пониманию того, что «все границы между науками – это некие условные исторические артефакты. А человеческая природа едина и неделима. И как таковую её в дальнейшем предстоит понять»¹.

С развитием междисциплинарных исследований связано появление проблем разного плана, от административно-управленческих до когнитивных и психологических. Когнитивную основу эффективной профессиональной коммуникации составляет единый терминологический аппарат. Главное назначение терминов как раз и состоит в том, чтобы обеспечить единообразие научного языка.

В рамках одной дисциплины терминологический аппарат складывается в течение десятилетий и фиксируется в терминологических словарях. Однако освоить профессиональную терминологию только на основе традиционного терминологического словаря невозможно. Определения терминов в таком словаре строятся с учётом их системных связей с другими терминами той же научной области. В условиях междисциплинарного исследования консубстанциональный термин, параллельно используемый в двух дисциплинах, оказывается на пересечении двух терминологических систем с разными внутренними связями. Это уже создаёт предпосылки для различий в трактовках термина, поскольку словарное определение фиксирует только существенные признаки, а они могут различаться в разных научных областях.

Междисциплинарная коммуникация происходит между людьми, имеющими разное базовое образование. Соответственно опыт и привычки научной работы, сложившиеся в рамках одной профессиональной области, они привносят в другую профессиональную область. Такая предвзятость напрямую затрагивает не только пони-

¹ Кибрик А. А. Лекция «Мультимодальная лингвистика» на сайте ПостНаука, прочитанная в 2014 г. URL : <https://postnauka.ru/faq/37543> (дата обращения : 12.07.2022).

вание консубстанциональных терминов, но и многое другое, например, требования к степени точности и эксплицитности информации, её эмпирической проверяемости и т. д.

Общение представителей разных дисциплин в рамках междисциплинарного исследования можно назвать своего рода «межкультурной коммуникацией», а параллельно используемые в разных дисциплинах консубстанциональные термины – уподобить «ложным друзьям переводчика», доставляющим немало проблем при изучении иностранного языка, общении представителей разных языковых культур, межъязыковом переводе. Например, в паре дисциплин «лингвистика – математическая логика» используются термины *высказывание, пропозиция, предикат, модальность, модель, интерпретация, синтаксис, семантика, тавтология* и др., но понимания этих терминов в указанных двух дисциплинах не совпадают. Параллельные термины могут иметь в разных дисциплинах не только разные значения, но и разные оценочные коннотации. Так, например, термин *тавтология* в математической логике обозначает языковое выражение, являющееся абсолютно надёжным в силу своей истинности при любой интерпретации, в лингвистике же *тавтология* может трактоваться как ошибка (напр., [Апресян, 1995, с. 622]). В традиционной (аристотелевской) логике тавтология, как разновидность «круга в определении», также считается ошибкой.

Для освоения межъязыковых соответствий «ложных друзей переводчика» существуют специальные словари (см., напр., обсуждение таких словарей в [Борисова, 2005]), в которых каждому межъязыковому омониму / парониму ставятся в соответствие его возможные переводы и примеры их использования. Надо заметить, что в отличие от междисциплинарных исследований при переводе обычно не требуется полноценное профессиональное понимание содержания термина, достаточен тот уровень понимания, который позволяет правильно установить переводное соответствие. Консубстанциональные термины, параллельно используемые в разных дисциплинах, приводятся в имеющихся немногочисленных междисциплинарных словарях, однако такие словари относятся к цитатному типу, то есть сводят в едином издании определения из других специализированных словарей, не эксплицируя при этом семантические различия между значениями терминов. Однако, как уже было сказано, для изучения профессионального языка недостаточно простого «сложения» информации из имеющихся словарей, важен именно семантический сопоставительный анализ таких терминов.

Понятие консубстанциональности было введено С. В. Гриневым [Гринев, 1993]. Консубстанциональными он назвал термины, используемые параллельно в профессиональной и обыденной коммуникации. В дальнейшем значение данного термина расширилось, охватив также межпредметную омонимию и полисемию терминов [Сорокина, 2011]. Данная работа использует расширенную трактовку консубстанциональности и фокусируется на терминах, параллельно используемых в разных профессиональных областях.

Ц е л ь исследования – эксплицировать семантические и прагматические различия между терминами, параллельно используемыми в разных дисциплинах, и представить эту информацию (в понятном для предполагаемого пользователя виде) в новом типе словаря – междисциплинарном сопоставительном словаре терминов (МССТ), предназначенном для поддержки междисциплинарной коммуникации.

Словарь ориентирован прежде всего на участников профессиональной коммуникации в междисциплинарной области, включающей лингвистику, с одной стороны, и ту или иную область точного знания, с другой стороны. Целевая аудитория – исследователи рассматриваемых междисциплинарных научных областей, студенты соответствующих междисциплинарных направлений образования, преподаватели, связанные с подготовкой таких специалистов. Словарь не ориентирована напрямую на переводчиков научных текстов, журналистов, пишущих о науке, редакторов научных изданий, хотя в каких-то отношениях тоже может оказаться им полезен.

В методологическом отношении разработка МССТ базируется на принципах составления терминологических описаний, сформулированных в работах С. В. Гринева-Гриневича, Л. В. Лейчика, А. С. Герда [Гринева-Гриневич, 2021 ; Гринева, 1993 ; Лейчик, 2009 ; Герд, 2005, 2011].

МССТ создаётся для конкретного набора дисциплин, включённых в междисциплинарное взаимодействие. То есть на самом деле речь идёт о серии таких словарей для разных наборов научных дисциплин. Первоначальным эмпирическим материалом для разработки концепции междисциплинарного словаря послужили термины, используемые в лингвистике и математической логике, в лингвистике и информатике. Таким образом, в фокусе внимания находятся междисциплинарные области, связанные с математической и компьютерной лингвистикой.

Разработка словаря ведётся в Новосибирском государственном университете на кафедре фундаментальной и прикладной лингвистики – междисциплинарном направлении, включающем серьёзную подготовку в области лингвистики, математической логики, программирования.

Основная стратегическая цель создания словаря – облегчение взаимопонимания на основе экспликации ключевых различий между трактовками междисциплинарных консубстанциональных терминов. В словаре анализируются профессиональные трактовки терминов, уже сложившиеся в определённой дисциплине, то есть ставится цель трансляции значения термина из одной терминосистемы в другую, а не цель какого-либо влияния на сложившиеся терминосистемы, например, её унификации или стандартизации. Вместе с тем не исключено, что процессы сближения терминологий будут происходить естественным образом на основе формирования устойчивых связей между научными областями, в результате чего, возможно, «от принятой сейчас традиционной и весьма консервативной классификации знаний уже скоро останутся одни воспоминания» [Иванов, 2004, с. 156].

Сопоставительный анализ в МССТ также отчасти соотносится с задачей гармонизации терминологий, однако под гармонизацией традиционно понимается не сопоставление терминов разных научных областей, а сопоставление национальных терминологий с целью установления наиболее адекватных переводных соответствий и интернационализации терминов [Гринева-Гриневич, Сорокина, 2018]. Кроме того, при гармонизации терминологий сопоставление не нацелено на семный анализ значений терминов и выявление дифференциальных признаков, а именно такова основная задача при составлении МССТ.

При разработке МССТ результат сопоставительного анализа представляется в виде набора выявленных дифференциальных и интегральных признаков значений параллельных терминов, а также, возможно, значимых различий в употреблении и переводе.

Источниками информации служат терминологические словари, энциклопедии, учебные издания выбранных профессиональных областей. Для уточнения некоторых конкретных вопросов могут рассматриваться также научные публикации в соответствующих областях, однако задача полного обзора употреблений терминов в таких публикациях не ставится, идиолектные варианты терминов не рассматриваются.

Анализируются только устоявшиеся термины, определения которых вошли в терминологические словари, энциклопедии или учебные издания, написанные специалистами в соответствующей области науки и предназначенные для подготовки таких специалистов. В качестве источника информации не используются неавторизованные ресурсы типа Википедии. Ограниченно используются издания философской или общеобразовательной направленности, зачастую представляющие материал в компилятивной или упрощённой форме. В частности, в таких изданиях логика обычно представляется как область, включающая не только современную математическую логику, но также её

исторические этапы развития, относимые к традиционной (аристотелевской) логике, и философские аспекты логики. В результате неоднозначность трактовок логических терминов возрастает. Поскольку в качестве метаязыка при построении формальных (математических или компьютерных) моделей естественного языка используется именно математическая логика, ею же и ограничивается рассмотрение в МССТ сферы междисциплинарных взаимодействий логики и лингвистики.

Надо отметить, что в каждой области научных знаний имеются исходные термины, которые считаются неопределяемыми и используются в дефинициях других терминов. В качестве примеров исходных терминов математики можно назвать *множество*, *число*, *точка*. Термин *язык* в лингвистике также является исходным; вопрос о том, какие признаки отличают язык от неязыка, является дискуссионным. Вместе с тем в математике и программировании *язык* – строго определяемое понятие. Содержание исходных терминов можно задавать аксиоматически, например, в математике существуют аксиоматические определения понятий *множество*, *число*, *точка*. В специализированных словарях и учебниках толкования исходных терминов по своей форме обычно не отличимы от определений других терминов; в толковании исходного термина часто не указывается, что, строго говоря, он является неопределяемым. Поскольку для исходного термина точного определения нет, в разных источниках могут акцентироваться разные нюансы понимания такого термина. Консубстанциональные исходные термины включаются в МССИ, так как междисциплинарные различия в их трактовках значимы.

В литературе по терминоведению нет единства мнений по поводу разделения омонимии и полисемии терминов. Однако для цели создания МССТ это разграничение несущественно и поэтому обсуждаться не будет. Поскольку для анализа выбираются только термины, зафиксированные в терминологических словарях, не актуальным для данного исследования оказывается и другой дискутируемый вопрос терминоведения – разграничение терминов и нетерминов.

В 1970-х годах А. Д. Хаюгин [Хаюгин, 1972], характеризуя прикладное направление терминоведения, выделил в нём задачу сопоставления терминологических систем разных отраслей науки на основе соответствующих терминологических словарей, указав, что для составления таких сопоставительных словарей необходимо сотрудничество лексикографов и специалистов в рассматриваемых научных областях. Иначе говоря, для составления такого словаря необходимо междисциплинарное сотрудничество и соответственно разработка новых принципов создания словаря. Возможно, эти два фактора, осложняющие сложившиеся традиции словарной работы, отчасти объясняют тот факт, что сопоставительных словарей консубстанциональных междисциплинарных терминов до сих пор не существует. Можно назвать лишь более или менее приближающиеся к ним типы ресурсов.

Прежде всего это междисциплинарные терминологические словари. Таких словарей для русского языка мало. В обзоре лингвистических словарей [Лесников, 2011] назван только один междисциплинарный словарь [Цейтлин и др., 2006], в котором авторы объединили терминологию лингвистики и ряда смежных дисциплин: психологии речи, логопатологии, методики развития речи, методики преподавания иностранного языка, методики преподавания русского языка в школе, методики преподавания русского языка как иностранного. Как пишут в предисловии сами авторы, этот словарь является цитатным, то есть приводимые в нём определения терминов взяты в готовом виде из других источников. Ещё один словарь [Шишков и др., 2020] объединяет термины нескольких нелингвистических областей: менеджмента, бизнес-планирования, информационных технологий в бизнесе, проектного управления, логистики. Имеется также онлайн-словарь междисциплинарный словарь компании «Минимакс-94» (<https://mm94.ru/slovar/>), представляющий дорожную отрасль и объединяющий различные тематики: до-

рожную, отраслевые информационные системы, метеорологию. Ни в одном из указанных выше трёх словарей сопоставительный содержательный анализ терминов, параллельно используемых в разных профессиональных областях, не проводится. Междисциплинарная специфика состоит в объединении в одном словаре определений терминов из разных специализированных источников.

Аналогично строится словарь консубстанциональных лингвистических терминов в диссертационном исследовании И. Ю. Бережанской. В данной работе представлены следующие направления межъязыкового сравнения консубстанциональных терминов русского и английского языков: диахронические аспекты образования терминов, грамматическая структура терминов, участие консубстанциональных терминов в развитии семантических процессов возникновения полисемии, омонимии, синонимии. В частности, отмечается, что заимствование термина «влечёт за собой существование одинаково звучащих лексем, обозначающих различные понятия в разных отраслях знания, либо использование одной звуковой оболочки для называния нескольких понятий внутри одной отрасли знания» [Бережанская, 2005, с. 181]. Однако выявление дифференциальных семантических признаков для таких терминов не проводится. Представленный в качестве приложения к диссертации словарь консубстанциональных терминов приводит определения из уже существующих словарей профессиональной и общеупотребительной лексики.

Как говорилось ранее, консубстанциональные термины можно уподобить «ложным друзьям переводчика», обсуждаемым в связи с межъязыковым переводом. Применительно к научной лексике этот вопрос рассматривался в указанной выше работе Л. И. Борисовой [Борисова, 2005], однако представленное здесь исследование ориентировано на межъязыковой научно-технический перевод, а не на облегчение междисциплинарного взаимодействия. Соответственно, включённый в данное издание словарь русских эквивалентов английских общенаучных слов («ложных друзей переводчика») содержит только переводные эквиваленты и иллюстрирующие их примеры, но не сравнение содержательной стороны терминов. В таком же ракурсе рассматриваются в данной работе интернационализмы и интернациональные общенаучные слова.

Отдельное направление – сопоставительное исследование межъязыковых различий в понимании переводных эквивалентов терминов. В качестве примера можно привести исследование [Алексеев, 2022], сопоставляющее использование терминов *политика*, *политик* в американском политическом дискурсе и англоязычном индийском масс-медийном дискурсе. Однако данное направление работ нацелено на понимание представителей других языковых культур, а не участников междисциплинарных научных исследований. Кроме того, задача состоит в выявлении ограниченного спектра различий (напр., в [Алексеев, 2022] – оценочных коннотаций), а не полного набора дифференциальных признаков как в МССТ.

Стоит упомянуть также о проектах открытых единых терминологических баз, обеспечивающих доступность терминологической информации из разных источников. Примерами могут служить многоязычная база терминов, используемых в документах Европейского союза IATE (Inter-Active Terminology for Europe: <https://iate.europa.eu/home>); а также база ТЕРМ Term Bank, представляющая собой разработанную в Финском терминологическом центре многоязычную коллекцию специальных словарей. Обе базы ориентированы на стандартизацию использования терминологии, в частности при межъязыковом переводе. Терминология на русском языке в них отсутствует. Цель сопоставления содержаний консубстанциональных терминов и выявления дифференциальных признаков не ставится. Аналогичная ситуация в ориентированной на межъязыковой перевод терминологической базе Т-Сервис (<https://www.tra-service.ru/tb>) для русского языка.

В терминологических базах знаний и онтологиях, создаваемых для различных предметных областей, обычно предусматривается возможность анализа семантических

отношений между лексическими единицами (синонимия, гиперонимия, меронимия и т. д.), но также не проводится сопоставительный компонентный анализ консубстанциональных терминов разных дисциплин. В качестве примера можно привести терминологическую базу знаний «Научная терминология» (ТБЗ НТ), разработанную в Терминологическом центре при Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН и включающую 12 компьютерных терминологических баз по гуманитарным и техническим областям знаний. Материалом для составления данной базы послужили имеющиеся специализированные источники.

При составлении МССТ фокус внимания направлен на выявление дифференциальных признаков сопоставляемых терминов. Это позволяет усмотреть отдалённую аналогию с методом анализа синонимов в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка [НОСС, 2004], однако НОСС представляет результаты гораздо более глубокого и всестороннего анализа, охватывающего лексику русского языка в целом, тогда как в МССТ семный анализ проводится только применительно к сравнительно небольшому количеству слов-терминов и только с целью дифференцирования смыслов внутри пар консубстанциональных терминов. Кроме того, такие термины не синонимичны друг другу, не могут считаться взаимозаменяемыми в контексте.

2. Результаты пилотной стадии исследования

[The results of the pilot stage of the study]

2.1. Принципы организации словаря [Principles of dictionary organization]

Цель и адресная ориентированность словаря предъявляют определённые требования к метаязыку, содержанию, структуре описания результатов сопоставительного анализа. Поскольку пользователи словаря – представители разных научных специальностей, это описание должно быть доступно для восприятия специалистом в любой из включённых в словарь областей науки. Это означает, что, помимо общих требований точности, краткости и понятности описаний смысла слов, следует свести к минимуму узкоспециальную терминологию и пояснять её в случае необходимости использования.

В современном междисциплинарном исследовании используются современные значения терминов. Поэтому, при отсутствии каких-либо особых обстоятельств, в МССТ рассматривается только современная трактовка термина. Предыстория термина может быть учтена дополнительно, если это положительно влияет на его понимание или привлечение к нему интереса, в общем случае такая рубрика факультативна. Анализ значений термина, в том числе сопоставительный, использует авторитетные источники информации, например, специализированные словари, энциклопедии, учебники, научные публикации, и содержит ссылки на эти источники.

Сопоставительный анализ включает следующие этапы:

- 1) составление списка терминов, параллельно используемых в рассматриваемой паре дисциплин;
- 2) поиск дефиниций этих терминов, приведённых в соответствующих специализированных терминологических словарях, энциклопедиях, учебных изданиях;
- 3) дефиниционный анализ, нацеленный на выявленные смысловых компонент, являющихся релевантными для одной дисциплины и нерелевантными для другой дисциплины;
- 4) уточнение состава сем, деталей содержания и употребления терминов на основе экспертного знания рассматриваемых научных областей, при необходимости с привлечением специалистов в этих областях и анализом научных публикаций;
- 5) обобщение всех этапов сопоставительного анализа, формирование единого метаязыка описания результатов сопоставлений;

- б) иллюстрирование каждого обсуждаемого аспекта трактовки термина примерами (реальные примеры из научных публикаций, учебных или справочных изданий);
- 7) реализация словаря в цифровой среде.

Факультативно могут быть представлены межъязыковые (переводные) соответствия термина; изменения, происшедшие при заимствовании этого термина из одной научной дисциплины в другую или из одного языка в другой; расхождения, произошедшие при исторически обусловленном параллельном использовании терминов в разных научных дисциплинах; связи с семантически близкими терминами и различия в их содержании или употреблении.

2.2. Анализ текущего опыта работы [Analysis of the current work experience]

Идея создания сопоставительного междисциплинарного словаря возникла в результате многолетнего опыта исследовательской и преподавательской работы в области математической и компьютерной лингвистики, и соответственно сотрудничества с филологами, математиками, программистами, не имеющими аналогичного междисциплинарного образования. В итоге пришло понимание того, что недостаточно просто сказать, что, например, *предикат* в логике и *предикат* в лингвистике – разные понятия, поскольку такое утверждение на самом деле ничего не проясняет, оставляет неясное неясным. Чтобы осознать различность этих терминов, надо увидеть конкретные смысловоразличительные элементы, дифференциальные признаки. Только тогда открывается возможность учитывать эти различия и договариваться о понимании терминов в рамках совместной междисциплинарной работы.

Лингвистика и логика как направления научной мысли исторически взаимосвязаны. Кроме того, лингвистику, математику и программирование объединяет тот факт, что все три научные области имеют дело с языками (естественными или искусственными, формальными). Следствием этих факторов является пересечение терминологий данных областей. В [Тимофеева, 2019] было рассмотрено в сопоставительном плане несколько терминов математики и лингвистики, различающихся по своим трактовкам в данных областях, это термины *формальный*, *функциональный*, *грамматика*, *синтаксис* и *семантика*. Анализ этих терминов тогда ещё не мыслился как составляющая сопоставительного словаря, поэтому может считаться только предварительным.

Проект МССТ сложился к 2021 г. В 2021 / 2022 учебном году двумя студентками направления фундаментальной и прикладной лингвистики Новосибирского государственного университета, А. Н. Король и С. А. Андренковой, на основе Словаря лингвистических терминов О. С. Ахмановой был составлен список консубстанциональных междисциплинарных терминов двух пар дисциплин (лингвистики и математической логики, лингвистики и программирования); для каждого из терминов были найдены его толкования в [Ахманова, 1966] и учебниках по логике [Зюзьков, 2015 ; Агарева, Селиванов, 2011] или Словаре по основам информатики и вычислительной техники [Ершов и др., 1991]; для каждой пары терминов был проведён сопоставительный компонентный анализ дефиниций и выявлены дифференциальные признаки. Для первой пары дисциплин были рассмотрены термины *алфавит*, *высказывание*, *дополнение*, *интерпретация*, *пропозиция*, *предикат*, *связка*, *модальность*, *модель*, *отрицание*, *пресуппозиция*, *семантика*, *синтаксис*, *тавтология*, *язык*. Для второй пары дисциплин: *алфавит*, *выражение*, *ветвь*, *данные*, *знак*, *значение*, *имя*, *информация*, *код*, *массив*, *моделирование*, *модель*, *повторение*, *семантика*, *символ*, *синтаксис*, *служебное слово*, *текст*, *утверждение*, *функция*, *число*, *язык*. На данном этапе в качестве источника толкований терминов необходимо было выбрать профессиональное издание для каждой рассматриваемой области знания. В итоге для названных пар дисциплин был реализован первый из перечисленных выше этапов работы (составлено два списка терминов), второй и третий эта-

пы были реализованы частично, так как для каждого термина рассматривались только указанные в данном абзаце источники.

Результаты этого этапа нуждаются в углублённом анализе и уточнении дифференциальных признаков на основе анализа других источников, унификации наименований сем и выработке единого метаязыка сопоставительного описания. Текущий этап работы состоит в выполнении этих задач.

Рассмотрим для примера один из основных терминов лингвистики и математической логики – термин *высказывание*. Прежде всего надо отметить, что термин *высказывание* является в математической логике исходным [Непейвода, 1997, с. 37], то есть точно не определяемым. Поэтому его использование не всегда предваряется явным толкованием, иногда его содержание лишь поясняется в свободной форме, как, например, в [Клини, 1973, с. 12], однако в пояснении фигурируют те же семантические признаки, которые имеются в приведённых ниже словарных толкованиях.

«Высказывание – единица сообщения, обладающая смысловой целостностью и могущая быть воспринятой слушателем в данных условиях языкового общения» [Ахманова 1966, с. 94].

«Высказывание – предложение естественного или формализованного языка, для которого имеет смысл говорить о его истинности или ложности. Этим высказывание отличается, например, от повелительных или вопросительных предложений естественного языка» [МЭС 1988, с. 130].

Сопоставимость данных дефиниций обеспечивается наличием общей (интегральной) семы ‘целостная единица языка’. Принадлежность языку явно обозначена в обоих определениях. В первом толковании признак целостности указан явно, во втором этот признак следует из того, что предложение – целостная единица языка. Однако язык и целостность в логике и лингвистике трактуются по-разному. Как уже говорилось, понятие *язык* в математической логике является строго определяемым, а в лингвистике – это исходное понятие. В лингвистике от высказывания требуется смысловая целостность, в логике – синтаксическая. Смысловая целостность лингвистического высказывания не исключает наличие синтаксических ошибок. Логический язык (по определению) содержит только синтаксически правильные высказывания.

В логике основная характеристика высказывания – применимость к нему истинностной оценки. Для лингвистического термина *высказывание* значение истинности не релевантно. Поэтому естественно, что в логике высказывание соотносится с декларативными предложениями естественного языка, но не соотносится с вопросительными и повелительными предложениями, так как допустимость применения к ним оценки истинности сомнительна. В лингвистике подобных ограничений на тип предложения нет. В учебниках данное ограничение может явно не упоминаться, например: «Высказывание – предложение, выражающее определённое суждение, то есть выражающее мысль о наличии определённого положения дел. Всякое высказывание может быть оценено как истинное или ложное» [Бочаров, Маркин, 2001, с. 13]. Тем самым читателю предлагается самостоятельно вывести следствие из того, что способ оценивания истинности вопросительных и побудительных предложений неясен.

Определение также может фокусироваться не на всей рассматриваемой дисциплинарной области, а на её более известной и считающейся центральной части. Например, понимание высказываний как утвердительных предложений, «о которых можно судить, истинны они или ложны, причем они не могут быть истинными и ложными одновременно» [Агарева, Селиванов, 2008, с. 4], как и приведённые ранее описания смысла термина *высказывание*, представляет трактовки в рамках классической двухзначной логики. В неклассических логиках принципы приписывания истинностных значений и количество таких значений могут быть иными (см., например, [Максимов, 2016]).

В частности, в многозначных логиках используется большее количество истинностных значений, которые не обязательно укладываются в линейную шкалу «истинно – ложно». В паранепротиворечивых логиках может допускаться одновременная истинность и ложность высказывания.

Ещё один семантический дифференциальный признак обнаруживается в первом, лингвистическом, определении, но отсутствует в логическом определении, так как разделение языка и речи для логики не релевантно. В лингвистике *высказывание* – это единица речи, используемая и воспринимаемая в определённой ситуации общения. Данный дифференциальный признак встречается также при сопоставлении других пар терминов. Назовём его ‘ситуативностью’, подразумевая под этим привязанность к конкретной ситуации и конкретным её участникам.

Междисциплинарные различия могут проявляться в семантических отношениях, связывающих рассматриваемый термин с другими словами или словосочетаниями. Так, в лингвистике *высказывание* и *пропозиция* не совпадают по своему содержанию. В логике это синонимы, например, *логика высказываний* и *пропозициональная логика* – синонимичные названия одного и того же раздела современной символической логики. Соответственно в логике терминологические сочетания *пропозициональная форма* и *высказывательная форма* можно использовать как синонимичные. В лингвистике эти сочетания собственного (лингвистического) смысла не имеют и, если используются, трактуются в логическом смысле.

При рассмотрении термина *высказывание* стоит также отметить, что в лингвистике и логике по-разному понимается семантика высказывания. Данный вопрос является предметом обсуждения в статье МССТ о термине *семантика*, в статье о термине *высказывание* даётся только общая характеристика ситуации. В лингвистике семантика высказывания описывается на том или ином метаязыке, то есть построение семантики высказывания – это его перевод на семантический метаязык. Семантический метаязык может быть искусственным, разработанным специально для данной цели или совпадать с языком-объектом (которому принадлежит толкуемый термин), или быть выделенной частью языка-объекта. В лингвистике эксплицируются составляющие смысла высказывания, возможно, также отношения между ними, но при этом не требуется, чтобы построенное описание характеризовало истинностное значение высказывания. Семантика высказывания в логике определяется формально заданной интерпретацией логического языка, к которому относится рассматриваемое высказывание. Разные теории современной логики предлагают разные способы построения интерпретации, однако в любом случае это математически точно определённая процедура и результат интерпретации высказывания обладает конкретным истинностным значением. Например, теоретико-модельная семантика состоит в интерпретации высказываний в заранее заданном множестве (модели), и каждое высказывание в рамках одной интерпретации имеет фиксированное истинностное значение; в случае семантики возможных миров истинностное значение одного и того же высказывания может быть разным в разных возможных мирах.

Важным пунктом в описании термина, в том числе консубстанционального, является указание переводных соответствий. Пока данная цель при описании терминов не ставится, но в перспективе она планируется. В качестве примера можно рассмотреть один из аспектов переводного соответствия для термина *высказывание*. Лингвистический термин *высказывание* переводится на английский язык как *utterance*, логический термин *высказывание* – как *statement*. Однако есть нюансы. Так, лингвистическое терминологическое сочетание *перформативное высказывание* переводится как *performative utterance*, а не как *performative statement*, поскольку, по мнению основоположника теории речевых актов Дж. Остина, такие высказывания являются действиями и не могут оцениваться как истинные или ложные. К. Бах [Bach, 1975] оспаривает данное мнение,

утверждая, что перформативные высказывания совмещают в себе одновременно две функции, являясь и действиями, и высказываниями в логическом смысле (*statements*), однако при этом Бах не отвергает сложившееся их наименование как *performative utterances*. По сути, предметом обсуждения в статье Баха является указанный выше первый дифференциальный признак термина *высказывание* в лингвистике и логике, и позиция Баха означает, что термин *utterance* в некоторых случаях может совмещать в себе лингвистическое и логическое значения. Соотношение между пониманием термина *высказывание* в лингвистике и логике подытожено в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Термин *высказывание* в лингвистике и логике
[T a b l e 1. The term *vysskazyvanie* in linguistics and logics]

Наименование признака	Лингвистика	Логика
Дифференциальные признаки		
Применимость истинностной оценки	-	+
Соотнесённость только с декларативными предложениями	-	+
Ситуативность	+	-
Целостность = синтаксическая правильность	-	+
Целостность = смысловая целостность	+	-
Точно определённая процедура построения семантики	-	+
Соотнесённость с другими терминами		
Синонимично термину <i>пропозиция</i>	-	+
Соответствие в английском языке	<i>utterance</i>	<i>statement</i>
Интегральный признак		
Целостная единица языка (естественного или искусственного)	+	+

Анализ данных, полученных на начальном этапе составления МССТ, позволил сделать следующие в ы в о д ы. При выявлении дифференциальных признаков желательно начинать анализ дефиниций со специализированных терминологических словарей и энциклопедий, уточняя затем информацию по учебным и научным изданиям. Дефиниции из учебных изданий могут быть ориентированы на определённого адресата и содержать не все дифференциальные признаки терминов. Вместе с тем обнаружение таких фактов позволяет ввести иерархию на множестве сем, выделив как наиболее значимые те из них, которые присутствуют во всех дефинициях.

Не все пары консубстанциональных терминов нуждаются в детальном компонентном анализе. Такой анализ требуется только при наличии значимой интегральной семы, задающей основание для сравнения. В некоторых случаях у пары консубстанциональных терминов интегральная сема оказывается столь обеднённой по содержанию, что их сравнение теряет смысл. Таков, например, термин *дополнение*. В лингвистике так называют один из типов второстепенных членов предложения [Ахманова, 1966], в математике – одну из операций над множествами [МЭС, 1988].

В случае омонимии терминов внутри одной дисциплины может потребоваться более одной линии сравнительного анализа. Например, термин *модальность* имеет в лингвистике две трактовки: 1) «Понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действи-

тельности (отношения сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемая различными грамматическими и лексическими средствами, такими как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т. п.» [Ахманова, 1966, с. 237]; 2) канал коммуникации, например, вербальный канал, жестикуляция и т. д. Вторая, более поздняя, трактовка не отражена в [Ахманова, 1966 ; ЛЭС, 1990], она связывает лингвистику с психологией и физиологией, где термин *модальность* понимается как означающий «принадлежность к определённой сенсорной системе (анализатору)» и используется «для обозначения, характеристики или классификации ощущений, сигналов, стимулов, информации, рецепторов, расстройств» [БПС, 2004, с. 299]. В МССТ при сопоставительном анализе трактовок термина *модальность* в паре лингвистика-логика рассматривается только первый из указанных вариантов, поскольку в этом случае имеется значимая интегральная сема. При второй трактовке сходство между терминами *модальность* в лингвистике и логике состоит только в едином этимологическом источнике: оба слова образованы от лат. *modus* – способ, мера. В МССТ для пары «лингвистика – логика» достаточно только отметить существование двух указанных трактовок. Вторая из них актуальна для разделов лингвистики, посвящённых изучению модальностей коммуникации, и, значит, для сопоставительного анализа консубстанциональных терминов пары «лингвистика – психология».

Существуют консубстанциональные термины с очень широкой сферой использования. Таков, например, термин *информация*, употребляемый в ряде научных дисциплин, а также в нормативных документах и стандартах. Информация, как и высказывание, относится к числу исходных терминов, и единой общепринятой трактовки у него нет. Тем не менее сопоставительный анализ его понимания в выбранных конкретных двух научных областях представляется полезным, так как позволяет выявить различия.

На первый взгляд может показаться, что термин информация используется в лингвистике и информатике в одном и том же значении, однако это не совсем так. В лингвистике информация трактуется как сведения, «содержащиеся в данном речевом сообщении и рассматриваемые как объект передачи, хранения и переработки» [Ахманова 1966, с. 184]. В программировании информация – это «содержание сообщения или сигнала; сведения, рассматриваемые в процессе их передачи или восприятия, позволяющие расширить знания об интересующем объекте» [Ершов и др., 1991]. Сопоставляя эти дефиниции, можно выявить несколько различий.

В первом случае использованное словосочетание «речевое сообщение» погружает рассматриваемый термин в контекст обсуждений естественных языков. Во втором случае очевидно отсутствие такой привязки, так как использовано слово *сигнал*, обладающее более широким значением. В другом толковании этот аспект смысла выражен эксплицитно: *информация* – это «сведения, независимо от формы их представления, относительно фактов, событий, вещей, идей и понятий, которые в определенном контексте имеют конкретный смысл (семантическое значение) и интерпретацию» [Макаренко, 2019, с. 54].

Если бы различие состояло только в этом, то первую (лингвистическую) трактовку можно было бы просто считать гипонимом второй. Однако, различия этим не исчерпываются. В информатике имеется сема ‘расширение знания’, отсутствующая в лингвистическом толковании. Элементы смысла ‘рассмотрение в процессе передачи или восприятия’ и ‘рассмотрение в текущем речевом сообщении’ можно считать эквивалентными и предложить для них общую сему ‘ситуативность’.

Таким образом, интегральной семой, позволяющей сравнивать трактовки термина *информация* в лингвистике и информатике, является объединение смыслов ‘выраженность средствами семиотической системы’ и ‘ситуативность’. Дифференциальные семы: ‘принадлежность естественному языку’ и ‘расширение знания’. Первая из них имеется в лингвистической трактовке и отсутствует в логической, вторая – наоборот.

Как показывают приведённые примеры, глубина сравнительного анализа терминов, параллельно используемых в двух дисциплинах, может различаться: для одних пар терминов она существенна (напр., *высказывание, предикат, пропозиция, модальность, синтаксис, семантика*), для других – менее существенна, но значима (напр., *информация, данные*), для третьих сопоставительный анализ теряет смысл и в МССТ достаточно просто привести имеющиеся определения терминов, не сопровождая их семным анализом (напр., *дополнение*). Почти все термины, выявленные для рассмотренных пар дисциплин (лингвистика-логика, лингвистика-информатика), относятся к первым двум из названных трёх типов, и выявление дифференциальных признаков для них значимо, хотя и может различаться по глубине анализа.

3. Заключение [Conclusion]

В условиях сложившегося в современную эпоху развития науки тесного междисциплинарного взаимодействия, особую значимость приобрели консубстанциональные термины, образованные на пересечении терминологических систем. Целью исследования было эксплицирование семантических и прагматических различий между такими терминами и представление этих различий и сходств в новом типе словаря – междисциплинарном сопоставительном словаре терминов. В результате полного прохождения первой (составление списка параллельных терминов) и частичного прохождения второй (поиск дефиниций) и третьей (дефиниционный анализ смысловых компонент, релевантных для одной дисциплины и нерелевантных для другой дисциплины) стадий из семи основных стадий сравнительного анализа представлен набор выявленных дифференциальных и интегральных признаков значений ряда терминов для двух пар дисциплин: лингвистики и математической логики, лингвистики и программирования. Обнаружены возможности для выделения иерархии сем, необходимость разной степени детализации, зависящей от сложности содержания термина, а также наличие более одной линии сравнительного анализа в случае омонимии терминов.

Ближайшие задачи по составлению словаря состоят в завершении всех обозначенных выше этапов сопоставительного анализа, разработке и реализации компьютерной версии словаря. Также планируется рассмотреть другие пары дисциплин и решить, в каких из них терминологический аппарат нуждается в подобном сопоставительном анализе.

Кроме междисциплинарных исследований информация, содержащаяся в МССТ, может использоваться при переводе и написании научных текстов, а также при изучении когнитивных аспектов терминологии. С. В. Гринев-Гриневиц и Э. А. Сорокина [Гринева-Гриневиц, Сорокина, 2018], называя когнитивное терминоведение одним из перспективных направлений развития данной области, имели в виду прежде всего изучение исторических изменений терминов и понятий, которые они рассматривали как отражение изменений ментальности носителей языка. Дифференциальные признаки консубстанциональных терминов дают материал для расширения сферы когнитивных сопоставительных исследований за счёт сравнения трактовки таких терминов в разных областях научного знания и, соответственно, сравнения особенностей менталитета представителей разных научных областей. Такие сопоставления можно проводить как в плане синхронии, так и в плане диахронии.

Благодарности [Acknowledgments]

Работа выполнена в рамках государственного задания ИМ СО РАН (проект № FWNF-2022-0012)

Библиографический список

- Агарева, Селиванов, 2011 – Агарева О. Ю., Селиванов Ю. В. Математическая логика и теория алгоритмов : учеб. пособие. М. : МАТИ, 2011. 80 с.
- Алексеев, 2022 – Алексеев А. Б. Консубстанциональные термины «политика», «политик» в политическом и масс-медийном дискурсах // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 20–33. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_20
- Апресян, 1995 – Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II : Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Ахманова, 1966 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
- Бережанская, 2005 – Бережанская И. Ю. Консубстанциональные термины в лингвистической терминологии английского и русского языков (сравнительный анализ): дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; МГОУ. М., 2005. 311 с.
- БПС, 2003 – Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб. : прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 672 с.
- Борисова, 2005 – Борисова Л. И. Ложные друзья переводчика : учеб. пособие по научно-техническому переводу. М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2005. 212 с.
- Бочаров, Маркин, 2001 – Бочаров В. А., Маркин В. И. Основы логики : учебник. М. : ИНФРА, 2001. 296 с.
- Герд, 2005 – Герд А. С. Прикладная лингвистика. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 268 с.
- Герд, 2011 – Герд А. С. Введение в изучение языков для специальных целей : учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. СПб. : СПбГУ, Филологический факультет, 2011. 60 с.
- Гринев, 1993 – Гринев С. В. Введение в терминоведение. М. : Московский лицей, 1993. 309 с.
- Гринев-Гриневиц, 2021 – Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминографию. Как просто и легко составить словарь: учеб. пособие. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2021. 222 с.
- Гринев-Гриневиц, Сорокина, 2018 – Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. Перспективные направления развития терминологических исследований // Вестник Московского гос. област. ун-та. Сер. : Лингвистика. 2018. № 5. С. 18–28.
- Ершов и др., 1991 – Терминологический словарь по основам информатики и вычислительной техники / А. П. Ершов, Н. М. Шанский, А. П. Окунева, Н. В. Баско. М. : Просвещение, 1991. 159 с.
- Зюзьков, 2015 – Зюзьков В. М. Математическая логика и теория алгоритмов : учеб. пособие. Томск : Эль Контент, 2015. 236 с.
- Иванов, 2004 – Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему М. : Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
- Клини, 1973 – Клини С К Математическая логика. М. : Изд-во «Мир», 1973. 480 с.
- Лейчик, 2009 – Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
- Лесников, 2011 – Лесников С. В. Типология русских словарей лингвистической терминологии // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31). С. 6–10.
- ЛЭС, 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- Макаренко, 2019 – Макаренко С. И. Справочник научных терминов и обозначений. СПб. : Наукоемкие технологии, 2019. 254 с.
- Максимов, 2016 – Максимов Д. Ю. Логика Н. А. Васильева и многозначные логики // Логические исследования. 2016. Т. 22, № 1. С. 82–107.
- МЭС, 1988 – Математический энциклопедический словарь / глав. ред. Ю. В. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1988. 847 с.
- Непейвода, 1997 – Непейвода Н. Н. Прикладная логика : учеб. пособие. Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 1997. 385 с.
- НОСС, 2004 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. ; Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.

- Соссюр, 1977 – Соссюр Ф. де. Труды по общему языкознанию / пер. с франц. А. А. Холодовича. М. : Прогресс, 1977. 696 с.
- Тимофеева, 2019 – Тимофеева М. К. Язык с позиции философии, психологии, математики : учеб. пособие. 3-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2019. 176 с.
- Хаютин, 1972 – Хаютин А. Д. Термин, терминология, номенклатура : учеб. пособие. Самарканд : Самарк. гос. ун-т им. Алишера Навои, 1972. 129 с.
- Цейтлин и др., 2006 – Язык. Речь. Коммуникация: междисциплинарный словарь: лингвистам, преподавателям иностранных языков, методистам по развитию речи, учителям-словесникам, логопедам и студентам / С. Н. Цейтлин, В. А. Погосян, М. А. Еливанова, Е. И. Шапиро. СПб. : КАРО, 2006. 128 с.
- Ширшов и др., 2020 – Ширшов Е. В., Пластинин А. В., Сушко О. П. Междисциплинарный словарь терминов: менеджмент, бизнес-планирование, информационные технологии в бизнесе, проектное управление, логистика : учеб. пособие. М. : Изд. дом Академии Естествознания, 2020. 166 с.
- Bach, 1975 – Bach K. Performatives are statements too // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1975. Vol. 28, N 4. P. 229–236.

References

- Agareva, O. Yu., Selivanov, Yu. V. (2011). *Matematicheskaya logika i teoriya algoritmov* [Mathematical logic and theory of algorithms] : A coursebook. Moscow : MATI Press, 2011. (In Russ.).
- Alekseev, A. B. (2022). Konsubstancional'nye terminy «politika», «politik» v politicheskom i mass-mediynom diskursakh [Consubstantial terms 'politics', 'politician' in the political and mass-media discourses]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 20–33. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_20
- Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy. T. II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works, Vol. II : Integral language description and system lexicography]. Moscow : Yazyki russkoy kultury Press. (In Russ.).
- Ahmanova, O. S. (1966). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Berezhanskaya, I. Yu. (2005). *Konsubstancional'nye terminy v lingvisticheskoy terminologii angliyskogo i russkogo yazykov (sravnitel'nyy analiz)* [Consubstantial terms in the linguistic terminology of English and Russian (Comparative analysis)]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : MGOU. (In Russ.).
- Meshcheryakov, B. (Ed.). (2003). *Bol'shoy psichologicheskij slovar'* [Big psychological dictionary] (BPS). St Petersburg : Praym-EVROZNAK Press. (In Russ.).
- Borisova, L. I. (2005). *Lozhnye druž'ya perevodchika* [False friends of the translator] : A coursebook in scientific technical translation. Moscow : NVI-TEZAUROS Press. (In Russ.).
- Bocharov, V. A., Markin, V. I. (2001). *Osnovy logiki* [Fundamentals of logic] : A coursebook. Moscow : INFRA Press, 2001. (In Russ.).
- Gerd, A. S. (2005). *Prikladnaya lingvistika* [Applied linguistics]. St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Gerd, A. S. (2011). *Vvedenie v izuchenie yazykov dlya special'nykh tseley* [Introduction to learning languages for specific purposes] : A coursebook. 2nd edn. St Petersburg : St Petersburg University Press, Philological Department. (In Russ.).
- Grinev, S. V. (1993). *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to terminology]. Moscow : Moskovskiy litsey Press. (In Russ.).
- Grinev-Grinevich, S. V. (2021). *Vvedenie v terminografiyu. Kak prosto i legko sostavit' slovar'* [Introduction to terminography. How to make a dictionary simply and easily] : A coursebook. Moscow : LIBROKOM Press. (In Russ.).
- Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A. (2018). Perspektivnye napravleniya razvitiya terminologicheskikh issledovaniy [Perspective directions of terminological research]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 5, 18–28. (In Russ.).

- Ershov, A. P., Shanskiy, N. M., Okuneva, A. P., Basko, N. V. (1991). *Terminologicheskii slovar' po osnovam informatiki i vychislitel'noy tekhniki* [Terminological dictionary of fundamentals in information science and computer science]. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Zyuz'kov, V. M. (2015). *Matematicheskaya logika i teoriya algoritmov* [Mathematical logics and theory of algorithms] : A coursebook. Tomsk : El' Kontent Press. (In Russ.).
- Ivanov, V. V. (2004). *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu* [Linguistics of the Third Millennium: Questions for the future]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Klini, S. K. (1973). *Matematicheskaya logika* [Mathematical logic]. Moscow : Mir Press. (In Russ.).
- Leychik, V. M. (2009). *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, methods and structure]. 4th edn. Moscow : LIBROKOM Press. (In Russ.).
- Lesnikov, S. V. (2011). *Tipologiya russkikh slovarey lingvisticheskoy terminologii* [Typology of Russian dictionaries of linguistic terminology]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 6 (31), 6–10. (In Russ.).
- Yartseva, V. N. (Ed.). (1990). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Makarenko, S. I. (2019). *Spravochnik nauchnykh terminov i oboznacheniy* [Handbook of scientific terms and designations]. St Petersburg : Naukoemkie tekhnologii Press. (In Russ.).
- Maksimov D. Yu. (2016). Logika N. A. Vasil'eva i mnogoznachnye logiki [N. A. Vasilyev's logic and many-values logics]. *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations], 22 (1), 82–107. (In Russ.).
- Prokhorov, Yu. V. (Ed.). (1988). *Matematicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [The encyclopedic dictionary of mathematics]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Nepeyvoda, N. N. (1997). *Prikladnaya logika* [Applied logic] : A coursebook. Izhevsk : Udmurt University Press. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (Ed.). (2004). *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. 2nd edn. Moscow ; Vena : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press : Venskiy slavisticheskii al'manakh. (In Russ.).
- Saussure, F. de. (1977). *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Works on General Linguistics]. Translated from French by A. A. Kholodovich. Moscow: Izdatel'stvo «Progress». (In Russ.).
- Timofeeva, M. K. (2019). *Yazyk s pozitsii filosofii, psikhologii, matematiki* [Language from the standpoint of philosophy, psychology, mathematics] : A coursebook. 3d edn. Moscow : FLINTA Press. (In Russ.).
- Hayutin, A. D. (1972). *Termin, terminologiya, nomenklatura* [Term, terminology, nomenclature] : A coursebook. Samarkand : Alisher Navoi Samarkand State University Press. (In Russ.).
- Tseytlin, S. N., Pogosyan, V. A., Elivanova, M. A., Shapiro, E. I. (2006). *Yazyk. Rech'. Kommunikatsiya: mezhdisciplinarnyy slovar': lingvistam, prepodavatelyam inostrannykh yazykov, metodistam po razvitiyu rechi, uchitelyam-slovesnikam, logopedam i studentam* [Language. Speech. Communication: An interdisciplinary dictionary: For linguists, foreign language teachers, speech development specialists, teachers, speech therapists and students]. St Petersburg: KARO Press. (In Russ.).
- Shirshov, E. V., Plastinin, A. V., Sushko, O. P. (2020). *Mezhdisciplinarnyy slovar' terminov: menedzhment, biznes-planirovanie, informatsionnye tekhnologii v biznese, proektnoe upravlenie, logistika* [Interdisciplinary glossary of terms: Management, business planning, information technology in business, project management, logistics]: A coursebook. Moscow : Akademiya Estestvoznaniya Press. (In Russ.).
- Bach, K. (1975). Performatives are statements too. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, 28 (4), 229–236.

Abdulmenem Hamdache
Lebanese International University
Tripoli, Lebanon
raycosta77@yahoo.com

Contrastive study of Arabic and English idioms and pragmatic accuracy of online translation applications

Abstract

When Lebanese English language learners send emails to their instructor, they translate Arabic idioms into English using online applications. This often results in incoherent and inconsistent translation that hampers communication between student and instructor. Wrong semantic and pragmatic use of English as L2 in case of idioms leads to difficulty in verbalizing the necessary meaning. Therefore, this research is aimed at contrasting and comparing idioms between Arabic and English, particularly, two Arabic idioms *مربط الفرس* ‘the bottom line’ and *بنت الحلال* ‘a bride’ widely used in writing and speaking, to find out whether the concordances and collocations of these idioms concur and differ in meaning when translated into English using online applications. When the idioms are literally translated, the meaning totally changes. This study adopts corpus linguistics approach making use of 2 corpora – International Corpus of Arabic Website of Bibliotheca Alexandrina and The Corpus of Contemporary American English – to find and analyze instances quantitatively and qualitatively of how the two idioms collocated and concorded in Arabic and English. Continuous sampling of the tokens and contextual analysis enabled to list all the meanings found for the idioms. The results indicate that it is possible for both Arabic idioms to find English units (a multiword unit and a word correspondingly) with meaning equivalency, however, oftentimes their translated versions (especially of the second idiom) lacked accuracy to provide the literal and pragmatic meanings of the idioms.

Keywords: phraseology, prefabs, idiom, meaning equivalency, collocation, concordance, corpus linguistics

© Hamdache A. 2023

For citation: Hamdache, A. (2023). Contrastive study of Arabic and English idioms and pragmatic accuracy of online translation applications. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 159–168. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_159

Хамдаше Абдулменем
Ливанский международный университет
г. Триполи, Ливан
raycosta77@yahoo.com

Перевод арабских идиом на английский язык с помощью онлайн приложений: контрастивное корпусное исследование

Аннотация

Когда ливанцы, изучающие английский язык, отправляют электронные сообщения своим преподавателям, они переводят арабские идиомы на английский язык, используя онлайн приложения. При этом перевод зачастую получается неадекватный, что создаёт сложности в общении студента с преподавателем. В случае идиом неверная семантика и прагматика переводной версии приводит к неудачам в вербализации необходимых значений. Это послужило мотивацией к проведению настоящего исследования, нацеленного на сравнительно-сопоставительные характеристики двух арабских идиом – *مربط الفرس* ‘суть / важная составляющая’ и *بنت الحلال* ‘невеста’, – часто используемых в письменной и устной речи, и их английских

переводов с помощью приложений. Требовалось выяснить, насколько их конкордансы и коллокации совпадают и различаются, ведь при буквальном переводе оригинальное значение идиомы зачастую кардинально меняется. В данной статье применён подход корпусной лингвистики, а именно были использованы два корпуса – Международный корпус арабского языка Александрийской библиотеки и Корпус современного американского варианта английского языка – для проведения количественного и качественного анализа вхождений указанных оригинальных идиом и их переводов. Посредством сплошной выборки и контекстного анализа был составлен перечень значений идиом и их переводных версий. Результаты показывают, что арабские идиомы-оригиналы имеют полные эквиваленты в английском языке (устойчивое выражение и отдельное слово соответственно), однако часто семантика и прагматика переводных версий, полученных с помощью онлайн приложений, не соответствует оригиналу, особенно для второй идиомы.

Ключевые слова: фразеология, устойчивые выражения, идиома, эквивалентное значение, коллокация, конкорданс, корпусная лингвистика

© Hamdache A. 2023

Для цитирования: Hamdache A. Contrastive study of Arabic and English idioms and pragmatic accuracy of online translation applications // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С.159–168. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_159

1. Introduction

Unlike native speakers (NS), non-native speakers (NNS) who learn English as L2 struggle to find the correct idioms for their intended utterances. These idioms come in multiple words such as razor-sharp, make inroads into, nun down, in the wee hours, by hook or by crook. They constitute the phraseological part accounting for nativeness in language [Howarth, 1996] which is a desirable skill for most L2 learners. Idioms and other multiword units are studied within phraseology. Phraseology is defined as prefabricated language (prefabs) used in receptive and productive skills. This use is an internalized process which is a key element to native-like language characteristics.

In the era of hi-tech, corpus linguistics approach gives us a perfect tool to study true-to-fact usage of prefabs including idioms. It was stated by [Lindquist, 2009] that corpus linguistics is a methodology containing a number of methods that can be used by researchers in various disciplines including phraseology. Corpus linguistics analyzes naturally occurring language in computerized corpora. The analysis is performed by a computer with specialized software. This research used collocations and concordances from ICA (International Corpus of Arabic) and COCA (The Corpus of Contemporary American English) to compare and contrast the original meanings of two Arabic idioms *مرابط الفرس* and *بنت الحلال* and the meanings of their English versions when they are pragmatically and correctly used when translated into English or lack thereof.

A few words should be said about the term “concordance”. It can be used in two meanings. Firstly, it is the listing of all occurrences of a given single word or multiword complex gathered from various sources placed in an annotated corpus¹. Secondly, as defined by [Miller et al., 1993], concordance is a textual corpus and a lexicon so combined that every substantive word in the text is linked to its appropriate sense in the lexicon. In this research, concordances (in the first meaning of the term) were used to perform quantitative and qualitative analyses to count the collocations where *مرابط الفرس* and *بنت الحلال* meant the same in their English versions and when they differed.

When Lebanese English language learners try to translate some Arabic idioms into English, it results in incoherent and inconsistent meanings which negatively affect the fluency of writing. This renders the intelligibility and communication unnatural look to the native eye. To be able to produce natural looking language in Arabic and English, NNS must acquire the

In the section of translation, Al Saidi [2012] researched the interpretation of body part idioms (BPIs), such as *you are my heart*, *my heart bleeds for her*, *take my heart*, from English into Arabic no matter their elevated style. It makes a special importance of using the native language resources in locating the dynamic (idiomatic) equivalencies. The first-rate strategy furnished that it is to be in the target language. The observation aims to offer a few definitions of idioms and identifies the challenges idioms pose throughout the translation manner and proposes a theoretical model for managing such issues. As a result, the researcher concludes that the important problem in translating is that they bring various elements of that meaning. Also, Arabic and English, regardless of the fundamental cultural, social, religious and political differences among them, have many perfect or nearly ideal idiomatic equivalents in both corpora.

Nowadays, language corpora are those native language resources that represent various speech genres, written and oral, embracing large time periods. It was claimed [Biber, et al., 2004] that a general reference corpus is not a collection of materials from different specialist areas – technical, dialectal, etc. – it is a collection of materials that is broadly homogeneous but gathered from a variety of sources. These materials are texts of certain size. Corpus linguistics is targeted at a set of texts, written or spoken, that may be stored and processed using analytical software program for qualitative and quantitative evaluation [Carter et al., 2007].

Quantitative evaluation, as described by [Aliaga & Gunderson, 2000], is collecting numerical statistics which might be analyzed using mathematical strategies. Qualitative study uses the investigator's potential to interpret samples of language in context which can be the way for classifying examples in a particular corpus by their meanings [Parkinson & Drislane, 2011].

2. This study

2.1. Methodology

Data collection. The data were collected from the ICA and COCA, the targeted tokens were idioms *مربط الفرس* and *بنت الحلال* as well as their English equivalents and variations when translated. These corpora were chosen as popular ones providing sizable number of texts of various genres and forms: ICA contains 100 million Arabic words, and COCA contains more than 560 million English words, both are equally divided among spoken, fiction, popular magazines, newspapers and academic texts.

Data analysis. For corpus-based studies, quantitative techniques are essential to compare patterns in language phenomena use. However, a crucial part of the corpus-based approach is going beyond the quantitative patterns and moving deeper into qualitative features of the examined phenomena to propose functional interpretations explaining why the patterns exist.

The first part of the study looked for the collocations of *مربط الفرس* and *بنت الحلال* and their frequency concordances in text to deduce whether they have equivalence in meaning in English. Each of the two original Arabic idioms were entered in KWIC (keyword in context) automatic search of ICA to find out how many times were used in this corpus. Then, concordances of *مربط الفرس* and *بنت الحلال* were copied from ICA and pasted into online translation applications: Bing Translator, Cambridge Dictionary and Google Translate. Later, the study looked for tokens related to them to construe the variations in meaning for each idiom. Finally, the concordances of the idioms were looked up to establish the contextual meaning of how the idioms interact with other words to serve the intended utterances.

The second part of the study looked for the literal translations of *مربط الفرس* and *بنت الحلال* into English in COCA. Then the translations were entered into KWIC to determine their frequency. After that, the frequency lists were sorted out to detect any equivalence in meaning of the translated idioms with the Arabic peers. The sort-out lists were divided into tokens to categorize the variations in meaning of the English translations of the idioms. Finally, the results were compared and contrasted in Arabic and English contexts.

2.2. Results and discussion

2.2.1. Results

Figures 1–2 show that in the ICA corpus of 100 million words coming from various sources (books, magazines, articles, etc.), both Arabic idioms are characterized by similar frequency of occurrence: the idiom **مربط الفرس** was used 29 times (Fig. 1), and the idiom **بنت الحلال** was used 22 times (Fig. 2). Being almost the same frequent, they differed as far as the genres and sources. The idiom **مربط الفرس** was mostly used in press and net articles devoted to science, art and culture with very few occurrences from literature (fiction?) coming from books. Meanwhile, the idiom **بنت الحلال** appeared mostly in literature more often coming from book sources and net articles with press being a lesser frequent source.

Search Results 29 Result Found 14.714 Seconds

Report	Country	Source	Genre		Sentence	Context
Report	Egypt	Press	Strategic_Sciences	مربط الفرس وان الدبلوماسية العربية واصلت جهودها لمواجهة مختلف الازمات	1. هي ام المشاكل وان النزاع العربي الاسرائيلي يشكل	Sentence Context
Report	Egypt	Press	Social_Sciences	مربط الفرس في الأريمة : شاب علاقة متوازنة واضحة تقوم	2. وعود الإدارة وتعهداتها . وهذا في الحقيقة هو	Sentence Context
Report	Egypt	Press	Strategic_Sciences	مربط الفرس في الانتقال إلى الحديث عن العلاقة بين قضية	3. ظالرات التحسس والجوايميس الأفراد وسفن التحسس والأخيرة هي	Sentence Context
Report	Egypt	Press	Miscellaneous	مربط الفرس كان في تعليق تم ماجاير رئيس تحرير واشنطن	4. الى متغذي الهجمات الفلسطينية بالارهابيين . والحقيقة ان	Sentence Context
Report	Kuwait	Press	Art_&Culture	مربط الفرس كما يقولون : رضة فرنسا الأكدية في	5. العالم » . هنا يا سيدى	Sentence Context
Report	N/A	Books	Art_&Culture	مربط الفرس " إنهم يفرقون من مفاهيم	6. من : حياته النومة . لأنها تشكل "	Sentence Context
Report	N/A	Books	Art_&Culture	مربط الفرس كما يقال . وآخر اتفاق في التشخيص	7. يرمي إلى تؤكد الدونية العامة وذلك هو "	Sentence Context
Report	N/A	Net_Articles	Art_&Culture	مربط الفرس « الغواص » = = انظر	8. ومراهقين يحفظون أغانيها وجدون وراء أغانيها . فذلك	Sentence Context
Report	Syria	Press	Miscellaneous	مربط الفرس . فمشاكل هذا القطاع تجعل من الفواتين جوفاء	9. من صدور هذا القانون أو غيره . وهنا	Sentence Context
Report	Iraq	Press	Literature	مربط الفرس . كما يقال عادة . ومغزى الواقعة .	10. وهنا - (مربط الجمال) لا	Sentence Context
Report	N/A	Net_Articles	Humanities	مربط الفرس !! المجلس العسكري الانتقالي انتفاضة 6	11. الجماهير من تصنع القرارات ؟ ؟ هنا كان	Sentence Context
Report	Saudi Arabia	Press	Literature	مربط الفرس في كل تقدم) ناهيك عن التضامن العربي	12. بعيدا عن قضايا التقدم أو الاستغلال (وهو	Sentence Context
Report	Egypt	Net_Articles	Miscellaneous	مربط الفرس . فهو أولا مظهر إنشاء هذه المؤسسات وجعل	13. كفاية . والجمعية الوطنية للتغيير . وهذا هو	Sentence Context
Report	N/A	Net_Articles	Miscellaneous	مربط الفرس - لآلية تجعل الحساسية الجماهيرية متقلبة لفكر النخبة	14. الروحية والفكرية . بتعدى فكر النخبة - وهنا	Sentence Context
Report	Egypt	Books	Miscellaneous	مربط الفرس . والرهان هو على أساليب كثيرة في سد	15. مهني . كيف يتم ذلك ؟ هنا حقا	Sentence Context

Figure 1. Frequency list of **مربط الفرس** in ICA

When copied from the fist frequency list (Fig. 1) and pasted into online translation applications, the first idiom **مربط الفرس** brought different results meaning that the translations provided by several online applications such as Bing Translator, Cambridge Dictionary, and Google Translate sometimes yielded different meanings. Bing and Cambridge Dictionary gave the translation variant with the correct literal and pragmatic meaning which is the crux of the matter. Figure 3 shows the concordances of the crux of the matter in COCA which means ‘the bottom line’ or ‘the most important thing’, any of these being a perfect match for the meaning of the idiom in question in all its concordances.

However, Google gave sometimes stall, and other times horse stall or the stud of the horse. Stall had one meaning which was ‘booth’ or ‘stand’. Likewise, horse stall had one meaning which is ‘horse stable’ or ‘shed’. Since stall and horse stall had no significance in

meaning equivalencies to the study, I entered the stud of the horse in COCA searching for meaningful concordances. The search turned up zero results in COCA. I then searched for the stud only looking for frequency to see whether any collocates meant ‘the bottom line’. The result showed that the stud was used 137 times in COCA corpus of 560 million words. Figure 4 shows the collocations of the stud in English with other words.

Search Results 22 Result Found 14.034 Seconds

Report	Country	Source	Genre		Sentence	Context
Report	Egypt	Press	Miscellaneous	الجديدة ترى ضرورة الحفاظ على البيت الذي تربى	1. الذي ولدت فيه وتعلمت من جداته . وأن	Sentence Context
Report	Egypt	Press	Miscellaneous	الجديدة من نبات أفكاره باعتبار أن مجلس الجامعة	2. أو بالفلق وهو يعرض على مجلس جامعتهم والعمدة	Sentence Context
Report	Saudi Arabia	Press	Literature	التي توفر له أسباب الراحة ، وتقوى ذراعه	3. في مشاريع أخرى راحة . وما ينقصه هو	Sentence Context
Report	Outside Arab World	Books	Literature	؟ - قد أبدو صغيرة على	4. تصدق - ماذا تقولين يا	Sentence Context
Report	N/A	Books	Literature	- الغيبة - نور -	5. يا أبي .. صدقتي .. لكن حين أجد	Sentence Context
Report	N/A	Net_Articles	Literature	لينا : - والله	6. ناصر : - واحد يا	Sentence Context
Report	N/A	Net_Articles	Literature	قومي " عسر : - "	7. " لا حول ولا قوة إلا بالله يا	Sentence Context
Report	N/A	Net_Articles	Literature	أنتي تعرفين شمسي تقول التي يصدقها قلبها ..	8. لكن حركاته صارت الهدأ " يا	Sentence Context
Report	N/A	Net_Articles	Literature	مصبر الحي يتلافى " شمسي :	9. " سحر : - " يا	Sentence Context
Report	N/A	Books	Literature	التي تشر خاطرك . قال العم	10. صحك الله بألوار النبي يا بني .. ويرزقك	Sentence Context
Report	Syria	Books	Literature	التي تريحك . ويرغم ضعفي بلغة هؤلاء الناس	11. خير - علي خير - الله يعطك لك	Sentence Context
Report	Syria	Books	Literature	الأحلك حامد ، الذي بلغ سن الثلاثين ولم	12. ولأمر آخر خاص بنا . وهو البحث عن	Sentence Context
Report	Syria	Books	Literature	التي تتأسس . واليوم لما سمعت أن العدائيس	13. وصرت أتنسم أخبار الفائل لعل الله يهدنا له	Sentence Context
Report	N/A	Books	Literature	- اليوم عيد - عرس الغرب في ميونخ	14. تحتفل بقدمهم إلى ميونخ - أريد قطعة يا	Sentence Context
Report	N/A	Net_Articles	Literature	ودعك من عصابات كانت لها أمانة	15. فأذق فؤادي فرجة بالبحث عن =	Sentence Context

Figure 3. Concordances of the crux of the matter in COCA

	CLICK FOR MORE CONTEXT	HELP	SAVE	TRANSLATE	ANALYZE
1	2019 SPOK CNN_Newsroom	off (INAUDIBLE) that there was something on the table in Hanoi. The crux of the matter seems to be how much can Kim Jong-un do on denuclea			
2	2019 FIC Fan Fic	" # Now it was Val's turn to shiver. So this was the crux of the matter then-not fear of leadership, but fear of where his leadership would			
3	2019 NEWS New York Times	TV director, will be the executive producers of the Netflix series. # The crux of the matter is that the adaptation of the novel can now benefit fro			
4	2018 SPOK Fox_Hannity	? Now, here's the problem and this is where we get to the crux of the matter. We have to analyze this deeply. What's happening is			
5	2018 NEWS Baltimore Sun	and brats of all kinds, a homebrew contest and -- to get to the crux of the matter -- more than 150 international, domestic and Maryland beers,			
6	2017 SPOK Fox: Ingraham Angle	..They do not want to hear from us, Laura and that's the crux of the matter. They do not want our names to be brought up again			
7	2017 SPOK Fox: O'Reilly Factor	undocumented criminals for federal authorities. They refuse to do that. That's the crux of the matter that irresponsible politicians like De Blasio			
8	2016 MAG Jezebel	Republican parties are on record as opposed to Proposition 60 as well. # The crux of the matter is money. Those campaigning against Prop 60 H			
9	2016 ACAD ...e American Philosophical Soci...	in which that heated air may be applied.51 # This statement gets us to the crux of the matter. Follett almost says that this patent is a patent on			
10	2015 SPOK Fox: O'Reilly Factor	... use the phrase " deep lack of trust ". And that is the crux of the matter. Many Americans and Israelis will oppose any deal the President makes			
11	2015 MAG Atlantic	..Coz I trust nobody." This remark seemed to get right at the crux of the matter. Liberty Reserve was a financial system, like all others,			
12	2014 SPOK Fox: The Five	workers can't do that because there are fewer jobs. And that's the crux of the matter. If you are not being treated fairly and I agree some			
13	2014 MAG Esquire	up with a good investigative apparatus." # And here we get to the crux of the matter: If Elliot Rodger had been a Pakistani immigrant, would the			
14	2013 MAG Atlantic	He said it all depends on when the question is asked. # But the crux of the matter, he said in the deposition, was that O'Brien's suggestion			

Figure 4. Collocations of مرطب الفرس in COCA

There are 100 tokens of the stud. For the sake of conciseness, I chose the mostly used collocations to analyze my results and these are: fee, locations, wall, and mare.

Table 1. Meanings of the stud collocations

Idiom translation	The stud <i>fee</i>	The stud <i>locations</i>	The stud <i>wall</i>	The stud <i>mare</i>
Meaning	It is a price paid by the owner of a female animal to the owner of male animal for the right to breed to it.	It is a large-headed piece of metal that pierces and projects from a surface, especially for decoration.	It is an interior wall consisting of a frame of upright timbers to which laths and plasterboard are attached.	It is a female horse used for breeding.
Frequency	9	4	4	3

Comparing the results shown in Figure 4 and Table 1, we can see that the stud has no equivalency in meaning related to the actual translation of *مربط الفرس* into English which must mean ‘the bottom line’.

When copied from the second frequency list (Fig. 2) and pasted into online translation applications, the second idiom *بنت الحلال* had no coherent meaning whatsoever which differs from the results for the first idiom that included adequate translation. Thus, the translation of *بنت الحلال* yielded *halal girl* in all the three applications: Bing Translator, Cambridge Dictionary and Google Translate. This translation meant nothing in Arabic. The accurate and literal translation must have meant *bride*. To further investigate whether *halal girl* meant something in English which could be close in the meaning to the original Arabic meaning, I looked for collocations of *halal* in COCA (see Fig. 5).

+ NOUN				NEW WORD				?			
50	8.84	meat									
44	6.16	food									
18	10.72	butcher									
13	4.72	market									
11	6.26	shop									
10	5.81	restaurant									
10	7.89	turkey									
8	8.65	certification									
7	4.20	product									
7	4.58	animal									
6	8.02	tourism									
5	2.59	law									
5	3.82	opportunity									
5	5.47	meal									
5	7.29	cart									
5	11.56	hottie									

+ ADJ				NEW WORD				?			
13	10.52	kosher									
3	4.05	fresh									
3	5.66	organic									
3	9.15	permissible									
2	2.73	hot									
2	3.19	middle									
2	3.96	unique									
2	4.75	joint									
2	6.97	dietary									
2	8.06	lawful									
2	12.31	women-only									
1	4.12	nearby									
1	4.29	prominent									
1	4.35	subsequent									
1	4.35	controversial									
1	4.36	distinct									

+ VERB				NEW WORD				?			
10	4.41	eat									
8	4.00	serve									
8	4.10	sell									
6	5.51	obtain									
5	2.32	must									
5	3.04	buy									
4	2.28	provide									
4	4.93	feature									
4	8.32	slaughter									
3	3.05	produce									
3	4.54	demand									
3	4.68	clean									
2	2.02	require									
2	2.34	carry									
2	2.99	force									
2	3.14	post									

Figure 5. Collocations of *بنت الحلال* in COCA

The word *Halal* generated 373 collocates. It appears that roughly 300 collocates of *بنت الحلال* are related mostly to food, and this has nothing to do with the meaning ‘bride’. Therefore, *بنت الحلال* has absolutely no equivalency in meaning related to the actual English translation.

2.2.2. Discussion and Criticism

The first idiom *مربط الفرس* has one category of meaning in Arabic which is ‘the bottom line’. The literal translation of *مربط الفرس* into English yielded several collocations where it meant ‘the bottom line’ in Bing Translator and Cambridge Dictionary while Google Translate did not produce coherent and accurate translation. However, the second idiom *بنت الحلال* meaning ‘bride’ did not have any equivalence in meaning when translated into English by either of the three online applications. Therefore, the first idiom had at times appropriate pragmatic meaning and proper implicature on the perlocutioner where it meant ‘the bottom line’, whereas the second idiom had none. This answers the first research question of what the concordances of *مربط الفرس* and *بنت الحلال* are when they have the same meanings in English and Arabic. The results show that it is possible for both Arabic idioms *مربط الفرس* and *بنت الحلال* to find English units (a phraseological unit and a word correspondingly) with meaning equivalency, however, oftentimes the translated versions lacked accuracy to provide the literal and pragmatic meanings of the idioms.

This study has two limitations. Firstly, it took into consideration the noun / noun translation of *مربط الفرس* and *بنت الحلال* neglecting lemmas and other possible collocations of noun / verb, noun / adjectives which could have led to finding one similarity or equivalence in meaning in English and Arabic.

The second limitation is connected with the method itself. The interpretations concerning the use of the idioms in different genres from various sources as well as concerning translation success and failures were obtained using language corpora. However, corpus linguistics approach is not free from criticism. N. Chomsky argued that, “corpus linguistics doesn’t mean anything from a language perspective as it is concerned not with how language works, but with how language is observed. It is, therefore, external remnants of language rather than illustrations of its inner workings. Thus, it is not scientific” [as cited in Andor, 2004, p. 97]. Others critics of corpus linguistics, e. g. [Widdowson, 2000], stated that corpus linguistics decontextualizes the language in that it removes the language from its context and also removes it from an ethnography of communication.

Not accepting decontextualization argument, it must be admitted that this study did not include any participants to yield conclusive results of idiom translating between Arabic and English. There is no way of knowing whether students were able to detect the incongruent idiom and if they did what would they use instead to get the meaning across? Do they copy and paste verbatim or use transliteration?

Despite the criticism, the evidence of the positive attitude to utilizing corpora tools in translation is growing (see, e.g., the empirical study of [Mohammed, 2022] based on the data from the participants performing instrumental translation). Also, it is beneficial for teaching and learning language on the whole and idioms in particular as far as corpora are an inestimable source for various universal and genre-dependent textual conventions, therefore, with data from corpora we can move from incidental intuition-based learning to adopt systematic comprehensive approach based on authentic frequently used items [Bausela, 2016 ; Rafatbakhsh & Ahmadi, 2019].

3. Conclusion

This paper studied two Arabic idioms *مربط الفرس* and *بنت الحلال* to compare and contrast in meaning when literally translated into English. The idioms *مربط الفرس* and *بنت الحلال* pragmatically mean ‘the bottom line’ and ‘a bride’ in English. There were two instances of equivalence in meaning between the English version and Arabic version for the first idiom. However, there were no matches in meaning when the second idiom was translated into English. While both idioms sustained their meanings throughout the ICA, their English translations

crisscrossed over several unrelated meanings in COCA, and the original idiomatic meaning could be totally lost. As far as idioms and collocations are the touchstone of producing native or near native oral speech or writing, they must be targeted in the process of language learning and interpreters' training. Comparing the results on both idioms, it is also clear that being almost the same frequent, the second one poses a bigger challenge for Lebanese learners of English.

This research on contrastive idioms between Arabic and English can shed a light on the preconception that English language learners have about using instant online translation applications as being a reliable/unreliable (with varying degree) source of producing immaculate translation. It can also improve the translation apps available online which sometimes fail to produce the pragmatic meaning between the languages and result in misinforming learners.

Since this research was based on samples of a few exchanged emails between students and instructor where idioms were incoherently translated, further studies need to include a larger sample of student writings. The writings must include more idioms and larger translated texts to assess whether students can judge for themselves which idiom transfers the exact intended meaning in the target language and which doesn't. Whence such a study is conducted, it should provide an answer the second research question about whether students adopt the results of translation in their writing verbatim or otherwise.

References

- Alexander, J. C., Giesen, B., Muench, R., & Smelser, N. J. (Eds). (1987). *The Micro Macro Link*. Berkeley, CA : University of California Press.
- Aliaga, M., & Gunderson, B. (2000). *Interactive statistics*. New York : Prentice-Hall.
- Al-Jurani, A. (1978). *Asrar al-Balagha*. Beirut : Dar Al-Ma'rifa.
- Andor, J. (2004). The master and his performance: An interview with Noam Chomsky. *Intercultural Pragmatics*, 1 (1), 93–111. <https://doi.org/10.1515/iprg.2004.009>
- Anthony, L. (2015). *TagAnt* (Version 1.2.0) [Computer Software]. Tokyo : Waseda University. Retrieved from <<https://www.laurenceanthony.net/software/tagant/>>.
- Bausela, M. B. (2016). The importance of corpora in translation studies: A practical case. In A. Pareja-Lora, C. Calle-Martínez, & P. Rodríguez-Arancón (Eds), *New perspectives on teaching and working with languages in the digital era* (pp. 363–374). Dublin : Research-publishing.net. <http://dx.doi.org/10.14705/rpnet.2016.tislid2014.448>
- Biber, D., Conrad, S., & Reppen, R. (2004). *Corpus linguistics: Investigating language structure and use*. Cambridge University Press.
- Carter, R., McCarthy, M., & O'Keeffe, A. (2007). *From corpus to classroom language use and language teaching*. Cambridge University Press.
- Cowie, A. P. (1991). Multiword units in newspaper language. In S. Granger (Ed.), *Perspectives on the English lexicon: A tribute to Jacques van Roey Louvain-la-Neuve Cahiers de l'institut de Linguistique de Louvain*.
- DeCarrico, J., & Nattinger, J. (1988). *The lexical phrase*. Oxford University Press.
- Erman, B., & Warren, B. (2000). *The idiom principle and the open choice principle*. Retrieved from <http://lextutor.ca/n_gram/erman_warren_2000.pdf>.
- Glaser, R. (1988). The grading of idiomaticity as a presupposition for a taxonomy of idioms. In W. Hullén, & R. Schulze (Eds.), *Understanding the lexicon* (pp. 264–279). Tübingen : Max Niemeyer Verlag. <https://doi.org/10.1515/9783111355191.264>
- Howarth, P. A. (1996). *Phraseology in English academic writing: Some implications for language learning and dictionary making*. (Lexicographica Series Maior: 75). Tübingen : Max Niemeyer Verlag.
- Lindquist, H. (2009). *Corpus linguistics and the description of English*. Edinburgh University Press.
- McKenney, J. A. (2006). *A corpus-based investigation of the phraseology in various genres of written English with applications to the teaching of English for academic purposes* (PhD dissertation). Retrieved from <http://etheses.whiterose.ac.uk/346/1/uk_bl_ethos_438592.pdf>.

- Miller, G. A., Leacock, C., Teng, R., Bunker, R. T. (1993). A semantic concordance. *HLT '93: Proc. of the workshop on human language technology* (pp. 303–308). Princeton ; New Jersey : Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.3115/1075671.1075742>
- Mohammed, T. A. S. (2022). The use of corpora in translation into the second language: A project-based approach. *Frontiers in Education*, 7. <https://doi.org/10.3389/educ.2022.849056>
- Parkinson, G., & Drislane, R. (2011). *Qualitative research in online dictionary of the social sciences*. Retrieved from <<http://bitbucket.icaap.org/dict.pl>>.
- Rafatbakhsh, E., Ahmadi, A. (2019). A thematic corpus-based study of idioms in the Corpus of Contemporary American English. *Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education*, 4 (11), 1–2. <https://doi.org/10.1186/s40862-019-0076-4>
- Roey, J. (1990). *French-English contrastive lexicology: An introduction*. Peeters.
- Widdowson, H. G. (2000). On the limitations of linguistics applied. *Applied Linguistics*, 21 (1), 3–25. <https://doi.org/10.1093/applin/21.1.3>

Статья поступила в редакцию 25.08.2022; одобрена после рецензирования 26.12.2022; принята к публикации 15.02.2023.
The article was submitted 25.08.2022; approved after reviewing 26.12.2022; accepted for publication 15.02.2023.

Чертыкова Мария Дмитриевна
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
chertikova@yandex.ru

Тюркско-монгольские лексические параллели в соматической сфере

Аннотация

Исследование разноуровневых пластов тюркско-монгольских языковых последствий является приоритетной и актуальной областью языкознания. Тюркско-монгольское языковое взаимодействие как отражение реальных исторических процессов общества повлияло на внутреннее содержание языков. Цель данной статьи – выявление и описание семантико-когнитивных особенностей сибирских тюркских и монгольских лексических соответствий в соматической сфере. Материалом для анализа послужили языковые данные из лексикографических источников. Благодаря сравнительно-сопоставительному анализу в тематическом поле соматической лексики в сибирских тюркских и монгольских языках было обнаружено не менее 35 лексических соответствий, которые при внешних фонетических трансформациях сохранили своё содержание. Некоторая часть данного древнейшего и устойчивого пласта лексики получила семантическое развитие в плане многозначности в результате изменения сферы употребления. В сибирских тюркских и монгольских языках метафорические употребления соматизмов чаще встречаются в ландшафтной сфере. Обозначения головы, ребра получили идентичные модели развития своего содержания. Также парные части тела (глаза, брови, руки, локти) традиционно обозначаются формой единственного числа, поскольку в языковом сознании этих народов нейтрализуются понятия парности / цельности / двойственности.

Ключевые слова: сибирские тюркские языки, монгольские языки, лексические параллели, соматизм, полисемия

© Чертыкова М. Д. 2023

Для цитирования: Чертыкова М. Д. Тюркско-монгольские лексические параллели в соматической сфере // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 169–179. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_169

Maria D. Chertykova
N. F. Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation
chertikova@yandex.ru

Turkic-Mongolian lexical parallels in the somatic sphere

Abstract

Examining multi-level layers of the Mongolian-Turkic language interaction consequences is a priority aspect of language studies. Being a reflection of the real historical processes in society, this interaction influenced the internal content of the languages involved. This paper aims to identify and describe semantic and cognitive patterns of correspondences in somatic vocabulary of the Turkic and Mongolian languages. The material selected from lexicographic sources was analyzed using comparative method. As a result, at least 35 lexical correspondences were found in the somatic vocabulary in the Siberian Turkic and Mongolian languages that retained their content despite external phonetic transformations. A number of lexical units from this ancient and stable vocabulary layer developed polysemy in their semantics. It should be noted that often times changes in

semantics were triggered by changes in use. It was found that in the Siberian Turkic and Mongolian languages, metaphorical uses of somatisms are more common in the landscape sphere. The designations of the head and ribs are characterized by identical models of their content development. Also, paired parts of the body (eyes, eyebrows, hands, elbows) are traditionally denoted by the singular form, since the concepts of pairing / wholeness / duality are neutralized in the linguistic consciousness of these peoples.

Keywords: Siberian Turkic languages, Mongolian languages, lexical parallels, somatism, polysemy

© Chertykova M. D. (2023)

For citation: Chertykova, M. D. (2023). Tyurksko-mongol'skie leksicheskie paralleli v somaticheskoy sfere [Turkic-Mongolian lexical parallels in the somatic sphere]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 169–179. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_169

1. Введение [Introduction]

В современной лингвистике наиболее актуальными являются вопросы о тюркско-монгольских языковых взаимоотношениях, которые уходят своими корнями ко временам хунну. Возможность взаимодействия тюркских и монгольских языков в древний период можно констатировать, исходя из факта близкого расположения тюркской и монгольской прародин и территорий дальнейшего развития языков этих народов. Контакты в различных сферах между этими народами отразились в их языках, особенно в тюркских языках Южной Сибири, где явно присутствуют следы монгольского влияния. С большой долей уверенности можно предполагать и наличие обратного воздействия. Однако обсуждения концепций языковой общности, образовавшейся в результате этого длительного взаимодействия неродственных языков [Щербак, 2005] и генетического родства данных языков [Дыбо, 2011], не выработались в единую систему.

Один из сторонников алтайской гипотезы¹, выдающийся учёный-монголовед, В. И. Рассадин, видит выход из создавшейся ситуации в подробном рассмотрении контактов и взаимодействия конкретных языков, входящих в алтайскую семью, например, тюркских и монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских, монгольских и тунгусо-маньчжурских и т. д., а также в «выявлении в каждом из этих языков бесспорных заимствований из конкретного контактирующего языка» [Рассадин, 2002, с. 263]. Здесь, конечно, речь идёт и о выработке чётких фонетических и морфологических критериев вычленения заимствований в этих языках. Подобные критерии предложены автором в монографии «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках» [Рассадин, 1980]. А. М. Щербак считает, что исследование алтайской проблемы целесообразнее начинать «... с определения объёма и характера лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Для этого необходимо сопоставить разные тематические группы лексики, проанализировать параллели, выделить и исследовать заимствования и всесторонне оценить соотношение сходных и различающихся слов» [Щербак, 1966, с. 23]. В этом плане труды известных учёных показали, что в наиболее древних и устойчивых лексических группировках слов, относящихся к основному фонду словарного запаса любого языка, содержится большое количество общих для алтайской языковой семьи слов [Щербак, 2005 ; Дыбо, 1985 ; Рассадин, 2007, 2008 ; Бурькин, 2017, 2018 ; Бурькин, Шарина, 2021 и др.].

К таковым относится и соматическая лексика, отражающая строение человеческого тела. Она остаётся семантически неизменной, несмотря ни на какие политические

¹ Данная гипотеза переросла в полноценную теорию в том числе благодаря конструктивной критике Б. А. Серебренникова, в целом её разделявшего, и обширному подтверждающему материалу (см. об этом в обзорной работе [Бурькин, Насилов, 2018]).

и социальные перемены в обществе, и является добротным материалом для сравнительного исследования с целью выявления общих и отличительных особенностей данного пласта лексической системы этих языков. На современном этапе семантическое и когнитивное состояние данного фрагмента лексики в сибирских тюркских и монгольском языках изучено недостаточно. Следовательно, проблема упорядочения современной системы соматической лексики в тюркских и монгольских языках, а также учёта масштабов и последствий этих языковых контактов пока ещё остаётся нерешённой. Обычно в разнотипных языках исследования соматизмов проводятся в рамках фразеологии в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах [Одемиш, 2005; Букулова, 2006; Ренчин, 2010; Лиджиева, 2021 и др.]. Такое внимание исследователей к соматизмам как составному компоненту фразеологической единицы объясняется тем, что они содержат своеобразный культурный код, участвующий в восприятии индивидом окружающего мира. Соматические фразеологизмы имеют глубокие исторические корни и являются наиболее употребительной частью в системе фразеологии, поскольку человек познаёт мир через своё тело, т. е. через физиологические ощущения. Человеческое тело является своеобразной органической системой, включающей множество соматических частей, которые связаны между собой определёнными иерархическими путями. Каждая анатомическая подсистема при этом делится на более мелкие субкатегориальные слои. Тем самым соматическая лексика хранит в своём содержании мировосприятие и представление об окружающем мире носителей определённой этнической культуры.

Ц е л ь данной статьи – выявление и описание семантико-когнитивных особенностей сибирских тюркских и монгольских лексических соответствий в соматической сфере. Материалом для анализа послужили языковые данные из лексикографических источников, а также соматическая лексика, представленная в трудах В. И. Рассадина, А. В. Дыбо. Языком-эталоном в контрастном анализе материала выступил хакасский язык, являющийся для автора настоящей статьи родным.

2. Тюркско-монгольские лексические параллели – соматизмы: семантические и грамматические акценты **[Turkic-Mongolian parallels of somatisms: Semantic and grammatical aspects]**

Упомянутое ранее исследование «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках» В. И. Рассадина посвящено выявлению в сибирских тюркских языках монголизмов с определением конкретного монгольского языка-источника и примерного проникновения этих заимствований. Автор выявил, что распределение монголизмов по тюркским языкам Сибири неравномерно: их наибольшее количество имеется в якутском языке (около 2500 слов) и в тувинском языке (около 220 слов) [Рассадин, 1980, с. 92]. В исследовании В. И. Рассадина тематически вырисовывается небедный арсенал конкретных лексических категорий, например, названия частей тела человека и животных в хакасском языке: *качар* 'край щеки под глазом', *кичеге* 'коса девушки', *көміске* 'бровь, брови', *омрыг* 'передняя часть груди лошади', *өök* 'брюшная часть шкуры животных', *погана хабырга* 'первое короткое ребро', *пуйла* 'десна', *пулчургай* 'лимфатические железы', *салаа* 'палец, ветка', *саңмай* 'лоб лошади', *саргынчак* 'книжка (часть желудка жвачных)', *силегей* 'слюна', *сорып* 'шрам, рубец', *сума хабырга*, *сүбе хабырга* 'нижнее хрящевое ребро', *сүүзін* 'сукровица', *таха* 'клок линялой шерсти', *тилээн* (саг.) 'селезёнка', *толамыр* 'безымянный палец', *уйа* 'сустав', *хабырга* 'ребро', *хадар* 'слой сала на мясе', *хосханах* 'толстая кишка коровы', *хоты* 'отросток слепой кишки', *хулху* 'ушная сера', *чала* 'гребень у петуха' [Рассадин, 1980, с. 36]. Как видим, в данной подборке автор даёт, в основном, наименования внутренних органов человека и животных. В лексикографических источниках тюркских языков часто встречаются соматиче-

ские термины, касающиеся только животных. При этом отсутствуют указания на наименования аналогичных органов человека, например, в Хакасско-русском словаре: *хосханах* I «анат. то же, что *чочых*; *хой хосханагы* 'овечья толстая кишка'; *хосханах хан* 'кровяная колбаса (приготовленная в толстой кишке)» [ХРС, 2006, с. 853]; *түбек* «анат. 'мошонка у животных'; *хуча түбегі* 'баранья мошонка'» [ХРС, 2006, с. 685]. Думается, подобная языковая картина мира у сибирских тюрков сложилась во взаимосвязи с историческими и этнографическими особенностями их быта и хозяйства. Они испокон веков были скотоводами и вели полукочевой образ жизни, поэтому, возможно, при отсутствии древнейшей традиционной медицины как, например, у китайцев, осознание своих внутренних органов у тюрков-кочевников мотивировано через анатомию животных.

Тюркско-монгольские лексические параллели В. И. Рассадина распределяет по трём группам:

1) относительно поздние монгольские лексические (и морфологические) заимствования в тюркских языках, характеризующиеся довольно чёткими маркирующими их признаками;

2) относительно поздние тюркские лексические (и морфологические) заимствования в монгольских языках, тоже имеющие чёткие маркирующие их характеристики;

3) тюркско-монгольские элементы, которые, с одной стороны, являются общетюркскими, а с другой – представлены в монгольских языках и являются в то же время общемонгольскими [Рассадина, 1980, с. 4]. В целом же лингвисты общую тюркско-монгольскую лексику разделяют на две группы: 1) первичная, восходящая к глубокой древности и 2) вторичная, возникшая в средние века в результате бурных политических и экономических контактов.

Монголизмы в сибирских тюркских языках имеют одинаковые характерные признаки: «... наличие шипящих аффрикат *j* и *ç*, гласного *i*, ещё не подвергшегося перелому, которые позволяют относить их к эпохе Средневековья, а в некоторых случаях (сохранение интервокальных *y* и *q*, ещё не давших вторичных долгот), как например, *куманд. шыбырган* 'метель, пурга', *шүйү-* 'неводить', зс-тат. *мегелей* 'рукавицы', чул.-тюрк. *серäгүн* 'прохладный', алт. *обога* 'куча', *сарбага* 'жеребёнок' и т. п.) и к более ранним, чем XIII–XIV вв., эпохам» [Рассадина, 1980, с. 94]. Проследим данную особенность на примерах соматической лексики:

'лицо' в монг.: *царай*; бур.: *шарай*; калм.: *чирä*; алт.: *чырай*; хак.: *сырай*; тув.: *шырай*; шор.: *шырай*; як.: *сирэй*; тоф.: *ширай* и т. д.

'сердце' в монг.: *зурх*; бур.: *зүрхэн*; калм.: *зүркн*; алт.: *жүрек*; хак.: *чүрек*; тув.: *чүрек*; шор.: *чүрек*; тоф.: *чүрек*; як.: *зүрэх* и т. д.

'десна' в монг.: *буйл*; бур.: *мүйлэ*; калм.: *бүүл*; алт.: *бүүле*; хак.: *пуйла*; тув.: *бүүле*; шор.: *қурғақ*; як.: *мишле* и т. д.

Структурная и семантическая близость прослеживается и в других тюркско-монгольских лексических параллелях соматизмов:

'ребро' в монг.: *хавирга*; бур.: *хабиргай / хабһан*; хак.: *хабырга*; алт.: *кабырга*; тув.: *ээги*; як.: *кырыылаа*; шор.: *қабырга* и т. д.

'ступня, стопа' в монг.: *тавхай*; калм.: *тавг*; бур.: *табгай*; хак.: *табан*; алт.: *таман*; шор.: *табан*; тув.: *таваңгай*; як.: *уллинах* и т. д.

'коленная чашечка' в монг.: *тойг*; халха-монг.: *тойг*; калм.: *төг, төң*; бур.: *тойн*; хак.: *томыш*; алт.: *томык*; тоф.: *тобук*; тув.: *товук*; як.: *тобук* и т. д.

Иногда наблюдается неравномерное распределение монголизмов в тюркских языках Сибири, например, 'брови' только в монг.: *хэмсгөө*; калм.: *кумсг*; хак.: *көміске*. В остальных языках данный соматизм передаётся по-разному: бур.: *нидхэ*; шор.: *кайры*; як.: *хаас*; алт.: *кабак*; тув.: *хавак кирбии*; тоф.: *һабақ* и т. д. Хакасский фонетический вариант лексемы, представленной в последних трёх языках, (*кабак / хавак / һабақ*) – *хабах* обозначает 'веко'.

Относительно обозначения конечностей наблюдается непропорциональное расположение: если лексема *хол / кол* в сибирских тюркских языках выражает значение 'рука': алт.: *кол*; хак.: *хол*; тув.: *хол*; шор.: *қол*; сойот.: *кол*; як.: *илии*, то в монгольских языках фонетические варианты этой же лексемы обозначают 'нога / ноги': монг.: *хөл*; бур.: *хул*; калм.: *көл*. Возможно, такое смещение мотивировано переносным значением, как например, в тофаларском или чувашском: *қол* 'передняя нога животного' (более подробно о реконструкции фонетического облика якутского *илии* и *ел* 'рука' с выпадением начального *g* в кыпчакских языках см. в работах [Мудрак, 1989, с. 217–218; Дыбо, 1985; СИГТЯ, 2001, с. 251]).

Авторы Этимологического словаря, вслед за Г. Вамбери, общетюркскую лексему *азах / айак / атак / ызак / айаг* включают в один ряд с *ат, ау, аз, ар* 'шагать', 'шаг', 'нога', 'опора' и, соответственно, с глагольной формой *алта-* и *ататак* 'ступать, шагать' [ЭТ-СТЯ, 1974, с. 104]. В таком случае наблюдается формальное и семантическое сближение этих слов с монгольскими *алгасах* «1) 'миновать, минуть, оставить, оставлять позади, в стороне, пройти, проходить, проехать, проезжать, объехать, объезжать, пронести'; {...};» [БАМРС, 2001, с. 197] и *аялах* «1) 'собираться в дорогу, укладываться, налаживаться'; {...};» [БАМРС, 2001, с. 325].

В алтайском, тофаларском и тувинском языках, как и в киргизском, уйгурском и кумыкском языках, лексему *азах / айак / атак / ызак / айаг* 'нога' заменяет лексема *бут* 'нога', например, тув.: *бут* «1) 'нога; конечность // ножной'; *бут бажы* 'носок [ноги]; *бут чок* 'безногий'; *бажындан будунга чедир* 'с головы до ног'; загадка: *башкы буду маңнаан, соңу буду шошкаан* 'передняя нога – бегом, задняя – галопом' (отгадка: *даараныр машина* 'швейная машина'); *[аарыгны] бут кырынга эрттирер* 'перенести [болезнь] на ногах'; *бут кырынга тургузар* прям. и перен. 'поставить на ноги'; ср. даван; 2) 'ножка (мебели, прибора); 3) основание; 4) отрог (горного хребта)» [ТРС, 1968, с. 81]. В ряде других тюркских языков *пут / бут* обозначает часть ноги – ляжку, бедро, например, хак.: *пут* «1) 'бедро // бедренный'; *ниске пут* 'нижняя часть бедра'; *чоон пут* а) анат. большая бедренная кость; б) верхняя часть бедра; 2) задняя нога (у животных); *мал пуды* 'бедренная часть говядины', разг. 'ляжка'; ♦ *пут хабы* фолькл. 'пantalоны, штаны» [ХРС, 2006, с. 402]. Подобные семантические переходы названий могут быть вызваны «пертурбациями разделочной терминологии, связанными с этнокультурными изменениями (ср. соотношение частей туши по почётности у тюрков и монгол: у монгол самая почётная часть после головы – лопатка, бедро на четвёртом месте; у тюрков – наоборот)» [СИГТЯ, 2001, с. 283].

Внешняя и внутренняя структуры этих соматизмов сохранились, хотя и подверглись закономерным для конкретного языка фонетическим изменениям. При выделении соответствующих критериев устанавливается исконность слова. Например, исследователи склоняются к мысли, что слово *сагал* 'борода' заимствовано из монгольского языка: «монг. *sakal*: ср.-монг. *sahal* 'борода'; <...>; письм.-монг. *saqal, saqlayar, халха saxal, saglagar*; бур. *haxal, haglagar*, калм. *saḡəl, sayläy* (бородатый), *saylä-*; <...>» [СИГТЯ, 2001, с. 223]. Тем самым широко используемая в тюркских языках лексема *ахсагал / аксагал* 'старейшина' имеет тюркско-монгольское происхождение: тюрк. *ах* 'белый; чистый; честный; прекрасный' и монг. *sahal* 'борода'. Другое базовое общетюркское цветообозначение *хара / кара / қара* 'чёрный' функционирует и в монгольских языках. Здесь можно отметить идентичность фитообраза черёмухи в отношении чёрных глаз в тюркском и монгольском мировидении, например, хак.: *хара харахтыг; нымырт харахтыг* (букв. 'с черёмуховыми глазами'); бур.: *хара нюдэтэй*; ♦ *мойһон хара нюдэн* (букв. 'черёмуха чёрный глаз') [ИССХББЯ, 2021, с. 120], монг.: *мойлон хар нүд* 'чёрные как черёмуха глаза' [БАМРС, 2001, с. 215]. Нужно отметить, что в тюркских и монгольских языках лексемы, выражающие парные / двойственные органы тела, при реализации редко принимают показатель множественного числа, возможно, из-за того, что в языковом

представлении тюрков и монголов нейтрализуется понятие целостности и раздельности парных частей тела. В реализации таких парных частей тела, как например, хак.: *хулах* 'ухо; уши', *хол* 'рука; руки', *сыганах* 'локоть; локти' и других обычно используется форма единственного числа. *Абамның харагы чітіг* – '[Мой] отец видит хорошо' (букв. 'у моего отца острый глаз'); бур.: *хурга* 'палец; пальцы'; *хоёр хургасаа* 'до двух пальцев' (о толщине и ширине); *хурга даража тоолохо* 'считать по пальцам'.

Смешанной является система языковой репрезентации пальцев. В большинстве тюркских языков (каз., кырг., ног., башк., тат., кум., карач., уйг., узб., балк. и др.) внешняя оболочка и семантика общего наименования пальца идентичны: *бармақ / бармоқ / пармах / пармак*. Однако в сибирских тюркских языках наблюдается неоднозначная картина: в алт.: *сабар* – «перенос с названия лапы хищного животного, заимствованного из монг.» [Дыбо, 1996, с. 214]; в шор.: и чулым.: *шарбаиш* – «заимствованное из монгольского название кисти руки *šarbaγuc* с уменьшительным суффиксом» [Дыбо, 1996, с. 214], як.: *тарбах* – «... это обозначение производно от глагола *tar-* «разветвляться» и представляет собой тюркско-самодийскую изоглоссу с прасамодийским обозначением кисти, пальцев как коллективного множества *tarka* с тем же исходным значением «разветвления» (см. Janhunen 67)» [Дыбо, 1996, с. 214].

В монгольских же языках используется другое наименование 'палец / пальцы': хур.: *хурһн*; бур.: *хурган*. Но ассоциативный элемент расхождения от общей точки в разные направления (разветвления) в семантике монгольского слова *салаа* '1) ответвление; развилина, разветвление'; {...}; *төмөр замын салаа* 'ответвление железной дороги'; 'ветка железной дороги'; *улиангар олон салаа болж ургадаг* 'тополь даёт много ответвлений'; {...}; *салаа гишүү* 'развилистый сук'; {...}»; [БАМРС, 2001, с. 470] лёг в основу тув.: *салаа* «'палец'; *салаа базыт санаар* 'считать на пальцах'; \diamond *салаа бажы-биле ажылдаар* 'работать с прохладцей'; *бодунуң беш салаазы дег билир* 'знать как свои пять пальцев'; ср. эргек» [ТРС, 1968, с. 259]; хак.: *салаа* '1) палец; {...}; 2) ветвь, ветка (дерева), сук'; {...}» [ХРС, 2006, с. 434–435]. Однако в якутском языке лексема *салаа* сохраняет только первоначальное значение, связанное с природным ответвлением: *салаа* '1) ветвь, ветка; лист; *харыйа салаалара* 'ветки ели'; *от салаата* а) лист травы; б) травинка; 2) приток, рукав'; {...}; [ЯРС, 1972, с. 310].

Аналоги монгольского обозначения большого пальца – монг.: *эрхий*; бур.: *эрхы*; калм.: *эркә* (хургън) – наличествуют в хак.: *иргек*; тув.: *улу-эргек*; алт.: *эргек* и т. д. Все остальные пальцы имеют отдельные названия, например, хак.: *устыг сала* 'указательный палец', *ортын салаа* 'средний палец', *толамыр* 'безымянный палец', *сымалчых* 'мизинец', за исключением тоф. *эргек* 'палец', где данная лексема участвует в наименовании каждого пальца: 'большой палец (на руке)' *улу-эргек*; 'указательный палец' *айтыр эргек*; 'средний палец' *оуртаа эргек*; 'безымянный палец' *ады йоқ эргек*; 'мизинец' *шемей эргек*» [СТРиРТ, 2005, с. 229].

3. Семантические и метафорические переносы в семантике соматизмов [Semantic and metaphoric transfers in the semantics of somatisms]

Одной из характерных особенностей соматических терминов является их развитая «многозначность, связанная с переносами на названия деталей артефактов, а также на пространственные и ландшафтные термины (и то, и другое типологически естественно). В ряде случаев такая многозначность реконструируется и для пратюркского, а иногда имеет и алтайские параллели» [СИГТЯ, 2001, с. 194]. Одним из наиболее частотных и, соответственно, полисемантическим является наименование головы, хак.: *нас* '1) голова; <...>; 2) начало, исток; <...>; 3) головка чего-либо; <...>; 4) колос <...>; 5) вершина, верхушка; <...>; 6) глава, вождь, руководитель, начальник <...>; 7) единица счёта, голова'; <...>; 8) в знач. служ. имени указывает на время; <...>; 9) с афф. принадл. и с преды-

душим деепричастием обозначает состояние кого-л., чего-л.; <...>» [ХРС, 2006, с. 348]. Аналогичный состав семантической структуры имеет бурятская лексема *толгой* «(буридэмэл угэнуудые бии болголсодог) 1.1) прям. и перен. 'голова; <...>; 2) парн. к амин; 3) глава, хозяин, руководитель; <...>; 4) вершина чего-л., реке верховье (реки); <...>; 5) перен. о предметах, чем-л. напоминающих голову, переводится в зависимости от определения 'кочан, вилок (капусты); головка (луку, чесноку); горелка (у примуса); <...>; 2. астр. употр. как единица счёта;<...>» [БРС, 2010, с. 244]. Семантический переход «голова → начальник» прослеживается и в других языках: русск.: *глава города*; нем.: *ein heller Kopf* 'светлая голова' и др. Что касается многозначных лексических параллелей в сибирских тюркских и монгольских языках, то совпадение прямых и переносных значений свидетельствует об их генетическом родстве. «... слово заимствуется в каком-нибудь одном значении, в то время как другие его значения могут развиваться на нём уже самостоятельно на почве заимствующего языка, а это развитие, как правило, идёт в ином направлении, чем в языке источнике» [Шагдаров, 1971, с. 153]. В таких случаях лингвист сталкивается с вопросом заимствования – сложного пути адаптации от экзотизма до полноправной лексемы с особенностями семантической и сочетаемостной структур в языке-реципиенте.

А. В. Дыбо, рассматривая метафорические ландшафтные употребления слов – названий частей тела в тюркских языках, выделяет горный и водный ландшафты и отмечает, что перенос названий частей тела на горный ландшафт наблюдается только в тюркских языках Южной Сибири [Дыбо, 2011, с. 384]. В подтверждение сказанному приведём примеры: как.: *таг хабьргазы* 'склон горы; косогор; букв. ребро горы', *таг хабьргалирга* 'идти по склону горы'; *арга* '1) спина; 2) перен. хребет (горный), гряда' и др. В монгольском языке переносное значение лексемы *хавирга* 'ребро' – 'выступ горы между ущельями, долинами; отрог, склон'; *уулын хавирга* 'склон горы'; *Эрээн хавирга* 'гора Тяньшань'; *хажуу хавиргаар нь явах* 'ехать стороною' [БАМРС, 2001, с. 856]. Такая система метафоризации обусловлена «контактами с обитающими на соседних территориях монгольскими языками; относительно монгольских особенностей антропоморфного представления ландшафта гора рассматривается как стоящий человек, ориентированный спиной к северу; <...>; видимо такая метафоризация напрямую связана с представлением о духе – хозяине горы» [Дыбо, 2011, с. 384–385].

В хакасском языке общетюркская лексема *нас* 'голова' в переносном значении может выражать точку в пространстве: *аал пазы* 'край села', букв. 'голова деревни', *соор пазы* 'передняя часть саней', букв. 'голова саней'; *таг пазы* 'вершина горы', букв. 'голова горы'. Оппозитивное местонахождение объекта может выражаться при помощи соматизма *азах* 'нога': *аал азагы* 'край деревни', букв. 'нога деревни' и др. При этом «голова» или «нога» деревни определяется в зависимости от направления течения реки. Данная особенность использования соматизмов в определении местонахождения объекта имеет универсальный характер в разноструктурных языках.

А. В. Дыбо также отмечает метафорические переносы соматизмов в наименованиях частей повозки. «Это тув. *qulaq*, як. *qulgāx* 'гуж хомута' (< 'ухо'); як. *суһах* 'полозья саней' (< 'скула'); **parṇak* 'палец, пальцы' > 'спицы колеса' – тур., гаг., аз.; **dyrṇak* 'ноготь, коготь' > 'ось колеса арбы' – туркм. диал., 'зубья в полозьях саней' – тат. диал.; **kökrek* 'грудная клетка' > 'кузов телеги' – турк. диал., 'передок арбы' – узб. диал., 'корпус телеги' – башк. диал., 'подушка телеги' – тат., башк.; **kīn*, **kīntik* 'пупок' > 'брус в основании арбы' – узб., 'сердечник у телеги' – чув. диал.; **tāpan* ' подошва, ступня' > 'полоз саней' – гаг., башк., алт., хак., чув., 'обод колеса' – аз. диал., уйг. диал. Ср. также детали других транспортных средств – луку седла (< **kāš* 'бровь') – фактически общетюркский перенос, в этом значении слово заимствовано в перс. *gāš*; **em-ček* 'сосок' > 'шип на подкове' – башк. Безусловно, за этим классом метафор просматриваются совершенно определённые культурно-исторические причины» [Дыбо, 2011, с. 384].

4. Заключение [Conclusion]

Тюркско-монгольское взаимодействие языков – это яркий пример смешения языков в результате многовековых контактов народов в различных сферах жизнедеятельности. Такие языковые контакты влияют на фонетику, морфологию языков, внося определённые изменения, а также воздействуют на целые ярусы лексической системы. Предпринятая попытка описания тюркско-монгольских лексических параллелей – соматизмов – показала почти полное их семантическое тождество, за исключением некоторых неравномерных распределений. Также обнаружен сдвиг в семантике слов, обозначающих конечности. Проведённое исследование выявило не менее 35 тюркско-монгольских лексических соответствий в соматической сфере. К общим лексическим особенностям соматизмов были отнесены: а) обозначения формой единственного числа парных частей тела; б) метафорические переносы в семантике отдельных соматизмов, распространяющиеся на ландшафтные и пространственные смыслы в сочетательном потенциале; в) модели развития содержания обозначений головы и ребра. Для некоторых единиц зафиксировано изменение сферы употребления и, как следствие, – развитие многозначности. В тематической группе соматизмов в рассматриваемых языках содержится ещё немало неизученных, неразгаданных аспектов. Исследования таких фрагментов лексической системы в этих языках имеют хороший потенциал и открывают новые возможности для лингвистического анализа в семантическом, этимологическом и лингвокультурологическом аспектах.

Список сокращений и условных обозначений

аз. – азербайджанский язык; алт. – алтайский язык; балк. – балкарский язык; башк. – башкирский язык; бур. – бурятский язык; гаг. – гагаузский язык; зс-тат. – язык западно-сибирских татар; каз. – казахский язык; калм. – калмыцкий язык; карач. – карачаевский язык; кач. – качинский диалект; к.-калп. – каракалпакский язык; куманд. – кумандинский диалект; кум. – кумыкский язык; кырг. – кыргызский язык; монг. – монгольский язык; нем. – немецкий язык; ног. – ногайский язык; саг. – сагайский диалект; сойот. – сойотский язык; ср.-монг. – средне-монгольский язык; тат. – татарский язык; тоф. – тофаларский язык; тув. – тувинский язык; тур. – турецкий язык; турк. – туркменский язык; узб. – узбекский язык; уйг. – уйгурский язык; хак. – хакасский язык; халха-монг. – халха-монгольский язык; чув. – чувашский язык; чул.-тюрк. – язык чулымских тюрков; чулым. – чулымский язык; як. – якутский язык; шор. – шорский язык.

Библиографический список

- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Ок. 70000 слов / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. 2001. 2007 с.
- БРС – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. Т. II : О-Я. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2010. 708 с.
- Букулова, 2006 – Букулова М. Г. Соматическая фразеология тюркских языков: на материале турецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; Ин-т языкознания РАН. М., 2006. 24 с.
- Бурыкин, 2017 – Бурыкин А. А. Об объеме и характере тюрко-монгольских и тюрко-тунгусо-маньчжурских лексических связей в новой перспективе: роль теории родства алтайских языков для выявления древних языковых контактов // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Вестник КИГИ РАН). 2017. Vol. 33, Iss. 5. P. 190–198. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-33-5-190-198>
- Бурыкин, 2018 – Бурыкин А. А. Тюрко-монгольские и тюрко-тунгусо-маньчжурские лексические связи в новой перспективе: возможности алтайской теории для выявления древних языковых контактов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 4. С. 5–26. https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_4_5_26

- Бурыкин, Насилов, 2018 – Бурыкин А. А., Насилов Д. М. Б. А. Серебренников как тюрколог компаративист и проблемы алтаистики // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 3. С. 5–17. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_3_5_17
- Бурыкин, Шарина, 2021 – Бурыкин А. А., Шарина С. И. Словообразование имён числительных в тунгусо-маньчжурских языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 52–68. https://10.22250/2410-7190_2021_7_3_52_68
- Дыбо, 1985 – Дыбо А. В. К праалтайской реконструкции названий частей тела // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 82–93.
- Дыбо, 1996 – Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М. : Школа Языки русской культуры. 1996. 390 с.
- Дыбо, 2011 – Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: лексика конкретного словаря // Слово и язык : сб. ст. к восьмидесятилетию Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянских культур. 2011. С. 359–391.
- ИССХББЯ, 2021 – Чертыкова М. Д., Цыренов Б. Д., Каксин А. Д. Идеографический словарь синонимов хакасского, бурятского и хантыйского языков (языковая модель человека). Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2021. 204 с.
- Лиджиева, 2021 – Лиджиева А. С. Семантика соматизмов в составе фразеологизмов (на материале калмыцкого языка и языка ойратов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; Калмыцкий гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова. М., 2021. 34 с.
- Мудрак, 1989 – Мудрак О. А. Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1989. Ч. I. С. 216–222.
- Одемиш, 2005 – Одемиш З. Тюрко-монгольские элементы в турецком и тюркских языках Южной Сибири : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; Бурятский гос. ун-т. М., 2005. 32 с.
- Рассадин, 1980 – Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М. : Наука, 1980. 115 с.
- Рассадин, 2002 – Рассадин В. И. К характеристике тюрко-монгольских языковых отношений // VIII Международный конгресс монголоведов, Улан-Батор, 5–12 августа 2002. М., 2002. С. 263–269.
- Рассадин, 2007 – Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I : Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста, 2007. 165 с.
- Рассадин, 2008 – Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та. 2008. 243 с.
- Рэнчин, 2010 – Рэнчин Б. Отображение универсальных и этноспецифических черт языковой картины мира во фразеологических фондах английского, русского и монгольского языков (на материале фразеологизмов – соматизмов и зоонимов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2010. 25 с.
- СИГТЯ, 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 2001. 822 с.
- СТРиРТ, 2005 – Рассадин В. И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский : учеб. пособие. СПб. : Дрофа, 2005. 295 с.
- ТРС, 1968 – Тувинско-русский словарь: около 22.000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Советская энциклопедия, 1968. 646 с.
- ХРС, 2006 – Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сѳстиги: около 22 тыс. слов / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
- Шагдаров, 1971 – Шагдаров Л. Д. О развитии переносных значений в словах, общих некоторым тюркским и монгольским языкам // Проблема общности алтайских языков : сб. ст. / отв. ред. О. П. Суник. Л. : Наука, 1971. С. 151–159.
- Щербак, 1966 – Щербак А. М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1966. № 3. С. 21–35.
- Щербак, 2005 – Щербак А. А. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб. : Наука, 2005. 195 с.

- ЭСТЯ, 1974– Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М. : Наука, 1974. 767 с.
- ЯРС, 1972 – Якутско-русский словарь: 25300 слов / под ред. П. А. Слепцова. М. : Советская энциклопедия. 1972. 568 с.

References

- Pyurbeyev, G. Ts. (Ed.). (2001). *Bol'shoy akademicheskiiy mongol'sko-russkiiy slovar'* (BAMRS) [The Great Academic dictionary of Mongolian and Russian]. In 4 volumes. Around 70000 words. Moscow : ACADEMIA Press.
- Shagdarov, L. D., Cheremisov, K. M. (2010). Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkiiy slovar' (BRS) [Buryaad-orod toli. Buryat-Russian dictionary]. In 2 volumes. Vol. II: O-Ya. Ulan-Ude : Respublikanskaya Press. (In Buryat and Russ.).
- Bukulova, M. G. (2006). *Somaticheskaya frazeologiya tyurkskikh yazykov: na materiale turetskogo yazyka* [Somatic phraseology of Turkic languages: Based on Turkish]. Author's abstract of PhD in Philological sci. dis. Moscow. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2017). Ob ob"eme i kharaktere tyurko-mongol'skikh i tyurko-tunguso-man'chzhurskikh leksicheskikh svyazey v novoy perspektive: rol' teorii rodstva altayskikh yazykov dlya vyyavleniya drevnikh yazykovykh kontaktov [About the amount and nature of Turkic-Mongolian and Turkic-Tungusic lexical relations in a new perspective: The role of the Theory of genetic relationship of the Altaic languages in the identification of ancient language contacts]. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*, 33 (5), 190–198. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-33-5-190-198>
- Burykin, A. A. (2018). Tyurko-mongol'skie i tyurko-tunguso-man'chzhurskie leksicheskie svyazi v novoy perspektive: vozmozhnosti altayskoy teorii dlya vyyavleniya drevnikh yazykovykh kontaktov [New perspective of Turkic-Mongolian and Turkic-Tungus-Manchu lexical links: The Altaic theory possibilities for revealing ancient language contacts]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (4), 5–26. https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_4_5_26
- Burykin, A. A., Nasilov, D. M. (2018). B. A. Serebrennikov kak tyurkolog komparativist i problemy altaistiki [B. A. Serebrennikov as turkologist comparativist and problems of Altaic studies]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (3), 5–17. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_3_5_17
- Burykin, A. A., Sharina, S. I. (2021). Slovoobrazovanie imen chislitel'nykh v tunguso man'chzhurskikh yazykakh [Word building patterns of numerals in Tungus Manchu languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 52–68. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_52_68
- Dybo, A. V. (1985). K praaltayskoy rekonstruktsii nazvaniy chastey tela [Pra-Altai reconstruction of body parts names]. *Teoriya i praktika etimologicheskikh issledovaniy* [Etymological studies: Theory and practice] (pp. 82–93). Moscow. (In Russ.).
- Dybo, A. V. (1996). *Semanticheskaya rekonstruktsiya v altayskoy etimologii. Somaticheskie terminy (plechevoy poyas)* [Semantic reconstruction in the Altai etymology. Somatic terms (Shoulder girdle)]. Moscow : Shkola Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Dybo, A. V. (2011). *Semanticheskaya rekonstruktsiya v altayskoy etimologii: leksika konkretnogo slovaryia* [Semantic reconstruction in the Altai etymology: Lexis] (pp. 359–391). Slovo i yazyk [Word and language]: A collection of papers in honor of Yu. D. Apresyan's 85th anniversary. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press. (In Russ.).
- Chertykova, M. D., Tsyrenov, B. D., Kaksin, A. D. (2021). *Ideograficheskiiy slovar' sinonimov khakasskogo, buryatskogo i khantyyskogo yazykov (yazykovaya model' cheloveka)* [Idiographic dictionary of synonyms in Khakas, Buryat and Khanty (Language model of a human)] (ISSKhBBYa). Abakan : Khakassian State University named after N. F. Katanov Press.
- Lidzhieva, A. S. (2021). *Semantika somatizmov v sostave frazeologizmov (na materiale kalmytskogo yazyka i yazyka oyratov)* [The semantics of somatisms as parts of phraseological units (Based on Kalmyk and Oirat)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. dis. Moscow. (In Russ.).

- Mudrak, O. A. (1989). Spetsificheskie drobeniya konsonantnykh reflektsov v chuvashskom [Specific splits of consonant reflexes]. *Lingvisticheskaya rekonstruktsiya i drevneyshaya istoriya Vostoka* [Linguistic reconstruction and the ancient history of the East]. (Part I, pp. 216–222). (In Russ.).
- Odemish, Z. (2005). Tyurko-mongol'skie elementy v turetskom i tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri [Turkic-Mongolian elements in Turkish and the Turkic languages of South Siberia]. Author's abstract of PhD in Philological sci. dis. Moscow. (In Russ.).
- Rassadin, V. I. (2007). *Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoy yazykovoy obshchnosti. Ch. I: Tyurkskoe vliyanie na leksiku mongol'skikh yazykov* [Essays on the history of forming Turkic-Mongolian language community. Part I: Turkic influence on the Mongolian languages lexis]. Elista.
- Rassadin, V. I. (2008). *Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoy yazykovoy obshchnosti. Ch. II. Mongol'skoe vliyanie na leksiku tyurkskikh yazykov* [Essays on the history of forming Turkic-Mongolian language community. Part II: Mongolian influence on the Turkic languages lexis]. Elista: Kalmyk State University Press. (In Russ.).
- Rassadin, V. I. (1980). *Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskikh tyurkskikh yazykakh* [Mongolian-Buryat borrowings into the Siberian Turkic languages]. Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Rassadin, V. I. (2002). K kharakteristike tyurko-mongol'skikh yazykovykh otnosheniy [The specifics of Turkic-Mongolian language relations]. *VIII Mezhdunarodnyy kongress mongolovedov* [VIII International Congress of Mongolian studies], August 5–12, Ulan-Bator (pp. 263–269). Ulan-Bator (In Russ.).
- Renchin, B. (2010). Otobrazhenie universal'nykh i etnospetsificheskikh chert yazykovoy kartiny mira vo frazeologicheskikh fondakh angliyskogo, russkogo i mongol'skogo yazykov (na materiale frazeologizmov – somatizmov i zoonimov) [Reflecting universal and specific patterns of the language picture of the world in the phraseology of English, Russian and Mongolian languages (Based on somatisms and zoonyms)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. dis.; Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Saratov. (In Russ.).
- Tenishev, E. R. (2001). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika (SIGTYA)* [Comparative historical grammar of Turkic languages. Lexis]. 2nd edn. Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Rassadin V. I. (2005). *Slovar' tofalarsko-russkiy i russko-tofalarskiy (STRiRT)* [Tofa-Russian and Russian-Tofa dictionary]: A coursebook. St Petersburg: Drofa Press.
- Tenishev, E. R. (Ed.). (1968). *Tuvinsko-russkiy slovar' (TRS)* [Tuvan-Russian dictionary]: About 22.000 words. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Press.
- Subrakova, O. V. (Ed.). (2006). *Khakassko-russkiy slovar' (KhRS) – Khakas – orys söstigi* [Khakas-Russian dictionary]: About 22 thousand words. Novosibirsk: Nauka Press.
- Shagdarov, L. D. (1971). *O razvitiy perenosnykh znacheniy v slovakh, obshchikh nekotorym tyurkskim i mongol'skim yazykakh* [The development of figurative means in words common to some Turkic and Mongolian languages]. In O. P. Sunik (Ed.), *Problema obshchnosti altayskikh yazykov* [The problem of the Altai languages similarity] (pp. 151–159). Leningrad: Nauka Press. (In Russ.).
- Sčerbak, A. A. (2005). *Tyurksko-mongol'skie yazykovye kontakty v istorii mongol'skikh yazykov* [Turkic-Mongolian contacts in the history of Mongolian languages]. St Petersburg: Nauka Press. (In Russ.).
- Sčerbak, A. M. (1966). O haraktere leksicheskikh vzaimosvyazey tyurkskikh, mongol'skikh i tungusoman'chzhurskikh yazykov [The character of lexical interrelations of Turkic, Mongol and Tungus-Mandchur languages]. *Voprosy yazykoznavaniya* [Topic in the Study of Language], 3, 21–35. (In Russ.).
- Sevortyan, E. V. (1974). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye) (ESTYa)* [Etymological dictionary of Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic stems with vowels)]. Moscow: Nauka Press.
- Sleptsov, P. A. (Ed.). (1972). *Yakutsko-russkiy slovar' (YaRS)* [Yakut-Russian dictionary]: 25300 words / pod re. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Press.

Чжан Тун

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Acezhangtong@mail.ru

О семантической спаянности в интернет-мемах

Аннотация

В данной работе интернет-мем рассматривается как универсальное языковое явление. Цель настоящей статьи, во-первых, провести краткий обзор дефиниций и свойств интернет-мема как объекта лингвистического исследования, во-вторых, выполнить глубинный анализ взаимоотношений его структурных компонентов. Теоретический анализ литературных источников позволил определить интернет-мем как креативный жанр поликодового текста, часто включающий юмор, лавинообразно распространяющийся в сети Интернет подобно вирусу высокой контагиозности, способному эволюционировать через репликацию, имитацию, мутации и отбор. Изучение ранее предложенных моделей корреляции вербального и невербального компонентов интернет-мема позволило выявить возможность нового ракурса в рассмотрении взаимоотношений его структурных компонентов, а именно, наличие семантической спаянности между текстом и картинкой интернет-мема как его дифференциального признака. В результате идентифицировано четыре типа семантической спаянности с опорой на обусловленность между компонентами мема: взаимная, прямая, обратная и нулевая обусловленность.

Ключевые слова: поликодовый текст, интернет-мем, семантическая спаянность, обусловленность между вербальным и невербальным компонентами

© Чжан Тун 2023

Для цитирования: Чжан Тун. О семантической спаянности в интернет-мемах // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 180–190. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_180

Zhang Tong

St. Petersburg University

St. Petersburg, Russian Federation

Acezhangtong@mail.ru

On semantic cohesion in Internet memes

Abstract

This paper considers Internet memes as a universal linguistic phenomenon. The aim is to perform (i) a brief overview of an Internet meme as an object of linguistic study, (ii) a thorough examination of the interaction between its structural components. Literature analysis enabled to define Internet meme as a creative genre of polycode text that oftentimes includes humor and is capable of overwhelming the Internet like a highly contagious virus that evolves by replication, imitation, mutation and selection. The analysis of verbal and nonverbal components correlation patterns within Internet memes suggested in the previous studies revealed a possibility for a novel perspective to view the interaction of their components, particularly, a semantic fusion of text and picture as a distinctive feature of meme. As a result, four types of semantic fusion of Internet memes were identified based on causality types: mutual, direct, reverse and zero.

Keywords: polycode text, Internet meme, semantic fusion, causality between linguistic and non linguistic components

© Zhang T. 2023

For citation: Zhang, T. (2023). O semanticheskoy spayannosti v internet-memakh [On semantic cohesion in Internet memes]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 180–190. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_180

1. Введение [Introduction]

В связи с развитием компьютерных технологий и увеличением социально-коммуникативной потребности человека Интернет как развивающаяся коммуникативная среда изменил традиционные виды общения [Михайлов В. А., Михайлов С. В., 2004], что способствовало зарождению интернет-коммуникации, под которой мы понимаем вид опосредованных воздействий между индивидами посредством Интернета. С помощью Интернета постоянно стимулируется творческий потенциал людей, которые начали использовать внеязыковые средства для передачи информации, чтобы восприятие информационного потока адресатами (читателями / слушателями) было максимально быстрым и эффективным. В связи с этим в современной лингвистике весьма актуальным становится изучение поликодовых сообщений, которые совмещают в себе знаки из как минимум двух разных семиотических систем. Для этого типа текста появился термин – поликодовый текст (далее – ПТ), в котором, по мнению Г. В. Ейгера и В. Х. Юхта, «сочетается естественный языковой код с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [Ейгер, Юхт, 1974, с. 105]. Традиционные сферы реализации ПТ – юмор, кинематограф и реклама, новые сферы – политическая лингвистика и интернет-коммуникация (см. обзор в [Novospasskaya, Zou, 2021]).

Именно интернет-коммуникация даёт человеку возможность высказывать своё мнение, эмоции, публиковать информацию в разных социальных сетях и приложениях с помощью «живого» визуального образа вместо абзаца «мёртвых» слов, что позволяет определить ПТ как неотъемлемую часть интернет-коммуникации. В первом десятилетии XXI века наблюдается «бум» особого вида ПТ, характеризующегося креативностью и спонтанностью распространения в виде текста с картинкой в квадратной рамке, который получил название «интернет-мем». Интернет-мем как креативный жанр поликодового текста служит популярным инструментом передачи и распространения информации в электронно-цифровой среде для пользователей Интернета, которые, сами являясь «творческим гением», создают нужную форму текста со своим мнением или эмоцией на основе уже имеющегося «шаблона», и данный мем обычно спонтанно распространяется в массы пользователей. Подчеркнём, что интернет-мем зародился и существует именно в среде Интернета, поэтому объектом лингвистического исследования он стал сравнительно недавно, в связи с чем изучение интернет-мема в основном сосредоточено на определении его понятия, на характеристиках, структуре, прагматической функции. Ряд таких работ [Щурина, 2012, 2014; Марченко, 2013; Shifman, 2014; Мигранова, Кромина, 2015; Канашина, 2017 а, б; Denisova, 2019] и послужил теоретической базой настоящего исследования.

Ц е л ь данной статьи – провести краткий обзор дефиниций и свойств интернет-мема как объекта лингвистического исследования и выполнить глубинный теоретический анализ взаимоотношений его структурных компонентов, а именно, рассмотреть семантическую спаянность как дифференциальный признак интернет-мема. Исследования семантической спаянности компонентов интернет-мема пока отсутствуют в современной лингвистике. Необходимость такого ракурса рассмотрения очевидна, поскольку это позволит углубить понимание специфики работы универсального механизма восприятия информации человеком.

2. Интернет-мем как особый тип поликодового текста [Internet meme as a special type of polycode text]

Интернет-мем как термин имеет совсем недолгую историю, восходящую к понятию «мем» (англ. *Meme*, от греч. *Mimeme*) – «это идея, образ, объект культуры, который перенимается многими членами сообщества» [Щурина, 2012, с. 162]. Понятие «мем» впервые было введено Р. Докинзом по отношению к лавинообразному распространению идей ещё в 1976 г. [Dawkins, 2006¹]: это производный ген культуры, эволюционирующий через репликацию, имитацию, мутации и отбор; данная единица информации способна к репликации подобно биологическим генам как единицам наследственности. Иными словами, «мем представляет собой аналог гена в аспекте культуры» [Denisova, 2019, р. 6]. В этом смысле мему придают и биологическое, и культурное значения, что позволяет рассматривать его как «механизм передачи и хранения культурной информации» [Щурина, 2012, с. 162]. Р. Докинз также отметил, что успешное распространение мема обеспечивают три характеристики – «долговечность, плодовитость и надёжность» [цит. по : Denisova, 2019, р. 6]. Именно благодаря новым информационным средствам в интернет-коммуникации эти характеристики усиливаются: Интернет служит базой хранения информации, инструментом распространения информации и средством воспроизведения информации. Таким образом, можно утверждать, что интернет-коммуникация оптимизирует и «реконструирует» мем, в результате чего зарождается новый вид мема, который существует и распространяется только в рамках Интернета.

Термином «интернет-мем» обозначается возникшее в первом десятилетии XXI века явление спонтанного лавинообразного распространения в интернет-среде какой-либо информации посредством разных способов на различных платформах Интернета [Ксенофонтова, 2009] и сама данная информация, которая позволяет интернет-пользователям быть «неравнодушными к ней, вызывает интерес или порождает ассоциации» [Щурина, 2014, с. 148]. Зачастую интернет-мем сравнивают с вирусом высокой контагиозности (см. об этом обзор работ англоязычных авторов в [Taecharungroj, Nueangjamnong, 2015]). Экспериментальным путём выявлено, что скорость распространения мема напрямую зависит от количества «лайков» [Taecharungroj, Nueangjamnong, 2015]. Скорость распространения интернет-мемов и их продолжительность жизни поддаются моделированию по аналогии с компартментными моделями в эпидемиологии [Lonnberg et al., 2020].

Исследователи предлагали различные толкования интернет-мема как термина. Так, Ю. В. Щурина, опираясь на мнение И. В. Ксенофонтовой, определяет интернет-мем как «единицу информации, объект, который получил популярность – как правило, спонтанно – в среде, обслуживаемой информационными технологиями» [Щурина, 2012, с. 162]. Аналогичное определение предлагает Л. Шифман, который рассматривает интернет-мем как разновидность цифровой информации с общими характеристиками, намеренно созданной несколькими участниками и распространяющейся онлайн [Shifman, 2014]. Суть содержания интернет-мема состоит в том, что под ним понимается «хранилище культурных кодов сетевого сообщества» [Марченко, 2013, с. 113], обычно отражающих культурные стереотипы и явления действительности в обществе, которые представляются актуальными и интересными для интернет-пользователей [Нежура, 2012]. Одним из дифференциальных признаков мема считается юмор в самых разных его проявлениях (см. об этом обзор работ англоязычных авторов в [Taecharungroj, Nueangjamnong, 2015]), и эта черта в определённой степени способствует скорости распространения мемов [Taecharungroj, Nueangjamnong, 2015]. С точки зрения текстовых и структурных особенностей интернет-мем традиционно определяется как «комплексный

¹ Третье издание (30 лет со дня выхода книги).

феномен интернет-коммуникации, представляющий собой целостную, завершённую единицу, с текстом и картинкой в квадратной рамке» [Канашина, 2017 а, с. 85].

Итак, выделим основные аспекты при определении понятия интернет-мема: 1) среда его существования и распространения – Интернет; 2) это артефакт индивида или группы пользователей и носитель культурной коннотации; 3) это двухкомпонентная структура. Исходя из вышесказанного, в данном исследовании интернет-мем рассматривается как особый ПТ, созданный человеком в интернет-коммуникации в виде текста с картинкой (или картинками) в квадратной или прямоугольной рамке, образующий единое смысловое целое и использующийся с целью передачи информации в лаконичной и интересной форме от одного носителя языка другому.

Поликодовость интернет-мема проявляется в том, что в нём всегда можно выделить вербальную часть, представленную в виде надписи, комментария, высказывания – разного рода короткого письменного текста, и невербальную – в виде картинки, в количестве не менее одной. Именно благодаря такой структуре значительно обогащаются его семантические и прагматические возможности: минимальная форма передаёт ёмкое содержание, а разные средства передачи информации делают мем выразительнее и красочнее [Канашина, 2017 а]. Среди многочисленных видов поликодового текста в Интернете к числу интернет-мемов относят следующие жанровые разновидности: демотиватор, эдвайс, карикатура, интернет-комикс, саркастические открытки, пост, интернет-цитаты и др. [Скворцова, Петрова, 2021].

3. Понятие семантической спаянности [The notion of semantic coherence]

Термин «семантическая спаянность» восходит к свойствам слитности и неделимости на семантическом, лексическом и грамматическом уровнях, указанным В. В. Виноградовым [Виноградов, 1977] при описании классификации фразеологических единиц (далее – ФЕ). В более современном изложении это семантическая спаянность компонентов ФЕ, которая «предполагает стабильность их лексического состава, а в ряде случаев и их морфологического оформления и синтаксической организации» [Азиева, 2006]. В этом плане степень семантической спаянности ФЕ заключается в степени интегративности их компонентов.

Интернет-мем отличается от традиционного текста тем, что в его двухкомпонентную структуру включают не только линейные словесные ряды или предложения, но и изобразительные элементы, роль которых в процессе образования смысла такого мини-ПТ нельзя игнорировать. В связи с тем, что интернет-мем представляет собой семантическое единство вербальной и невербальной информации, становится возможным построение разных типов семантических отношений между текстом и картинкой (или картинками), которые лежат в основе восприятия мема на глубинном уровне. Таким образом, в настоящем исследовании понятие семантической спаянности было переосмыслено: семантическая спаянность в интернет-меме предполагает тот факт, что вербальная и невербальная составляющие всегда вступают в некие семантические корреляции, образующие одно смысловое единство, которое может эффективнее воздействовать на реципиента.

4. Типология семантической спаянности в интернет-меме [The typology of semantic fusion in internet-meme]

Хотя вербальный и невербальный компоненты интернет-мема могут взаимодействовать при создании семантического и смыслового единства, смысл интернет-мема не сводится к сумме знаков разных семиотических систем: смысл текста, сформированный «на основе соположения гетерогенных компонентов, всегда больше, чем просто сумма составляющих» [Сонин, 2003, с. 46].

В современной лингвистической литературе существует несколько подходов к классификации корреляции между вербальным и невербальным компонентами в основном в поликодовом тексте. Так, Л. В. Головина в 80-е годы прошлого века уже отмечает возможные семантические отношения содержания текста и изображения в ПТ при изучении особенностей его восприятия. Она указывает, что содержание изображения может полностью совпадать с вербальным компонентом, перекрывая друг друга и представляя «синонимичные» отношения друг с другом, а в иных случаях может частично перекрывать и расширять содержание вербальной части, играя дополнительную роль [Головина, 1986]. В этой классификации учитывается только объём информации изображения по сравнению с вербальным текстом, но такой «предварительный» анализ положен в основу дальнейшего исследования вопросов семантических корреляций в ПТ.

Самые простые, по нашему мнению, модели корреляции предлагает Е. Е. Анисимова, выделяя два типа отношений между вербальным и невербальным компонентами, основанных на статусе вербального компонента в поликодовом тексте. Отношения *взаимодополнения* представлены тогда, когда вербальная составляющая выполняет вторичную функцию в том случае, если изображение может существовать самостоятельно и быть понятным реципиенту без слов; если вербальный компонент существенно влияет на интерпретацию смысла ПТ, то функционируют отношения *взаимозависимости*, поскольку здесь вербальный текст выполняет первичную функцию [Анисимова, 2003, с. 12]. На этой основе Е. Е. Анисимова классифицирует три группы ПТ в зависимости от наличия / отсутствия изображения и характера его связи с вербальной частью, раскрывая три типа корреляции:

1) тексты с нулевой креолизацией, в котором изображения не представлены и, соответственно, не имеют значения для их организации;

2) тексты с частичной креолизацией, где вербальная часть находится в относительно автосемантических и независимых отношениях с изображением;

3) тексты с полной креолизацией, в которых вербальная часть тесно связана с изобразительной частью и между ними устанавливаются синсемантические отношения [Там же, с. 15].

Существуют и более сложные, но более системные классификации корреляций в ПТ [Sauerbier, 1978, p. 77, ; Цит. по : Сенцова, 2017, с. 32 : Celentin, 2007 ; Ворошилова, 2013] (см. табл. 1).

Перечисленные модели корреляции перекрывают, дополняют и расширяют семантические отношения, предложенные Л. В. Головиной и Е. Е. Анисимовой, опираясь на референтную соотнесённость вербального и невербального компонентов. Отметим общее и различное в представленных трёх моделях: учёные единодушны в модели параллельной корреляции при описании полного совпадения содержания невербальной и вербальной частей, а для описания отношений частичного совпадения, одностороннего дополнения и противоположных отношений между вербальной и невербальной частями используются различные названия модели корреляции (комплементарная – перекрёстная, дополняющая – поддерживающая, противоположная – оппозиционная). С. Д. Заурбир и М. Б. Ворошилова выделяют интегративную корреляцию, которая реализуется на основе ассоциативной связи между вербальным и невербальным компонентами. А субститутивная и избыточная корреляции, по нашему мнению, могут быть включены в так называемую комплементарную или перекрёстную корреляцию, поскольку обе модели проявляют характер частичного совпадения содержания неоднородных компонентов.

Б. Карлаварис исследует корреляцию между вербальным и невербальным компонентами с другой точки зрения – учёный выделяет несколько типов иллюстраций с учётом их разной роли в организации ПТ: доминирующую иллюстрацию, равноценную иллюстрацию, сопровождающую иллюстрацию и декоративную иллюстрацию [Карла-

варис, 1979]. Эта классификация подчёркивает роль изображения, что позволяет исследователям обращать больше внимания на степень участия изображения в организации ПТ [Сенцова, 2017]. Данный аспект детально рассматривает О. В. Пойманова, распределяя ПТ по шести группам: репетиционный, аддитивный, выделительный, оппозиционный, интегративный и изобразительно-центрический ПТ (изображение играет роль повтора, дополнения, подчёркивания вербального текста, противоположения вербальному тексту, поддержания вербального текста и ядра для интерпретации соответственно) [Пойманова, 1997].

Т а б л и ц а 1. Модели корреляции между вербальным и невербальным компонентами в ПТ, созданные С. Д. Зауэрбиром, П. Челентин и М. Б. Ворошиловой
[Table 1. The models of correlation between verbal and non-verbal components in polycode texts: Based on S. D. Sauerbier, P. Celentin and M. B. Voroshilova]

Форма корреляции	Автор		
	С. Д. Зауэрбир	П. Челентин	М. Б. Ворошилова
Полное совпадение содержания невербальной и вербальной частей.	параллельная	параллельная	параллельная
Частичное совпадение содержания невербальной и вербальной частей.	комплементарная	-	перекрёстная
Дополнение вербальной части семантики невербальной (или наоборот) в целях совместной передачи информации.	-	дополняющая	поддерживающая
Содержание невербальной части замещает вербальную информацию.	субститутивная	-	-
Вербальная и невербальная части передают одну и ту же информацию.	-	избыточная	-
Содержание вербальной части вступает в противоречие с содержанием невербальной части.	-	противоположная	оппозитивная
Связь между содержанием вербальной и невербальной частей устанавливается на ассоциативной основе.	интерпретативная	-	интерпретативная

В проанализированных моделях за основу взяты 1) соотношение объёма информации, которая передается с помощью изображения и письменного текста; 2) степень семантической спаянности вербальной и невербальной информации; 3) назначение изображения. Между вербальными и невербальными компонентами всегда присутствует некая обусловленность, и именно она лежит в основе семантической спаянности.

Поскольку семантическая спаянность исследована недостаточно, в данной статье предлагаются типы спаянности текста и картинки / картинок в интернет-меме как мини-ПТ на основе их разной обусловленности друг другом:

- взаимная обусловленность: текст и картинка находятся в синсемантических отношениях. Семантика вербального и невербального компонентов тесно связана благодаря их взаимодействию, они дополняют друг друга (см. рис. 1);
- прямая обусловленность: на первый план ПТ выдвигается изображение. Возможны две ситуации: текстом объясняется содержание картинки, либо информация текста подчёркивается изображением (см. рис. 2);
- обратная обусловленность: главную роль в ПТ играет текст. Здесь также возможны две ситуации: текст дополняется, поясняется изображением, либо информация текста вторгается в изображение, а вербальный компонент носит другую окраску (см. рис. 3);

• нулевая обусловленность: текст и картинка семантически не связаны. Картинка является декоративной частью, выполняющей эстетическую, комическую, эмоциональную и др. функции (см. рис. 4).

Р и с у н о к 1. **Взаимная обусловленность**
[Figure 1. **Mutual causality**]

Р и с у н о к 2. **Прямая обусловленность**
[Figure 2. **Direct causality**]

Р и с у н о к 3. **Обратная обусловленность**
[Figure 3. **Indirect causality**]

Р и с у н о к 4. **Нулевая обусловленность**
[Figure 4. **Zero dependency**]

Критерием предложенной классификации является то, доминирует ли семантика картинки в общей семантике интернет-мема, и как именно она функционирует. Чем больше доминирует изображение, тем сильнее семантически взаимообусловлены текст и картинка, в результате чего реализуется и более высокая степень семантической спаянности.

5. Заключение [Conclusion]

Проведённое теоретическое исследование позволяет заключить, что на современном этапе развития языка интернет-мем можно считать универсальным языковым явлением, возникшим в условиях интернет-коммуникации. Как правило, данный вид мини-ПТ состоит из текста в виде надписи, комментария, высказывания и картинки в количестве не менее одной. Анализ литературных источников позволил определить ин-

тернет-мем как креативный жанр поликодового текста, зачастую включающий юмор, ладинообразно распространяющийся в сети Интернет подобно вирусу высокой контагиозности. Он может быть назван производным геном культуры, который эволюционирует через репликацию, имитацию, мутации и отбор.

Включённые в структуру интернет-мема вербальная и невербальная составляющие, как и во всех других поликодовых текстах, взаимодействуют, образуя смысловое единство.

Семантическая спаянность в интернет-меме заключается в семантических связях между его компонентами, в принципе завися от его структурной спаянности (целостности и связанности). Рассматривая интернет-мем как особый тип поликодового текста, можно различать в нём семантическую спаянность следующих типов: взаимная обусловленность, прямая обусловленность, обратная обусловленность и нулевая обусловленность, которые одновременно раскрывают семантические отношения между текстом и картинкой в интернет-меме и доминирующий компонент в нём, опираясь на степень участия изображения в организации смысла мема. Чем сильнее семантически связаны текст и картинка интернет-мема и чем большую роль играет изображение, тем выше степень семантической спаянности в интернет-меме.

Перспективу исследования составит обработка материала конкретных интернет-мемов, сбалансированных по сферам употребления, с целью определения частотности выявленных типов семантической спаянности и возможного влияния этих типов на привлекательность мема и его «продолжительность жизни».

Библиографический список

- Азиева, 2006 – Азиева С. О. К истории вопроса о классификации фразеологических единиц в английском языке // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2006. Вып. 6. С. 106–109.
- Анисимова, 2003 – Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие. М. : Академия, 2003. 128 с.
- Виноградов, 1977 – Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М., 1977. С. 140–161.
- Ворошилова, 2013 – Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2013. 194 с.
- Головина, 1986 – Головина Л. В. Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Ин-т языкознания РАН. М., 1986. 16 с.
- Ейгер, Юхт, 1974 – Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста : материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. Ч. 1. М., 1974. С. 103–109.
- Карлаварис, 1979 – Карлаварис Б. Иллюстрации в школьных учебниках как средство воспитания учащихся // Проблемы школьного учебника. Вып. 7. М., 1979. С. 208–221.
- Канашина, 2017 а – Канашина С. В. Интернет-мем как поликодовый текст // Языковое бытие человека и этноса. Материалы XIII Березинских чтений (Москва, 15 мая 2017 г.). Вып. 19 / под ред. В. А. Пищальниковой. М. : ИНИОН РАН, 2017. С. 106–112.
- Канашина, 2017 б – Канашина С. В. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. : Гуманитарные науки. 2017. № 28 (277). С. 84–90.
- Ксенофонтова, 2009 – Ксенофонтова И. В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор : сб. ст. / отв. ред. А. С. Каргин. М. : Гос. респ. центр русского фольклора, 2009. С. 285–294.
- Марченко, 2013 – Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука. 2013. № 1. С. 113–115.
- Мигранова, Кромнина, 2015 – Мигранова Л. Ш., Кромнина Е. И. Интернет-мем как особое средство коммуникации // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам :

- материалы третьей междунар. науч.-практ. конф. (Брянск, 5–7 ноября 2015 г.) / под ред. В. С. Артемовой. Брянск : Брянская гос. инженерно-технол. академия, 2015. С. 239–243.
- Михайлов В. А., Михайлов С. В., 2004 – Михайлов В. А., Михайлов С. В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного обществ // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. тр. СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 34–52.
- Нежура, 2012 – Нежура Е. А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2 (12). С. 47–52.
- Пойманова, 1997 – Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Моск. гос. лингв. ун-т. М., 1997. 237 с.
- Сенцова, 2017 – Сенцова В. А. Поликодовые тексты как средство обучения итальянских учащихся русской грамматике (1 сертификационный уровень) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 ; СПбГУ. СПб, 2017. 184 с.
- Скворцова, Петрова, 2021 – Скворцова Д. Е., Петрова Т. Е. Текст, звук, изображение: какие интернет-мемы интересны современным подросткам? // Язык-Музыка-Жест: информационные перекрестки (LMGIC-2021): материалы Междунар. конф., Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2021 года. Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2021. С. 110–111.
- Сонин, 2003 – Сонин А. Г. Общепсихологические и когнитивные механизмы понимания мультимедийных текстов // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 43–56.
- Щурина, 2014 – Щурина Ю. В. Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров // Жанры речи. 2014. № 1 (9). С. 147–153.
- Щурина, 2012 – Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3 : Филология. С. 160–172.
- Celentin, 2007 – Celentin, P. Applicazioni didattiche del video // Vedere per capire e parlare: il testo audiovisivo nella didattica delle lingue / Cardona M. (a cura di). Torino : Utet, 2007. P. 36–37.
- Dawkins, 2006 – Dawkins R. The Selfish Gene. 3d edn. Oxford : Oxford University Press, 2006. 360 p. (1st edn. – 1976).
- Denisova, 2019 – Denisova A. Internet Memes and Society: Social, Cultural, and Political Contexts. New York Press : Routledge, 2019. 203 p.
- Lonnberg et al., 2020 – Lonnberg A., Xiao P., Wolfinger K. The growth, spread, and mutation of internet phenomena: A study of memes // Results in Applied Mathematics. 2020. Vol. 6. Article 100092. <https://doi.org/10.1016/j.rinam.2020.100092>
- Novospasskaya, Zou, 2021 – Novospasskaya N. V., Zou H. The Formation of Polycode Text Theory // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 2. С. 501–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-501-513>
- Saubier, 1978 – Saubier S. Wörter bildlich/Bilder wörtlich // Die Einheit der semiotischen Dimensionen. Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1978. S. 27–94.
- Shifman, 2014 – Shifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge MA: The MIT Press, 2014. 200 p.
- Taecharungroj, Nueangiamnong, 2015 – Taecharungroj V., Nueangiamnong P. Humour 2.0: Styles and Types of Humour and Virality of Memes on Facebook // Journal of Creative Communications. 2015. Vol. 10, Iss. 3. P. 288–302. <https://doi.org/10.1177/0973258615614420>

References

- Azieva, S. O. (2006). K istorii voprosa o klassifikatsii frazeologicheskikh edinits v angliyskom yazyke [Phraseological units in English: The history of classification]. *Vestnik Dagestanskogo gos. un-ta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities], 6, 106–109.
- Anisimova, E. E. (2003). *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreoizovannykh tekstov)* [Text linguistics and cross-cultural communication (Based on creolized texts)] : A coursebook. Moscow : Akademiya Press.
- Vinogradov, V. V. (1977). Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinits v russkom yazyke [The basic types of phraseological units in Russian]. In V. V. Vinogradov, *Leksikologiya i leksikografiya: Izbrannye trudy* [Lexicology and lexicography: Selected papers] (pp. 140–161). Moscow.

- Voroshilova, M. B. (2013). *Politicheskiiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: Keys to interpretation]. Ekaterinburg : Ural State Pedagogical University Press.
- Golovina, L. V. (1986). Vzaimovliyanie ikonicheskikh i verbal'nykh znakov pri smyslovom vospriyatii tekstov [Interaction of iconic and verbal signs while perceiving the meaning of the text] : Author's abstract of PhD in Philological sci. diss ; Institute of Linguistics RAS. Moscow.
- Eyger G. V., Yukht V. L. (1974). K postroeniyu tipologii tekstov [Designing text typology]. *Lingvistika teksta* [Text linguistics] : Conf. Proc. of the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages (Vol. 1, pp. 103–109). Moscow.
- Karlavaris, B. (1979). Illyustratsii v shkol'nykh uchebnikakh kak sredstvo vospitaniya uchashchikhsya [Illustrations in school textbooks as a means of molding learners]. *Problemy shkol'nogo uchebnika* [Challenging issues of school textbook] (Vol. 7, pp. 208–221). Moscow.
- Kanashina, S. V. (2017 a). Internet-mem kak polikodovyy tekst [Internet meme as a multimodal text]. In V. A. Pishchalnikova (Ed.), *Yazykovoie bytie cheloveka i etnosa* [Linguistic existence of human being and ethnos] : *Collection of scholarly papers. Proc. of XIII International Berezin Reading*, Moscow, May 15, 2017 (Vol. 19, pp. 106–112). Moscow : Russian Academy of Sciences.
- Kanashina, S. V. (2017 b). Chto takoe internet-mem? [What is an internet-meme?]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanitarian Sciences], 28 (277), 84–90.
- Ksenofontova, I. V. (2009). Spetsifika kommunikatsii v usloviyakh anonimnosti: memetika, imidzhbordy, trolling [Communication patterns within anonymity: Memetics, image boards, trolling]. In A. S. Kargin (Ed.), *Internet i fol'klor* [Internet and folklore] : *A collection of papers* (pp. 285–294). Moscow : Russian Folklore Center Press.
- Marchenko, N. G. (2013). Internet-mem kak khranilishche kul'turnykh kodov setevogo soobshchestva [Internet-meme like storage of the cultural code of internet-community]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 1, 113–115.
- Migranova, L. Sh., Kromina, E. I. (2015). Internet-mem kak osoboe sredstvo kommunikatsii [Internet meme as a special means of communication]. In V. S. Artemova (Ed.), *Voprosy sovremennoy filologii i problemy metodiki obucheniya yazykam* : *Conf. Proc., Bryansk, November 5–7, 2015* (pp. 239–243). Bryansk : Bryansk State Engineering and Technological Academy Press.
- Mikhaylov, V. A., Mikhaylov, S. V. (2004). Osobennosti razvitiya informatsionno-kommunikativnoy sredy sovremennoogo obshchestva [Development patterns of the information-communication environment in modern society]. *Aktual'nye problemy teorii kommunikatsii* [Current issues of the theory of communication] : A collection of papers (pp. 34–52). St Petersburg : St Petersburg University Press.
- Nezhura, E. A. (2012). Novye tipy kreolizovannykh tekstov v kommunikativnom prostranstve interneta [New types of multi-semiotic texts in the communication space of the Internet]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Theory of Language and Intercultural Communication], 2 (12), 47–52.
- Poymanova, O. B. (1997). Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta [Semantic space of video-verbal text] : PhD in Philological sci. diss. ; Moscow State Linguistic University. Moscow.
- Sentsova, V. A. (2017). *Polikodovyye teksty kak sredstvo obucheniya ital'yanskikh uchashchikhsya russkoy grammatike (I sertifikatsionnyy uroven')* [Polycode texts as a means of teaching Russian grammar for Italian students (Level 1 Certificate)] : PhD in Philological sci. diss. ; St Petersburg State University. St Petersburg.
- Skvortsova, D. E., Petrova, T. E. (2021). Tekst, zvuk, izobrazhenie: kakie internet-memy interesny sovremennym podrostkam? [Text, sound, picture: What memes are interesting to modern teenagers?]. *Yazyk-Muzyka-Zhest: informatsionnye perekrestki* [Language-Music-Gesture: Informational crossroads] (LMGIC-2021) : Proc., St Petersburg, April 19–21, 2021 (pp. 110–111). St Petersburg : Skifiya-print Press.
- Sonin, A. G. (2003). Obshchepsikhologicheskie i kognitivnye mekhanizmy ponimaniya mul'timediynykh tekstov [General psychological and cognitive mechanisms of understanding multimedia texts]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 1, 43–56.

- Shchurina, Yu. V. (2014). Internet-memy v strukture komicheskikh rechevykh zhanrov [Internet memes in the structure of comic speech genres]. *Zhanyr rechi* [Speech Genres], 1–2 (9–10), 147–153.
- Shchurina, Yu. V. (2012). Internet-memy kak fenomen internet-kommunikatsii [Internet meme as a phenomenon of internet communication]. *Nauchnyi dialog. Filologiya* [Scientific Dialogue. Philology], 3, 160–172.
- Celentin, P. (2007). Applicazioni didattiche del video. M. Cardona (a cura di), *Vedere per capire e parlare: il testo audiovisivo nella didattica delle lingue* (R. 36–37). Torino : Utet.
- Dawkins, R. (2006). *The Selfish Gene*. 3d edn. Oxford : Oxford University Press. (1st edn. 1976).
- Denisova, A. (2019). *Internet Memes and Society: Social, Cultural, and Political Contexts*. New York Press : Routledge.
- Lonnberg, A., Xiao, P., Wolfinger, K. (2020). The growth, spread, and mutation of internet phenomena: A study of memes. *Results in Applied Mathematics*, 6. Article 100092. <https://doi.org/10.1016/j.rinam.2020.100092>
- Novospasskaya, N. V., & Zou, H. (2021). The Formation of Polycode Text Theory. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12 (2), 501–513. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-501-513>
- Saubier, S. (1978). *Wörter bildlich/Bilder wörtlich. Die Einheit der semiotischen Dimensionen* (S. 27–94). Tübingen : Gunter Narr Verlag.
- Shifman, L. (2014). *Memes in Digital Culture*. Cambridge MA : The MIT Press.
- Taecharunroj, V., & Nueangjamnong, P. (2015). *Humour 2.0: Styles and Types of Humour and Virality of Memes on Facebook*. *Journal of Creative Communications*, 10 (3), 288–302. <https://doi.org/10.1177/0973258615614420>

Статья поступила в редакцию 14.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 22.02.2023.

The article was submitted 14.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 22.02.2023.

Шиндрова Ксения Вячеславовна
Новосибирский государственный университет
г. Новосибирск, Российская Федерация
ksenia.shindrova@yandex.ru

Шумные переднеязычные согласные фонемы языка меннонитов плотдич

Аннотация

Цель настоящей статьи состоит в выявлении инвентаря шумных переднеязычных фонем в языке меннонитов Plautdietsch, в описании их основных характеристик и особенностей дистрибуции. В Сибири плотдич можно услышать в деревнях, считающихся немецкими: Полевое, Протасово, Редкая Дубрава в Алтайском крае; Солнцевка, Миролубовка, Петровка в Омской области; в Новосибирской области – деревня Неудачино. Плотдич является бесписьменным языком, следовательно, фонетику можно изучать только по звучащей речи. В статье использован материал, собранный от 13 респондентов из д. Неудачино Новосибирской области. Для выделения состава указанных фонем применялся метод дистрибутивного анализа. Фонетические характеристики были идентифицированы методами слухового и акустического анализа. В результате были выделены 10 фонем: шумные переднеязычные смычные – /t/, /t'/, /d/, /d'/, шумные переднеязычные круглощелевые – /s/, /z/, шумные переднеязычные плоскощелевые – /ʃ/, /ʒ/, шумные переднеязычные смычно-щелевые – /tʃ/, /tʃ'.

Ключевые слова: плотдич, язык меннонитов, консонантизм, переднеязычные фонемы, экспериментальная фонетика

© Шиндрова К. В. 2023

Для цитирования: Шиндрова К. В. Шумные переднеязычные согласные фонемы языка меннонитов плотдич // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 191–200. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_191

Ksenia V. Shindrova
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
ksenia.shindrova@yandex.ru

Forelingual obstruents of the Plautdietsch Mennonite language

Abstract

This article aims to identify the inventory of forelingual obstruent phonemes in the Plautdietsch Mennonite language, to describe their distinctive and integral features and distribution patterns. In Siberia, Plautdietsch can be heard in villages considered German: Polevoye, Protasovo, Redkaja Dubrava in the Altai Region; Solntsevka, Mirolyubovka, Petrovka in the Omsk Region; in the Novosibirsk Region – the village Neudachino. Plautdietsch doesn't have written form, therefore, its phonetics can be studied only by addressing oral speech. The paper uses the material obtained from 13 native speakers from Neudachino village, Novosibirsk Region. Distributive analysis was used to distinguish the forelingual phonemes in the consonants inventory. Auditive and acoustic methods were used to examine the phonetic patterns of the consonants. As a result, 10 phonemes were identified: stops – /t/, /t'/, /d/, /d'/; forelingual /s/, /z/ with round constriction; forelingual /ʃ/, /ʒ/ with flat constriction, affricates – /tʃ/, /tʃ'.

Keywords: Plautdietsch, Mennonite language, consonantism, forelingual phonemes, experimental phonetics

© Shindrova K. V. 2023

For citation: Shindrova, K. V. (2023). Shumnye peredneyazychnye soglasnye fonemy yazyka mennonitov plotdich [Forelingual obstruents of the Plautdietsch Mennonite language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 191–200. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_191

1. Введение [Introduction]

Меннониты, носители языка плотдич (Plautdietsch), проживают в странах Северной и Южной Америки, в Европе и России (Западная Сибирь) [Найдич, Либерт, 2020]. В Сибири плотдич можно услышать в деревнях, считающихся немецкими: Полевое, Протасово, Редкая Дубрава в Алтайском крае; Солнцевка, Миролубовка, Петровка в Омской области; в Новосибирской области – деревня Неудачино.

Плотдич рассматривается как особый нижненемецкий диалект [Niewebouer 1998 ; Siemens, 2012], как нижненемецкий диалект [Jedig, 1966 ; Авдеев, 1967 ; Москалюк, 2016]. Условия формирования этого идиома в иноязычной среде за пределами Германии, а также его лингвистическая оригинальность позволяют наделять плотдич статусом самостоятельного языка [Kanaikin, Wall, 1994]. Сложный характер языка меннонитов, представителей особой этно-конфессиональной общности, связан с частой миграцией в поисках места жительства, а также с условиями формирования данного языкового образования. Плотдич следует рассматривать не как нижненемецкий диалект или национальный вариант немецкого языка, а как «дочерний язык» [Либерт, 2010]. Следует особо отметить бесписьменный характер языка плотдич.

Выделяя в языке меннонитов плотдич Новосибирской области согласные фонемы, И. А. Канакин классифицирует их по месту образования следующим образом: губно-губные – /p/, /b/, /m/; губно-зубные – /f/, /v/; переднеязычные – /t/, /d/, /n/, /r/, /l/, /s/, /z/, /ʃ/, /z/; среднеязычные – /tʰ/, /dʰ/, /nʰ/, /j/, /ç/; гуттуральные – /k/, /g/, /x/ – /h/, /χ/, /ŋ/ [Канакин, Wall, 1994]. Данная система является общей для нижненемецкого и голландского языков и характеризуется отсутствием влияния второго сдвига согласных, за исключением некоторых заимствованных слов. В области консонантизма плотдич внимание привлекает широко представленный набор нёбных согласных /tʰ/ – /dʰ/ – /nʰ/ – /j/ – /ç/, исторически возникших, по мнению И. А. Канакина и М. Валл, в результате расщепления велярных согласных [Канакин, Wall, 1994]. Г. Сименс выделяет в языке плотдич следующие согласные фонемы: /b/, /ç/, /x/, /d/, /f/, /g/, /dj/, /h/, /j/, /k/, /tj/, /l/, /lj/, /m/, /n/, /nj/, /b/, /p/, /r/, /s/, /z/, /ʃ/, /z/, /t/, /v/ [Siemens, 2012]. И. А. Канакин выделяет в языке меннонитов плотдич 25 согласных фонем, классифицируя их по месту образования, при этом происхождение палатальных согласных автор связывает с влиянием фризского языка [Цит. по : Либерт, 2018]. Генрих Сименс, выделяя 26 фонем, обращает внимание на то, что палатализация возможна не только под влиянием гласных звуков, но и без их участия. Таким образом, имеются расхождения в составе согласных фонем языка Plautdietsch. Исследование, представленное в данной работе, осуществляется с использованием методов экспериментальной фонетики, в отличие от предыдущих работ, данные которых экспериментально не подтверждались.

Ранее методами экспериментальной фонетики нами были проанализированы лабиальные фонемы языка меннонитов Plautdietsch деревни Неудачино [Либерт, Шиндрова, 2021]. Цель настоящего исследования состоит в уточнении инвентаря переднеязычных фонем в языке меннонитов деревни Неудачино Новосибирской области и определении конститутивно-дифференциальных признаков, структурирующую рассматриваемую подсистему. Поскольку плотдич является бесписьменным языком, его

фонетику можно изучать только по звучащей речи. В связи с этим был проведён акустический эксперимент.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материалы и методы [Material and methods]

М а т е р и а л о м для эксперимента послужили записи, полученные в полевых условиях в деревне Неудачино Татарского района Новосибирской области от 13 носителей языка плотдич в возрасте от 14 до 76 лет. Запись словоформ производилась на диктофон Zoom H4n (данные сохранялись в формате WAV, частота дискретизации – 48 кГц, разрядность – 16 бит, стерео). С помощью программы Audacity звуковой материал был нарезан и подготовлен для использования. Обработка файлов производилась в программе SpeechAnalyzer.

Для реализации поставленной цели были затранскрибированы проверенные с информантами словоформы. Рассматривались согласные звуки во всех возможных позициях в слове. В программе, составленной для анализа фонем, были учтены следующие позиции: [C]V-, [C]CV-, C[C]V-, -VCV-, -[C]C-, -C[C]-, -C[C]C-, -V[C]C, -VC[C], -VC¹ в сочетании с шумными глухими, шумными звонкими переднеязычными согласными, а также позиции внутреннего и внешнего сандхи. Для записи результатов исследования звуки транскрибировались с использованием универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ) [Наделяев, 1980].

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1 Инвентарь переднеязычных согласных фонем [Inventory of forelingual consonant phonemes]

Шумный переднеязычный смычный глухой согласный [t]:

CV-: [t°oɔm] 'башня' ~ [t°oɔem] 'башня', [t°om] 'к', [talɫ] 'тарелка', [tuɔnda] 'десятый', [tuɔn] ~ [t'in] 'десять', [tuɔn] 'зуб', [t°oxta] 'дочь';

[C]C₂V-: [tv°ojda] 'второй', [tv°oi] 'два', [tvɛʃɔn] 'между', [tvalɫ] 'двенадцать', [tventɛɟ] 'двадцать';

[C]C₃V-: [tr°u] ~ [tr°y] 'верный', [traɫɛ] 'встретить';

C₁[C]V-: [ʃt°of] 'пыль', [ʃtɛm] 'голос', [ʃt°ot] 'город', [ʃtuɛɔn] ~ [ʃtɛm] ~ [ʃt'irɛn] 'звезда';

C₁[C]C₃-: [ʃtr°ol] 'луч';

-VCV-: [n°ote] 'влажность', [jit°oa] ~ [jit°o] 'гитара', [jevɛta] 'гроза', [n°utɛɫ] 'игла', [vutaʃt°of] 'водород', [fl°ota] ~ [fl°ota] 'бабочка', [ɟɛta] 'всадник';

-[C]C₂-: [v'itb°uh] 'словарь';

-[C]C₃-: [v'itm°on] ~ [vɛtmo°n] 'вдовец';

-C₁[C]-: [l°ostɛɟ] 'весело', [d°oktɫ] 'врач', [ɟɛɟtɫ] 'судья', [jaxtɛ] 'драться', [axta] 'восьмой', [t°oxta] 'дочь', [vaxtɛ] 'ждать';

-C₃[C]-: [vuɔnta] ~ [vɛnta] 'зима', [zɛnta] 'грешник', [tventɛɟ] 'двадцать';

-[CC]-: [ytt°ole] ~ [t°ule] 'выплатить';

-C₃[C]C₁-: [frɛntʃaft] 'дружба', [t'inthajt] 'детство';

-C₃C₁[C]-: [dɛn'stax] 'вторник';

-C₁C₁[C]-: [b°uxʃtuɛ] ~ [b°uxʃtof] 'буква';

-C₁[C]C₃-: [jestɛ] 'вчера';

-[C]C₁C₃-: [vɛtfr°y] ~ [v'et'fr'y] 'вдова';

-C₃C₁[C]: [darʃt] 'жажда', [v°oɫʃt] 'колбаса', [k°onst] 'искусство';

¹ Группы согласных условно обозначены: C₁ – шумные глухие и шумные звонкие, C₂ – звонкие смычные, C₃ – сонорные. Гласный звук обозначен V. Рассматриваемый в консонантном сочетании звук заключён в [].

-VC₁[C]: [flɛçt] 'возможно', [h°opt] 'главное', [oft] 'горох', [g°ost] 'гость', [fl'ɛçt] 'долг';
 -VC₃[C]: [ɛnd°ɔn't] ~ [ɛnd°ɔun't] 'все равно', [t'inthajt] 'детство', [ʃ°olt] 'вина',
 [k°ɔrt] 'короткий', [h°ojt] 'горячий', [fəʃv'in't] 'испортил';

-VC: [faut] ~ [f°ot] 'бочка', [bet] 'до', [yt] 'из', [bl°out] ~ [bl°out] 'кровь', [m°ɔnat] ~
 [m°ɔn'at] 'месяц', [n°ot] ~ [n°out] 'мокро', [fr'it] 'мир'.

Звук [t] встречается в инициально-превокальной позиции с гласными переднего ряда нижнего подъёма [a] и заднего ряда верхнего и средне-верхнего подъёмов [u, ʊ, o], в интервокальной позиции, в медиально-преконсонантной позиции в сочетании с глухими C₁ [ʃ, s, t], звонкими C₂ [v, b] и малошумными C₃ [m, r], в медиальной постконсонантной позиции в сочетании с глухими C₁ [ʃ, s, t, ç] и малошумными C₃ [n, l, r], в биконсонантных и триконсонантных сочетаниях в начале, середине и конце слова.

Позиция внутреннего сандхи зафиксирована в следующих словоформах: [frɛnt=fajt] 'дружба', [v'it=b°uh] 'словарь', [v'it=m°on] ~ [vet=m°on] 'вдовец', [b°uh=ʃt°uvɛ] ~ [b°uh=ʃt°of] 'буква'. Звук [t] может подвергаться геминации при добавлении аффиксов, например: [yt=t°ole] ~ [t°ule] 'выплатить'.

Звуки [t] и [r], [t] и [v] могут встречаться в одной позиции: [tɛtɛ] 'смотреть'– [rɛtɛ] 'нюхать', [v°uta] 'вода' – [t°uta] 'шланг', но при этом они не заменяют друг друга без изменения семантики слова, следовательно, по правилам выделения фонем Н. С. Трубецкого, данные звуки являются реализациями четырёх разных фонем.

Шумный переднеязычный смычный глухой палатализованный согласный [t']:

CV-: [t'i] 'зверь', [t'°ɔat'ɛf] 'кладбище', [t'en'ʌ] 'дети', [t'en'ʌjɔɛ] 'детские годы, детство', [t'inthajt] 'детство', [t'ije] ~ [t'in] ~ [t'ɪn] 'десять';

[C]C₃V-: [t'nɪpa] 'жук', [t'reis] 'круг', [t'nɔl] 'колени', [t'r'ija] 'воин';

C₁[C]V-: [ʃt'irɛn] ~ [ʃtɪrɛn] ~ [ʃtɛm] 'звезда';

-VCV-: [t'°ɔat'ɛf] 'кладбище', [dat'e] 'крыть', [rɛt°ym] 'богатство', [m'eat'ʌ] ~ [mɛt'ʌ] 'девочка';

-[C]C₁-: [bet'sɛ] 'брюки';

-[C]C₂-: [yt'v°osɛ] 'вырасти';

-C₃[C]-: [val't'e] 'вянуть';

-[C]C₁C₃-: [v'et'fr°y] ~ [vetfr°y] 'вдова';

-V[C]C₁: [krat't] 'аккуратно', [hat's] ~ [hat'] 'ведьма';

-VC₃[C]: [v°ol't] 'облако', [mal't] 'молоко', [r'in't] 'кольцо', [bɛn't] ~ [b'en't] 'скамейка', [f°ol't] 'народ';

-VC: [rɛt'] 'богато', [hat'] ~ [hat's] 'ведьма', [ʃrat'] 'испуг', [jelɛt'] 'счастье', [fat'] 'жир', [ɛndrɛt'] 'впечатление'.

Палатализованный согласный [t'] употребляется в инициально-превокальной позиции с гласными переднего ряда верхнего, средне-верхнего подъёмов (i, ø, e, y), интервокальной и финальной позициях, в препозиции к глухим C₁, звонким согласным C₂, в постпозиции с малошумными согласными C₃, в триконсонантном сочетании в середине слова, в биконсонантных сочетаниях в начале и конце слова: [t'nɪpa] 'жук', [krat't] 'аккуратно', [hat's] 'ведьма'.

Шумный переднеязычный смычный звонкий согласный [d]:

CV-: [dɛçt] 'близко', [den'stax] 'вторник', [d°ona] 'гром', [dua] ~ [d'ea] 'дверь', [detʃsamba] ~ [dɛsemba] 'декабрь', [dat'e] 'крыть', [dax] 'день';

[C]C₃V-: [drɛt'e] 'давить';

-VCV-: [n°oda] 'ближе', [lada] 'кожа', [vada] 'погода', [vada] 'снова', [b'ide] 'просить', [radɛ] 'спасать', [b°ode] 'бутылка';

-[C]C₂-: [idb'erɛ] ~ [idb'e] 'земляника';

-C₃[C]-: [zendax] 'воскресенье', [tuunda] 'десятый', [zendɛ] ~ [zend'je] 'грешить', [tv°ojda] 'второй', [lajda] ~ [l°ojda] ~ [l°ojt] 'к сожалению';

-C₃[C]C₃:- [v'in'dr'°yv] ~ [v'in'dr'°yvε] 'виноград', [endret'] 'впечатление', [zɛnd'je] ~ [zɛndε] 'грешить';

-VC: [id] ~ [it] 'земля'.

Звук [d] зафиксирован в начальной позиции с гласными переднего ряда средне-нижнего и нижнего подъёмов [ε], [a] и заднего ряда верхнего и средне-верхнего подъёмов [ш], [o], в интервокальной и финальной позициях, в препозиции к звонким C₂ согласным [b], в постпозиции к малозумным согласным C₃ [j], [n], в биконсонантном инициальном сочетании с малозумным [r], в триконсонантных сочетаниях в медиальной позиции с пре- и постпозитивными малозумными согласными.

Корректность выделения звуков [d] и [z] в самостоятельные фонемы /d/ и /z/ подтверждает наличие полных квазиомонимов [dax] 'день' – [zah] 'вещь'.

Шумный переднеязычный смычный звонкий палатализованный согласный [d']:

CV-: [d'°yf] 'голубь', [d'°øt] 'шляпа';

-VCV-: [lɛd'e] 'лежать', [pɛd'e] ~ [pr'id'Λ] ~ [pr'id'ja] 'проповедник';

-[C]C₃:- [pr'id'ja] ~ [pɛd'ə] ~ [pr'id'Λ] 'проповедник';

-C₃[C]:- [ɛnd'°øn't] ~ [ɛnd'øun't] 'все равно';

-C₃[C]C₃:- [zɛnd'je] ~ [zɛndε] 'грешить';

-VC: [ʃn'ed'] 'улитка', [mɛd'] 'комар', [trɛd'] 'назад'.

Палатализованный согласный [d'] употребляется в начальной позиции с гласным переднего ряда верхнего подъёма [y] и средне-верхнего подъёма [ø], в интервокальной и финальной позициях, а также в постпозиции с малозумным согласным C₃ [n] и в триконсонантном сочетании в медиальной позиции с пре- и постконсонантными малозумными согласными ([zɛnd'je] 'грешить').

Наличие необусловленной позиционно-комбинаторными условиями палатализации в медиальной и финальной позициях в словах [pr'id'ja] 'проповедник', [ʃn'ed'] 'улитка', [mɛd'] 'комар', [trɛd'] 'назад') свидетельствует о том, что звуки [d] и [d'] являются реализациями разных фонем /d/ и /d'/.

Корректность выделения фонем /t/ и /d'/ подтверждает наличие следующих квазиомонимов: [mɛt] 'середина' – [mɛd'] 'комар'.

Проведённый дистрибутивный анализ свидетельствует о том, что звуки [t] и [d] нельзя квалифицировать как факультативные оттенки одной фонемы.

Финальный звук [t] при словообразовании и словоизменении, оказавшись в интервокальной или преконсонантной позиции, не заменяется на звук [d]: [r'ot] 'крыса' – [r'outε] 'крысы'. Следовательно, звуки [t] и [d] не являются позиционно-комбинаторными оттенками фонем /t/ и /d/. Однако в некоторых случаях замена осуществляется: [r'ot] 'колесо' – [r'ida] 'колёса', в результате чего происходит чередование фонем.

Поскольку звуки [t] и [d'] могут встречаться в одинаковых позициях (CV-, -VCV-, -VC: [t'°ys] ~ [t'°ys'] 'дóма' – [d'°yf] 'голубь', [ret'] 'богато' – [ʃn'ed'] 'улитка') дифференцируя слова, они находятся в отношении контрастной дистрибуции, а признак палатализации для них будет дифференциальным, следовательно, мы имеем дело с разными фонемами – /t/ и /d'/.

Шумный переднеязычный щелевой глухой согласный [s]:

-VCV-: [yt'v'°osε] 'вырасти';

-[C]C₁:- [l'°ostεç] 'весело';

-[C]C₁C₃:- [jestɛ] 'вчера';

-C₃[C]C₁:- [den'stax] 'вторник';

-V[C]C₁: [g'ost] 'гость', [oust] 'куст', [f'°yst] ~ [f'°ys't] 'кулак';

-C₃[C]C₁: [k'°onst] 'искусство';

-VC: [h'°us] ~ [h'°ys'] 'дом', [zɛn'l'°øus] 'бессмысленно', [kl'°os] 'класс', [t'°ys] ~ [t'°ys'] 'дóма', [bl'°os] 'бледный'.

Звук [s] зафиксирован в интервокальной позиции, медиально-преконсонантной позиции в комбинации с глухими C₁, в финальной позиции. В биконсонантном сочетании в конце слова звук [s] употребляется с шумным [t] ([g°ost] 'гость', [oust] 'куст'). Звук [s] в медиальном триконсонантном сочетании употребляется с постпозитивным шумным [t] и малошумным [r] ([jestre] 'вчера'), в финальной позиции – с препозитивным малошумным [n] и шумным [t] слова ([k°onst] 'искусство').

Шумный переднеязычный щелевой глухой палатализованный согласный [s']

-VCV-: [is'ic] 'ледяной';

-C₁[C]-: [bl°ot's'e] 'бумажка';

-V[C]C₁: [f°ys't] ~ [f°yst] 'кулак';

-VC: [ʃ°opl'°ø's] ~ [ʃ°upl'°ø's] 'бессонно', [halpl'°ø's] 'беспомощно', [bɛv'is'] ~ [bɛv'iz'e] 'доказательство', [bl°os'] ~ [bl°os] 'бледный', [t°ys'] ~ [t°ys] 'дома', [is'] 'лёд', [h'ys'] 'дом'.

Палатализованный звук [s'] употребляется в интервокальной, преконсонантной и постконсонантной позициях с согласным C₁ и в финальной позиции. Зафиксировано использование звука в биконсонантном сочетании с шумным [t] в конце слова ([f°ys't] ~ [f°yst] 'кулак').

В одинаковых позициях в слове (-VCV-, -VCC, -VC) происходит варьирование аллофонов фонем /s/ и /s'/: [yt'v°osɛ] 'вырасти' – [is'ic] 'ледяной', [bl°os] 'бледный' – [h'ys'] 'дом' – замена одного звука на другой приводит к изменению семантики слова. Встречаясь в одинаковых позициях в слове, звуки [s] и [s'] находятся в отношениях контрастирующей дистрибуции и являются вариантами фонемы /s/.

Звуки [s] и [s'] не встретились в инициальной позиции. Как и в немецком литературном языке, в инициальной позиции может находиться только звонкий согласный [z], а щелевой глухой согласный [s] в препозиции к -t и -p преобразуется в сочетания [ʃt-], [ʃp-].

Шумный переднеязычный щелевой звонкий согласный [z]:

CV-: [z°or'] ~ [z°or'je] 'забота', [z°ol'] ~ [z°ojl'] 'душа', [zent] 'грех', [zɛnta] 'грешник', [zendax] 'воскресенье', [zajne] ~ [zɛnɛ] 'видеть', [zɛnɛ] 'быть', [zenl'°Ius] 'бессмысленно', [zanz] 'коса', [zɛu] 'она', [zak] 'мешок', [zok] 'носок';

-VCV-: [jezatʃs] ~ [jezetʃs] 'закон';

-C₃[C]-: [k'inzəl] 'росток', [ʃtɛlzɛnɛ] 'молчать';

-VC₃[C]: [zanz] 'коса'.

Звук [z] используется в инициально-превокальной позиции с гласными переднего ряда средне-нижнего и нижнего подъёмов [ɛ], [a] и заднего ряда средне-верхнего подъёма [o], в интервокальной позиции, в постпозиции с малошумными согласными C₃ [n], в биконсонантном сочетании в конце слова с преконсонантным малошумным [n].

Шумный переднеязычный щелевой звонкий палатализованный согласный [z']:

CV-: [z'ejnɛ] 'благословить';

-VCV-: [bɛv'iz'e] ~ [bɛv'is'] 'доказательство'.

Палатализованный звук [z'] зафиксирован в инициальной позиции с гласным переднего ряда средне-верхнего подъёма [e] и в интервокальной позиции.

В одинаковых позициях в слове (CV-, -VCV-) происходит чередование звуков [z] и [z'], при этом непалатализованный звук встречается с гласными переднего ряда средне-нижнего и нижнего подъёмов [ɛ], [a] и гласными заднего ряда верхнего и средне-верхнего подъёма [o], а палатализованный – с гласными переднего ряда средне-верхнего подъёма [e].

Дистрибутивный анализ приведенных выше словоформ свидетельствует о том, что звуки [s] ([s']) и [z] ([z']) нельзя квалифицировать как факультативные оттенки одной фонемы /s/. Финальный звук [s'] при словообразовании и словоизменении, оказавшись в интервокальной или преконсонантной позиции не заменяется на звук [z]: [is'] 'лёд' –

[is'ic] 'ледяной'. Следовательно, звуки [s], [s'] и [z], [z'] не являются позиционно-комбинаторными оттенками фонемы /s/. Однако в некоторых случаях замена палатализованных звуков [z'] и [s'] осуществляется: [bɛv'iz'e] ~ [bɛv'is'] 'доказательство', что свидетельствует о чередовании фонем.

Сравнение квазиомонимов [zɛu] 'она'– [hɛu] 'она' позволяет считать звуки [z] и [h] реализациями самостоятельных фонем /z/ и /h/.

Шумный переднеязычный плоскощелевой глухой согласный [ʃ]:

CV-: [ʃin'] 'амбар', [ʃou] ~ [ʃeu] ~ [ʃɛ] 'ботинок', [ʃif] 'тарелка';

[C]C₁V-: [ʃp°outs] 'воробей', [ʃtuɛŋ] ~ [ʃtɛm] ~ [ʃt'irɛn] 'звезда', [ʃtɛlzɛŋ] 'молчать', [ʃp'ɪl] 'игра', [ʃp'ɪjɛl] 'зеркало';

[C]C₂V-: [ʃvɛnt] 'быстро', [ʃvamɛ] 'плавать';

[C]C₃V-: [ʃl°ot] ~ [ʃl°øut] 'замок', [ʃrat'] 'испуг', [ʃl°opl'°øst'] ~ [ʃl°upl'°øst'] 'бессонно', [ʃn°oups] 'водка/шнапс', [ʃl°okɛ] 'глотать', [ʃr'ijɛ] ~ [ʃr'ie] 'кричать', [ʃn'ide] 'резать', [ʃmɛt] 'кузнец';

-VCV-: [mɛʃɛ] 'мешать', [ʃ°oʃɛ] ~ [t'°øʃ] 'вишня';

-C₁[C]C₁-: [b°uhʃt°uvɛ] ~ [b°uhʃt°of] 'буква';

-C₃C₁[C]-: [frɛntʃaft] 'дружба';

-V[C]C: [n°oʃt] ~ [n°uʃt] 'ничего', [ondaʃt] 'иначе';

-VC₃[C]: [v°onʃ] ~ [vɛnʃ] 'желание';

-C₃[C]C₁: [darʃt] 'жажда', [v°oʃt] 'колбаса';

-VC: [t'°oʃ] ~ [ʃ°oʃɛ] 'вишня', [v°oʃ] 'белье', [oʃ] 'пепел', [ɛn'l'eʃ] 'английский'.

Звук [ʃ] используется в инициальной позиции с гласными переднего ряда верхнего, средне-верхнего и средне-нижнего подъёмов [i], [ø], [ɛ], в интервокальной и финальной позициях. Зафиксированы биконсонантные ([n°uʃt] 'ничего', [ondaʃt] 'иначе') и триконсонантные ([darʃt] 'жажда', [v°oʃt] 'колбаса') сочетания в начале, середине и конце слова. Яркой особенностью языка Plautdietsch является инициальное биконсонантное сочетание [ʃp-], как и в литературном немецком, в отличие от типичного для нижненемецких диалектов [sp-] (плотдич: [ʃp'ɪl] 'игра', [ʃp'ɪjɛl] 'зеркало', баварский диалект: [ʃbiagl] 'зеркало').

Шумный переднеязычный плоскощелевой звонкий согласный [ʒ]:

-VCV-: [r°uzə] 'шуметь', [br°uzə] 'бушевать';

-VC: [ʒiəz] 'просо'.

Звонкий согласный [ʒ] используется только в интервокальной и финальной позициях. При определённых обстоятельствах глухой спирант /ʃ/ озвончается до /ʒ/, который является функционально слабым и встречается только в нескольких словах, представленных выше, а также в польских и русских заимствованиях [Kanakin, Wall, 1994].

Анализ дистрибуции звуков [ʃ] и [ʒ] свидетельствует о том, что звук [ʃ], оказавшись перед гласным, не заменяется звуком [ʒ]: [t'°øʃ] ~ [ʃ°oʃɛ] 'вишня', что позволяет квалифицировать эти звуки как реализации разных фонем.

Шумная переднеязычная глухая шипящая аффриката [tʃ]:

CV-: [tʃoʃɛ] ~ [t'°øʃ] 'вишня';

-VC: [pɛtʃ] 'кнут'.

Звук [tʃ] используется в инициальной позиции с гласным заднего ряда средне-верхнего подъёма (o) и в финальной позиции.

Шумная переднеязычная глухая свистящая аффриката [ts]:

CV-: [tsɛtɛŋ] ~ [tsɛit°uŋ] 'газета', [tsadɛl] 'бумажка', [tsɛpɛl] 'лук', [tsart] 'нежно';

-VCV-: [jitsɛ] ~ [jitsic] 'жадничать', [dɛtsamba] ~ [dɛtsɛmba] 'декабрь', [flɛtsɛp°oʃ] 'велосипед', [blɛtsɛ] 'блестеть';

-C₃[C]-: [bejtsɛ] 'брюки';

-VC: [ʃp°ots] 'воробей', [blɛts] 'молния', [jesats] 'закон', [mɛts] 'шапка', [m°oats] 'март', [pɫ°ots] 'место', [vɛts] 'шутка'.

Звук [ts] встречается в тех же позициях, что и звук [tʃ], а также в интервокальной и постконсонантной с согласными типа C₃ ([bɛjʃtɕ] 'брюки').

Поскольку звуки [tʃ] и [ts], употребляющиеся в одних и тех же позициях, не могут замещать друг друга, не влияя на семантику словоформы, что даёт основание рассматривать их на основании 1-го правила выделения фонем Н. С. Трубецкого как разновидности двух отдельных фонем.

В ходе исследования в языке плотдич было зафиксировано три типа палатализации:

- 1) мотивированная палатализация,
- 2) чередование палатализованного и непалатализованного согласного в зависимости от ряда и подъема гласного,
- 3) немотивированная палатализация.

Однако выявленная система палатализации является неполной и несимметричной. Палатализованные пары встретились у язычных согласных, но не везде они были развиты. Это может быть связано с историческим фонетическим изменением, в результате которого на некоторые пары повлияли другие согласные, которые вызвали немотивированную палатализацию.

Т а б л и ц а 1. Сводная таблица дистрибуции шумных переднеязычных
[T a b l e 1. Summary table of forelingual obstruents distribution]

Звук	Позиция										
	CV-	CCV-	-VCV-	-[C] ₁ C ₁ -	-[C] ₂ C ₂ -	-[C] ₃ C ₃ -	-C ₁ [C]-	-C ₃ [C]-	-[CC]-	-[CCC]-	-VC
t	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+
t'	+	+	+	+	+	-	-	+	-	+	+
d	+	+	+	-	+	-	-	+	-	+	+
d'	+	-	+	-	-	-	-	+	-	+	+
s	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	+
s'	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+
z	+	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-
z'	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
ʃ	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+
ʒ	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+
tʃ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
ts	+	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+

В результате проведённого анализа устанавливается следующий инвентарь переднеязычных фонем в языке меннонитов плотдич Новосибирской области: /t/, /t'/, /d/, /d'/, /s/, /z/, /ʃ/, /ʒ/, /tʃ/, /ts/.

3. Заключение [Conclusion]

По результатам дистрибутивного анализа с учётом позиционно-комбинаторных условий и по правилам выделения фонем Н. С. Трубецкого [Трубецкой, 1960] в языке плотдич было зафиксировано 10 переднеязычных фонем /t/, /t'/, /d/, /d'/, /s/, /z/, /ʃ/, /ʒ/, /tʃ/, /ts/.

Проведённое исследование позволяет дать следующее определение рассматриваемым фонемам:

Фонема /t/ (t°, t) – согласная переднеязычная смычная глухая.

Фонема /t'/ (t'°) – согласная переднеязычная смычная палатализованная глухая.

Фонема /d/ – согласная переднеязычная смычная (реализующаяся в звонких и оглушённых оттенках).

Фонема /d'/ – согласная переднеязычная смычная палатализованная (реализующаяся в звонких и оглушённых оттенках).

Фонема /s/ – согласная переднеязычная щелевая глухая.

Фонема /z/ – согласная переднеязычная щелевая звонкая (реализующаяся в звонких и оглушённых оттенках).

Фонема /ʃ/ – согласная переднеязычная плоскощелевая глухая.

Фонема /z/ – согласная переднеязычная плоскощелевая звонкая.

Фонема /tʃ/ – согласная переднеязычная смычно-щелевая глухая.

Фонема /tʂ/ – согласная переднеязычная смычно-щелевая глухая.

Выявленная палатализация, присутствующая в языке плотдич и отличающая его от других германских языков, делится на три типа: мотивированная, зависимая от ряда и подъёма гласного (приводящая к чередованию фонем) и немотивированная.

Библиографический список

- Авдеев, 1967 – Авдеев И. Е. Фонетическая система нижненемецкого говора Алтайского края в ее историческом развитии // *Германские языки* / отв. ред. В. Я. Плоткин. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное изд-во, 1967. С. 84–118.
- Либерт, 2010 – Либерт Е. А. К вопросу о статусе некоторых языков в западногерманской языковой подгруппе (африкаанс, идиш, плотдич) // *Сибирский филологический журнал*. 2010. № 3. С. 186–190.
- Либерт, 2018 – Либерт Е. А. Фризский след в Сибири // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2018. № 2 (36). С. 13–19. <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2018-1-13-19>
- Либерт, Шиндрова, 2021 – Либерт Е. А., Шиндрова К. В. Консонантизм языка немцев-меннонитов Plautdietsch Сибири: к проблеме выделения лабиальных фонем // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2021. № 1 (41). С. 95–106. <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2021-1-95-106>
- Москалюк, 2016 – Москалюк Л. И. Нижненемецкие говоры в Алтайском крае // *Филология и человек*. 2016. № 1. С. 41–50.
- Наделяев, 1980 – Наделяев В. М. Артикуляционная классификация гласных // *Фонетические исследования по сибирским языкам*. Новосибирск : Типография ГПНТБ СО АН СССР, 1980. С. 3–91.
- Найдич, Либерт, 2020 – Найдич Л. Э., Либерт Е. А. Об изучении диалектов крымских меннонитских поселений (по материалам архива В. М. Жирмунского) // *Вестник НГУ. Сер. : История, филология*. 2020. Т. 19, № 2. С. 26–39. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-2-26-39>
- Трубецкой, 1960 – Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М : Изд-во иностранной литературы, 1960. 372 с.
- Jedig, 1966 – Jedig H. Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai-Gebites. Berlin : Akademie-Verlag, 1966. 106 S.
- Kanakin, Wall 1994 – Kanakin I., Wall M. Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994. 58 S.
- Nieuweboer, 1998 – Nieuweboer R. The Altai Dialect of Plautdietsch (West-Siberian Low German). Rijksuniversiteit : Groningen, 1998. 380 p.
- Siemens, 2012 – Siemens H. Plautdietsch. Bonn : Tweeverlag, 2012. 268 S.

References

- Avdeev, I. E. (1967). *Foneticheskaya sistema nizhnenemetskogo govora Altayskogo kraya v ee istoricheskom razviti* [Phonetic system of Low German dialect of Altai region in its historical development]. In V. Ya. Plotkin (Ed.), *Germanskije yazyki* [Germanic languages] (pp. 84–118). Novosibirsk : Zapadno-Sibirskoe Press. (In Russ.).
- Liebert, E. A. (2010). K voprosu o statusе nekotorykh yazykov v zapadnogermanskoj yazykovoy podgrupe (afrikaans, idish, plotdich) [The languages, Yiddish and Plautdietsch among other Germanic languages]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 3, 186–190. (In Russ.).
- Liebert, E. A. (2018). Frizskiy sled v Sibiri [Frisian mark in Siberia]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2 (36), 13–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2018-1-13-19>
- Libert, E. A., Shandrova, K. V. (2021). Konsonantizm yazyka nemtsev-mennonitov Plautdietsch Sibiri: k probleme vydeleniya labial'nykh fonem [Consonantism of Plautdietsch, the language of the German Mennonites of Siberia: The problem of identifying labial phonemes]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 1 (41), 95–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2021-1-95-106>
- Moskalyuk, L. I. (2016). Nizhnenemeckie govory v Altayskom krae [Insular Low German Dialects in Altai Region]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Human], 1, 40–51. (In Russ.).
- Nadelyayev, V. M. (1980). Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh [Articulatory classification of the vowels]. *Foneticheskiye issledovaniya po sibirskim yazykam* [Phonetic studies in Siberian languages] (pp. 3–91). Novosibirsk : Soviet Union Academy Press. (In Russ.).
- Naiditch, L. E., Liebert, E. A. (2020). Ob izuchenii dialektov krymskikh mennonitskikh poseleniy (po materialam arhiva V. M. Zhirmunskogo) [Notes on the dialects of the Crimean Mennonite Settlements (Based on the V. M. Zhirmunsky's archives)]. *Vestnik NSU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2 (19), 26–39. (in Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-2-26-39>
- Trubetskoy, N. S. (1960). *Osnovy fonologii* [Principles of phonology]. Moscow : Inostrannaya literatura Press. (In Russ.).
- Jedig, H. (1966). *Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai-Gebites*. Berlin : Akademieverlag.
- Kanakin, I., Wall, M. (1994). *Das Plautdietsch in Westsibirien*. Groningen.
- Nieuweboer, R. (1998). *The Altai Dialect of Plautdietsch (West-Siberian Low German)*. Rijksuniversiteit : Groningen.
- Siemens, H. (2012). *Plautdietsch*. Bonn : Tweeverlag.

Шуйская Татьяна Викторовна✉, Макарова Инна Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
T.Shuiskaya@mail.ru

Лингвистические особенности питча как средства развития критического мышления

Аннотация

Процессы создания и восприятия питча как средства развития критического мышления представляют немалый интерес для лингвистических исследований. Данная статья посвящена лексическим, морфологическим и синтаксическим особенностям научных питчей, составленных аспирантами Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). Материалом для исследования послужили две формы питча: питч, адресованный профессиональной аудитории химиков, и питч, представленный слушателям-неспециалистам в области химии. Предпринятый анализ указывает на то, что в обоих видах питчей использована общепотребительная лексика, общенаучные слова и термины. Выявлено, что доля терминов в питче для специалистов составляет 9% от общего числа слов, в то время как для непрофессионалов эта доля в три раза меньше – 3%. При этом питч, адресованный профессиональной аудитории, содержит большее количество слов в целом. Структурно питчи не отличаются и включают в себя такие компоненты, как вступление, определение цели исследования и предполагаемые результаты. Среди частей речи наиболее частотными оказались существительные и глаголы. Синтаксический уровень был организован как простыми, так и сложными предложениями. Перцептивный анализ свидетельствует об особой значимости фонетического уровня для понимания сути питча.

Ключевые слова: язык, критическое мышление, питч, лингвистический анализ, перцептивная оценка

© Шуйская Т. В., Макарова И. С. 2023

Для цитирования: Шуйская Т. В., Макарова И. С. Лингвистические особенности питча как средства развития критического мышления // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 201–209. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_201

Tatiana V. Shuiskaya✉, Inna S. Makarova
Saint-Petersburg State Institute of Technology
Saint Petersburg, Russian Federation
T.Shuiskaya@mail.ru

Linguistic peculiarities of pitch as a means of developing critical thinking

Abstract

The processes of creating and perceiving pitch as a means of developing critical thinking represent certain interest in terms of linguistic research. The current paper aims to study lexical, morphological and syntactic patterns of scientific pitches made by PhD students of Saint-Petersburg State Institute of Technology (Technical University). Two kinds of pitch were chosen as the material for this study: the one addressed to specialists in the field of Chemistry and the other performed for non-specialists in the field. The results show that in both kinds of pitch common words, science vocabulary and terms are used. The percentage of terms in pitches for specialists was 9%, while for non-specialists it was thrice smaller – 3%. Notably, the pitch addressed to specialists contained

a bigger number of words in general. Structurally both pitches were similar and included such components as introduction, aim of research and preliminary findings. The most frequently used parts of speech were nouns and verbs. The syntactic level was represented by both simple and complex sentences. The perceptive analysis demonstrated the importance of the phonetic level for understanding the message of pitch.

Keywords: language, critical thinking, pitch, linguistic analysis, perceptual grading

© Shuiskaya T. V., Makarova I. S. 2023

For citation: Shuiskaya, T. V., Makarova, I. S. (2023). Lingvisticheskie osobennosti pitcha kak sredstva razvitiya kriticheskogo myshleniya [Linguistic peculiarities of pitch as a means of developing critical thinking]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 201–209. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_201

1. Введение [Introduction]

Мышление человека и его связь с языком давно интересовали учёных. Ещё Аристотель утверждал, что язык – это средство для выражения мысли. Согласно другому мнению, именно язык играет важную роль в формировании мышления, восприятия окружающей среды, определяя мировоззрение [Sapir, 1924 ; Whorf, 1941].

Взаимосвязь языка и мышления не оспаривается, однако не следует забывать, что эти понятия принадлежат к разным категориям. Так, Л. С. Выготский отмечал, что язык и мысль имеют различное происхождение. Они тесно связываются тогда, когда ребёнок приходит к пониманию, что у каждого предмета есть название [Выготский, 1999, с. 16].

Важно принять во внимание, что при изучении иностранного языка не происходит прямой ассоциативной цепочки – мысль→образ→слово. Возникает более сложная конструкция – мысль→образ→слово на родном языке и лишь затем слово на иностранном языке. Безусловно, изучение иностранного языка невозможно без мыслительной деятельности, однако задачи обучающегося не могут сводиться исключительно к запоминанию информации. От современного учёного требуется умение мыслить критически, используя иностранный язык. Задачей преподавателя, в свою очередь, является обучение иностранному языку в единстве с мышлением, а не только обучение формам языка.

В зарубежной литературе первенство толкования критического мышления единогласно отдано Дж. Дьюи. Сам термин не был введён учёным, однако именно его идея о рефлексивном мышлении лежит в основе теории критического мышления. В своём труде Дж. Дьюи размышляет о составляющих рефлексивной мыслительной деятельности, для которой необходимо сомнение в решении проблемы, а также поиск подтверждающих или опровергающих некую идею фактов [Дьюи, 1997, с. 50].

Рассуждения Дж. Дьюи были поддержаны и вскоре получили развитие в кругах зарубежных исследователей: Э. Глейзера, Р. Энниса, Р. Пола, М. Мейсена и др. Каждый внёс новый компонент в содержание понятия критического мышления. Так, Э. Глейзер определил совокупность необходимых навыков и умений критического мышления, в которую вошли умение найти проблему и пути её решения, умение анализировать информацию, делать выводы, а также подвергать информацию сомнению [Glaser, 1972]. Согласно мнению автора, навыки и умения должны быть сформированы наряду с привычкой быть готовым к их использованию. Р. Эннис и Р. Пол отметили ценность моральной составляющей критического мышления, поскольку важно не только уметь мыслить, но и делать это этично [Ennis, 1996 ; Paul, 1990]. Таким образом, понятие критического мышления получило детальную разработку в западных исследованиях.

Следует отметить, что и отечественные исследователи уделяли должное внимание вопросам критического мышления [Выготский, 1999]. Однако среди работ, по-

священных истории возникновения понятия критического мышления, отсутствуют ссылки на работы отечественных авторов. Приблизительно в одно время с Дж. Дьюи на важность критического мышления обратил внимание отечественный педагог, философ и психолог, П. П. Блонский. Он отмечал, что к чужим словам необходимо относиться с критикой и стараться их проверять. При этом подобное отношение у обучаемого должно быть ко всему, включая семью и школу [Блонский, 1916, с. 110].

Идеи П. П. Блонского, к сожалению, не получили должного внимания среди отечественных учёных того времени, поскольку школа являлась орудием идеологии, и подобные идеи автора оказались не только не нужны, но и считались опасными. В этой связи становится очевидным, что для развития соответствующих идей и разработки техник критического мышления необходим определённый уровень развития социума. Критическое мышление представляет собой сложную интеллектуальную деятельность, направленную на решение конкретной когнитивной задачи.

В ходе развития комплекса умений и навыков критического мышления на занятиях по иностранному языку наибольшей результативности удаётся добиться, практикуя такой вид работы, как питч (ускоренная презентация проекта).

Питч как вид речевой деятельности в последнее десятилетие успел зарекомендовать себя во многих ведущих высших учебных заведениях России как один из наиболее востребованных и популярных форматов проведения научных дебатов среди молодых учёных, коими и являются учащиеся аспирантуры. В немалой степени это обусловлено широко распространённым форматом, известным под названием «научный слэм», иначе именуемый *science battle*. В рамках такого рода мероприятия его участникам предлагается за максимально короткое время увлечь свою аудиторию разрабатываемой темой.

Исследователи изучают различные аспекты питча. Одни уделяют внимание структуре питча. Как отмечает Мартин Сурджу, «питчу недостаточно быть просто информативным. Он также должен вовлекать и вдохновлять. Чтобы добиться желаемого эффекта, питч должен соединять в себе разговор, историю и умение продавать» [Soorjoo, 2012].

Другие обращают внимание на ошибки, которые являются наиболее типичными и препятствуют гармоничному восприятию речи и успеху её автора. На официальном сайте Южного Нью-Гэмпширского университета представлен перечень, включающий в себя такие пункты, как клише, жаргон и личная информация [Southern New Hampshire University, 2022].

Джейсон Уитни, ведущий специалист центра трудоустройства SNHU, утверждает, что в процессе питча большое значение приобретает язык тела и вкладываемые эмоции. В частности, ему принадлежат следующие слова: «Питч – это не только то, что вы говорите, это еще и та энергия, с которой вы обращаетесь к своей аудитории» [Southern New Hampshire University, 2022].

Немаловажные советы начинающим ораторам даны на сайте Центра письма Университета Нотр Дам – среди них наибольший интерес вызывает рекомендация осуществить своего рода рефлекссию по итогам репетиции будущей речи, задавая себе ряд вопросов, среди которых можно выделить два основных: «были ли мне заданы те вопросы, которых я ожидал» и «оставался ли я включённым в речь в процессе её произнесения» [Busl, Capdevielle, 2012].

Проанализировав работы, посвящённые питчу, можно заключить, что сам формат питча, заимствованный из бизнес-сферы, где он используется спикером с целью заключения сделки с клиентом-адресатом презентации, обладает рядом характеристик, и важнейшей среди них является минимальное количество слов, при помощи которых до аудитории эффективно доносится ключевая информация.

Лингвисты обратились к изучению питча сравнительно недавно. Исследования проведены в рамках анализа стратегии информирования на материале телевизионных шоу [Красильникова, 2021], был также изучен коммуникативно-прагматический аспект питча как текста бизнес-PR [Балахонская, 2022].

Очевидно, что язык питча зависит от темы сообщения, цели спикера, его уровня владения языком, а также уровня подготовленности аудитории. При этом комплексных исследований, направленных на выявление чисто языковых особенностей питча, до сих пор не проводилось.

Настоящая работа ставит целью выявить лингвистические особенности текстов научных питчей, направленных на аудиторию с разным уровнем подготовки.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для данного исследования послужили тексты питчей, составленные аспирантами второго года обучения Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). В эксперименте приняли участие 12 аспирантов в возрасте от 22 до 24 лет, проводящие исследования по направлениям подготовки «Химическая технология» и «Химические науки».

Как показывает опыт, реализация питча требует существенной предварительной подготовки, в которую прежде всего входит погружение учащихся в соответствующий контекст. Первым этапом работы в этой связи явилось знакомство аспирантов с форматом и предъявляемыми к нему критериями. Второй шаг состоял в изучении советов экспертов и опытных участников, делающих акцент на наиболее важных особенностях успешного питча. И, наконец, третий этап представлял собой просмотр некоторого количества видео, которые наглядно демонстрируют практическую реализацию формата. Третий этап был проведён в двух частях: непосредственно просмотр и его последующее обсуждение с позиции следования имеющимся критериям, а также с точки зрения оценки сильных и слабых сторон спикера.

Таким образом, после предварительной подготовки каждому аспиранту было предложено составить по два питча: один – для аудитории с профессиональной подготовкой по их теме исследования, а второй – для аудитории без специальных знаний в этой области.

Гипотеза исследования состояла в том, что питч для профессионально подготовленной аудитории будет содержать термины и узкоспециализированную лексику, в то время как в питч для неподготовленной аудитории не будут включены термины и лексика, требующая специальной подготовки.

Полученный материал был подвергнут лингвистическому анализу, направленному на выявление особенностей текста на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Кроме того, был проведён перцептивный эксперимент, в ходе которого были выявлены особенности восприятия питча профессиональной аудиторией и неспециалистами. Аудиторией профессионалов выступили сами аспиранты (12 человек). Непрофессиональными аудиторами были два преподавателя английского языка, не имеющие специального химического образования.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Лингвистические особенности питча [Linguistic features of the pitch]

Каждый питч включал краткое представление аспиранта, изложение цели и предполагаемых результатов исследования.

Лексический уровень. Лексику анализируемых текстов можно разделить на три группы:

- 1) общеупотребительные слова: *name, student, company, weight, use* и др.;
- 2) общенаучные слова: *research, experiment, lab, properties, equipment* и др.;
- 3) термины: *welding technology, cellular structures, honeycomb structures, monoclonal antibodies* и др.

Анализируемые питчи были разного уровня сложности. Ряд питчей содержал только общеупотребительные и общенаучные слова. Другие питчи включали термины. Аспиранты не всегда давали толкование терминов даже в питче для непрофессионалов. Количество терминов в питче для специалистов составило 9% от общего количества слов, в то время как в упрощённом питче – 3 %.

Морфологический уровень. Тексты питчей для профессиональной аудитории (питч 1) больше по количеству слов, чем для непрофессионалов (питч 2). Количество знаменательных слов варьировало от 72 до 104. Тексты для неподготовленной аудитории оказались короче – от 50 до 62 знаменательных слов. В таблице 1 представлено среднее количество слов различных частей речи в двух питчах в текстах 12 аспирантов. Герундий – безличная форма глагола, сочетающая признаки существительного и глагола, а также причастие – неличная форма глагола, обладающая свойствами глагола, наречия и прилагательного рассматривались отдельно.

Т а б л и ц а 1. Соотношение частей речи в двух питчах
[T a b l e 1. The ratio of parts of speech in two pitches]

	Части речи	Питч 1	Питч 2
1	Существительное	38	22
2	Глагол Причастие Герундий	13 8 2	12 4 0
3	Прилагательное	18	9
4	Наречие	4	2
5	Местоимение	3	4
6	Числительное	2	3

По данным таблицы видно, что среди всех частей речи больше всего использовались существительные. Употребление понятий, терминов и их объяснение требует использование именно этой части речи. Кроме того, аспиранты активно использовали номинализацию (опредмечивание действий и процессов, их выражение посредством отглагольных существительных). Например, *an increase, a development, a creation, a research, a measurement* и др.

Второй по встречаемости частью речи оказался глагол. Глаголы были употреблены в формах настоящего (*Traditional engines **have** hundreds of parts, while optimized version **has** seventeen parts... I **help** engineers and designers to develop more efficient solutions...*) и будущего времён (*Mechanical and corrosion resistance **will increase**. My method **will help** to produce highly purified monoclonal antibodies...*). Глаголы в прошедшем времени в питчах не использовались. Иногда встречались модальные глаголы *can, should*. Часто, как и свойственно научному стилю, глаголы были использованы в пассивном залоге (*The welding process **can be supplemented** with a low-intensity ultrasonic field generator... The rubber resistance in aggressive environments **was assessed** by the amount of swelling...*).

Причастия встречались двух типов – первое и второе – в функции определения (*the experiment carried out is..., absorbing elements, obtained materials*). Причастие в функции обстоятельства не использовалось. Герундий встречался только в питчах для профессиональной аудитории.

Прилагательные использовались для описания характеристик явлений и процессов (*genetic optimization, polymeric materials*). В заключительной части питча аспиранты иногда использовали сравнительную степень прилагательного (*safer, cheaper, faster*). Прилагательные в превосходной степени не встретились.

Выявлено небольшое количество наречий, местоимений и числительных. Несмотря на то, что научный стиль подразумевает «обезличивание», согласно структуре и характеру питча аспиранты представляются и используют местоимения (*My name is Aleskei M..., I am a PhD student at StPSTU. My project is entitled: "Study of mechanical properties of additively manufactured cellular structures..." My solution is...*).

Синтаксический уровень. Синтаксическая структура текстов питчей оказалась неоднородна. Встретились простые предложения (*Traditional engines have hundreds of parts., My name is Vladislav S...*). Вместе с тем использовались сложные предложения с союзами, указывающими на связь явлений (*My solution is based on topological optimization, which is modification of geometry of construction to improve mechanical properties, and simultaneously decrease weight and complexity*). Все предложения в питче были утвердительными, восклицательных и вопросительных предложений не отмечено. По совету эксперта из видео в подготовительной части все аспиранты использовали структуру – *I help X to... by... (I help oil companies to increase the durability of welds by implementing low-intensity ultrasound welding technology; I help engineers and designers to develop more efficient solutions by developing new techniques of topological optimization)*. Логичность изложения материала поддерживалась использованием дискурсивных маркеров – отдельных слов и словосочетаний: *that is why, so, as a consequence, as a result, it can be attributed to* и др.

2.2.2. Перцептивный анализ питчей [*Perceptual analysis of pitches*]

После составления питчей аспирантам было предложено прочитать свой питч на занятии. Другие аспиранты выступали экспертами, которые должны были оценить понятность питча по пятибальной шкале, где 5 – всё понятно, 4 – почти всё понятно, 3 – многое непонятно, 2 – ничего не понятно. Питчи, составленные для профессиональной аудитории, получили максимальное количество баллов в шести случаях. Четыре питча были оценены на 4 балла. Несмотря на общее базовое образование в области химии, аспиранты отмечали непонимание ряда узкоспециализированных понятий и терминов (*topological optimization, ultrasonic field generator, second kind criteria*). Один питч был оценён на 3 балла. В ходе обсуждения низкой оценки данного питча аспиранты отметили проблемы на фонетическом уровне. Сама тематика исследования была понятна по ключевым словам питча (*oil, rubber, materials*). Однако ввиду низкой языковой подготовки аспирант неправильно произносил многие слова, что мешало корректному пониманию его речи.

Без предварительной подготовки в области химической промышленности и даже просто без знания химических процессов создаётся весьма общее представление о проводимом исследовании, без понимания его особенностей. Оценка питчей, составленных для непрофессиональной аудитории, осуществлялась двумя преподавателями английского языка, сотрудниками кафедры иностранных языков СПбГТИ (ТУ). Два питча получили 5 баллов. В одном из них отсутствовали термины – аспирант использовал только общенаучную лексику. Во втором случае термин был объяснён (*...designers have developed a technique called topological optimization. This involves changing the geometry*

of the construction to improve its mechanical properties, while also reducing its weight and complexity). Девять питчей получили 4 балла. В них непонятные словосочетания, значение которых ясно только специалисту, не объяснялись (*honeycomb structures, optimization time, heuristic tables*). Один питч получил 2 балла. Его автор – тот же спикер, который получил наименьшее число баллов среди аудиторов-аспирантов. Питч оказался непонятным из-за отклонений от произносительной нормы английского языка, нарушений в произношении отдельных звуков, неправильной постановки ударения, а также множества грамматических ошибок. Важно отметить, что при прочтении данного питча оказалось, что он был одним из самых понятных для неспециалиста, так как в нём практически отсутствовали термины.

3. Заключение [Conclusion]

Лингвистический анализ научных питчей позволил сделать ряд выводов. Во-первых, тексты питчей содержат общеупотребительные, общенаучные слова и термины. Исходная гипотеза эксперимента подтвердилась лишь отчасти. Действительно, питчи для профессиональной аудитории содержат больше терминов и узкоспециализированной лексики. Однако и в питчах для неспециалистов встречались термины, значение которых никак не объяснялось. Данный факт требует детального разбора текстов питчей с аспирантами, чтобы обратить их внимание на корректное составление питча.

Во-вторых, наиболее частотной частью речи в текстах двух питчей было имя существительное. Глагол часто использовался в текстах в различных видовременных формах, за исключением прошедшего времени. Числительных оказалось меньше всего, что объясняется спецификой содержания научных исследований.

В-третьих, синтаксис анализируемых питчей организован простыми и сложными повествовательными предложениями. Отсутствуют вопросы и восклицания. За счет лексических средств обеспечивается логичность повествования.

Наконец, перцептивная оценка текстов показала схожую (в целом высокую) оценку питчей, ориентированных на специалистов и непрофессионалов, самими специалистами и непрофессионалами. Это свидетельствует о правильном составлении питчей аспирантами. Низкие баллы были связаны с нарушениями на фонетическом уровне организации текста – большое количество произносительных ошибок привело к плохому пониманию питча.

Проведённое лингвистическое исследование научного питча открывает перспективу дальнейшей работы. Дополнить его могут данные, полученные в ходе лингвистического анализа питчей носителей английского языка с образованием в области химии. Особый интерес представляет фонетическое исследование текстов. По слуховым впечатлениям, питчи для непрофессиональной аудитории произносились аспирантами медленнее, с акцентами на ключевых словах. Очевидно, что слуховые наблюдения нуждаются в дальнейшем инструментальном анализе. Кроме того, весьма любопытными могут оказаться данные, которые можно получить в ходе лингвистического исследования других форм развития критического мышления.

Библиографический список

- Балахонская, 2021 – Балахонская Л. В. Питч как текст бизнес-PR: коммуникативно-прагматический аспект // Медиалингвистика, 2021. Т. 8. № 3. С. 273–286.
- Блонский, 1961 – Блонский П. П. Избранные педагогические произведения. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 696 с.
- Выготский, 1999 – Выготский Л. С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М. : Изд-во Лабиринт, 1999. 352 с.

- Дьюи, 1997 – Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. М.: Изд-во Совершенство, 1997. 208 с.
- Красильникова, Кузьминых, 2021 – Красильникова Н. В., Кузьминых Ж. О. Стратегия информирования как центральная коммуникативная стратегия персуазивного речевого воздействия в жанре предпринимательского питча (на материале телевизионных шоу Dragon`s Den и Shark Tank // Балтийский гуманитарный журнал, 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 269–274.
- Busl, Capdevielle, 2012 – Busl G., Capdevielle M. The elevator pitch: Presenting your research in conversation. 2012 URL : https://graduateschool.nd.edu/assets/76988/elevator_pitch_8_28_2012.pdf (дата обращения : 11.11.2022).
- Ennis, 1996 – Ennis R. H. Critical thinking. Upper Saddle River, NJ : Prentice Hall, 1996. 222 p.
- Glaser, 1972 – Glaser E. M. An experiment in the development of critical Thinking. AMS Press, 1972. 212 p.
- Mason, 2008 – Mason M. Critical thinking and learning. Singapore : Blackwell Publishing, 2008. 134 p.
- Paul, 2006 – Paul R., Elder L. Critical thinking : Tools for taking charge of your learning and your life. Upper Saddle River, NJ : Pearson Prentice Hall, 2006. 436 p.
- Sapir, 1924 – Sapir E. The grammarian and his language // The American Mercury. 1924. N 1. P. 149–155.
- Soorjoo, 2012 – Soorjoo M. Here's the pitch: How to pitch your business to anyone, get funded, and win clients. 2012. URL : <https://www.audible.co.uk/pd/Heres-the-Pitch-Audiobook/1663709319> (дата обращения : 10.11.2022).
- Southern New Hampshire University, 2022 – Southern New Hampshire University. 2022. URL : <https://www.snhu.edu/about-us/newsroom/career/elevator-pitch-examples> (дата обращения : 10.11.2022).
- Whorf, 1941 – Whorf B. L. The relation of habitual thought and behavior to language // Language, culture and personality. Essays in memory of Edward Sapir / L. Spier, A. I. Hallowell, S. S. Newman (Eds). Wisconsin : Sapir Memorial Publication Fund, 1941. P. 75–93.

References

- Balakhonskaya, L. V. (2021). Pitch kak tekst biznes-PR: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt [Pitch as a business PR-Text: Communicative and pragmatic aspect]. *Medialingvistika* [Media linguistics], 3, 273–286. (In Russ.).
- Blonskiy, P. P. (1961). *Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya* [Selected pedagogical works]. Moscow : Akad. ped. science RSFSR Press. (In Russ.).
- Vygotsky, L. S. (1999). *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow : Labirint Press. (In Russ.).
- Dewey, J. (1997) *Psihologiya i pedagogika myshleniya* [Psychology and pedagogy of thinking]. Moscow : Sovershenstvo Press. (In Russ.).
- Krasilnikova, N. V., Kuzminykh, Zh. O. (2021). Strategiya informirovaniya kak central'naya kommunikativnaya strategiya persuzivnogo rechevogo vozdeystviya v zhanre predprinimatel'skogo pitcha (na materiale televizionnyh shou Dragon`s Den i Shark Tank [Information strategy as the leading communication strategy of persuasive speech impact in the genre of entrepreneurial pitch (Based on the materials of Dragon`s Den and Shark Tank television shows)]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 4 (37), 269–274. (In Russ.).
- Busl, G., Capdevielle, M. (2012). *The Elevator Pitch: Presenting your research in conversation*. Retrieved November 11, 2022 from <https://graduateschool.nd.edu/assets/76988/elevator_pitch_8_28_2012.pdf>.
- Ennis, R. H. (1996). *Critical thinking*. Upper Saddle River, NJ : Prentice Hall.
- Glaser, E. M. (1942). *An experiment in the development of critical thinking*. AMS Press.
- Mason, M. (2008). *Critical thinking and learning*. Singapore : Blackwell Publishing.
- Paul, R. (1990). *Critical thinking: What every person needs to survive in a rapidly changing world*. Rohnert Park, CA : Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State Univ.
- Paul, R., Elder, L. (2006). *Critical thinking: Tools for taking charge of your learning and your life*. Upper Saddle River, NJ : Pearson Prentice Hall.
- Sapir, E. (1924). *The grammarian and his language*. The American Mercury, 1, 149–155.

- Soorjoo, M. (2012). *Here's the pitch: How to pitch your business to anyone, get funded, and win clients*. Retrieved November 10, 2022 from <<https://www.audible.co.uk/pd/Heres-the-Pitch-Audiobook/1663709319>>.
- Southern New Hampshire University. (2022). Retrieved November 10, 2022 from <<https://www.snhu.edu/about-us/newsroom/career/elevator-pitch-examples>>.
- Whorf, B. L. (1941). The relation of habitual thought and behavior to language. In L. Spier, A. I. Hallowell, S.S. Newman (Eds), *Language, culture and personality*. Essays in memory of Edward Sapir (pp. 75–93). Wisconsin : Sapir Memorial Publication Fund.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 03.02.2023; принята к публикации 17.02.2023.
The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 03.02.2023; accepted for publication 17.02.2023

Наши авторы

- Аврутина Аполлинария Сергеевна*, д-р филол. наук, доцент, проф. кафедры теории и методики преподавания языков и культуры Азии и Африки, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: a.avrutina@spbu.ru
- Арекеева Юлия Евгеньевна*, <https://orcid.org/0000-0003-2016-745X>, ст. преподаватель кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики Ин-та языка и литературы Удмуртского гос. ун-та, г. Ижевск, Российская Федерация, email: izh4yu@gmail.com
- Денисьева Марина Владимировна*, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Задобрицкая Оксана Федоровна*, канд. филол. наук, доцент кафедры германских языков и методики их преподавания, Рыбницкий филиал Приднестровского гос. ун-та им. Т. Г. Шевченко, г. Рыбница, Приднестровье, email: kesh25@list.ru
- Иванашко Юлия Петровна*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia-80@mail.ru
- Ищенко Ирина Геннадьевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: iirinagen@mail.ru
- Лебедев Леонид Владимирович*, аспирант, преподаватель Российского ун-та дружбы народов, Российской академии нар. хозяйства и гос. службы при Президенте РФ, email: leoneedlebedev@gmail.com
- Макарова Инна Сергеевна*, д-р филол. наук, доцент, проф. кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского гос. технол. ин-та (технического ун-та), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: inna-makarova@mail.ru
- Мамонова Наталья Васильевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры делового иностранного языка Челябинского гос. ун-та, г. Челябинск, Российская Федерация, email: natalya-mamonoval@rambler.ru
- Процукович Елена Александровна*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru
- Сечко Юрий Сергеевич*, магистрант кафедры перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: mr.srchko@list.ru
- Ступина Екатерина Сергеевна*, канд. филол. наук, ст. преподаватель Нижегородского гос. лингвистич. ун-та им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, email: stupina.ek@mail.ru
- Сюткина Надежда Павловна*, <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: nad975@yandex.ru
- Тананайко Светлана Олеговна*, канд. филол. наук, доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургской гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: stananaiko@mail.ru
- Тейкин Михаил Спартакович*, аспирант Северо-Восточного гос. ун-та, г. Магадан, Российская Федерация, email: teikinms@mail.ru
- Тимофеева Мария Кирилловна*, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Ин-та математики им. С. Л. Соболева СО РАН, Ин-та филологии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация, email: mtimof@inbox.ru
- Хамдаше Абдулменем*, старший преподаватель английского языка Отделения педагогики Ливанского международного университета, г. Триполи, Ливан, email: abdulmenem.hamdache@liu.edu.lb
- Чертыхова Мария Дмитриевна*, д-р филол. наук, ведущий науч. сотрудник Ин-та гуманитар. исслед. и саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация, email: chertikova@yandex.ru
- Чжан Тун*, аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: Acezhangtong@mail.ru
- Шиндрова Ксения Вячеславовна*, магистр, Новосибирский гос. ун-т, г. Новосибирск, email: ksenia.shindrova@yandex.ru
- Шишкин Валерий Андреевич*, магистрант Восточного факультета Санкт-Петербургского гос. ун-та, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: 553valera@gmail.com
- Шуйская Татьяна Викторовна*, <https://orcid.org/0000-0002-8540-8333>, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского гос. технологич. ин-та (технич. ун-та), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: T.Shuiskaya@mail.ru

Our authors

- Apollinaria S. Avrutina*, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Methods of Teaching Languages and Cultures of Asia and Africa, Director of the Center for Research on Modern Turkey and Russian-Turkish Relations, St Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation, email: a.avrutina@spbu.ru
- Iuliia E. Arekeeva*, <https://orcid.org/0000-0003-2016-745X> Senior lecturer at the Department of Romance Philology, Second Foreign Language and Linguodidactics, Institute of Language and Literature, Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, email: izh4yu@gmail.com
- Marina V. Denisieva*, independent researcher, St Petersburg, Russian Federation
- Oxana F. Zadobrivskaia*, Associate Professor, Department of the Germanic Languages and Methods of Their Teaching, Rybnitsa branch of the Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko, Rybnitsa, Pridnestrovie, email: kasha25@list.ru
- Yulia P. Ivanashko*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: polia-80@mail.ru
- Irina G. Ishchenko*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: iirinagen@mail.ru
- Leonid V. Lebedev*, PhD student, teacher, Peoples' Friendship University of Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, email: leoneedlebedev@gmail.com
- Inna S. Makarova*, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, St Petersburg State Institute of Technology (Technical University), St Petersburg, Russian Federation, email: inna-makarova@mail.ru
- Natalya V. Mamonova*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Business Foreign Language, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: natalya-mamonova@rambler.ru
- Elena A. Protsukovich*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru
- Yuriy S. Sechko*, Master student, Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: mr.srchko@list.ru
- Ekaterina S. Stupina*, PhD in Philology, senior teacher, Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, email: stupina.ek@mail.ru
- Nadezhda P. Syutkina*, <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: nad975@yande.ru
- Svetlana O. Tananaiko*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Phonetics and Methodology of Teaching Foreign Languages, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, email: stananaiko@mail.ru
- Mikhail (Michael) S. Teikin*, PhD student, North-Eastern State University, Magadan, Russian Federation, email: teikin-ms@mail.ru
- Mariya K. Timofeeva*, Doctor of Philology, Leading researcher, Sobolev Institute of mathematics SB RAS, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation, email: mtimof@inbox.ru
- Abdulmenem Hamdache*, English Lecturer, School of Education, Lebanese International University, Tripoli, Lebanon, email: abdulmenem.hamdache@liu.edu.lb
- Maria D. Chertykova*, Doctor of Philology, senior researcher, Institute for Humanitarian Researches and Altay-Sayan Turkic Studies, Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russian Federation, email: chertikova@yandex.ru
- Zhang Tong*, PhD student, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of its Teaching, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, email: Acezhangtong@mail.ru
- Ksenia V. Shindrova*, Master of Philology, Novosibirsk State University, Novosibirsk, email: ksenia.shindrova@yandex.ru
- Valerii A. Shishkin*, graduate student, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, email: 553valera@gmail.com
- Tatiana V. Shuiskaya*, <https://orcid.org/0000-0002-8540-8333>, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, St Petersburg State Institute of Technology, St Petersburg, Russian Federation, email: T.Shuiskaya@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Аврутина А. С., Шишкин В. А.</i>	Строчные синтаксические особенности агглютинативных языков (на материале японского и турецкого языков)	5
<i>Арекеева Ю. Е.</i>	Бинарная оппозиция «свой – чужой» в китайском художественном дискурсе (на материале чэньюй)	21
<i>Задобривская О. Ф.</i>	Географическая дистрибуция ментефактов-вместилищ в английском языке	36
<i>Иценко И. Г., Сечко Ю. С.</i>	Вербальная агрессия в англоязычном деловом дискурсе (на примере фильма «Glengarry Glen Ross»)	50
<i>Лебедев Л. В.</i>	Восприятие и передача колоративной лексики при переводе в условиях художественного и искусственного билингвизма (на материале романов В. Набокова)	61
<i>Мамонова Н. В.</i>	Антропонимическое портретирование российской и глобальной идентичности	75
<i>Процукович Е. А., Иванашко Ю. П.</i>	Частотность лексических единиц в общественно-политической коммуникации	87
<i>Ступина Е. С.</i>	Культурные коды сленгизмов	99
<i>Сюткина Н. П.</i>	Механизмы интенсификации в категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации	108
<i>Тананайко С. О., Денисьева М. В.</i>	Перцептивные характеристики звука [š':] в русском языке	117
<i>Тейкин М. С.</i>	Ономастический статус этнонимов и вопрос их передачи с прописной буквы	126
<i>Тимофеева М. К.</i>	Междисциплинарный сопоставительный словарь терминов	143
<i>Хамдаше А.</i>	Перевод арабских идиом на английский язык с помощью онлайн приложений: контрастивное корпусное исследование	159
<i>Чертыкова М. Д.</i>	Тюркско-монгольские лексические параллели в соматической сфере	169
<i>Чжан Т.</i>	О семантической спаянности в интернет-мемах	180
<i>Шиндрова К. В.</i>	Шумные переднеязычные согласные фонемы языка меннонитов плотдич	191
<i>Шуйская Т. В., Макарова И. С.</i>	Лингвистические особенности питча как средства развития критического мышления	201
Наши авторы		210

CONTENTS

Original Papers

<i>Avrutina A. S., Shishkin V. A.</i>	Structural syntactic patterns of agglutinative languages (Based on Japanese and Turkish)	5
<i>Arekeeva Iu. E.</i>	Binary opposition «friend – foe» in Chinese fiction (Based on chengyu)	21
<i>Zadobrivskaia O. F.</i>	Geographical distribution of mentefacts-containers in English	36
<i>Ishchenko I. G., Sechko Yu. S.</i>	Verbal aggression in English-language business discourse (Based on the film «Glengarry Glen Ross»)	50
<i>Lebedev L. V.</i>	Perception and transmission of colour words in translation within natural and artificial bilingualism (Based on V. Nabokov's novels)	61
<i>Mamonova N. V.</i>	Anthroponymic portraiture of Russian and global identity	75
<i>Protsukovich E. A., Ivanashko Yu. P.</i>	Lexemes frequency in socio-political communication	87
<i>Stupina E. S.</i>	Cultural codes of slang	99
<i>Syutkina N. P.</i>	Mechanisms of intensification in the categorical situation of cause of emotional modification	108
<i>Tananaiko S. O., Denisieva M. V.</i>	Perceptual features of the sound [š':] in Russian	117
<i>Teikin M. S.</i>	The propriality of ethnonyms and the problem of their capitalisation	126
<i>Timofeeva M. K.</i>	Interdisciplinary contrastive-comparative terminological dictionary	143
<i>Hamdache A.</i>	Contrastive study of Arabic and English idioms and pragmatic accuracy of online translation applications	159
<i>Chertykova M. D.</i>	Turkic-Mongolian lexical parallels in the somatic sphere	169
<i>Zhang T.</i>	On semantic cohesion in Internet memes	180
<i>Shindrova K. V.</i>	Forelingual obstruents of the Plautdietsch Mennonite language	191
<i>Shuiskaya T. V., Makarova I. S.</i>	Linguistic peculiarities of pitch as a means of developing critical thinking	201
Our authors		210

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 9, No 1, 2023.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 06.03.2023. Подписано к печати 03.03.2023. Дата выхода в свет 30.03.2023.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 25,11. Тираж 1000. Заказ 232. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.